

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

*Андрей Молчанов,
Григорий Морозов*
Северная Русь

Дмитрий Кондратов
Есть ли будущее у евро?

Олег Смолин
Религиозное просвещение?

Ольга Карбасова
Стратегия информационного
давления на Иран

Александр Репников
Размышления
о консерватизме

Арсений Замостьянов
Он подарил нам
слово «Родина»

Ярослав Никифоров
Модернизация в
социологическом
дискурсе Н. Г. Чернышевского

Алексей Харин
Эволюционные модели
государства постмодерна

Юрий Галенович
Мао Цзэдун, Дэн Сяопин
и «холодная война»

Эмиль Дабагян
Аргентина: зигзаги
политического развития

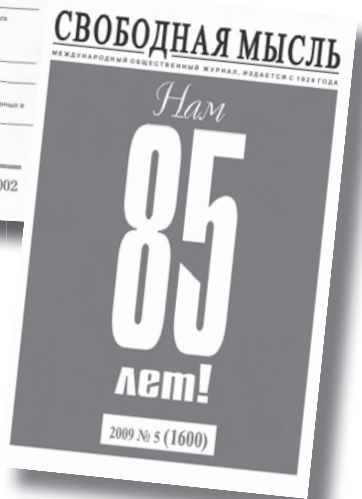
Борис Мартынов
Бразилия в формате БРИКС

Олег Арин
Разум и совесть

а также рецензии и обзоры
*Михаила Смирнова, Александра Лигостаева,
Ивана Задорожнюка, Александра Сулимина,
Олега Аурова, Григория Гринбаума,
Петра Александрова-Деркаченко,
Андрея Майданского*

Издается с 1924 года

2012
№ 11/12 (1636)



Продолжается подписка на журнал «Свободная Мысль» на 2013 год!

Подписка производится во всех отделениях связи и оформляется с любого месяца. Узнать стоимость подписки в вашем регионе и оформить подписку вы можете по каталогу Агентства «РОСПЕЧАТЬ» в местном отделении связи. Также подписку на журнал «Свободная Мысль» вы можете оформить у наших партнеров — в агентствах «Урал-Пресс XXI», «Артос-ГАЛ» и «Интер-почта». Подписку в странах дальнего зарубежья можно оформить через агентства «МК-периодика» и «Ист Вью Информейшнс Сервисес». В компании «Ист Вью Информейшнс Сервисес» вы также можете оформить подписку на электронную версию нашего журнала.

Подписной индекс издания — 79255

Напоминаем также, что все подписчики журнала «Свободная Мысль» смогут получать книжное приложение к журналу **БЕСПЛАТНО!**



БОЛЬШЕВИК

№ 31 ИЮЛЬ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Политика — Общественный форум	8	Гурвич, Х. — Проблемы индустриальной революции и задачи в период восстановления	47
В. А. Лавров — Советский Союз и мир	11	Т. В. Руднев — Советский Союз и мир	51
С. В. Давыдов — Советский Союз и мир	12	Ю. В. Давыдов — Советский Союз и мир	52
В. В. Давыдов — Советский Союз и мир	13	Ю. В. Давыдов — Советский Союз и мир	53
В. В. Давыдов — Советский Союз и мир	14	Ю. В. Давыдов — Советский Союз и мир	54
В. В. Давыдов — Советский Союз и мир	15	Ю. В. Давыдов — Советский Союз и мир	55

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. БУХАРИНА
И. ВАРДИНА
Л. КАМЕНЕВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ

КОММУНИСТ

ВНОМЕРЕ:

Заветы Д. И. Еремина и вопросы корреспондента Лавина
Углублен учебе на новом этапе
Большое богатство партии народа
Исключительные проблемы десятой пятилетки
Задачи коммунистов ГДР
Библия и библиография

АВГУСТ
1976

1

1986

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2012
№ 11/12 (1636)

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение главного редактора..... 5

RES PUBLICA

ОБЩЕЕ ДЕЛО, ГОСУДАРСТВО, РЕСПУБЛИКА

Олег Смолин

Религиозное просвещение? 7

25 сентября 2012 года Государственная Дума РФ приняла инициированное и поддержанное всеми фракциями заявление о защите религиозных чувств граждан Российской Федерации. На очереди проект федерального закона, посвященного «защите религиозных убеждений и чувств». Пока второй документ еще не вступил в силу, обратимся к первому.

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Борис Мартынов

Бразилия в формате БРИКС..... 19

Федеративная Республика Бразилия — страна с четкими и детально проработанными внешнеполитическими интересами. Бразильская дипломатия вполне обоснованно считается одной из наиболее опытных и авторитетных на южноамериканском политическом пространстве.

Ольга Карбасова

Стратегия информационного давления на Иран... 29

Уже в течение многих лет Иран является мишенью для международного давления, связанного с его программой обогащения урана и сочетающего два основных метода — дипломатические меры и экономические санкции. При этом официальной целью как международной дипломатии, так и экономического давления является принуждение Ирана отказаться от своих попыток выйти на 20-процентный уровень обогащения урана.

Эмиль Дабагян

Аргентина: зигзаги политического развития..... 37

30 лет назад в Аргентине пал военный режим, продержавшийся с 1976 года. Возвращение армии в казармы знаменовало переход к восстановлению демократических порядков. Вновь обрела силу Конституция 1853 года, получили возможность вернуться к привычной деятельности две ведущие партии — Гражданский радикальный союз (ГРС), созданный в конце XIX века, и Хустисиалистская партия, образованная в середине прошлого столетия президентом Х. Д. Пероном.

Главный редактор —
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

Издатель — ООО «Политиздат».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич

(главный редактор)

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Петр Петрович

(зам. главного редактора)

АНТИПОВ Алексей Иванович

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович

СИБИРЯКОВ Никита Николаевич

СМИРНОВ Михаил Александрович

СМОЛИН Олег Николаевич

ШЕЯНОВ Вячеслав Владимирович

Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924—1952) и «Коммунист» (1952—1991). С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная Мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-24420 выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 4 мая 2006 года.

Адрес редакции: 105064, Москва, Яковлевопостольский пер., д. 6, стр. 3.

Тел. / Факс: (495) 917-8178.

E- mail: svobodnaya_mysl@mail.ru

Журнал отпечатан в ООО «Издательско-полиграфическая фирма «Тарт»».

Адрес типографии: 105082 Москва, М. Почтовая ул., д. 12.

Тираж 2000 экз. Заказ № .

Группа подготовки номера:

Б. А. Азаров, П. П. Александров-Деркаченко, О. В. Ауров, В. Г. Бушуев, М. Г. Делягин, А. А. Лебедева, А. Н. Немов, Е. Б. Пшеницына.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СМОЛИН

Олег Николаевич —
председатель редакционного
совета, д. ф. н., первый
заместитель председателя
Комитета Государственной
Думы по образованию, президент
общества «Знание» России,
член-корреспондент РАО

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Петр Петрович —
заместитель председателя
редакционного совета,
председатель Русского
исторического общества

АННИНСКИЙ

Лев Александрович —
литературный критик, писатель,
публицист

АНЬ ЦИНЯНЬ

профессор Китайского
народного университета

АРБАТОВ

Алексей Георгиевич —
д. и. н., руководитель
Центра международной
безопасности ИМЭМО РАН,
член-корреспондент РАН

БАУМАН Зигмунт

— почетный профессор
Университета г. Лидса
(Великобритания)

ВАЛЛЕРСТАЙН Иммануэль

— профессор Йельского университета
(США)

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич —
д. э. н., заместитель генерального
секретаря ЕвразЭС, академик РАН

ДЕЛЯГИН

Михаил Геннадьевич — д. э. н.,
директор Института проблем
глобализации, почетный профессор
Цзилиньского университета
(Китай), профессор-исследователь
МГИМО(У), академик РАЕН

ЖУКОВ

Александр Дмитриевич —
заместитель Председателя
Правительства России
(в личном качестве)

ИНОЗЕМЦЕВ

Владислав Леонидович —
д. э. н., директор Центра
исследований постиндустриального
общества, руководитель
исполнительной дирекции
Мирового политического форума

TERRA INCOGNITA

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Андрей Молчанов, Григорий Морозов

Северная Русь 51

В VIII веке по берегам рек — торговых путей — сложилось обширное полиэтническое объединение под названием «Северная Русь». Сегодня Ленинградская область — неотъемлемая часть России, ее оплот на северо-западных рубежах — уверенно смотрит в будущее.

MODUS VIVENDI

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Олег Арин

Разум и совесть 61

На протяжении как минимум семи тысяч лет, прошедших с момента появления письменности, не утихают споры о том, что такое хорошо и что такое плохо, что истинно, а что ложно. Философы продолжают дискутировать о том, что первично: материя или дух, экономисты и политологи — экономика или политика, социологи — что справедливо, что нет и т. д. Все это вечные вопросы, на которые нет однозначных ответов.

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Дмитрий Кондратов

Есть ли будущее у евро? 75

Управляющий Банка Франции К. Нуайе охарактеризовал Европу как «экстраординарное предприятие» в истории человечества, в рамках которого за 50 лет существования были достигнуты невиданное взаимодействие и взаимозависимость стран-участниц.

Алексей Харин

Эволюционные модели государства

постмодерна 91

Процессы глобализации, становление информационного общества или постмодерна стремительно меняют картину мира. Формирующееся единое мировое экономическое, политическое, миграционное и т. п. пространство ведет, помимо прочего, и к эволюции института государства, его видов и типов.

Александр Репников

Размышления о консерватизме 103

В начале XXI века мы опять стоим перед «вечным» вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных принципов, что напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы «традиция и модернизация». Русский консерватизм, конечно, не является единственным спасением от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону «правых» и «левых» крайностей.

DICTUM ET FACTUM

СЛОВО И ДЕЛО

Ярослав Никифоров

Модернизация в социологическом

дискурсе Н. Г. Чернышевского..... 117

Одной из самых значимых фигур русской общественной мысли 60-х годов XIX века, без сомнения, был и остается Н. Г. Чернышевский. Трудно переоценить влияние, оказанное им на последующие поколения мыслителей.

ARS LONGA

ИСКУССТВО ВЕЧНО

Арсений Замостьянов

Он подарил нам слово «Родина» 123

Поэта Гаврилу Романовича Державина Россия не забудет. Он — в хрестоматиях и учебниках. Впечатляет, восхищает, словно какой-нибудь дворец в пригороде Петербурга. Мы видим его в ансамбле новгородского памятника Тысячелетней России и петербургского памятника Екатерине Великой.

PRO MEMORIA

ДЛЯ ПАМЯТИ

Юрий Галенович

Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и «холодная война» 129

Сегодня есть возможность заново, освободившись от власти эмоций, попытаться осмыслить те события, уже ставшие достоянием истории. Одним из значимых сюжетов этой истории остается позиция Китая времен «холодной войны». И начать следует с характеристики особенностей восприятия категорий войны и мира в этой стране.

AD LITTERAM

БУКВАЛЬНО

Ab imperio?..... 139

Валерий Соловей

Русские против империи..... 141

MARGINALIA

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Михаил Смирнов

«Бабский бунт» и неприкосновенность

собственности..... 157

Честно сказать, я не хотел публично высказываться на тему вопиющего случая, происшедшего в храме Христа Спасителя 21 февраля этого года. Конечно, обсуждал его в узком кругу друзей и знакомых, с которыми сходил в понимании сути происшедшего, и считал, что суд также оценит этот случай сообразно его сути. И вот теперь публично высказаться меня побуждает недоумение.

КАПУСТИН

Борис Гурьевич —
д. ф. н., профессор Йельского
университета (США)

КАРПОВ

Сергей Павлович —
д. и. н., декан исторического
факультета МГУ им.
М. В. Ломоносова, член-
корреспондент РАН

КОЭН Стивен

—
профессор Нью-Йоркского
университета, почетный
профессор Принстонского
университета (США)

КРОТОВ

Михаил Иосифович —
д. э. н., профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета

КБЕЗА Джульетто

—
президент ассоциации
MegaCity (Италия)

МЕДВЕДЕВ

Вадим Андреевич —
руководитель научно-
исследовательских
проектов Горбачев-фонда,
член-корреспондент РАН

МИХАЙЛОВ

Вячеслав Александрович —
д. и. н., профессор, заведующий
кафедрой национальных
и федеративных отношений
РАНХиС при Президенте РФ

МОЛЧАНОВ

Андрей Юрьевич —
д. э. н., председатель Комитета
Совета Федерации по
экономической политике

НЕКИПЕЛОВ

Александр Дмитриевич —
академик РАН, вице-президент РАН

ОХМАНН Корнелиус

—
старший эксперт по российско-
европейским отношениям Фонда
Бертельсмана (Германия)

РОГОВ

Сергей Михайлович —
д. и. н., директор Института
США и Канады РАН,
академик РАН

ЧАЙКОВСКИЙ

Евгений Валерьевич —
руководитель аппарата
Комитета Совета Федерации
по экономической политике

ШЕЯНОВ

Вячеслав Владимирович —
к. э. н., первый заместитель
генерального директора ОАО
«Научно-исследовательский
институт авиационного
оборудования».

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Авторам, направляющим свои статьи в журнал, рекомендуется придерживаться следующих правил оформления:

Формат рукописи

Рукопись представляется в редакцию в электронном виде в формате *Word для Windows*. Шрифт *Times New Roman*, с размером не менее № 12. Межстрочный интервал — полуторный. Объем статьи не должен превышать одного авторского листа (то есть 40 тысяч знаков, включая пробелы). Объем рецензий — до 1/2 авторского листа. Ссылки оформляются в виде суммируемых сносок в конце каждой страницы. *Автор публикации отвечает за точность приведенных цитат и ссылок на использованные источники и литературу.*

Формат таблиц и иллюстраций

Таблицы встраиваются в текст статьи. При этом они должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем. Иллюстрации представляются в форматах: для растровых объектов — *tif, psd* или *jpg* (без увеличения оригинала) с разрешением не менее 200 dpi; для векторных объектов — *eps, pdf, ai*. Графики и диаграммы, сделанные в *MS Excel*, представляются в формате исходной программы. Для каждого рисунка необходима подрисовочная подпись. При использовании в статье нескольких таблиц или рисунков обязательна их сквозная нумерация. К статье обязательно прилагаются сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и данные для связи (адрес, номер телефона, электронный адрес).

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи подлежат обязательному рецензированию по параметрам теоретической и практической значимости и стилистики.

Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал обязательна.

С авторов плата за опубликование их материалов не взимается.

Материалы направлять по адресу: svobodnaya_mysl@mail.ru

Александр Лигостаев

О патриотизме в американском и российском кино 161

Роль кино в деле создания патриотических или антипатриотических настроений людей достаточно велика. По этой причине интересно сопоставить содержание современной российской и американской кинопродукции «патриотического содержания».

Иван Задорожнюк

Транспортное кольцо России 165

Осень 2012 года ознаменовалась дальнейшим углублением стратегии на оптимизацию экономической политики России в восточном направлении. Речь идет в первую очередь о прошедших в этом году саммите АТЭС (7–8 сентября) во Владивостоке и встрече «Азия — Европа» (5–6 ноября) во Вьентьяне.

Александр Сулимин

Концептуальный смысл теории модернизации ... 179

В последнее время понятие «модернизация», наряду с «инновациями», стало самым модным в лексиконе российской элиты. Как и в начале XX века говорится о необходимости модернизации всех сфер общества, скорейшего перехода функционирования политических институтов страны на путь западной демократии.

EX LIBRIS

ИЗ КНИГ

Андрей Майданский

Иллюзии осознанного бытия 191

(С. В. Резванов. Философия социальной культуры: Природа иллюзорного сознания. Ростов-на-Дону, РГСУ, 2011. 334 с.)

Петр Александров-Деркаченко, Олег Ауоров

Польская боль / Русская боль 195

(Г. Ф. Матвеев, В. С. Матвеева. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., ООО «Родина-медиа», 2011. 174 с.; «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях». Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. Отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М., «Аспект Пресс», 2010. 823 с.)

Григорий Гринбаум

Три измерения России 205

(А. А. Замостьянов. Александр Суворов. И жизнь его полна чудес... М., ИД «Дмитрий и Евдокия», 2012. 192 с.: илл.; А. Раф. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М., «Олма медиа групп», 2012. 352 с.; М. Г. Деягин, В. В. Шеянов. Русский космос: победы и поражения. М., «Эксмо», 2011. 272 с.)

VARIA

РАЗНОЕ

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2012 году 217

Авторский указатель 222

К сведению подписчиков 224

Обращение главного редактора

Уважаемые коллеги, дорогие читатели!

Позади первый год издания обновленной «Свободной Мысли» — год больших тревог и больших надежд.

Поздравляя вас с Новым годом и Рождеством, желая вам счастья, здоровья и успехов, не могу не выразить своей живейшей и глубокой благодарности вам за верность журналу, пристальный интерес к его публикациям, за поддерживающие и во многом направляющие нас рекомендации и критику.

За то, что вы наполняете смыслом и простой человеческой радостью каждодневный самоотверженный труд редколлегии, энтузиазм и профессионализм авторов.

Отрадно сознавать, что, несмотря на критические обстоятельства начала года и вполне реальную в то время угрозу окончательного закрытия и исчезновения журнала, мы входим в 2013 год не только с сохраненной, но даже с увеличившейся подпиской. Это увеличение тем более ценно, что происходит на фоне постоянного роста посещений вновь созданного сайта журнала и его страниц, впервые созданных в наиболее популярных социальных сетях российского Интернета.

В наступающем, 2013 году «Свободная Мысль», название которой, к сожалению, помимо нашей воли звучит все более актуально, должна будет вернуть себе положение главного, ключевого общественно-теоретического журнала нашей страны. Эта актуальность диктуется продолжающейся вот уже четверть века политикой, ущербной для нашей страны и нашего народа; но это — реальность, из которой мы не уйдем, даже плотно зажмурившись.

Обнажившаяся во всей своей позорной неприглядности беспомощность русской интеллигенции перед текущими проблемами вызвана в первую очередь неполным, а то и прямо неверным, отстающим от жизни пониманием природы этих проблем.

Не владея теорией, комплексным пониманием сути общественного развития, мы не можем совладать даже с его сиюминутными проявлениями, — что уж говорить о его сознательном направлении на пользу народа! Между тем неумолимо надвигающиеся на нас глобальный экономический (не говоря уже об управленческом) и системный российский кризисы качественно повышают цену любой ошибки. Соответственно, они усиливают потребность в правильном понимании происходящего, дающем возможность хотя бы прогнозировать его, — и наш журнал должен включиться в решение этой задачи.

Мы предполагаем восстановить выпуск специального приложения к журналу, рассылаемого подписчикам бесплатно, а также опубликовать ряд исключительно интересных для нас самих материалов, включая беседы с патриархом отечественной дипломатии, последним руководителем Международного отдела ЦК КПСС послом В. М. Фалиным и обзоры наиболее интересных и свежих работ западных мыслителей, которые взялся готовить один из лучших отечественных историков, основатель школы современного исторического анализа А. И. Фурсов.

Особое внимание мы уделим изучению главного и сравнительно нового фактора современного развития — глобального управляющего класса, его структуры, возможностей, интересов и целей. Это безбрежное поле, требующее часто пионерных работ самого разного направления — от простой систематизации имеющихся фактов до выработки методологических основ анализа; и эти работы надо решительно начинать, ибо история просто не оставляет нам никакого «потом» для откладывания.

В наступающем году Россия скорее всего не будет праздновать 400-летие династии Романовых — слишком беспомощен, трагичен и разрушителен оказался ее конец. Тем более что представления даже образованной части Русского мира о ее представителях столь позорно схоластичны, что их даже неловко называть «знаниями». Мы постараемся хотя бы частично восполнить эти лакуны: без неуместного низкопоклонства, но и без похабного пренебрежения истиной, которое вошло в стыдную привычку до такой степени, что иные политические деятели России становятся его жертвами даже до оставления ими политической сцены.

В 2014 году нашему журналу исполняется 90 лет. Готовясь к такой дате издания, мы оцифруем и разместим в Интернете архив его выпусков, начиная с самого первого номера «Большевика».

Мы принимаем и понимаем свою историю такой, какая она есть, — и именно это распахивает перед нами дверь в будущее.

С Новым годом, друзья, — с новым счастьем и новой работой!

*Михаил Делягин,
главный редактор журнала «Свободная Мысль»*

ОЛЕГ СМОЛИН

Религиозное просвещение?

25 сентября 2012 года Государственная Дума РФ приняла инициированное и поддержанное всеми фракциями заявление о защите религиозных чувств граждан Российской Федерации. На очереди проект федерального закона, посвященного «защите религиозных убеждений и чувств». Пока второй документ еще не вступил в силу, обратимся к первому.

«Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации отмечает, что современная демократическая Россия продолжает вековые традиции государственности». Вообще-то традиции по отношению к религии и церкви в разные века у нас были разными. Но об этом позже. А пока хочется спросить: с каких пор левые признают современную Россию демократической? Разве не мы в лице наших лидеров заявили о нелегитимности, например, последних думских и президентских выборов по причине, в одном случае, массового вброса бюллетеней, а в другом — массовых «каруселей»? И дело не только в этом.

В исследованиях по проблемам трансформации российского общества в конце XX века постсоветский политический режим определяется как «управляемая демократия», «фа-

садная демократия», «полудемократия», «мнимый конституционализм», «выборное самодержавие» и т. п. Ни один из 332 авторов, упомянутых в библиографии работ по данной тематике, составленной более десяти лет назад В. Григорьевым и А. Тимкиной, не квалифицирует возникший в России режим как однозначно демократический¹. Вряд ли кто-то решится утверждать, что демократии в стране стало больше.

«В течение многих веков существования России, особенно во времена драматических испытаний: в периоды чужеземного гнета, смут, войн, ослабления державы, — хранителями идей национального суверенитета, культурной и духовной идентичности всегда выступали христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Что здесь сказать? Не подлежит сомнению, что в периоды войн, смут и иных бедствий люди ищут опору и утешение в вере. Рациональные основания для надежды на лучшее в такие периоды обычно отсутствуют. Например, не оспаривает-

¹ См. **В. А. Гуртов.** Современная российская идеология как система и политическая реальность. — «Полис». 2001. № 3. С. 73.

ся большинством историков весьма значительная позитивная роль Русской православной церкви в период монголо-татарского нашествия и ига Золотой Орды.

Однако уже в XIX веке такой безусловный православный христианин, как Ф. М. Достоевский, констатировал, что русская церковь лежит в параличе. Точно так же безусловный православный христианин Н. Бердяев в конце 1930-х годов признавал, что в послеоктябрьскую эпоху церковь в значительной степени расплачивалась за грехи прошлого — за слишком тесное сращивание с властью, за оправдание угнетения и насилия. Хотя эти

солдаты шли в атаку с криком «За веру православную (или мусульманскую)!». Вспомним хотя бы свидетельство Константина Симонова:

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Впрочем, на все эти мелкие неточности можно было бы не обращать внимания, если бы не дальнейшее: «Особую роль в истории российского государства, в становлении и развитии национальной духовности и культуры сыграло православное христианство». Это чистая правда. Как заметил лет двадцать назад один известный

деятель культуры, в нашей стране мы все или почти все — дети православной культуры: верующие и атеисты. Добавлю: дети православной культуры, но не обязательно — религии.

К социалистам это относится в большей мере, чем к людям других убеждений, причем как минимум по двум причинам. Во-первых, родство

Согласно социологическим опросам, СССР был в числе мировых лидеров по ориентации населения на так называемые постматериальные ценности. В настоящее же время по этому показателю Россия примерно вдвое уступает социальным государствам Европы.

идей первоначального христианства и социализма неоспоримо. Не лишено оснований замечание Н. А. Бердяева о том, что канонизированные православной церковью Василий Великий и Иоанн Златоуст в определенном смысле были не меньшими коммунистами, чем К. Маркс и В. И. Ленин. Во-вторых, поиски правды и справедливости русской интеллигенцией XIX — начала XX века — от декабристов до большевиков, — черты подвижничества и даже мученичества в облике русских предшественников современных левых во многом связаны именно с тем, что они воспитаны на почве и в тради-

грехи, разумеется, не могут служить оправданием гонений на церковь и священнослужителей — с точки зрения людей нашей, нереволюционной эпохи, научившихся кое-чему на трагических ошибках дедов и прадедов. Небудем забывать, что самым страшным испытанием едва ли не за всю историю нашей многострадальной Родины была Великая Отечественная война. И хотя в этот период И. В. Сталин действительно совершенно обоснованно обратился ко всем возможным духовным основам державы, не припомню ни одних военных мемуаров, в которых бы рассказывалось, что

идей первоначального христианства и социализма неоспоримо. Не лишено оснований замечание Н. А. Бердяева о том, что канонизированные православной церковью Василий Великий и Иоанн Златоуст в определенном смысле были не меньшими коммунистами, чем К. Маркс и В. И. Ленин. Во-вторых, поиски правды и справедливости русской интеллигенцией XIX — начала XX века — от декабристов до большевиков, — черты подвижничества и даже мученичества в облике русских предшественников современных левых во многом связаны именно с тем, что они воспитаны на почве и в тради-

циях русской православной культуры. Напротив, отмирание этой традиции нанесло бы непоправимый удар делу социализма, который предполагает работу на общее благо, во имя решения сверхличной, общезначимой задачи. Бердяев прав и тогда, когда утверждает, что социализм гораздо ближе к христианской идеологии, нежели индивидуалистический либерализм и прагматизм.

Согласно социологическим опросам, СССР был в числе мировых лидеров по ориентации населения на так называемые постматериальные ценности. В настоящее же время по этому показателю Россия примерно вдвое уступает социальным государствам Европы. Ситуацию, когда 55 процентов опрошенной молодежи заявляли о готовности ради жизненного успеха преступить общезначимые нормы нравственности и справедливости, даже Комитет Госдумы по делам женщин, семьи и детей в свое время официально характеризовал как духовно-нравственную катастрофу.

Однако продолжим анализ: «В современных условиях религиозные объединения выполняют важные задачи по сохранению духовного и культурного наследия России, по развитию государственно-церковных отношений и международного сотрудничества, укреплению гражданского мира и согласия, образованию подрастающего поколения и воспитанию его в духе любви и уважения к Отечеству. В последнее время участились случаи оскорбления религиозных чувств граждан, в том числе сопряженные с насилием. Особую тревогу вызывают террористические акты, совершенные на религиозной почве и направленные как на устранение духовных лидеров, так и на общую дестабилизацию обстановки».

Итак, в двух соседних абзацах признается, с одной стороны, что религия

содействует укреплению гражданского мира и согласия, а с другой — факт существования террористических актов на религиозной почве. Причем самое интересное, что то и другое — правда. Просто речь идет о разных проявлениях религиозного сознания, как правило, связанных с различными этапами его развития. В принципе это сознание может выступать как в современной, цивилизованной, вполне приемлющей другие конфессии форме, так и в форме радикально-фундаменталистской.

Те, кто думает, что подобное возможно лишь на исламской почве, пусть вспомнят хотя бы крестовый поход детей при Папе Иннокентии III в 1212 году, когда эти дети были отправлены на заведомое уничтожение, либо в лучшем случае пленение турками-сельджуками во имя якобы освобождения Гроба Господня и других христианских святынь. Кому этого мало, пусть вспомнят сотни тысяч сожженных на кострах инквизиции. Как ни печально, именем Христа, проповедавшего любовь и милосердие, в свое время было уничтожено не меньше людей, чем именем Аллаха и его Пророка.

«Убийства духовных лидеров, насилие в отношении верующих, спливание крестов, разрушение храмов, кощунственные хулиганские акции, вандализм на кладбищах, нанесение оскорбительных надписей — все эти действия направлены на разрушение многовековых духовно-нравственных основ России, дискредитацию традиционных ценностей и, по сути, служат возбуждению гражданской розни и подрыву суверенитета страны». Безусловно, антирелигиозный вандализм, тем более связанный с насилием и даже убийствами, подлежит самому жесткому осуждению. Правда и то, что он служит возбуждению гражданской розни.

А вот насчет угрозы подрыва суверенитета страны — явный перебор: не могу себе представить такой пляски в храме или такого осквернения кладбища, которое угрожало бы нашей независимости. Думаю, гораздо большую угрозу ей составляет тот факт, что российские политические лидеры, верящие только в «золотого тельца», но демонстративно стоящие со свечами в храмах под телекамерами, давно хранят «сбережения», учат детей, а иногда в свободное от работы время и живут семьями за границей. Пока это так, у иностранных держав всегда будут каналы влияния на отечественную политику.

Однако сейчас о другом. Задумаемся: откуда в нашей стране, где признавать себя неверующим теперь почти неприлично, появились акции антирелигиозного вандализма? Вспоминаю, как года три назад после очередной телевизионной дискуссии по поводу введения в школах православной культуры известный православный идеолог — один из умнейших и образованнейших в России — с тревогой повторил несколько раз: «Скоро будут гнать!» Тогда я не придал этому значения. Теперь же рискну утверждать: антицерковный вандализм — в значительной степени уродливая, извращенная реакция на «воцерковление» государства и огосударствление церкви.

Интересно: читал ли мой собеседник статью 91 проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»? Если читал, то что об этом думает? Цитирую фрагменты статьи:

«Статья 91. Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования

1. В целях формирования и развития личности в соответствии с семейными

и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, учебные курсы, предметы и дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативные им учебные курсы, предметы и дисциплины (модули).

Выбор одного из учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся.

2. Примерные основные образовательные программы в части учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой централизованной религиозной организации в соответствии с ее внутренними установлениями...

3. Образовательные организации высшего образования, реализующие основные образовательные программы высшего образования по направлениям подготовки в области теологии в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, при разработке этих

образовательных программ учитывают примерные основные образовательные программы высшего образования по направлениям подготовки в области теологии, прошедшие экспертизу в соответствии с частью 2 настоящей статьи.

Учебные курсы, предметы и дисциплины (модули) в области теологии преподаются педагогическими работниками из числа рекомендованных соответствующей централизованной религиозной организацией.

4. К учебно-методическому обеспечению учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), а также учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей) в области теологии, привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации.

5. Частные образовательные организации вправе на основании представления соответствующей религиозной организации (централизованной религиозной организации) включать в часть основных образовательных программ, формируемых участниками образовательного процесса, учебные курсы, предметы и дисциплины (модули), обеспечивающие религиозное образование (религиозный компонент). <...>

Примерные образовательные программы в части учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), обеспечивающих религиозное образование (религиозный компонент), а также примерные образовательные программы, направленные на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, утверждаются соответствующей религиозной

организацией (централизованной религиозной организацией).

Учебно-методическое обеспечение указанных учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), а также примерных образовательных программ осуществляется соответствующей религиозной организацией (централизованной религиозной организацией). <...>

6. Образовательные организации, а также педагогические работники в случае реализации (преподавания) ими образовательных программ, предусмотренных частями 1, 3 и 5 настоящей статьи, могут получать общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания уровня деятельности образовательной организации и педагогических работников, отвечающего критериям и требованиям, утвержденным централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями. Порядок общественной аккредитации и права, предоставляемые аккредитованной образовательной организацией и педагогическому работнику, определяются проводящей ее российской централизованной религиозной организацией.

Общественная аккредитация не влечет за собой дополнительных финансовых или иных обязательств со стороны государства».

В кратком пересказе содержание статьи сводится к следующему:

— среди всех школьных предметов в законопроекте особый статус придается только одному — духовно-нравственной культуре;

— духовно-нравственная культура практически целиком сводится к религиозной культуре;

— в высших учебных заведениях вводится специальность «теология». Прежде она разрешалась стандарта-

ми и в целях соблюдения приличий нередко именовалась «светской». Теперь выделяется особо и прямо ставится под контроль религиозных организаций;

— право рецензирования программ и учебных пособий по основам духовно-нравственной культуры, а также теологии передается централизованным религиозным организациям;

— те же организации фактически превращаются в общественные аккредитационные и кадровые «агентства» по оценке деятельности образовательных организаций и отбору преподавателей дисциплин, так или иначе связанных с религией;

— негосударственные (частные) учебные заведения вправе вводить у себя религиозное образование, не спрашивая мнения родителей или студентов.

Понятно, что подобная статья не может не вызвать вопросов. Среди них следующие.

1. Насколько все это соответствует конституции светского государства и провозглашенному действующим законодательством (да и новым законопроектом) светскому характеру образования?

2. С каких пор духовно-нравственная культура стала фактически монополией религиозных учреждений?

3. Означает ли такой подход, что предметы, всегда считавшиеся средством духовно-нравственного воспитания, включая историю, мировую художественную культуру и особенно великую русскую литературу, от этой миссии впредь освобождаются и будут лишь «натаскивать» несчастных детей на мертвящие тесты ЕГЭ? И т. д. и т. п. и др.

Понятно, что при формальном равенстве конфессий преимущество в школьном преподавании получит именно Русская православная цер-

ковь. Чувствуя это, мусульманские духовные лидеры, с которыми мне доводилось общаться, в том числе в рамках телевизионных передач, выступали за сохранение светского характера образования. Их аргументация не была лишена оснований: каждый педагог, тем более отобранный определенной конфессией, будет акцентировать внимание на достоинствах и преимуществах своей религии, подчеркивая именно ее правоту, богоизбранность и т. п.; в итоге это может привести к противопоставлению детей по конфессиональному принципу. С другой стороны, в мусульманских республиках следует ожидать гораздо более жесткого, чем в традиционно русских регионах, принуждения большинства к изучению именно мусульманской культуры.

Кстати, о вековых духовно-нравственных устоях в виде традиционных религий. На этот счет мнения известных российских мыслителей сильно расходились. Уваровскую теорию официальной народности, предполагавшую три идеологических опоры царизма — самодержавие, православие и народность, — вспоминать не буду. Что же касается духовной и политической оппозиции, то одна ее линия (славянофилы, почвенники во главе с Ф. М. Достоевским, Н. А. Бердяев и др.) утверждала, что душа нашего народа — православная христианка. Но была и другая традиция, которая обосновывала свои выводы анализом народного фольклора. Так, знаменитый историк Н. И. Костомаров пытался опубликовать сборник народных пословиц и поговорок, однако не смог этого сделать: цензура не пропустила по причине ярко выраженного антиклерикального (не путать с антирелигиозным!) содержания фольклора, в котором жесткой иронии и осмеянию подвергались служители православного культа.

На ту же тему высказывался В. Г. Белинский в известном «Письме к Н. В. Гоголю»: «Но неужели и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабные сказки? Про попа, попадью, попову дочку, попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ — самый религиозный народ в мире? — Ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об иконе: “Годится — молиться, не годится — горшки покрывать”. Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Между прочим, из рассказов моего деда знаю: ему дали имя Трофим (вместо желанного для родителей «Михаил»), поскольку мой прадед — церковный староста — находился в конфликте с местным священником, по его мнению, злоупотреблявшим в личных целях пожертвованиями прихожан.

Однако вернемся к думскому постановлению: «Государственная Дума решительно осуждает такие преступные действия и считает необходимым дать жесткий отпор деструктивным силам, восхваляющим антирелигиозный экстремизм, вандализм и хулиганство, разжигающим в обществе ненависть к Русской Православной церкви и другим религиозным организациям». Поддерживаю. Нет вопросов, кроме одного: мы осуждаем толь-

ко антирелигиозный экстремизм? А как быть с религиозным? Или в мире, да и в России, его не существует? Баланс нарушен в очередной раз.

«Государственная Дума отмечает необходимость усиления ответственности за оскорбление религиозных чувств граждан, в том числе за осквернение почитаемых верующими святынь, а также подчеркивает важность неотвратимости наказания за подобные действия». Как уже упоминалось, Госдума готовится принять поправки в Уголовный кодекс, предусматривающие ответственность за оскорбление религиозных убеждений и чувств. Об убеждениях — чуть ниже, а пока — о чувствах.

Думаю, с учетом реальной ситуации и общественного мнения левая оппозиция вполне может поддержать усиление ответственности за конкретные действия, которые воспринимаются значительным числом российских граждан как оскорбляющие их чувства — однако лишь при условии их четкого описания в законе. Если же, как это обычно бывает, формулировки закона останутся размытыми, его последствия окажутся противоположны заявленным целям: вместо тушения конфликта — его разжигание. Пройдемся хотя бы по хрестоматийной школьной литературе.

В. Г. Белинский уже цитировался выше. Но вот, например, «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина в свое время была запрещена — как считалось, оскорбляла чувства верующих. Не будет ли запрещена вновь?

Чувства и убеждения едва ли не самого русского поэта С. Есенина были крайне парадоксальными в отношении даже не церкви, но самой религии:

Стыдно мне, что я в Бога верил,
горько мне, что не верю теперь.

Какие эмоции это вызовет у религиозных ортодоксов, предсказывать не берусь. А вот А. Блок, знаменитая поэма «Двенадцать», навеянная Октябрем 17-го:

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Здесь усмотреть оскорбление религиозных чувств вовсе немудрено.

Или еще — крайне непопулярные ныне строки из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах»:

Я думал — ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Наверняка найдутся чувствующие себя оскорбленными. Хотя, как утверждают серьезные критики, Маяковский протестовал не против Господа Бога вообще, но против того, которым прикрывалась ненавистная ему власть. Не случайно содержание своей поэмы он иногда выражал четырьмя «криками»:

Долой *вашу* любовь!
Долой *ваше* искусство!
Долой *вашу* религию!
Долой *ваш* строй!

Курсив мой и предназначен для невнимательных: Маяковский отвергал именно ту форму государственной религии, о которой А. И. Герцен за семьдесят лет до него писал, что в России священник все более и более превращается в «духовного квартального». Кстати, «Былое и думы» в этой части тоже кого-то могут оскорбить.

Наконец, самым радикальным верующим могут показаться обидными и сомнения Омара Хайяма:

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

Более того, не вполне ясно, что в случае принятия закона будет с богатой философской и художественной литературой атеистического или просто антиклерикального толка? Ведь наверняка найдутся люди, утверждающие, что их оскорбляет безбожие как таковое.

А теперь насчет «оскорбления убеждений». Не уверен, что это выражение соответствует нормам русского языка; но если законопроект в такой версии будет принят, он должен относиться отнюдь не только к убеждениям религиозным. Не случайно Н. А. Бердяев все в той же работе «Истоки и смысл русского коммунизма» утверждал, что атеизм русской интеллигенции по сути был превращенной формой религиозности и по силе веры мало чем от нее отличался. Вспомните, как регулярно поливают грязью В. И. Ленина ежегодно в январе и апреле. Но ведь многие люди, верующие в социализм, чувствуют себя оскорбленными ничуть не меньше, чем верующие в Господа — от акций антирелигиозного вандализма!

Кстати, о русском атеизме как превращенной форме религиозности Н. А. Бердяев говорит на примере В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского — тех самых мыслителей, от которых вели свою родословную русские социалисты. Теперь у нас даже левые политики все чаще цитируют монархиста И. А. Ильина, которому при жизни подобная популярность среди социалистов не могла присниться даже в страшном сне.

Однако пора вернуться к постановлению: «Государственная Дума призывает средства массовой информации с особой ответственностью и деликатностью относиться к публикации материалов, освещающих события религиозного характера, воздерживаться от возбуждения межконфессиональной вражды и оскорбления религиозных чувств граждан».

Никаких возражений! Только надо иметь в виду, что аналогичную опасность таит в себе оскорбление национальных, а отчасти — и социальных чувств. Последние в нашей стране находятся в полузадушенном состоянии, иначе радио «Эхо Москвы» и «Новая газета» были бы завалены протестами по поводу предложений «либертарианки» Ю. Латыниной о лишении избирательного права тех, кто получает денег из бюджета больше, чем платит налогов: пенсионеров, студентов, большинства инвалидов, практически всей интеллигенции, работающей в госсекторе, — в целом более половины населения страны. Это, кстати, лишний раз доказывает, что властям успешно удалось перевести реальные социальные противоречия в выгодную для себя клерикально-антиклерикальную плоскость.

«Государственная Дума убеждена, что гонения на религию и духовенство, борьба с религиозным мировоззрением больше никогда не должны повториться в истории России». Первое абсолютно справедливо. Второе проблематично и во многом будет зависеть от позиции самой церкви. Если, например, православное духовенство будет следовать исключительно духовной миссии и не станет все более и более реально претендовать на государственный статус, ему обеспечена нормальная жизнь. При этом не стоит забывать, что развитие цивилизации более или менее прямо связано с нарастанием религиозной

индифферентности. В противном же случае все большего сращивания ведущей церкви с существующим политическим режимом противники последнего почти неминуемо будут придавать своей борьбе и антиклерикальный характер. Убежденность Государственной Думы в данном случае мало что меняет.

«Депутаты Государственной Думы призывают органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, иные общественные объединения, религиозные организации, средства массовой информации в своей деятельности уделять особое внимание дальнейшему развитию институтов гражданского общества в нашей стране, модернизации политической системы Российской Федерации с опорой на сохранение традиций христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Не возражая принципиально, отчасти могу понять, как можно развивать гражданское общество, опираясь на традиции ведущих отечественных конфессий. Но никак не могу взять в толк: как с опорой на традиции столь различных религий можно развивать единую российскую политическую систему, а главное — нужно ли это делать в XXI веке?

«Государственная Дума выражает уверенность, что в настоящее время все политические силы страны должны объединить свои усилия для укрепления национального единства, упрочения гражданского мира и согласия, сплочения российского народа на основе наших традиционных духовных ценностей». В переводе эта ключевая фраза документа означает, что оппозиция на основе традиционных ценностей должна сплотиться с властью, а точнее — подчиниться ей. Надо отдать должное кремлевским

политтехнологам, которые провели простую, но крайне удачную «двухходовку».

Первый ход: политический раскол общества после фальсифицированных думских, а отчасти и президентских выборов благополучно заменили расколом между приверженцами церкви и антиклерикалами. Второй ход: преодоление этого искусственно созданного раскола и восстановление гражданского мира производится на базе традиционных духовных (читай — религиозных) ценностей. Кто против духовности? Как и любой нормальный человек, я лично «за»! Вот только политическая повестка уже совсем другая. Вместо коррупции и политических фальсификаций все обсуждают пляски в храме и вандализм со спиливанием крестов. Поистине, если бы известных девиц не было, власть должна была их выдумать.

Но продолжим чтение: «Этому может способствовать дальнейшее религиозное просвещение общества, включая соответствующую духовно-воспитательную работу среди молодежи». При обсуждении постановления в Думе известный математик, член-корреспондент РАН и депутат Госдумы Б. С. Кашин пытался исключить из текста слово «религиозное», но не тут-то было. Между тем, история, конечно, знает примеры религиозного просвещения — преимущественно в Средние века, а также в тех странах, которые не вполне преодолели средневековое состояние. Однако в абсолютном большинстве случаев просвещение в истории имело светский, а нередко — прямо антиклерикальный и даже антирелигиозный характер.

Общеизвестно: наиболее яркие примеры «просвещенного абсолютизма» в России дают Петр I и Екатерина II. Но именно при них наиболее активно проходили и процессы секу-

ляризации, включая замену патриаршества Священным синодом (то есть прямым государственным управлением), изъятие земли у монастырей и даже литье пушек из колоколов. Екатерину II не без некоторых оснований именуют вольтерьянкой — и потому, что она переписывалась с известным французским философом, и потому, что разделяла некоторые его идеи. Между тем, мало кто столь много, сколь Вольтер, иронизировал по поводу средневековых церковных установлений. Правда, его призыв «Раздавите гадину!» относился к католической церкви, но в России католиков немало, и кто-нибудь из них наверняка почувствует себя оскорбленным. За будущее вольтеровского наследия в России я тоже не поручусь.

В целом же не существует доказательств того, что более религиозное общество вместе с тем является и более нравственным. Легче привести примеры обратного. Так, уровень преступности в религиозно индифферентных скандинавских странах значительно ниже по сравнению с весьма религиозными Соединенными Штатами. Что же касается нашего собственного опыта, то в официально атеистическую советскую эпоху этот уровень также был несопоставимо ниже по сравнению с эпохой после советской, когда признавать себя неверующими стало почти неприлично. Кто-то из церковных иерархов еще в 1990-х однажды публично заметил: коммунисты были, конечно, безбожники, но православные ценности сохраняли много лучше новых демонстративно религиозных властей.

В свое время Н. А. Бердяев заметил, что настоящая буржуазность в России возможна только после коммунизма². Увы, эта фраза оказалась пророчес-

² См. Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119–120.

кой. Как известно, развитие общества вообще имеет циклический характер, а в революционных и постреволюционных исторических ситуациях (какую мы сейчас переживаем) подчиняется «закону маятника». В соответствии с этим законом Россия и достигла рекордных для своей истории пределов атомизации общества и примитивного потребительства. Причем получила проблемы потребительского общества при отсутствии высокого уровня потребления, то есть не имея самого потребительского общества!

В связи с этим наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти». Разумеется, не в лице «Единой России», сформированной «сверху» и не имеющей собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице администрации президента и отчасти правительства, сформировавших «Единую Россию» и разработавших для нее идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере.

Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с точки зрения духовно-нравственной ситуации в стране. Крайне противоречиво, ибо в православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка». Не случайно даже в праволи-

беральном «Московском комсомольце» студенты еще более праволиберальной Высшей школы экономики в статье А. Минкина в свое время именовались «молодыми людоедами»³!

Переплетение «трех составных частей» новой социальной идеологии способно нанести вред и самому православию. В частности, деформируются система православных ценностей и ее возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» — сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все десять заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни. В итоге рост числа людей, относящих себя к православным, принципиально не меняет идеологической ситуации в обществе. Более того, налицо следующий парадокс: чем больше в стране приверженцев православной религии, тем меньше приверженцев православной культуры в смысле характерной для нее неутилитарной, прагматической жизненной ориентации.

Позволю себе некоторые выводы.

1. Левые политические силы России безусловно должны защищать чувства верующих, — но также и неверующих, включая атеистов. Если верно, что 80 процентов опрошенного российского населения выступают за ужесточение наказаний, связанных с оскорблением религиозных убеждений и чувств, то среди оставшихся 20 процентов не менее половины придерживаются левых взглядов.

2. Левые политические силы, как и образованные люди вообще, могут и

³ См. «Московский комсомолец». 30.11.2001. № 268.

должны защищать не любые религиозные чувства и убеждения, но лишь те, которые обрели цивилизованную форму и не связаны с подавлением чувств и убеждений других людей.

3. Недопустимо отступление от конституционного принципа светского государства и светского образования. В противном случае вместо укрепления национальной идентичности мы получим новый раскол — причем по линии, крайне неблагоприятной для левого движения.

4. Отношения левых политиков с традиционными конфессиями следует строить в зависимости от их близости с властями предрержащими.

В рамках принципа «нет власти не от Бога» конфессии могут либо сохранять политический нейтралитет, либо активно действовать как часть сросшейся с государством машины манипулирования массовым сознанием. В последнем случае, оставляя в стороне философско-мировоззренческие различия, левые никак не могут отказываться от политической критики.

Возвращаясь к многократно цитированному думскому постановлению, хочется перефразировать Владимира Высоцкого:

Нет, и в Думе все не так,
все не так, ребята...



БОРИС МАРТЫНОВ

Бразилия в формате БРИКС

Федеративная Республика Бразилия — страна с четкими и детально проработанными внешнеполитическими интересами. Бразильская дипломатия вполне обоснованно считается одной из наиболее опытных и авторитетных на южноамериканском политическом пространстве.

Интерес к БРИКС в Бразилии проявился еще задолго до того, как эксперты «Голдмэн энд Сакс» дали «путевку в жизнь» этому акрониму. Ряд видных бразильских экспертов, среди которых особо выделялся известный дипломат, историк и социолог Элио Жагуариби, еще в конце 1990-х годов на страницах официального журнала МИД Бразилии «Политика эштерна» («Внешняя политика») предлагали наладить «преференциальное сотрудничество стран-гигантов», или «стран-китов» (*países baleias*), среди которых упоминались Бразилия, Россия, Индия и Китай. По мнению других авторов, к этой четверке могли бы в будущем добавиться Аргентина, Турция, Мексика и Индонезия. О «неслучайности» этой инициативы свидетельствовало и то, что она в своих главных чертах совпадала с ранее выдвигавшимися мнениями видных военных экспер-

тов и специалистов в области безопасности.

Нельзя не вспомнить и получившие широкое освещение в этой южноамериканской стране итоги визита министра иностранных дел России Е. М. Примакова, который состоялся в ноябре 1998 года. Он был ознаменован подписанием совместного документа с красноречивым названием «Декларация о сотрудничестве России и Бразилии, устремленном в XXI век». Незадолго до этого Примаков выступил с идеей налаживания «преференциального сотрудничества» между Россией, Китаем и Индией («Треугольник Примакова»), поэтому «устремленные в XXI век» связи с Бразилией вполне могли бы рассматриваться в едином контексте. Таким образом, инициатива БРИКС и для России, и для Бразилии не была чем-то искусственным, а стала развитием линии на усиление их роли в мировой экономике и политике и обеспечение благоприятных внешних условий для всестороннего развития. Но если к России в начале нового столетия относились как к «осколку» некогда великой «сверхдержавы», то «восходящая» ипостась Бразилии как раз именно в этот период обозначилась наиболее четко.

МАРТЫНОВ Борис Федорович — заместитель директора Института Латинской Америки РАН, профессор, доктор политических наук.

Начало подъема

Идея достижения национального и регионального величия прослеживается там еще с конца XIX века (дипломатия барона де Рио-Бранко) и может считаться «традиционной» для крупнейшей и экономически наиболее развитой латиноамериканской страны. Она проявляла себя в конце 1940-х и начале 1950-х годов, при президенте Ж. Варгасе, затем — в период так называемой независимой внешней политики президентов Ж. Кубичека, Ж. Куадроса и Ж. Гуларта в начале 1960-х. Ее мощный потенциал, основывающийся на здоровом

Однако стоит отметить и другое важное обстоятельство — характерный для современной Бразилии внутривнутриполитический консенсус по принципиальным направлениям развития страны и ее нынешнему и будущему позиционированию в мире.

национализме бразильцев, экономическом, демографическом и природно-ресурсном потенциале страны и, наконец, на самих ее физических размерах (5-е место в мире по территории), сумел в свое время преодолеть достаточно короткий период «автоматического равнения» на США (1964—1967). Понадобилось всего три года, чтобы военные, правившие тогда в Бразилии, вновь вернулись к проведению самостоятельного внешнеполитического курса, главной новацией которого стало углубление сотрудничества с соседними латиноамериканскими, развивающимися и

социалистическими государствами (в рамках так называемой политики ответственного прагматизма и неавтоматических союзов, 1970-е годы).

В наши дни идея превращения Бразилии в великую державу, похоже, обрела наконец под собой твердую почву. Выработка (зачастую методом проб и ошибок) национально-ориентированной модели развития, акцентирующей поощрение внутреннего потребительского спроса, сокращение бедности и ликвидацию неграмотности, ознаменовалась к концу первого десятилетия нового века существенным приростом ВВП (2012 год — 7-е место в мире), сокращением бедности, ростом среднего класса и прорывами на некоторых направлениях инновационного развития (гражданское авиастроение, технологии глубоководного бурения, биотехнологии, развитие нетрадиционных видов энергии). Дополнительным (и весьма существенным) подспорьем стало обнаружение

и начало освоения на континентальном шельфе Бразилии и в прилегающей морской экономической зоне крупных запасов нефти. Начав ее экспорт в 2006 году, Бразилия заявила о намерении войти в десятку крупнейших мировых производителей нефти уже к 2025 году¹.

Можно перечислить и другие новые «окна возможностей», которые открываются перед «Страной Южно-

¹ Более четверти экспортируемой бразильской сырой нефти поступает в Китай и еще 24 процента — в США. Ожидается, что к 2020 году экспорт нефти утроится и достигнет 1,5—1,6 миллиона баррелей.

го Креста» на пути ее превращения в одного из глобальных лидеров нынешнего столетия (например, в сфере продовольственной, энергетической и экологической безопасности, в свете того, что экспертами Всемирного банка берется за «100-процентную обеспеченность биоразнообразием», и т. д.). Однако стоит отметить и другое важное обстоятельство — характерный для современной Бразилии внутривнутриполитический консенсус по принципиальным направлениям развития страны и ее нынешнему и будущему позиционированию в мире. Идеиные различия внутри этого общенационального консенсуса на сегодняшний день следует признать минимальными, не выходящими за рамки тактических решений. Выработка такого консенсуса при том, что стратегия и цели развития нашего государства будут наконец-то определены и апробированы, явно не помешала бы и России...

Некоторые авторы говорят о формировании в Бразилии *нового правящего слоя из профбюрократии и предпринимательских элит*, позиционирующего себя в политическом спектре этой страны «чуть левее от центра». Он ставит своей целью достижение «величия» Бразилии при опоре на ее экономические достижения, природно-ресурсный и человеческий потенциал, на основе ее широкого включения в региональные и глобальные связи. Бразилия стремится к подлинно равноправному партнерству с США и странами Запада, однако новый вектор ее мировосприятия направлен на преференциальное сотрудничество с государствами, которые имеют с ней не только «похожие» размеры, но и «похожие» проблемы. Участие в формате БРИКС для Бразилии с этой точки зрения представляется вполне обоснованным и органичным, до-

полняющим ее «стратегию величия» как существенными новыми компонентами, так и некоторыми новыми возможностями.

Это участие по-разному отражается как на традиционных для этой страны направлениях ее внешней политики — *латиноамериканском, североамериканском и южноатлантическом*, так и на новых, четко обозначившихся лишь в последнее десятилетие, — *азиатском и обще-глобальном*.

Латиноамериканская политика Бразилии

По этой теме существует масса публикаций. Какого-либо снижения ее активности на этом направлении ни в средне-, ни даже в долгосрочном плане ожидать явно не стоит: как «новичок» в глобальной политике, Бразилия не видит возможности усиления своего позиционирования в мире без опоры на регион. На обеспечение и закрепление этой опоры в последние десятилетия (начиная с 1978 года, «Амазонский пакт») были направлены практически все ее масштабные региональные инициативы («Меркосур» — 1991 год, «Унасур» — 2004 год, Южноамериканский совет обороны — 2008 год и пр.). Что касается результатов этих инициатив, то созданный по инициативе Бразилии «Унасур», по мнению некоторых исследователей, уже сегодня «заменил собой ОАГ»².

Стремясь к сохранению и упрочению регионального лидерства, Бразилия, как можно предполагать, вряд ли будет проявлять особый «энтузиазм» в отношении принятия в БРИКС какого-либо другого государства Латиноамериканского региона (Ар-

² См. А. Zibechi. Brasil Potencia. Bogotá, 2012. P. 85.

гентина, Мексика)³. В рамках этого формата она и в долгосрочном плане скорее всего предпочтет сохранять статус «*страны-цивилизации*», которая неформально представляет *южноамериканский субконтинент*. На сегодняшний день (особенно после принятия в БРИК ЮАР и образования БРИКС) явно просматривается линия на превращение его в некий клуб эксклюзивных представителей нескольких цивилизационных «мега-блоков» (не хватает только представителя от исламского мира). Это стремление, наверное, не содержит никакого негатива, если учесть, что некоторые более крупные и политически и экономически ангажированные в глобальные связи страны должны, на наш взгляд, нести большую ответственность за состояние среды международного общения, чем другие, и исходя из этой особой ответственности обладать особыми правами.

Можно предположить в связи с этим, что геополитическая и геоэкономическая ситуация в Западном полушарии в целом, даже с учетом декларированной ориентации на «бразильскую модель» нового президента Мексики, еще долгое время будет нести в себе элемент *биполярности*, когда в сфере влияния США останутся Мексика, Центральная Америка и Карибы. В таком контексте часто озвучиваемая сегодня в бразильских СМИ и аналитических трудах тематика «Южной» Америки

³ Отсюда становится более или менее очевидным, что Бразилия не станет в ближайшее время форсировать институционализацию БРИКС. Принятие устава неизбежно должно будет включать в себя формализацию юридических условий для вступления новых членов. Неформальное же «бытие» БРИКС — как, например, и АТЭС, и «G 8» — дает возможность «неформальным» же образом объявлять мораторий на прием новых членов. Однако при этом Бразилия в полном согласии со своим региональным («цивилизационным») видением БРИКС готова видеть в нем представителя исламского мира (Турция, Египет, Индонезия или Пакистан).

(не антитеза ли «Латинской»?) приобретает особую актуальность, при которой нельзя исключать периодического *обострения американо-бразильских отношений* (несмотря на всю дипломатическую риторику последних лет уже давно пребывающих в «застойной» фазе). Две крупнейшие экономики Западного полушария сегодня скорее дистанцируются (если учесть, что в 2010 году на первое место среди внешнеторговых партнеров Бразилии вышел Китай), чем сближаются друг с другом. И это, в свою очередь, также не может не «подогревать» интереса Бразилии к БРИКС.

Следует сказать несколько слов об «особом» отношении к новому позиционированию Бразилии в регионе *самых латиноамериканцев*, отношении, которое при наличии особо «благоприятных» моментов может в «один прекрасный день» выйти из «тени».

Разговоры о так называемом бразильском субимпериализме, характерные в основном для представителей «левого спектра» латиноамериканской политической мысли, впервые возникли в конце 1960-х годов в связи с проамериканской ориентацией первого военного правительства Бразилии. Сегодня они связываются все теми же «левыми» с усилением экономических и политический позиций Бразилии в регионе. Главными «мишенями» для упреков в «субимпериализме» являются крупнейшие бразильские частные и государственно-частные корпорации, которые успешно «осваивают» регион: «Петробраз», «Вале», «Эмбраэр», «Жердау», «Одебрехт», «Воторантин», «Камарго Корреа» и др. Причиной для их возникновения стало скорее всего то, что если еще в 2001 году совокупный ВВП Бразилии был меньше, чем всей Латинской Америки, то после кризиса 2008 года, из которого экономика

этой страны сумела выйти достаточно успешно, он превзошел общерегиональный показатель.

Однако конкретика дел противоречила алармизму пророчеств: в эти годы наблюдалось общее укрепление, а не ухудшение отношений Бразилии с соседями по региону. Возникавшие время от времени противоречия (с Боливией, Парагваем, Эквадором) решались в согласии с историческими традициями бразильской дипломатии — мирно и к взаимной выгоде, а разработка общерегиональных инфраструктурных проектов (дорожной сети — IIRSA, «Большого газового кольца») с решающей долей участия в них бразильских фирм сулила крупные выгоды для участвующих в них государств. С созданием в 2008 году по инициативе Бразилии Южноамериканского совета обороны (ЮАСО) начался процесс того, что было названо «эндогенизацией южноамериканской дилеммы безопасности», когда страны региона впервые, без участия США, начали совместно задумываться о состоянии своей безопасности и обороны⁴. Таким образом, сторонникам идеи «субимпериализма», с одной стороны, пока явно не хватает эмпирического материала, а с другой, как, пожалуй, и всем левым вообще, — адекватного видения проблемы *практического* становления новых мировых центров силы как антитезы традиционной глобальной экономической элите.

Африканский вектор бразильской политики

Южная Атлантика — это тот самый ареал, где Бразилия всегда стремилась и стремится иметь «право голоса». Интерес к сотрудничеству с ЮАР проявился еще в 1970-е годы, несмот-

ря на наличие в этой стране режима апартеида и довольно низкие объемы взаимного товарооборота. После англо-аргентинской войны в Южной Атлантике (май—июнь 1982 года) усилиями бразильской дипломатии, при поддержке Аргентины и Уругвая, на 41-й сессии Генассамблеи ООН была принята резолюция о превращении Южной Атлантики в «Зону мира и сотрудничества». Единственным государством, выступившим «против», были США. При всей юридической нечеткости понятия «Зона мира» следует признать, что в определенной степени она все же воспрепятствовала усиленной милитаризации региона.

Крах режима апартеида в ЮАР снял все препоны для активизации геополитического сотрудничества Бразилии с этой страной. В 1990-е годы регулярные военно-морские учения ВМФ Бразилии, Аргентины и Уругвая («Фратерно Амиго», «Нинфа») в Южной Атлантике дополнились началом оперативного взаимодействия с ВМФ ЮАР. Создание «Меркосур», рост экономического и политического потенциала «южноамериканского гиганта», обнаружение в конце 1990-х — начале 2000-х годов крупных месторождений нефти на континентальном шельфе и в прилегающей зоне, а также начало их активной разработки *многократно усилили значимость южноатлантического ареала для Бразилии.*

Начиная с 1996 года во всех без исключения документах национальной безопасности этой страны последовательно проводится мысль о необходимости защиты национального достояния — Амазонии — от возможных посягательств со стороны иррегулярных вооруженных формирований из соседних стран, транснациональных структур, приверженцев идеи «общечеловеческого достояния», а также государств, «с преобладающей военной мощью». С 2005 года к «Зеленой» Ама-

⁴ См. A. Zibechi. Brasil Potencia. P. 271.

зони в этих документах добавилась «Голубая» — районы добычи нефти в Южной Атлантике. Для ее защиты в будущем, согласно «Стратегии национальной безопасности» Бразилии 2008 года (СНБ-2008), предполагается создание флота из 8—10 атомных подводных лодок, авианосных соединений, современной военно-транспортной и истребительной авиации.

По результатам социологического опроса, проведенного ИРЕА (Институт прикладных экономических исследований), 67 процентов бразильцев верят, что их страна может подвергнуться вооруженной агрессии в связи с борьбой за обладание ресурсами Амазонии, а 63 процента считают, что агрессия может быть также связана с попытками передела ресурсов «Голубой Амазонии»⁵.

Однако если создание современной армии можно считать «революционным» для этой страны, то дипломатия, тем более коллективная, останется *традиционным* средством защиты ее национальных интересов. Новым внешнеполитическим партнером «Страны Южного Креста» стала *Индия*⁶, интересы которой с Бразилией совпадают как в плане обеспечения безопасности морских коммуникаций в Южном полушарии в целом, включая и Южную Атлантику, так и в контексте их общей борьбы за получение статуса *постоянного члена Совета Безопасности ООН*.

В 2003 году в столице страны с участием Бразилии, Индии и ЮАР был оформлен формат ИБАС (*порт.* — IBAS), «бразилоцентристское» происхождение которого у наблюдателей не вызывало никаких сомнений. Сре-

ди целей были записаны проведение регулярных политических консультаций, помощь наименее развитым странам и (что немаловажно) регулярное проведение совместных военно-морских маневров («ИБСАМАР») с участием флотов всех трех стран в акваториях Южной Атлантики и Индийского океана. Дипломатический инструментарий Бразилии в ИБАС, очевидно, более широк, чем в БРИКС, даже несмотря на присутствие там ядерной державы — Индии. Доказательством может служить принятие в БРИКС в 2011 году ЮАР, произошедшее, как утверждают некоторые наблюдатели, с «подачи» ИБАС (прежде всего — Бразилии).

В выступлении советника президента Лулы по внешнеполитическим вопросам М. Аурелиу Гарсиа на международном семинаре в Бразилии 26 апреля 2003 года идея сотрудничества «стран-гигантов» обуславливалась необходимостью возобновления *правового режима в международных отношениях*. Стимулами сближения таких стран, как Индия, Бразилия и, в перспективе, ЮАР, могли, по его мнению, стать в первую очередь «общность экономических и социальных проблем и проблем безопасности» и их «способность сопротивляться внешнему диктату», в то время как в основе сближения Бразилии, России и Китая им виделся их «крупный производственный и научно-технический потенциал» и «наличие мощных, оснащенных ядерным оружием вооруженных сил».

В кулуарных беседах с представителями Бразилии на различных международных конференциях по БРИКС, проходивших в период с 2002-го по 2012 год, неоднократно доводилось слышать о существовании более тесной «общности» между Бразилией, ЮАР и Индией (история их общего колониального или полу-

⁵ См. «ИРЕА: “Sistema de indicadores de Percepção Social. Defesa Nacional”». P. I. Brasília, 15 de febrero de 2011. P. 5—6.

⁶ Достаточно отметить, что еще в 2000 году товарооборот с Индией не превышал и 1 процента от внешней торговли Бразилии.

колониального развития, совместная борьба против «гегемонизма», «третьемирская» парадигма восхождения, «демократическая солидарность», отсутствие серьезных противоречий в торговле). В то же время Россия и Китай воспринимались несколько *иначе*: Россия — как «бывшая европейская империалистическая держава», а впоследствии — «сверхдержава» с явно выраженными «недоработками» по линии «демократии»; Китай — как восходящая новая «сверхдержава» с авторитарной системой правления, к тому же «наработавшая» с Бразилией широкий пласт торгово-экономических и финансовых противоречий. Россия и Китай как постоянные члены Совбеза ООН (а Россия — еще и член «большой восьмерки») зачастую негласно воспринимаются в «Стране Южного Креста» как «не совсем» или «не в той же степени» пострадавшие от «несправедливостей мирового порядка».

Трудно, однако, упрекать иностранцев в незнании особенностей российской истории или специфики ее современного развития, если об этом недостаточно осведомлены сегодня, наверное, 90 процентов самих россиян. И здесь можно было бы попенять на скудость и недостатки нашей информационной политики, если бы не отсутствие самого *предмета* таковой. Ситуация, на наш взгляд, никоим образом не изменится, пока Россия будет оставаться «страной с непредсказуемой историей», пока она четко и стратегически-направленно не выстроит собственную иерархию интересов, целей и партнерств на мировой арене. Можно сказать, что именно сегодня традиционный для России вопрос «Запад или Восток?» перешел в иную плоскость, многократно усилив свою актуальность. С кем мы: с «восходящими» или с «нисходящими»?

В выступлении представителя Бразилии в «Меркосур» С. Пиньейру Гимараэша на конференции, посвященной проблематике БРИКС, в Порту-Алегри в июне 2012 года особый акцент был сделан на вопросах обеспечения *стратегии безопасности* в условиях «разбалансированного миропорядка». «Безопасность должна стать общей и неделимой», — заявил он, призывая рассматривать параллельно вопросы финансово-экономической безопасности, связанные с *мировым финансовым кризисом, а также вопросы реформирования системы ООН и международного права*. При этом С. Пиньейру Гимараэш настаивал на необходимости руководствоваться *стратегическими направлениями развития БРИКС*, ориентированными на долгосрочный период развития (от 15 до 20 лет), которые будут ставить цель достижения взаимопонимания по наиболее общим вопросам политики безопасности, включая военно-политическую, финансово-экономическую, информационную, экологическую, культурную и другие ее виды и подвиды. Тактические же вопросы сотрудничества, вокруг которых в основном и концентрируются сейчас противоречия между участниками формата, он предложил выносить на другие уровни (ООН, «G 20», ВТО, ИБАС).

Вопрос о «выживаемости» БРИКС С. Пиньейру Гимараэш поставил, таким образом, в зависимость *не от наличия конкретных противоречий между ее участниками* (которые, по его мнению, вполне естественны и по мере развития сотрудничества могут даже множиться), а от стремления его лидеров руководствоваться *собственными стратегиями развития*. *Расширение поля совпадающих интересов* должно стать при этом залогом успешности формата в целом. Каково состояние этого «поля» на сегодняшний день?

Что разделяет и что сближает страны БРИКС?

Наибольшая степень совпадения интересов БРИКС наблюдается в сфере борьбы с такими проблемами глобальной безопасности, как *бедность, неконтролируемая миграция, терроризм, контрабанда наркотиков и оружия, пиратство*. Здесь же следует рассматривать и достаточно высокий уровень взаимопонимания участников формата по всей проблематике решения *региональных конфликтов и проблемы нераспространения оружия массового поражения*.

Подход Бразилии традиционно отвергает любые попытки решения этих проблем с позиции силы, политику несанкционированного Совбезом ООН вмешательства во внутренние дела суверенных стран, практику так называемых гуманитарных интервенций и деления государств по принципу «свой — чужой». Отсюда — возможность успешных коллективных действий БРИКС в сфере *кодификации и прогрессивного развития международного права* для устранения образовавшихся там многочисленных лакун и коллизий (определение терроризма, детализация норм о борьбе с пиратством, уточнение статуса комбатантов и некомбатантов во внутристрановых конфликтах и пр.).

Бразилия полностью поддерживает позицию остальных участников формата в отношении реформирования мировой валютно-финансовой системы и повышения квот «восходящих» стран в международных финансовых организациях (МВФ, Всемирный банк), а также по вопросу о создании новой резервной валюты (валют) и переходе БРИКС на взаиморасчеты в национальных денежных единицах⁷.

⁷ Бразилия стала инициатором перехода во взаимных расчетах в «Меркатор» на национальные денежные единицы.

Наибольший уровень «размежевания» внутри БРИКС по *политико-правовым вопросам* пока можно констатировать только в вопросе о предоставлении статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН Бразилии, Индии и ЮАР. Из всех нынешних постоянных членов Совбеза наиболее «непримиримую» позицию в этом вопросе занимает, как известно, руководство КНР. Позицию США можно охарактеризовать в целом как «выжидательно-обструкционистскую», когда, формально выступая за необходимость реформ в организации, Вашингтон предлагает осуществить реформирование Совбеза «в последнюю очередь». Во время визитов нынешнего бразильского президента Д. Руссефф в США и Б. Обамы в Бразилию в 2012 году, бразильцам так и не удалось добиться от Вашингтона недвусмысленной поддержки кандидатуры их страны.

Сегодня становится все более очевидным, что «привязка» Бразилией себя к «Группе 4-х» (Бразилия, Индия, Япония и ФРГ) скорее понижает, чем повышает ее шансы. Отсюда вытекает высокая доля вероятности, что, снизив свою активность в «четверке», Бразилия может попытаться скорректировать позицию Китая через БРИКС при опоре на своих партнеров по ИБАС — Индию и ЮАР и при согласии России видеть «Страну Южного Креста» в качестве постоянного члена Совета Безопасности. *При этом должно соблюдаться требование России о том, что статус пяти прежних членов Совбеза и их эксклюзивные права не будут подвергнуты ревизии.*

Другим камнем преткновения в политико-правовом сотрудничестве «пятерки» БРИКС может стать *проблема борьбы с глобальным потеплением*. Как известно, позиция России, которая в этом вопросе в большей степени смыкается с позицией раз-

витых стран, не признающих «особой ответственности» за деградацию природной среды, отличается от постановки этого вопроса остальными участниками формата, что и продемонстрировали результаты Копенгагенского форума, а также конференции «Рио+20». Дело, однако, в том, что ни та, ни другая группировка особо «не спешат» с выработкой конкретных предложений по данной проблеме, борьба вокруг которой если и обострится, то, по-видимому, еще не скоро. А на сегодняшний день климатическая проблема вряд ли способна стать яблоком раздора в БРИКС.

После вступления на президентский пост в Бразилии Д. Руссефф и последовавшего вскоре некоторого «похолодания» бразильско-иранских отношений, в основе которого лежали гуманитарные вопросы, в БРИКС, казалось, острее, чем ранее, обозначилась проблема различия в отношении к *вопросам демократии и прав человека*. Отношения между «пятеркой» в этом сегменте, на наш взгляд, можно было бы назвать лишь *частично совпадающими*, что, по мнению С. Пиньейру Гимараэша, способно со временем породить *«кризис идентичности»* в БРИКС.

На наш взгляд, и эту проблему не стоит заносить в разряд критических. Вопрос о соблюдении демократии и прав человека для Бразилии, ЮАР и Индии не носит столь же самодовлеющего характера, как, например, для США и других западных стран. Их декларируемая приверженность принципам представительной демократии не имеет и вряд ли когда-нибудь будет иметь в качестве «оргвывода» намерение вмешиваться в чьи-либо внутренние дела или стремление поддерживать такое вмешательство со стороны кого-то другого *без санкции со стороны Совбеза ООН* (чем свидетельствовало, в частности,

сближение позиции всех участников БРИКС по Сирии на последней сессии Генассамблеи ООН). У Бразилии, Индии и ЮАР *совершенно иные, отличные от США и других стран Запада внешнеполитические интересы*. Главный из них — нежелание противопоставлять себя основным принципам международного права и Устава ООН в целях добиться «деанархизации» мировой политики и реформирования международных финансовых структур, а также собственного избрания в постоянные члены Совбеза.

Основные противоречия между странами—участницами БРИКС концентрируются на сегодняшний день в основном в сфере *торгово-экономических отношений*. Из двенадцати нерешенных споров, которые Бразилия выносит на рассмотрение в ВТО, *восемь* так или иначе касаются Китая. Бразильские предприниматели с беспокойством следят за экспансией китайских товаров как на своем внутреннем, так и на южноамериканском рынках; вместе с представителями Запада они выступают против заниженного курса юаня (несмотря на то, что сами подчас сталкиваются с аналогичными обвинениями в отношении реала). Бразильцы недовольны преобладанием сырьевых товаров в своем экспорте в Поднебесную (железная руда, нефть, сельхозпродукция) и отказом КНР увеличивать импорт готовых изделий. Снижение темпов роста бразильской экономики в 2011 году (до 2,9 процента по сравнению с 7,5 процента в 2010-м) и нарастание там негативных тенденций в году текущем во многом связываются с замедлением темпов роста мировой экономики, в том числе в Китае, и с ухудшением условий внешней торговли из-за конкуренции со стороны китайского импорта на внутреннем рынке.

Профессор А. ди Фрейтас Барбоза и ряд его коллег из Университета Сан Паулу (USP) считают, что Китай стал органической частью глобальной экономики, и поэтому его глобальные интересы теперь, возможно, «шире», чем его интерес к БРИКС⁸. В этом плане «коллективное мнение» большинства представителей бразильского академического сообщества относительно перспектив дальнейшего сотрудничества с КНР, в необходимости которого ни у кого не возникает сомнений, заключается в «усилении поддержки бизнеса со стороны государства» и выработке более адаптированной к *конкретным* нуждам Южноамериканского региона «новой стратегии» при ее должном, отвечающем интересам сегодняшнего дня «информационном обеспечении».

Природные, экономические и интеллектуальные ресурсы, которыми обладает Бразилия, по мнению большинства бразильских аналитиков, позволяют ей достаточно «смело» смотреть на перспективы взаимодействия со второй, а возможно, в недалеком будущем, и первой экономикой мира. Сохранение Бразилией существующей модели развития⁹, увеличение «в разы» ее внутреннего потребления, дальнейшая модернизация и «интеллектуализация» производственного потенциала, чему может способствовать рост цен на

⁸ См. выступление профессора А. ди Фрейтас Барбоза на семинаре «Страны БРИКС в мировой экономике и политике» (Богота, 23 августа 2012 года).

⁹ Во главу угла национальной стратегии экономического развития Бразилии («Plano Brasil Maior» — РВМ, август 2011 года) поставлена задача повышения конкурентоспособности производства товаров и услуг за счет модернизации обрабатывающей промышленности и развития инновационных секторов экономики. Лозунг плана — «Инновации для повышения конкурентоспособности. Повышение конкурентоспособности для ускорения роста».

сырье и продовольствие на мировом рынке, устранение социальных диспропорций, продолжение активной инновационной политики, считают они, способны гарантировать конкурентоспособность страны в отношениях с экономическими гигантами, в том числе — и с Китаем.

Сказанное выше, разумеется, не может исключать негативных сценариев развития, особенно в связи с финансово-экономическим кризисом в развитых странах. Не исключены они и для Бразилии, в 2012 году столкнувшейся с замедлением темпов роста. Вполне возможно, что планы превращения Бразилии в пятую экономику мира уже к 2020 году придется несколько отсрочить. Тем не менее Дж. О’Нил — тот самый, кто в 2001 году стал одним из соавторов акронима БРИК, считает шансы Бразилии на выход в «финал» мировой гонки за лидерство в XXI веке наиболее обнадеживающими из всех стран БРИКС. «Плюсы» Бразилии он видит в том, что, согласно индексу «Growth Environment Score (GES)», включающему в себя 13 показателей развития от 1 до 10 баллов, из всех участников БРИКС в 2011 году лучше всего позиционировалась Бразилия (5,6 балла), за которой следовали Китай (5,5), Россия (4,8) и Индия (4,0). По этому показателю Бразилия уступала только Южной Корее (7,6 балла)¹⁰.

Естественно, однако, предположить, что львиная доля сегодняшнего успеха «Страны Южного Креста» — в правильном определении национальной экономической модели и стратегических направлений развития, которые, будучи помножены на философию уверенного «восхождения» в «мировой табели о рангах», создают хорошую основу для противодействия негативным трендам. ◆

¹⁰ См. «Negócios» (São Paulo). 2012. №. 60.

ОЛЬГА КАРБАСОВА

Стратегия информационного давления на Иран

Уже в течение многих лет Иран является мишенью для международного давления, связанного с его программой обогащения урана и сочетающего (в разное время в разных пропорциях) два основных метода — дипломатические меры и экономические санкции. При этом официальной целью как международной дипломатии, так и экономического давления является принуждение Ирана отказаться от своих попыток выйти на 20-процентный уровень обогащения урана.

В центре внимания мировой общественности всегда находятся либо очередные политические переговоры о денуклеаризации Ирана, либо вопрос о введении (ужесточении или ослаблении) экономических санкций. Однако на втором плане международного давления неизменно разворачивается сложная психологическая борьба, связанная с информационным воздействием на Иран. Эта борьба ведется по своим правилам и имеет свои закономерности, проследить которые необходимо для получения более полной и достоверной картины политики западных держав по отношению к Ирану.

Основные вехи информационного давления на Иран в 2011—2012 годах были связаны с последними шагами

по «переформатированию» Востока. В 2011 году главным событием, ставшим причиной очередных информационных атак на Иран, стало победоносное (хотя и не столь быстрое, как предполагалось) завершение ливийской операции (за победой НАТО в Ливии в октябре 2011 года последовал шквал обвинений в сторону Ирана, связанных с покушением на саудовского посла в США). В 2012 году центральной темой информационных атак на Иран является его отношение к событиям в Сирии, в частности утверждение о том, что Иран является поставщиком оружия для режима Башара Асада.

В обоих случаях основной целью таких обвинений является нанесение ущерба имиджу Ирана, который представляется как государство, пользующееся «грязными» методами борьбы, поддерживающее авторитарные режимы и т. п. Такая технология негативного имидж-мейкинга (а также практики дезинформации, информационных утечек или распространения слухов) должна способствовать формированию негативного восприятия страны в мировом общественном мнении. Максимум, чего можно добиться в результате использования этой технологии, так это состояние международной изоляции страны — объекта информационных атак.

КАРБАСОВА Ольга Вячеславовна — старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Психологическое состояние международного бойкота может иметь вполне осязаемые материальные последствия. В случае Ливии международная изоляция стала фактором легитимации создания международной военной коалиции, начала военной операции и последующей смены политического режима. Таким образом, как показывает опыт информационных кампаний последних двух десятилетий, информационные атаки, как правило, являются ступенью, служащей для дальнейшего перевода сценария давления на страну в русло «горячей» войны.

Осознавая всю опасность статуса «страны-изгоя», Муаммар Каддафи пошел на беспрецедентные шаги, чтобы вырваться из кольца международной изоляции. На его «счету» были отказ от разработки оружия массового уничтожения, демонстративный разрыв с террористическим прошлым, компенсация ущерба жертвам катастрофы над Локерби, создание выгодных условий для западных нефтяных и газовых компаний. Однако цель международных санкций и информационного давления, по-видимому, состояла вовсе не в том, чтобы вернуть «страну-изгоя» на путь демократии.

Что же касается Ирана, на протяжении многих лет находящегося под информационным давлением, то он, несомненно, учитывает примеры ниспровержения режимов, объявленных диктаторскими, и разорения целых стран совместными усилиями «демократических держав», не обращающих внимания на проявления доброй воли и желание вновь интегрироваться в мировое сообщество. Эти примеры заставляют Иран исключить для себя вариант сворачивания ядерной программы. Для руководства страны, видимо, является вполне очевидным тот факт, что единый сценарий, выработанный американскими политтехнологами и успешно отработанный еще в Ираке и включающий четкие

стадии разворачивания международных информационных кампаний, введения экономических санкций и последующих военных действий, не предполагает внесения каких-либо корректировок. В такой ситуации компромиссы и уступки могут лишь дать отсрочку. Понимая это, Иран продолжает разработки в области атомной энергетики.

Свое информационное давление на Иран США объясняют мотивами обеспечения безопасности и необходимостью предотвратить «расползание» ядерного оружия по миру. При этом Америка игнорирует тот факт, что Иран, являясь членом МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии), имеет полное право вести работы по обогащению урана. Одновременно с этим, подписав в 2006 году соглашение о ядерном сотрудничестве с Индией, Соединенные Штаты фактически приветствовали начало ядерной программы в стране, не являющейся членом МАГАТЭ. Данный факт не мог быть интерпретирован иначе, как нарушение США режима нераспространения ядерного оружия и еще одно проявление американской политики двойных стандартов.

Желание Ирана развивать ядерные проекты двойного назначения вполне объяснимо: наличие такой программы, не говоря уже о наличии ядерного оружия, — это серьезная заявка на то, чтобы стать мощной региональной державой, способной оказывать влияние на территории, находящиеся в сфере стратегических интересов США. Поэтому заявленная цель информационного давления на Иран со стороны США — сворачивание ракетно-ядерной программы во имя сохранения мировой безопасности — является лишь способом подмены реальной цели: исключить сценарий усиления Ирана в регионе.

Стратегию создания негативно-го общественного мнения вокруг

иранской ядерной программы можно рассматривать двояко. Речь идет об «оружии двойного назначения», теоретически позволяющем реализовать два варианта развития событий. Во-первых, эта тактика может привести к тому, что, видя осуждение своих действий со стороны мировой общественности, Иран действительно откажется от своих планов по созданию ядерного оружия. Однако вероятность того, что страна внезапно, спустя столько лет информационного давления, осознаёт необходимость подчиниться внешнему давлению, крайне мала. Более вероятно ускорение иранской ядерной программы на фоне событий «арабской весны», подталкивающих страну к укреплению собственной безопасности.

Во-вторых, что более вероятно, эта стратегия может быть направлена на то, чтобы создать основу для оправдания возможности военного вторжения. Как это было в случае Ливии, информационная кампания в СМИ, суть которой сводилась к созданию красочного образа врага в лице безумного диктатора, совершающего преступления против собственного народа, привела к тому, что мировая общественность в целом поддержала сначала санкции, а затем и прямое международное вторжение в Ливию. Схожий вариант может быть реализован и в Иране путем создания отрицательного имиджа страны как источника ядерной угрозы для всего мира. Такой сценарий рассматривается как вполне реальный в исследованиях российских специалистов, говорящих о связи «американского нажима» на Иран и возможного последующего нанесения «военных ударов по Ирану со стороны американских и израильских вооруженных сил»¹.

Необходимо также учитывать, что кроме долгосрочных стратегических планов, связанных с политическим «переформатированием» региона, карта Ирана постоянно разыгрывается тогда, когда речь идет о личном имидже первого лица США или предвыборной борьбе за кресло президента. Так, иранский вопрос стал неотъемлемой частью имиджа Б. Обамы как борца за безъядерный мир. В 2009 году в Праге американский президент выступил с идеей создания безъядерного мира, что выглядело как удачный пиар-ход для начинающего американского президента, который поставил себе целью возвращение былой привлекательности американской демократии. Выступление явилось своего рода программной речью и получило неофициальное название «Речь о ядерном оружии» («Obama Prague Speech On Nuclear Weapons»). В своем выступлении Обама назвал нынешнюю эпоху временем, когда «угроза глобальной ядерной войны исчезла, но возрос риск ядерных атак», исходящий от террористов. В связи с этим американский президент заявил о следующем решении проблемы ядерного оружия в мире: «Страны, обладающие ядерным оружием, будут двигаться в сторону разоружения, страны без ядерного оружия его не получают, но все страны могут использовать ядерную энергию в мирных целях»².

С началом новой президентской гонки между Миттом Ромни и Баракком Обамой иранский вопрос также стал полем для зарабатывания очков и повышения предвыборных рейтингов внутри США. Так, Ромни во время визита в Израиль в июне 2012 года заявил о своей «нулевой толерантно-

¹ С. Г. Лузянин. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 131.

² «Obama Prague Speech On Nuclear Weapons». — www.huffingtonpost.com/2009/04/05/obama-prague-speech-on-nu_n_183219.html

сти»³ по отношению к Ирану, что усилило его позиции среди американских избирателей-евангелистов и иудеев. Также им была высказана поддержка позиции Израиля, считающего возможным односторонний военный удар по Ирану. Такая риторика позволила Ромни создать более четкую оппозицию между собственным имиджем и имиджем Обамы, который продолжал говорить о санкциях и дипломатических переговорах.

При этом оба кандидата выступали за беспроигрышную идею борьбы за безъядерный мир, что выглядит достойно для страны, претендующей не только на статус глобального лидера в политике и экономике, но и на моральное лидерство. Однако благие

есть наличие оппозиции в лице стран и их руководителей, стремящихся к обладанию ядерным оружием.

Создание таких оппозиций — характерный прием американской пропаганды. В этом смысле пара Обама (Ромни)—Ахмадинежад отличается от пары Буш—Хусейн лишь декорациями: в первом случае это борьба за безъядерный мир, а во втором — борьба с мировым терроризмом. На фоне этих декораций разворачивается битва между добром в лице борца за безъядерный мир (или борца с терроризмом) и злом в лице диктатора с ядерной бомбой в руках (или пособника терроризма, якобы обладающего оружием массового уничтожения). Несмотря на схематичность

рисунка, получается очень эффектная картинка, предлагающая общественности черно-белое видение мира. Такая картинка позволяет настроить международное общественное мнение против Ирана.

Нынешние информационные атаки на Исламскую Республику вполне вписываются в принцип мультилатерализма,

Нынешние информационные атаки на Исламскую Республику вполне вписываются в принцип мультилатерализма, объявленный Б. Обамой в качестве нового ориентира для внешней политики США в противовес принципу унилатерализма, ставшего символом эпохи Дж. Буша-мл.

идеи американских политиков нельзя рассматривать исключительно как абстрактно-гуманистические. Пиар Обамы и Ромни — это часть классического американского комикса про супермена и злого гения, решившего «уничтожить весь мир». Positionирование кандидатов в президенты, как любое позиционирование, предполагает «отстройку от конкурентов», то

объявленный Б. Обамой в качестве нового ориентира для внешней политики США в противовес принципу унилатерализма, ставшего символом эпохи Дж. Буша-мл. В отличие от последнего, оправдывавшего стремление США решать политические вопросы в одностороннем порядке, для мультилатералистского подхода характерно привлечение Соединенными Штатами других держав для решения международных вопросов и разделение с ними ответственности. При этом США берут на себя роль «сопровождения» или «поддержки» — что на деле озна-

³ См. «Romney would back Israeli military strike against Iran». — www.france24.com/en/20120729-usa-elections-israel-relations-politics-mitt-romney-military-action-against-iran

чает использование Америкой своих политических союзников в качестве «ресурса» для создания *иллюзии* коллегиального решения проблем.

Принципиально важно, что, чем полярнее политические взгляды участников, тем лучше, так как это создает впечатление непредвзятости выносимого общего решения. Так, например, в случае Ливии участниками международной коалиции стали Франция и Великобритания, которые, как известно, в свое время занимали противоположные позиции по Ираку. В этом смысле в иранском сценарии уже давно просматриваются кандидаты на роль международного «зачинщика», талантливо исполненную Николя Саркози в ливийской драме и позволившую США не выглядеть «мировым полицейским».

Совсем недавно распространенным было мнение, будто военный вариант развития событий в случае Ирана крайне невыгоден для США, завязших в Ираке и Афганистане. Говорилось о том, что «для Обамы крайне важно создать такую атмосферу в мире и такую политическую динамику, которая позволит усилить давление на Иран с целью заставить его отказаться от своей ядерной программы», и что Обаме «не хотелось бы начинать военные действия против Ирана, хотя его к этому подталкивают радикалы, как в самих США, так и значительная часть израильского истеблишмента»⁴. Однако на фоне революций, прокатившихся по Ближнему Востоку, учитывая военный вариант, осуществленный в Ливии, и продолжающееся военное противостояние в Сирии, такой сценарий в случае Ирана начинает приобретать все более реальные очертания. Кроме того, военный вариант в Ливии был осуществлен по модернизированному сценарию, исключавшему лидирующую роль США и наземную операцию.

В связи с этим информационное давление на Иран скорее всего направлено не на то, чтобы предотвратить овладение этой страной военным томом, а чтобы на информационном уровне сформировать необходимые предпосылки и основания для возможности реализации военного сценария. Вероятность такого варианта неизменно входит в повестку дня переговоров между американскими и израильскими официальными лицами. Во время своей встречи с М. Ромни в июне 2012 года Б. Нетаньяху говорил о необходимости «создать сильную и убедительную военную угрозу» в лице Израиля, чтобы воздействие на Иран стало более эффективным⁵.

Ярким примером создания негативного имиджа Ирана через демонстрацию мировому сообществу его агрессивности и опасности стала информационная атака на Исламскую Республику, связанная с покушением на посла Саудовской Аравии в США, о предотвращении которого американские власти объявили 11 октября 2011 года. При этом в осуществлении теракта американские спецслужбы обвинили иранскую организацию «Корпус стражей исламской революции» (КСИР), и ее элитное спецподразделение «Кудс». Последнее якобы пыталось заказать через гражданина США иранского происхождения Мансура Арбабсияра убийство посла мексиканскому наркокартелю за 1,5 миллиона долларов. При этом, по утверждению ФБР, теракт спонсировался и направлялся иранским правительством. Предполагаемым мотивом покушения якобы послужили убийства нескольких иранских ученых-ядерщиков, произошедшие в течение двух последних лет и приписываемые Израилю, заинтересованному в том, чтобы приостановить работу Ирана по созданию ядерного оружия.

⁴ А. К. Пушков. От Давоса до Куршавеля. Где решаются судьбы мира? М., 2011. С. 62.

⁵ См. «Romney would back Israeli military strike against Iran».

Иранские государственные СМИ развернули собственную контрпропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы опровергнуть обвинения в теракте и одновременно выдвинуть собственные обвинения США. Так, иранское государственное новостное агентство IRNA (Islamic Republic News Agency) в числе прочих ярких заявлений цитировало следующее высказывание духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи: «Повторение бессмысленных попыток по насаждению иранофобии подтверждает несостоятельность западных политиков. Их усилия и на этот раз ни к чему не приведут и завершатся безрезультатно. Кампанию антииранской истерии, которую в очередной раз инициирует Запад, ожидает провал»⁶.

При этом Иран отрицал не только свою причастность к теракту, но и сам факт такового, который, по мнению официальных лиц Ирана, был не чем иным, как умелой инсценировкой американских спецслужб, имевшей целью очернить Исламскую Республику в глазах мировой общественности и отвлечь американцев от экономических проблем, вылившихся в создание массового протестного движения «Захвати Уолл-стрит!».

Характерно, что и в самих Соединенных Штатах мнение общественности по поводу события разделилось. Помимо сторонников версии иранского заговора, поддерживаемой в основном ФБР и официальными властями США, как никогда сильно звучали скептические оценки этой версии. Так, например, бывший заместитель советника по борьбе с терроризмом Хуан Зарате, работавший в администрации Дж. Буша-мл., назвал план покушения на посла «очень сложным, странным, а также очень небрежным». Кроме того, Зарате сослался на историю деятельности «Кудс», сказав, что

данное подразделение «может приставить своих оперативников к целям и выполнить операцию. Обычно они не занимаются аутсорсингом, а держат все внутри проверенной сети»⁷.

За пределами США также высказывалось множество сомнений в правдоподобности версии ФБР. По словам Фолькера Пертеса, директора Немецкого института международной политики и безопасности (The German Institute for International and Security Affairs), «все чрезвычайно скептически относятся к разоблачениям американской разведки». Для Ирана такой теракт означал бы «эскалацию в отношениях с США, по масштабу превосходящую времена Иранской революции», и был бы сопоставим с «актом войны»⁸.

Подобный уровень скептицизма, как внутри, так и за пределами США, является еще одной характерной чертой информационных атак на Иран. Именно этот «международный скептицизм» по отношению к американской пропаганде является оборотной стороной внешнеполитической изоляции Ирана. Причина усиления скептических настроений заключается в том, что к настоящему моменту США накопили внушительный «багаж» дискредитирующих фактов, связанных с использованием методов и приемов информационных войн. Среди них, например, — кинопостановки эпохи войны в Ираке, инсценирующие освобождение Джессики Линч, сюжет о поимке Саифа-аль-Ислама в самом начале операции в Ливии и совсем недавние репортажи о митингах в заснеженной Москве... с пальмовыми деревьями в кадре. Эти кинопостановки дополняются общепризнанными фактами откровенной лжи, использованными как основание для военных действий, — такими, как утверждения

⁷ «New York Times». 12.10.2011.

⁸ См. www.stltoday.com/news/national/article_35a10250-1c6b-5b48-acbb-50384dd3f132.html

⁶ См. www.vesti.ru/doc.html?id=600018

о наличии оружия массового уничтожения в Ираке, о преступлениях солдат регулярных войск Ливии против гражданского населения, не подтвержденных организацией «Amnesty International», и т. п. Очевидно, что данные факты достигли критической массы, а американские спецслужбы и СМИ дискредитировали себя операциями такого рода. Поэтому проявление «международного скептицизма» стало вполне логичной реакцией на разоблачение планов покушения на саудовского посла в США.

Однако скептическое отношение международной общественности к разоблачению иранского «заговора» отнюдь не является показателем неэффективности американской пропаганды. Дело в том, что цель последней в данном случае состоит не в том, чтобы любыми средствами убедить мир в злых намерениях Ирана, доказать правоту США, привлечь на их сторону как можно больше единомышленников и обречь Иран на международную изоляцию. Истинная задача — создать *иллюзию* злых намерений, *иллюзию* правоты и *иллюзию* единомыслия. Эффективность пропаганды определяется ее способностью создавать все эти иллюзии. Причем вопросы о том, действительно ли Иран планировал такое покушение, и была ли эта авантюра логична для Ирана, был ли Мансур Арбабсияр агентом иранских спецслужб, и не были ли его поимка и разоблачение очередной инсценировкой, на самом деле не имеют значения. Важно, что подобные обвинения позволили создать впечатление опасности угроз, исходящих от Исламской Республики (связь с террористическими организациями, наличие возможностей реализовывать террористические атаки по всему миру), и дали США формальные основания призвать мировую общественность усилить давление на Иран (не только информацион-

ное, но и экономическое), а также для оправдания возможных дальнейших действий (создания международной военной коалиции по образцу Ливии и начала военной операции).

13 октября 2011 года на совместной пресс-конференции с южнокорейским президентом Б. Обама сказал, что собирается содействовать принятию самых строгих санкций против Ирана на основании тех «убедительных доказательств», полученных США, которые подтверждают причастность иранских властей к покушению. Комментируя сомнительную схему найма мексиканского киллера через гражданина США, президент Обама заявил, что американские власти «знают, что у него [гражданина США] были прямые связи с иранским правительством, что ему платили и им руководили конкретные люди из правительства»⁹. На чем основывалась такая уверенность, президент не уточнил, однако обнародование этих фактов позволило усилить негативный имидж Ирана и стало фактором влияния на мировое общественное мнение. На призыв президента Обамы поддержать международное информационное давление на Иран незамедлительно откликнулись Саудовская Аравия и Великобритания (что неудивительно, учитывая традиционную поддержку, оказываемую Лондоном инициативам США). Официальная Франция также выступила с поддержкой позиции Америки.

К событиям информационной агрессии против Ирана в 2011—2012 годах относятся также случаи кибератак на системы автоматизированного управления иранских ядерных и нефтяных объектов. Последняя из таких атак, по заявлениям иранских СМИ, была успешно отражена 8 октября 2012 года. В информационных атаках против Ирана задействуются ведущие западные агентства. Результатом тако-

⁹ См. «New York Times». 13.10.2011.

го активного участия нередко становятся открытые столкновения, подобные публичным претензиям Ирана к агентству «Рейтер», связанным с публикацией последним видеорепортажа о военной подготовке, которая ведется в Иране. Публикация привела к временной приостановке деятельности агентства на территории Ирана.

Россия до сих пор пытается найти способы примирения американской и иранской позиций в урегулировании ядерного кризиса. США при этом заинтересованы в том, чтобы РФ прекратила сотрудничество с Ираном в какой бы то ни было форме. Для нашей страны такой вариант означает не только экономические потери от остановки совместных российско-иранских проектов в области атомной энергетики (строительство АЭС на территории Ирана и контракты на поставку отработанного ядерного топлива), транспортных проектов и контрактов на поставку вооружений. Россия также понесет нематериальные потери, связанные с падением ее престижа на международной арене, поскольку это будет означать, что РФ потерпела неудачу в роли посредника по урегулированию ядерного кризиса, не сумев повлиять на Иран и уступив под нажимом США. На сегодня российская позиция по иранскому кризису является едва ли не единственным фактором, мешающим осуществлению военного варианта развития событий.

В 1990-е годы наша страна стала одной из первых в цепочке стран, испытывавших на себе весь спектр международного давления, осуществлявшегося по схеме, ставшей впоследствии традиционной: создание негативного имиджа страны-агрессора, введение экономических санкций, постановка вопроса о военном вмешательстве. Так, информационная стратегия западных стран во время первой и второй российских кампаний в Чечне была направлена на то, чтобы создать

негативный образ России и легитимировать действия чеченских сепаратистов в глазах мировой общественности. Для этого Великобритания и Франция организовывали официальные приемы чеченских эмиссаров, широко освещавшиеся в СМИ. Следующим шагом стало требование о введении экономических санкций, выдвинутое Францией на саммите ЕС в декабре 1999 года с целью заставить руководство России начать переговоры с А. Масхадовым. Третьим шагом стало предложение, с которым выступили США на заседании парламентской ассамблеи альянса в ноябре 1999 года, о принятии резолюции НАТО о гуманитарной интервенции в Чечне в обход мнения ООН и ОБСЕ. Реализация плана территориальной дезинтеграции РФ могла бы стать последним завершающим этапом курса либерально-демократических реформ, приведших к развалу экономики, демографической катастрофе (потери от которой сравнимы с потерями СССР в годы Второй мировой войны), разрушению системы образования и беспрецедентному падению нравов.

В случае Ирана наблюдается реализация аналогичной схемы, являющейся частью общей стратегии по реформатированию «Большого Востока». Однако здесь поводом для международного давления являются не сепаратистские движения внутри страны, а старательно культивируемая легенда о возможной разработке Ираном ядерного оружия. При этом если в случае с Ираком в основу военной операции легло *утверждение* о наличии оружия массового уничтожения, то в случае Исламской Республики достаточно одного *предположения*. Если так пойдет и дальше, то, вероятно, следующим шагом развития американских пропагандистских технологий станет полный отказ от ненужной необходимости как-либо объяснять свои действия остальному миру. ◆

ЭМИЛЬ ДАБАГЯН

Аргентина: зигзаги политического развития

Тридцать лет назад в Аргентине пал военный режим, продержавшийся с 1976 года. Возвращение армии в казармы знаменовало переход к восстановлению демократических порядков. Вновь обрела силу Конституция 1853 года, получили возможность вернуться к привычной деятельности две ведущие партии — Гражданский радикальный союз (ГРС), созданный в конце XIX века, и Хустисиалистская партия, образованная в середине прошлого столетия президентом Х. Д. Пероном, пользовавшимся непререкаемым авторитетом (изначально она носила его имя: тогда понятие «перонизм» прочно укоренилось в обыденном сознании и вошло в научный оборот). Стали возникать и другие организации, как правило не сыгравшие серьезной роли на общенациональной арене. В статье анализируются неоднозначные политические процессы в этой латиноамериканской стране с упором на электроальную составляющую.

Возвращение к демократии

На первых после переворота выборах главы государства в 1983 году победу одержал лидер Гражданского радикального союза Р. Альфонсин. Его

поддержали 52 процента граждан. На выборах в парламент за ГРС проголосовали 47 процентов избирателей¹, и она завоевала абсолютное большинство мест в палате депутатов. Ведущим направлением политики радикалов в тот период стало восстановление в полном объеме законности, гражданских прав и свобод, политического и партийного плюрализма, наказание виновников репрессий. Впервые в истории континента бывшие руководители военных хунт оказались на скамье подсудимых. Эти задачи были решены относительно успешно. К 1987 году под контроль легитимной власти удалось поставить все силовые структуры.

Гораздо хуже обстояли дела в экономике. Курс правительства в этом направлении оказался неэффективным, можно сказать, провальным. Не удалось реформировать экономические структуры, подавить инфляцию, она продолжала раскручиваться стремительными темпами, превратившись в гиперинфляцию со всеми вытекающими отсюда последствиями для населения, когда цены стремительно росли, а люди, опасаясь нового скачка, едва успевали истратить наличные деньги. Это не могло не сказаться на итогах

¹ См. «Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы». М., 2000, С. 22.

промежуточных выборов в нижнюю палату парламента. Радикалы потерпели сокрушительное поражение.

Все это вынудило их сократить на шесть месяцев период своего правления и созвать в 1989 году досрочные президентские выборы, завершившиеся приходом к власти лидера Хустисалистской партии молодого энергичного К. С. Менема, потомка арабских эмигрантов, принявших христианство. Он получил 49,3 процента голосов, а его конкурент Э. Ангелос, выдвигавший ГРС, имел лишь 37,1 процента².

По неолиберальным рецептам

Бывший губернатор провинции Ла-Риоха в предвыборной программе обещал повышение зарплаты, «производственную революцию», вследствие которой вновь откроются закрытые фабрики. Поначалу создавалось впечатление, что выдвинутая платформа была выдержана в духе традиционного перонизма. Вопреки ожиданиям своих сторонников Менем круто свернул вправо, совершил вираж от националистического популизма к неолиберализму, начал внедрять эту модель в ее классическом варианте, получившем теоретическое обоснование в документе «Вашингтонский консенсус»³.

Команда, осуществлявшая курс в духе «чикагской школы», сумела добиться впечатляющих успехов в макроэкономической сфере. Подавила галопирующую инфляцию, стабилизировала экономику, смогла достичь устойчивого роста валового внутреннего продукта, положительного сальдо торгового баланса, ликвидировать бюджетный дефицит, увеличить зо-

лотовалютные запасы Центрального банка и годовой доход на душу населения.

Была проведена широкомасштабная приватизация предприятий государственного сектора, целые отрасли хозяйства переходили в частные руки, широко распахнулись двери для иностранного капитала. Наконец, укрепилась национальная денежная единица, установился паритет песо с его величеством долларом, так называемый *currency board*. Повсюду в мире заговорили о чуде. Его архитектор министр экономики Д. Кавалло, кстати, приезжал в Россию после дефолта августа 1998 года по приглашению младореформаторов, которые полагали, что аргентинский опыт представляет интерес для нашей страны. Тем не менее К. Менему не давали покоя лавры его духовного наставника Х. Д. Перона, харизматического лидера, длительное время находившегося у власти. С его именем, как известно, связана важнейшая веха в развитии страны.

В 1993 году на дальних подступах к очередным выборам был заключен так называемый Пакт Оливос — стратегический союз с верхушкой ГРС, преследовавший цель закрепить доминирующие позиции двух партий на политической сцене. В 1994-м создается Конституционный конвент, внесший поправку в Основной закон. Мандат президента сокращался с 6 до 4 лет, но он получал право на повторное избрание. Одновременно устанавливалось проведение второго тура лишь в случаях, если ни один из кандидатов не наберет свыше 45 процентов или при получении 40 процентов разница между ними составит менее 10 пунктов⁴. На выборах в мае 1995 года вновь победил Менем⁵.

² См. «Manual de los Partidos Políticos de América Latina». Madrid, 1997. P. 39.

³ Об этом см. В. М. Давыдов, А. В. Бобровников, В. А. Теперман. Латинская Америка и современный финансово-экономический кризис. — «Латинская Америка». 1999. № 5—6. С. 13—19.

⁴ См. «Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы». С. 14—15, 18.

⁵ См. «Manual de los partidos políticos de América Latina». P. 34.

Отличительной чертой режима стал колоссальный рост федеральной и провинциальной бюрократии. Ее численность превысила 2 миллиона человек — цифра невероятная для страны с относительно небольшим населением (на 2011 год — 42 192 494 человека). Но самым страшным бичом являлась коррупция, поразившая все поры государственного механизма и превратившаяся поистине в национальное бедствие.

В неблагоприятных делах оказались замешанными и высшие должностные лица, включая президента, которому предъявлялось обвинение в участии в незаконных поставках устаревшего и подлежащего списанию оружия Эквадору и Хорватии.

Постепенно выявилась подоплека кажущегося благополучия, его цена. Внешний долг возрос с 63 до 140 миллиардов долларов, безработица выросла до 14,5 процента трудоспособного населения, больно ударив по молодежи, усилилось расслоение между супербогачами и малоимущими, за чертой бедности оказались целые социальные группы. Как следствие — значительно увеличилась преступность, угрожавшая жизни и безопасности граждан.

Левосторонний эксперимент

Тем временем подошла пора выборов 1999 года. Закусив удила, Менем, несмотря на неблагоприятную социально-политическую ситуацию, вознамерился баллотироваться в третий раз. Однако одумался. Ведь, поправка к Конституции, принятая по его ини-

циативе, запрещала делать это. Да у него и не было шансов вновь реально претендовать на высший пост. А амбиции сохранялись. И тогда он заявил, что сразу же по завершении срока полномочий начнет подготовку к следующему избирательному циклу.

Перонисты своим кандидатом выдвинули крупного партийного функционера Н. Дуальде. Ему противостоял один из лидеров Гражданского радикального союза профес-

Отличительной чертой режима стал колоссальный рост федеральной и провинциальной бюрократии. Ее численность превысила 2 миллиона человек — цифра невероятная для страны с относительно небольшим населением.

сор Ф. Де ла Руа. Интрига кампании состояла в том, что на стороне ГРС выступил ранее сформированный Альянс за труд, справедливость и образование. Возникновению коалиции благоприятствовал ряд факторов. Прежде всего, сменилось руководство ГРС, которое долгое время находилось под опекой харизматика Р. Альфонсина, подмявшего под себя ближайшее окружение и требовавшего беспрекословного подчинения указаниям и решениям «вождя». Он тяготел к стратегическому союзу с перонистами.

Сдвигам в настроениях верхушки способствовало и неудачное выступление в 1995 году кандидата от ГРС, занявшего третье место. Одновременно серьезные процессы происходили в сегменте политического поля, расположенном чуть левее центра. Они выразились в постепенном выдвигании на авансцену «мятежных»

групп и течений, быстро набравших вес и наращивавших мускулы. Среди них выделялся Большой фронт, образовавшийся в мае 1993 года на базе диссидентов, отколовшихся от перонистов, а также Южный фронт, состоявший из социалистов, христианских демократов и некоторых активистов, отпочковавшихся от компартии. Наибольших успехов представители этих партий добились на выборах в Конституционную ассамблею, получив в столичном федеральном округе 43 процента голосов. Воодушевленные этим успехом, накануне президентских выборов 1995 года они объединились во Фронт солидарной страны (Фрепасо), выдвинув единого кандидата. В итоге он завоевал второе место.

Несмотря на значительные достижения, руководители «Фрепасо» понимали, что им в одиночку не одолеть хорошо отлаженную перонистскую электоральную машину, хотя кое-где она уже давала сбои. В сложившихся условиях они обратились к руководству радикалов с предложением образовать блок для участия в парламентских выборах в качестве пробного шага на пути к более тесному сотрудничеству. Лидеры ГРС поддержали инициативу. Альянс добился успеха на частичных выборах в Национальный конгресс в 1997-м. В совокупности коалиция завоевала 107 депутатских мандатов, лишив конкурентов абсолютного большинства⁶. Впечатляющая победа во многих регионах и суровое поражение, нанесенное перонистам в столичной провинции, вдохновило членов коалиции на углубление и расширение рамок партнерства. В ходе подготовки к выборам возникли дебаты вокруг кандидатуры на пост главы государства. В числе претендентов фигурировали

К. Альварес, Г. Эрнандес и Ф. Де ла Руа. Соперники-соратники пришли к выводу, что граждане, хотя и созрели для серьезных перемен, но пока еще не готовы отдать предпочтение представителю третьей силы. Немалую роль сыграло и то, что радикал единственный из троицы имел опыт управления мегаполисом.

Особенность кампании заключалась в том, что она развивалась без лобового столкновения. Не было массовых мероприятий, хотя практиковались выходы в места скопления потенциальных избирателей. Упор делался на размещение телевизионных рекламных роликов, посредством которых велись дебаты и формулировались взаимные претензии и обвинения. Выдвиженец Альянса имел репутацию человека скучного и сурового, из-за внешне невзрачной, сухопарой фигуры, немногословности, чопорности и привычки одеваться в один и тот же скромный серый костюм и замшевые башмаки. Консультанты рекомендовали ему изменить имидж, не соответствовавший, по их мнению, представлениям аргентинцев, но он предпочел ничего не менять. Правоту Де ла Руа подтвердили итоги выборов. В них участвовали 24 миллиона избирателей, в том числе около 5 миллионов выполняли гражданский долг впервые. Победа выдвиженца Альянса была убедительной. Завоевав 48,5 процента голосов, он опередил основного соперника на 10 пунктов и стал главой государства⁷.

Несомненно, важнейшую роль сыграл факт позитивной деятельности Ф. Де ла Руа на посту руководителя правительства Буэнос-Айреса, когда менее чем за три года удалось осуществить важные меры в финансовой и социальной сферах, которые мыслилось распространить на

⁶ См. *ibid.* P. 40.

⁷ См. «El Pais». 26.10.1999.

общенациональный уровень. Успех был особенно заметен в крупных населенных пунктах и в столице, гигантском мегаполисе — в так называемом первом поясе, где проживают средние слои с высоким образовательным цензом.

Еще до вступления в должность триумфатор протянул руку перонистам. «Результаты выборов, — сказал он, — обязывают нас к диалогу с оппозицией». Сосуществование с ней на всех уровнях является императивом времени, к этому нас зовут граждане, подчеркнул президент. При этом он принимал в расчет и специфику голосования, когда в ряде провинций избиратель, отдавая предпочтение губернатору перонисту, по федеральному списку поддержал альянсистов. Именно подобная ситуация сложилась в столичной провинции. Исходя из всего этого, новый президент призвал бывших соперников отодвинуть на задний план разногласия и сотрудничать во имя благополучия и процветания родины⁸.

Эти выборы имели и чисто психологическое значение, способствовали переменам в сознании избирателей. Как точно подметил известный мексиканский социолог Х. Кастаньеда, до этого их запугивали дилеммой: Менем или возврат к временам инфляционного хаоса. И они поняли: может быть и иная альтернатива⁹. Казалось, начинался новый этап в жизни страны: на авансцену выдвинулись деятели иного типа, с другим менталитетом. Перемены проявлялись буквально во всем, в том числе и в мелочах. Так, глава государства обнародовал некий свод правил поведения для чиновников. Подавая пример, он выезжал за рубеж регулярными рейсами, если возможно, национальной авиаком-

пании, в салоне первого класса. Сопровождающие лица, а их количество свелось до минимума, следовали бизнес-классом.

Правящая команда включала ряд фигур общенациональной значимости. Среди них выделялся К. Альварес, бывший активист перонистской партии. Покинув ее в 1991 году из-за разногласий по принципиальным вопросам, был в числе учредителей и лидеров «Фрепасо», организованного в декабре 1994-го. Еще раньше в рамках Большого фронта развернулось острое идейно-теоретическое и политическое противостояние между приверженцами левой ориентации и умеренными, которых представлял К. Альварес. Победа его сторонников способствовала повороту к сотрудничеству с ГРС. В октябре 1997 года этот деятель прошел в парламент, а в 1999-м баллотировался на должность вице-президента. В соответствии с Конституцией он являлся еще и председателем сената. Благодаря его авторитету и огромной личной популярности пополнилась копилка победителей. Он — выходец из профсоюзных кругов, хорошо знакомый с пролетарской средой, составлявшей немалую долю населения крупных городов и промышленных центров. Вровень с бывшим профсоюзным вожаком стояла дама Грасиэла Фернандес, выдвинувшаяся из недр правозащитного движения. Позднее единственная женщина в кабинете получила пост министра по социальным вопросам.

Главой правительства президент назначил Р. Терраньо, радикала, члена руководства ГРС, давнего соратника и единомышленника. Это молодой политик из поколения 40-летних, яркий представитель обновленческого крыла. После поражения на выборах президента в 1995 году в партии произошла смена руководства, ее пред-

⁸ См. «El Pais». 25.10.1999.

⁹ См. «Tesis 11 Internacional». 1998. № 38. P. 5.

седателем стал Р. Терраньо. В октябре 1997-го на частичных парламентских выборах он был избран депутатом Национального конгресса от Альянса. Правящая команда строила обширные планы, включая создание новых рабочих мест, реформы трудового законодательства, сферы просвещения. Важнейшим пунктом обозначалось искоренение коррупции, достигшей огромных масштабов, особенно на таможне, в надзорных инстанциях, регулирующих органах, за многомиллионные подношения занижавших, к примеру, стоимость приватизированных предприятий, кладя разницу в собственный карман.

Однако намерениям не суждено было реализоваться. Едва приступив к исполнению обязанностей, коалиция столкнулась с огромными трудностями. Парламент блокировал большинство ее инициатив. В этих условиях, стремясь преодолеть несговорчивость законодателей, исполнительная власть пошла по проторенной дорожке, прибегла к подкупу депутатов. Факт предоставления взятки при обсуждении законопроекта о реформе трудового кодекса для ускорения его прохождения стал доступен общественности — разразился громкий скандал. В знак протеста 6 октября 2000 года подал в отставку вице-президент К. Альварес.

Грубейшей стратегической ошибкой явилось включение в состав правительства министра экономики Д. Кавалло. В угоду собственным амбициям он упорно держался за валютный паритет. В итоге это привело к дефолту со всеми вытекающими тяжелыми последствиями и для страны в целом, и для простых граждан, тогда как часть правящей верхушки извлекла выгоду из ситуации, умудрившись незадолго до события вывести за границу свои капиталы.

Переходный этап

Под занавес 2001 года сложил полномочия Ф. Де ла Руа, на вертолете покинувший свою резиденцию под улюлюканье толпы. Поскольку еще раньше оказалась вакантной должность вице-президента, то образовался беспрецедентный вакуум власти. За короткий промежуток времени (с 20 по 31 декабря) на высшем государственном посту сменилось четыре персонажа — случай поистине уникальный, пожалуй, не только для Латинской Америки. Степень легитимности этих «факиров на час» была минимальной, ибо все они занимали свои должности не по воле народа, а по решению парламента. Перонисты перегрызлились между собой, желая и одновременно опасаясь в столь драматической ситуации занять освободившееся кресло.

Наконец, временным руководителем государства Национальный конгресс избрал Э. Дуальде. По иронии судьбы, проиграв выборы в 1999 году, он спустя два года занял кресло, оставленное соперником. Надо отдать должное его мужеству: Дуальде не побоялся в непростой ситуации взять тяжелую ответственность за вывод страны из кризиса. Он проявил себя как неплохой кризисный управляющий, совместно с новым министром экономики не допустил сползания в пропасть, постепенно добился минимальной стабилизации. Но еще прежде случился дефолт. Песо девальвировалось в три с половиной раза, банки закрывались, вклады замораживались, мгновенно обесцениваясь, люди выходили на улицы, многие в поисках лучшей доли эмигрировали за рубеж.

Политическая обстановка продолжала оставаться весьма напряженной. Замаячили досрочные выборы. Задолго до официального старта кампа-

нии развернулась жаркая полемика о том, какой президент нужен Аргентине. В нее втянулись самые различные слои общества. В центре внимания находились вопросы качества властной элиты, показавшей себя отнюдь не лучшим образом и толкавшей страну на край хаоса и краха. А до этого она торпедировала инициативы находившегося у власти Альянса за труд, справедливость и образование. Дискутировались также вопросы соотношения политики с этикой и моралью. Как известно, одну модель воплощал жесткий и откровенный циник К. Менем. Другую — деликатный Де ла Руа, оказавшийся неспособным проявить политическую волю и справиться с ситуацией. В разгар полемики высказывалось даже мнение о желательности пригласить на «царствование варяга», к примеру из соседних стран — Чили либо Бразилии, где дела шли относительно благополучно.

Досрочные выборы предварительно намечались на март 2003 года. Затем они перенеслись на май. Всего в марафоне участвовало 18 претендентов. Однако большинству из них была заведомо уготовлена роль аутсайдеров. Драматургия кампании заключалась в том, что Хустисиалистская партия, изначально представлявшая собой конгломерат различных течений и тенденций, впервые выдвинула не одного, а трех кандидатов. Не сумев, как случалось раньше, созвать съезд, разрешить противоречия и сплотиться вокруг единого лидера, партия фактически оказалась на грани раскола. Но формально он не произошел, поскольку конкурирующие группировки, зарегистрировав своих выдвиженцев под разными названиями, выступали под общим перонистским флагом. Забегая вперед, скажем, что практически сходная ситуация сложилась и в последующих кампаниях.

В 2003 году одну из колонн вел К. Менем, вознамерившийся вернуться на вершину власти после четырехлетнего перерыва, другой руководил 56-летний А. Родригес Саа, пять сроков являвшийся губернатором провинции, а после бегства президента неделю занимавший его пост. Третьим кандидатом стал мало известный на общенациональном уровне 53-летний Н. Киршнер, губернатор провинции Рио-Гальегос, которая благодаря умелому администрированию в наименьшей степени пострадала от дефолта и относительно безболезненно пережила неурядицы. Он выдвинулся от Фронта обновления, образованного незадолго до выборов.

С перонистами реально конкурировали двое. Р. Лопес Мурфи — правоцентрист, в правительстве занимал пост министра обороны. Позднее вышел из ГРС и создал Федеральное движение за возрождение. Самым неординарным участником кампании являлась Элиза Каррио, депутат от провинции Чако, избранная по спискам ГРС. Впоследствии она образовала аморфное объединение «Альтернатива во имя Республики равных». Как и предвидели аналитики, случилась ожидаемая сенсация, впервые в истории намечалось проведение второго тура.

К промежуточному финишу с минимальным отрывом с 24,36 процента голосами вперед вырвался К. Менем. Он рассчитывал на безоговорочный успех, поэтому не скрывал разочарования итогами раунда. Вплотную к нему приблизился Н. Киршнер, набравший 21,99 процента. Им и предстояло продолжить борьбу. На третью позицию с 16,35 процента вышел Лопес Мурфи, на четвертую (14,14 процента) — Э. Каррио. Следует отметить активность электората, свидетельствующую о понимании гражданами особой ответственности переживае-

мого момента. Явка избирателей составила около 80 процентов¹⁰.

Итоги состязания в значительной степени зависели от того, кому достанутся симпатии 8,6 миллиона граждан, ранее отдавших предпочтение другим, в частности в столице, где сосредоточено 38 процентов электората. В штабах соперников продолжалась интенсивная работа. Менем сделал реверансы в адрес Лопеса Мурфи и Родригеса Саа. Судя по косвенным признакам, оба склонялись к поддержке Киршнера. В свою очередь тот предпринял ряд сильных шагов, в частности встретился с алькальдами от ГРС, заверившими его в своей лояльности. Незадолго до решающей схватки определился фаворит — Киршнер. Согласно опросу общественного мнения, обнародованному 6 мая, он значительно опережал конкурента: за него высказались 58,8 процента респондентов, за Менема — всего 31,7 процента. Это был мощный удар по самолюбию «тяжеловеса». 14 мая, за четыре дня до голосования, находясь в родной провинции, он сообщил, что сходит с дистанции. Экс-президент, панически боявшийся поражения, сделал хорошую мину при плохой игре, бросил в адрес конкурента: «Пусть он остается со своими 22 процентами, а я останусь с народом»¹¹. За этим экстравагантным шагом крылось желание связать по рукам потенциального победителя.

При столь неординарных обстоятельствах новичок из далекой провинции завоевал право занять кресло главы государства. Высокий, стройный, подтянутый мужчина с тонкими выразительными чертами лица, неизменной доброжелательной улыбкой стал хозяином правительственной

резиденции — Розового дома, расположенного в центре столицы.

Неофит у кормила власти

Многие аналитики полагали, что заведомый аутсайдер превратится в заложника обстоятельств. Однако этого не произошло. Несмотря на изначальную шаткость, казалось бы, неустойчивость положения, Н. Киршнер, засучив рукава, энергично, без раскачки приступил к исполнению обязанностей, взялся за решение насущных проблем. В сжатые сроки удалось сформировать эффективную и дееспособную властную команду. Ее костяк составили профессионалы, не связанные с прежними правительствами.

Исключением стал сохранивший свой портфель министр экономики Р. Лаванья. Он в немалой степени способствовал удержанию ситуации на краю пропасти в тяжелейший для страны момент. Оборонное ведомство возглавил не профессиональный военный, а политический назначенец. Разумеется, сменился и руководитель спецслужбы (разведка и контрразведка). Не вполне корректным можно было бы назвать выдвижение министром социального развития родной сестры президента — Алисии, которая, кстати, показала себя неплохим чиновником на аналогичном посту в Санта-Круссе. Заметим, что это назначение не вызвало нареканий в обществе. В числе неотложных шагов администрации стало устранение верхушки вооруженных сил, тесно связанной с прошлым. Среди уволенных в отставку — командующие родами войск, 19 генералов, 13 адмиралов, 12 высших офицеров¹². Это была болезненная мера. Ее целью явилось пресечение в зародыше возможных

¹⁰ См. «Латинская Америка». 2003. № 8. С. 30.

¹¹ Подробнее о перипетиях той кампании см. Э. С. Дабагян. Перонист остается на вершине власти. — «Латинская Америка». 2003. № 8.

¹² См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /05/28/argentina. militar. ap/index.html

поползновений военных к неповиновению гражданским властям.

Параллельно президент сосредоточился на кампании по выборам депутатов Национального конгресса, губернаторов, членов законодательных собраний провинций и городских советов. Особенностью этой процедуры явилось проведение ее не одновременно, а по скользящему графику. Задача сводилась к тому, чтобы в обновленном властном корпусе как в центре, так и на местах, добиться солидного перевеса своих сторонников, учитывая существование различных течений внутри перонистской партии. Несмотря на многочисленные трудности, поставленную задачу удалось решить сравнительно успешно. Первые же выборы, состоявшиеся в начале сентября в провинции Санта-Фе, третьей по численности электората, принесли успех перонисту. Здесь пост губернатора завоевал Х. Обейд, набравший 43 процента голосов. Этот политик, как подчеркнул председатель правительства А. Фернандес, являлся одним из тех, кто олицетворял новую модель политической деятельности. Кроме того, его сторонники добились трех мест в сенате и шести в нижней палате¹³.

К середине сентября кандидаты, опиравшиеся на административный ресурс, победили в трех субъектах федерации: провинциях Буэнос-Айрес, насчитывающей более половины всех избирателей, а также Санта-Крус и Жужуй. Здесь главами региона стали соответственно Ф. Сола, С. Асеведо и Э. Фельнер¹⁴. Принципиальное значение приобрели выборы в небольшой провинции Мисьонес, расположенной к северо-западу от Буэнос-Айре-

са, на границе с Бразилией. Там лицом к лицу сошлись два перониста — Р. Пуэрта, представлявший Хустисиалистский фронт за перемены, и К. Ровера, выдвинутый Фронтом обновления. Примечательно, что за одним кандидатом стоял бывший временный президент Э. Дуальде, а за другим — Н. Киршнер. Победителем беспромииссной битвы за губернаторское кресло, сопровождавшейся драматическими коллизиями, стал К. Ровера. Он набрал 47,8 процента голосов¹⁵.

Партии власти приходилось заключать временные альянсы с формальной оппозицией, кооперироваться с идеологически и политически близкими выдвинутыми ГРС в противовес правым перонистам. Так, в столице Киршнер открыто встал на сторону левоцентриста 45-летнего адвоката А. Ибарры, тогдашнего главы городского правительства, который, заручившись доверием 56,5 процента избирателей, одолел основного соперника — предпринимателя либеральной ориентации М. Макри¹⁶. Он признал поражение еще до окончания голосования, основываясь на данных опроса, проводимого на выходе с избирательных участков¹⁷. Комментируя результаты сражения, влиятельная чилийская газета «Эль-Меркурио» справедливо подчеркивала, что их можно рассматривать как безусловный триумф Киршнера¹⁸. В целом итоги той кампании выглядели следующим образом: перонисты, ориентирующиеся на руководителя страны, возглавили 16 из 23 провинций, располагали 41 из 72 мест в сенате и 133 из 257 в палате депутатов¹⁹.

¹³ См. «El Pais». 30.09.2003.

¹⁴ См. *ibid.*

¹⁵ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/14/ baires. ap/index.html

¹⁶ См. «El Mercurio». 15.09.2003.

¹⁷ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /12/10/ kirchner. man .../index.htm

¹³ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/08/ argentina. elec..../index.html

¹⁴ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/15/ argentina. elec..../index.html

Разумеется, все это повлияло на изменение политического ландшафта, способствуя укреплению позиций киршнеристов. В результате рейтинг президента, согласно социологическим опросам, поднялся до 80 процентов. По мнению местных наблюдателей, голосуя за кандидатов, придерживающихся линии федеральной власти, граждане демонстрировали доверие главе государства. Тем самым они помогали созданию прочной опоры для его правительства, которое, казалось бы, родилось слабым, но чья мощь постепенно нарастала²⁰. Так Киршнер превратился в признанного лидера.

Правда, позиции президента внутри перонистского движения продолжали оставаться непочвными. Свою собственную игру по-прежнему вел Э. Дуальде, контролировавший партийный аппарат в провинции Буэнос-Айрес. Он продолжал раздавать «теплые местечки» доверенным людям. Поэтому ни губернатору Соле, ни самому Киршнеру не удалось включить в список депутатов ни одного кандидата, придерживающегося их линии. Однако аналитики справедливо отмечали, что стремление добиться абсолютного большинства в обеих палатах может обернуться минусом для правящей группировки.

В то же время укрепились позиции ГРС, постепенно оправившегося от жесткого удара, полученного в результате декабрьских событий 2001 года. В тот момент партия располагала 45 мандатами в нижней палате и 20 — в сенате Национального конгресса, 4 губернаторскими креслами и занимала посты глав почти 600 местных администраций. Все это дало основание газете «Clarín» говорить о своеобразном «чуде радикализма»²¹. Партия

выглядела более консолидировано, чем раздираемые противоречиями соперники. Налицо было ее сближение по ключевым вопросам с одним из течений перонизма.

Стратегия Киршнера, получившая название «пересекающихся линий», сводилась к привлечению людей, тяготеющих к его проекту. Ключевой тезис этой стратегии сформулировал опытный партийный функционер А. Фернандес, занимавший пост министра внутренних дел. «Действия президента, — утверждал он, — возвращаются к сущности нашего движения, собирающего вокруг себя тех, кто не мыслит аналогичным образом либо не является истинным перонистом». Иными словами, речь шла о том, чтобы не оставлять за бортом другие конструктивные силы²². Обновляя элиту за счет притока свежих сил, власть решала и тактические задачи, способствуя укреплению собственных позиций.

Президент и его окружение взяли курс на ее расширение и углубление демократии. Вступая в должность, глава государства в эмоциональном ключе сформулировал приоритетные задачи, стоящие перед администрацией. Он сказал: «Надлежит возродить отечество, восстановить справедливость, бороться с коррупцией, покончить с воровством в белых перчатках»²³. Так обозначилось другое ключевое направление внутриполитической деятельности. Первым конкретным шагом явилось отстранение от занимаемых постов десяти наиболее одиозных руководителей правоохранительных органов, замешанных в систематических и грубых нарушениях элементарных прав граждан, необоснованном содержании под стражей, в пытках и прочих деяниях.

²⁰ См. «ALAI. América Latina en movimiento». 2003. № 375. P. 3.

²¹ См. «Clarín». 19.09.2003.

²² См. *ibid.* 19.10.2003.

²³ См. «Jornada». 7.11.2003.

Значительный резонанс в обществе вызвало смещение руководителя федеральной полиции по подозрению в получении взятки. Генеральному комиссару инкриминировалось незаконное предоставление подряда в размере около 700 тысяч долларов на информатизацию госпиталя в столице двум фирмам, руководители которых находились с ним в родственных отношениях²⁴. Принципиальное значение имело инициирование реформы Верховного суда. Дабы предупредить возможную критику в намерении сформировать суд из числа приверженцев правительства, был издан декрет, предусматривавший, что процедура избрания на должности его членов стала гласной, открытой с участием представителей гражданского общества. Сначала подал в отставку председатель суда Х. Насарено. Затем его примеру последовала вся верхушка.

Состав высшей судебной инстанции пополнился за счет видных юристов, пользующихся авторитетом и не запятанных участием в противоправных, темных махинациях. Среди них университетский профессор Э. Заффарони. Он стал «подопытным кроликом», на котором обкатывалась новая модель, поскольку прошел публичное «чистилище», где представители неправительственных организаций имели возможность задать вопросы и высказать соображения по кандидатуре²⁵. Под занавес 2003 года произошло знаковое событие. Впервые в истории на должность члена Верховного суда была выдвинута женщина, специалист по уголовному праву К. Аргибай. В период диктатуры она девять месяцев находилась за ре-

шеткой (кстати, в феврале 2004 года на вакантное место выдвигается еще одна дама — Е. Хигтон, специалист по гражданскому праву²⁶).

Принципиальным шагом явилось решение об отмене законов об амнистии — в том числе так называемого закона о последней точке, подводившего черту под всем, что творилось в период диктатуры. Они освобождали виновных от ответственности за совершенные тогда злодеяния²⁷. Тем самым Аргентина привела свое законодательство в соответствие с Международной конвенцией ООН 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. В октябре 2003 года были переданы суду 16 высокопоставленных военных, ранее избежавших наказания по закону об амнистии. Началось расследование нелегальной деятельности печально знаменитой Школы по подготовке технических кадров ВМС, которая превратилась в центр изоциренных пыток противников режима²⁸. Глубоко символичной стала поддержка властями предложения правозащитников о создании в помещении Школы, расположенной на севере столицы, мемориального музея. В июне 2006 года был принят Закон о национальной обороне, согласно которому сокращались функции вооруженных сил: из их ведения изымались контроль за наркотрафиком и обеспечение внутренней безопасности.

В целом деятельность властей получила одобрение оппозиционных партий. Свое отношение к ней лидер «Альтернатива во имя Республики равных» Э. Каррио выразила в своеобразной форме, заявив: «Лучше про-

²⁴ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /10/02/ argentina. com .../index/htm

²⁵ См. CNN en espanol. com. /2003/ americas /12/03/ argentina. cort .../index/htm

²⁶ См. CNN en espanol. com. /2004/ americas /02/17/ argentina. cort .../index/htm

²⁷ См. «El Pais». 14.07.2007.

²⁸ См. «Jornada». 14.01.2003.

тивостоять такому правительству, чем коррупционному и мафиозному»²⁹. В свою очередь экс-президент Р. Альфонсин, выступая перед соратниками, сказал, что, хотя демократия пока еще «хромающая», подразумевая наличие острых социальных проблем, мы в основном поддерживаем проводимый курс³⁰.

Действительно, за период правления команды Н. Киршнера удалось решить ряд острых проблем. Страна оправилась от дефолта, из-за границы вернулись многие ее граждане. Имелись достижения и на других фронтах. Однако обозначились и признаки негативных тенденций, в частности к монополизации политической жизни и ряд других. В полной мере они проявились позднее.

Тем временем приближались очередные выборы. Казалось, вопросов не было, учитывая высокий рейтинг главы государства, достигавший 70 пунктов, и конституционное право избираться на второй срок. Но всех удивил глава государства: он предложил вместо себя выдвинуть свою жену Кристину Фернандес.

Семейный тандем

Дело в том, что супруга получила широкую известность намного раньше мужа. В конце 1980-х годов она стала депутатом нижней палаты парламента. До и после победы Н. Киршнера она оказывала ему всяческую поддержку, в том числе — законодательную. К моменту окончания президентского срока мужа она уже являлась сенатором, обрела самостоятельный политический вес, активно содействовала продвижению президентских инициатив, без ее участия не принималось ни одно значимое

решение. Она даже обзавелась собственным кабинетом в Розовом доме, что вызвало недовольство наблюдателей.

Драматургия президентской кампании 2007 года заключалась в том, что официальному кандидату, пользовавшемуся в полной мере административным ресурсом, противостояли сильные конкуренты. Среди них Р. Лаванья, бывший министр экономики. Он во много способствовал преодолению кризиса, вызванного дефолтом, и впоследствии критиковал правительство за отсутствие рачительности, нерациональное использование финансовых средств, утверждал, что блага от экономического роста достаются далеко не всем, считал необходимым восстановить равновесие между ветвями власти. В числе соперников была еще одна женщина — Э. Каррио, пытавшаяся вторично сплотить разрозненные левые силы. Не следовало сбрасывать со счетов и экономиста правого толка Р. Лопеса Мурфи, который вновь, как и в 2003 году, заявил о претензиях на высший пост. В конечном итоге, однако, супруга экс-президента одолела всех соперников, завоевав легитимное право занять высшую должность. Президентскую ленту она получила из рук мужа.

Так возник некий прообраз будущего российского тандема, правда, в иной конфигурации. Но смерть супруга в октябре 2010 года помешала реализации гипотетической задумки. В сложившихся обстоятельствах К. Фернандес выдвинулась на второй срок. Тем более что шансы у нее были велики, благодаря способности преодолеть экономический кризис. Спустя четыре года в очередном электоральном цикле она вновь баллотировалась и в первом же туре одолела конкурентов, завоевав больше, чем все остальные кандидаты вместе взя-

²⁹ См. «Clarín». 21.09.2003.

³⁰ См. «Clarín». 10.10.2003.

тые. К. Фернандес поддержали свыше 54 процентов избирателей. Она добилась наивысшего показателя за постдиктаторский период. Идущий следом социалист Э. Биннер отстал на 16 процентов, что тоже стало своеобразным рекордом, превысившим разницу между Х. Д. Пероном и радикалом Р. Бальбином в 1973 году³¹. Заметим, что исход того состязания был предрешен, поскольку несколько ранее состоялись беспрецедентные для континента праймериз, обязательные для всех граждан и партий, на которых президент наголову разбила соперников, заручившись поддержкой 50,24 процента избирателей. Это ошеломило и выбило из колеи оппозицию, лишив ее мотивации³².

Вступив в должность вторично, президент вскоре столкнулась с финансовыми трудностями. Пытаясь их преодолеть, в мае 2012 года она решила национализировать нефтяную компанию YPF, филиал испанской транснациональной корпорация «Repsol», и тем самым предпочла путь боливийских стран. Позднее были введены ограничения на обмен иностранной валюты при поездках за рубеж. Это вызвало протесты граждан, привыкших к свободному выезду и недовольных подобными мерами, что в свою очередь повлекло политические неурядицы. Вновь возобновились знаменитые «кастрюльные марши», некогда сотрясавшие общество. Но самой тревожной для президента тенденцией стало появление острых разногласий по многим вопросам с У. Мойано, председателем крупнейшего профсоюзного объединения — Генеральной конфедерации труда, которая неизменно оказывала поддержку перонистским властям.

Во второй президентский срок у главы государства на передний план выдвинулись авторитарный стиль и манера управления. Она стала избегать диалога, предпочитала слушать тех, кто вещал приятное. Как отметил один из экспертов, «К. Фернандес живет изолированно в мире лизоблюдов и аплодисментов. Ее не терзают сомнения. У нее всегда есть много что сказать. Иногда говорит на публике о важных делах, которые всех беспокоят. Но порой выражается так, будто живет в другой стране. Якобы это не Аргентина, а Канада либо Швеция, где нет инфляции, а уровень жизни населения приближается к самому высокому в мире»³³.

Специфику сложившейся ситуации затрагивал и аналитик Х. Моралес Сола. В своей статье под весьма характерным заголовком «Власть как частная собственность», он пишет, что особенность правления семейства Киршнеров состоит в недооценке роли партий и постоянных столкновениях с важными социальными секторами: предпринимателями, церковью, непокорной прессой. Все они были и остаются носителями «антипатриотических» идей. Когда «родина» — это собственность немногих, остальные неминуемо превращаются во врагов, которых надлежит занести в проскрипционные списки³⁴. Возможно, сказано излишне резко — но зато более чем четко.

Ныне глава государства вынашивает планы внесения поправки в Основной закон, снимающей лимит на количество избраний президента. Выдвигаются аргументы того плана, что нынешняя глава государства, имевшая заоблачные рейтинги, обязана не отказаться от выдвижения

³¹ См. «La Nación». 20.10.2011.

³² См. www.infolatam.com/2011/09/18/argentina-la-campana-electoral-arranca-con-fernandes-favorita-y-la-oposicion-desmotivada/

³³ См. www.infolatam.com/2012/06/07/ella-habla-sola-2/

³⁴ См. www.infolatam.com/2011/05/25/el-poder-como-propiedad-privada/

на очередной срок, поскольку ей не существует достойной альтернативы. Добиться реализации подобных планов в парламенте не составит проблемы, учитывая подавляющее большинство, которым партия власти обладает в обеих палатах. В разработке проекта активное участие принимает Максимо, сын К. Фернадес, создавший под своей эгидой молодежное движение, названное «киршнеристским».

Похоже, политическая жизнь в Аргентине, в отличие от ближайших соседей — Уругвая и Бразилии, имеет тенденцию к движению вспять и все более поворачивается к периоду безраздельного доминирования перонизма, когда в обстановке всеобщей эйфории в угоду амбициям первого лица приносились в жертву элементарные нормы демократии. Весьма примечательно, что в настоящее время возрождается культ некогда пользовавшейся особой популярностью Эвы Перон. Так, например, весьма «кстати» появилась банкнота с ее изображением. Вольно или невольно власти пытаются внушить обывателю мысль о параллелях между этой легендарной деятельницей, чья кончина повергла народ в глубокий траур, и нынешней главой государства. Подобную сентенцию в марте 2011 года высказала руководитель ассоциации «Матери Майской площади», заявившая: «Это две самые великие женщины нашей страны»³⁵.

Вместе с тем имеются признаки того, что постепенно зреют силы, способные покончить с монополизмом и концентрацией власти в руках

одного клана, вернуть Аргентину на путь плюралистической демократии. Так, например, собирается поступить бывший вице-президент Х. Кобос, один из лидеров ГРС, баллотировавшийся в связке с К. Фернадес на выборах 2007 года, когда она еще следовала линии супруга на союзы с родственными силами. Спустя короткое время этот деятель подал в отставку, формально не согласившись с рядом положений налоговой реформы, а фактически — отвергая авторитарные тенденции в политике главы государства. Теперь ускоренными темпами идет собирание коалиции сил, оппозирующих нынешнему курсу. Признаком неблагополучия в правящей элите стал «бунт» губернаторов ряда крупных провинций, недовольных чрезмерной централизацией, урезанием их полномочий, идущим вразрез с принципами федерализма, заложенными в Основном законе.

Примечательно, что, согласно замерам общественного мнения, проведенным в августе 2012 года, идею выдвижения К. Фернадес на третий срок отвергали 60 процентов опрошенных. В сентябре прокатилась мощная волна «кастрильных маршей» с требованием отказаться от реализации этой идеи³⁶. В ноябре под аналогичными лозунгами прошла общенациональная акция протеста.

Проведенный анализ подтверждает тезис о зигзагообразности политического процесса в Аргентине после возвращения военных в казармы. Кажется, на очереди — начало нового «витка» национальной политики. ◆

³⁵ М. А. Ярыгина. Образ Эвы Дуарте де Перон в предвыборной кампании Кристины Фернадес де Киршнер. — «Латинская Америка». 2012. № 5. С. 63.

³⁶ См. «El Nuevo Herald». 14.09.2012.

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ, ГРИГОРИЙ МОРОЗОВ

Северная Русь

К 1150-летию российской государственности

Ленинградская область образована в 1927 году. На 1 января 2011 года ее территория составила 83,9 тысячи квадратных километров. На ней проживает свыше 1,7 миллиона человек (1,2 процента от численности населения Российской Федерации). Область расположена на северо-западе Европейской части России, омывается Финским заливом Балтийского моря, Ладожским и Онежским озерами. На большей части территории — низменности (Прибалтийская, Приневская, Вуоксинская, Свирская и др.) — Ленинградская область граничит с Республикой Карелия, Вологодской, Новгородской, Псковской областями. Государственная граница — с Эстонией и Финляндией.

На территории современной Ленинградской области издревле жили различные славянские племена, селившиеся по берегам рек — главных торговых путей той поры. Уже в конце VIII века путь из Скандинавии в земли Арабского

халифата соединил Балтийское и Каспийское моря. Чуть позже, в IX веке, был освоен новый путь — «из варяг в греки». Он связал северные страны с Причерноморьем, Скандинавию и Прибалтику с Византией. С севера на юг везли оружие, лес, меха, мед, воск, янтарь, а в обратном направлении — пряности, ювелирные и стеклянные изделия, дорогие ткани, книги, хлеб, вино. Важнейшим из торговых путей был Волхов, соединявший два озера — Ладогу и Ильмень. Однако передвижение по Волхову затруднялось множеством порогов, и возле самых сложных из них в VIII веке возникло (основано около 750 года) поселение, ныне именуемое Старая Ладога.

Старая Ладога (до 1703 года Ладога) — село в Волховском муниципальном районе Ленинградской области, административный центр Староладожского сельского поселения — расположена на левом берегу реки Волхов, в 8 километрах к северу от административного центра района — города Волхова. До 1703 года Ладога была городом. В 2003-м согласно указу Президента Российской

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич — председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике, представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Ленинградской области, председатель Попечительского совета Международного Русского исторического общества, член Попечительского совета ассоциации «Русское историческое общество», доктор экономических наук.
МОРОЗОВ Григорий Никитич — помощник председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, кандидат юридических наук.

Федерации отмечалось 1250-летие села, в ходе которого оно представлялось как «древняя столица Северной Руси». Сегодня в Старой Ладоге находится исторический музей-заповедник, объединяющий множество памятников истории и культуры Древней Руси, в числе которых и крепость Ладога.

В VIII веке по берегам рек — торговых путей сложилось обширное полиэтническое объединение под названием «Северная Русь». Как и у других славянских племен, у обосновавшихся здесь словен и кривичей земля представляла собой собственность племени. Верховным органом управления и суда являлось народное собрание (вече), в котором участвовали свободные вооруженные мужчины. Наряду с ними существовали совет старейшин племени, решавший менее важные вопросы, а также князь, избираемый собранием.

Важное для истории России событие, которое связано с Ладогой, приходится на 862 год. Его считают изначальным в становления русской государственности. В этом году, после смерти старейшины Гостомысла, народным вече был приглашен править знатный скандинав Рюрик с братьями и дружиной. Его призвание описывает «Повесть временных лет»: «И начали люди сами меж собою владеть, но не было в них справедливости; востал род на род, быша междуособия, воеваша друг на друга, сами себя более, нежели неприятели, разоряли. Сие видя, старейшины земли, собравшись от словен, руси, чуди, кривичь и прочих предел, разсуждали, что земля Руская, хотя велика и обильна, но без князя распорядка и справедливости нет; сего ради нужно избрать князя, который бы всеми владел и управлял. И согласяся, по завещанию Гостомыслову, избрали князя от варяг, на-

зываемых руссов. И сяде старейший Рюрик в Ладоге, другий Синеус сяде у нас на Белеозере, а третий Трувор в Изборску...»

В ту пору Ладога представляла собой город-порт, который служил местом контакта различных этнических групп и культур: славян, финнов и скандинавов. Здесь собирались купеческие караваны, бойко шла торговля. Ладожане удивительно быстро учились делать то, что пользовалось спросом в близких и дальних землях.

В состав земель Великого Новгорода территория современной Ленинградской области входила с 1136-го по 1478 год. Во второй половине XII века на побережье Финского залива резко усилилась борьба между европейскими государствами за право контроля над торговыми путями и близлежащими к ним землями. Запад повел быструю военно-церковную колонизацию прибалтийских земель, и вскоре там возникли первые епископства, рыцарские ордена меченосцев и тевтонов. В результате нескольких крестовых походов XII—XIII веков Дания покорила, крестила и обложила данью пять племен в Эстляндии. Обострилась и торговое соперничество Великого Новгорода с «Готским берегом» — объединением германских торговых городов. Началась война со Швецией, затянувшаяся на столетия.

В начале XIII века власть Великого Новгорода полностью распространилась и на земли чуди, води, ижоры, корелы, где возникли крепости с постоянными гарнизонами. В переломные для всего Северо-Запада 1212—1242 годы Великий Новгород, опираясь на поддержку соседних княжеств, сумел отразить агрессию Ливонского ордена и Швеции и установить западный рубеж своих владений по реке Нарве.

Особое значение среди сражений того времени имели знаменитая Невская битва 1240 года и Ледовое побоище на Чудском озере 1242-го, в которых новгородским князем Александром Ярославичем были одержаны решающие победы.

В конце XIII века шведы захватили сначала Западную Карелию и построили замок Выборг, а чуть позже, завоевав Корелу, основали крепость Кексгольм. Летом 1300 года новая шведская крепость Ландскрона выросла прямо на Охтинском мысу при впадении реки Охты в Неву; однако уже в мае 1301 года она была разрушена новгородцами. Через двадцать лет борьба завершилась изгнанием шведов из Корелы. В 1323 году был заключен Ореховецкий договор между великим князем Юрием Даниловичем и королем Магнусом VII Эриксоном — первый в истории русско-шведских отношений договор о «вечном мире». И, несмотря на отдельные походы шведов и даже захват ими крепости Орешек, сторонам удалось почти полтора столетия держаться в рамках мирного договора 1323 года.

Возникшие в период Средневековья на северо-западных рубежах Руси города-крепости Ладога, Орешек, Корела, Тиверский городок, Копорье, Ямгород, Порхов, Ивангород и, конечно же, Псков и Новгород стали мощным оборонительным щитом всей Руси, заслонившим ее от иноземных вторжений с Балтики.

Присоединение владений Великого Новгорода к Московскому государству, несмотря на обострение военных конфликтов в приграничной зоне, в целом способствовало дальнейшему развитию хозяйства и устойчивому процветанию Северо-Запада до середины XVI века. Этот регион сохранил свою специфическую социально-политическую структуру,

обусловленную особенностями его географического и экономического положения и исторического развития. В XV—XVI веках происходило активное сельскохозяйственное освоение новых территорий региона. К концу XV века в центральных и южных районах Новгородского края существовало 40 тысяч населенных пунктов, в которых проживало до 520 тысяч человек. Среди населенных пунктов в основном были мало-дворные (до 4 дворов) деревни, села (в среднем по 30 дворов) и сельца (5—10 дворов), торгово-ремесленные поселения — рядки (вдоль речных путей до нескольких десятков дворов). Весной 1557 года Иван IV велел «на Нерове ниже Ивангорода на устье на морском город поставити для корабельного пристанища...». И в июле на Балтике появился первый русский порт.

Временем тяжелейших военных испытаний для всего Северо-Запада стала Ливонская война (1558—1583). С разгромом Ливонского ордена в 1559 году Россия не достигла желаемой цели — утверждения на Балтике и непосредственного выхода на европейские торговые пути. Страна втянулась в длительную и тяжелую борьбу со своими соседями — Литвой, Польшей, а позднее и Швецией — за «Ливонское наследие». Ливонская война закончилась подписанием в 1582 году Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой и в 1583-м Плюсского перемирия со Швецией. Россия была вновь оттеснена от Балтийского моря.

Но вскоре ей удалось вернуться на балтийские берега: по Тязвинскому миру со Швецией (1585 год) были возвращены Ивангород, Ям, Копорье и Корела. Но начавшееся Смутное время вновь изменило ситуацию на северо-западных окраинах страны. В 1617 году в деревне Столбово, не-

далеко от Тихвина, был подписан мирный договор России со Швецией, ставший (наряду с Деулинским перемирием с Речью Посполитой) одной из вех, завершивших период острейшего государственного кризиса начала XVII века. По его условиям Швеции вновь передавались Ивангородский, Ямской, Копорский и Ореховский уезды Ижорской земли и подтверждались условия договора 1609 года о передаче ей же Корельского уезда. По Столбовскому миру население должно было оставаться на своих местах. Только монахи, дворяне, дети боярские и посадские люди могли в течение двух недель покинуть территорию, переходившую под власть Швеции.

Ижорская земля, которую шведы именовали «Ингерманландия», находилась под властью Швеции с 1617-го по 1702—1703 годы. Россия не примирилась с установлением шведского владычества на Ижорской земле и в Корельском уезде. Она была готова воспользоваться любыми осложнениями на Балтике для ее возвращения. В конце XVII века русские неоднократно вели военные действия против шведов. Так, в 1656 году царь Алексей Михайлович (1645—1676) лично возглавил поход в Лифляндию. Русские войска осадили Ригу, но овладеть ею не смогли и в конечном итоге отступили. Во второй половине XVII века Россия дважды пыталась оказать дипломатическое давление на шведское правительство с целью возвращения Ижорской земли. Безуспешные требования вернуть России утраченные в 1617 году земли выдвигались при царе Федоре Алексеевиче (1676—1682) и позже, при царевне Софье (1682—1689). Вернуть Ижорскую землю удалось лишь Петру Великому (1682—1725) в начале XVIII века.

В 1700 году Петр I возобновил борьбу за выход России к берегам Балтики, за возвращение земель «дедич и отчич». Территория современной Ленинградской области стала театром военных действий Северной войны (1700—1721). Начало боевых действий ознаменовалось разгромом русских войск под Нарвой. Но уже в 1702 году Ладожское озеро было освобождено от шведских кораблей: лодочная флотилия полковника Тыртова вынудила адмирала Нумерса увести их в Выборг. 11 октября после упорного 13-часового штурма была взята крепость Нотебург, которую Петр символично переименовал в Шлиссельбург — «ключ-город», имея в виду выход в Финский залив. Эта победа открыла русской армии путь к устью Невы. Весной 1703 года освобождение древней Ижорской земли от шведов было завершено. Закрепляя выход России к морю, Петр I заложил 16 мая 1703 года на одном из островов невольской дельты новую крепость Санкт-Петербург, которой суждено было стать столицей Российской империи.

Закладка и строительство в XVIII веке новой столицы придали нашим землям особую значимость. В этот период жизнь губернии во многом определялась потребностями столицы в стройматериалах. Были построены кирпичные заводы на реках Ижоре, Тосне, Неве (у Шлиссельбурга). Известь заготавливали на реках Сясь, Тосна, Пудость. Пудожским камнем-известняком, добываемым около Гатчины на реке Пудость, облицованы фасады Казанского собора, из этого камня построен Павловский дворец в Гатчине. Лес для строительных работ в столице заготавливали в Новоладожском, Тихвинском, Ямбургском, Лужском уездах и сплавливали по Неве и Тосне. В губернии

действовали многочисленные лесопильные заводы.

В 1708 году была образована Ингерманландская губерния, которая через два года была преобразована в Санкт-Петербургскую. Она занимала обширную территорию — более 482 тысяч квадратных километров, и включала в себя земли нынешней Ленинградской области почти в современных границах, а также районы Новгорода, Пскова, Твери, Ярославля, Каргополя и Великих Лук. Промышленность губернии в то время была в основном ориентирована на производство строительных материалов и добычу нерудных полезных ископаемых. Добываемый в карьерах камень широко применялся для устройства фундаментов и цоколей, сооружения мостов и набережных.

Особое место в промышленном развитии Северо-Запада России XVIII—XIX веков играли предприятия, связанные со строительством Балтийского флота и вооружением армии. До 1830 года действовала Олонецкая верфь в Лодейном Поле. С ее стапелей было спущено более 450 судов. Корабли, построенные замечательными русскими мастерами, с честью несли Андреевский флаг в морских сражениях на Балтике и Средиземном море, участвовали в кругосветных плаваниях и географических открытиях. Для нужд флота в 1723 году был создан Ижорский завод, превратившийся в крупнейшее предприятие тяжелого машиностроения. Огнестрельное и холодное оружие, а также продукцию для флота с 1724 года выпускал и Сестрорецкий оружейный завод — старейшее предприятие на территории области.

Создание столицы на окраине государства потребовало в XVIII—XIX веках немалых усилий по организации транспортных связей с центральными

районами страны. Первостепенную роль в доставке грузов в Петербург играли водные пути сообщения. Крупной транспортной системой Санкт-Петербургской губернии была Мариинская водная система, начавшая действовать в 1810 году и законченная строительством в 1852 году. Доставка грузов из Поволжья в Санкт-Петербург и далее, на север России, значительно упростилась. В 1910 году Мариинская водная система была награждена золотой медалью на Всемирной выставке в Париже как выдающееся достижение инженерной мысли. Благодаря судоходству по Мариинской водной системе получили развитие такие населенные пункты, как Подпорожье, Важины, Мятусово, Пидьма. Вознесенье, расположенное в устье реки Свири, стало центром перевалки грузов с озерных судов на речные. Здесь были открыты крупные судоремонтные мастерские, от которых берет свое начало нынешняя Вознесенская ремонтно-эксплуатационная база флота.

Мариинская водная система была крупнейшей, но не единственной искусственной водной системой, соединившей Волгу и Санкт-Петербург. Самый старый искусственный водный путь этого направления — Тихвинская водная система, идея создания которой принадлежит Петру I. Построенная к 1811 году трудом тысяч крестьян из разных губерний России, она состояла из 7 шлюзов и 65 полушлюзов, позволявших пропускать ежегодно до 6 тысяч судов.

Большое значение для экономического развития Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX века имело также строительство железных дорог. Первая такая дорога Петербург — Царское Село была открыта в 1837 году. В 1851-м было закончено сооружение двухколей-

ной Николаевской железной дороги, соединившей Москву и Петербург. Во второй половине XIX века по территории губернии были проложены Финляндская, Балтийская, Московско-Виндава-Рыбинская, Варшавская, Северная (Петербург—Вологда—Вятка) и ряд других железных дорог. Их доля в грузовых и пассажирских перевозках росла с каждым годом.

После Октябрьской революции 1917 года и провозглашения независимости Финляндской республики Санкт-Петербургская (теперь уже — Петроградская) губерния стала приграничным регионом. В ходе реформы административно-территориального устройства страны 1 августа 1927 года была образована Ленинградская область. Как и Санкт-Петербургская губерния в 1710-м, Ленинградская область была очень крупным образованием, включившим в себя такие города, как Псков, Новгород, Мурманск и Череповец с окружающими их районами, а также несколько районов Калининской области. Затем в ходе административных преобразований, проводившихся перед Великой Отечественной войной и в годы ее, были созданы Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, что соответственно повлекло уменьшение территории. Вместе с тем после советско-финской войны (1939—1940) в состав Ленинградской области вошли крупные поселки, ранее принадлежавшие Финляндии — Каннельярви, Койвисто и Рауга, и подчиненные им территории. В 1944 году территория Карельского перешейка была передана из состава Карело-Финской ССР в состав Ленинградской области, и ее частью стали Выборгский и Кексгольмский районы с городами Выборг (крупный административный

центр) и город Кексгольм (в настоящее время — Приозерск). Выборгский замок и крепость Корела в Приозерске сегодня являются жемчужинами туризма Ленинградской области.

В настоящее время в России идет активная реформа электроэнергетики — развитие отрасли, которое позволит бесперебойно снабжать электроэнергией существующих и новых потребителей, является ключевой задачей. 90 с небольшим лет назад, в ходе реализации плана ГОЭЛРО, государство решало еще более масштабные задачи по электрификации всей страны. Яркое наследие плана ГОЭЛРО — Волховская ГЭС. Ее строительство началось в 1915 году, однако завершению стройки помешали Первая мировая, а затем Гражданская войны. Спроектированная выдающимся русским инженером Г. О. Графтио и введенная в строй в 1926 году, Волховская ГЭС — первая из тридцати, намеченных по плану ГОЭЛРО. Рядом с ГЭС разросся рабочий поселок, с 1933 года ставший городом Волховстрой, а в 1940-м получивший имя «Волхов».

Волховская ГЭС является важной частью энергосистемы Ленинградской области. Но прежде всего она обеспечивает электричеством двух крупнейших потребителей города Волхов: узловую станцию железной дороги «Волховстрой» и Волховский алюминиевый завод — первенца российской алюминиевой промышленности, введенного в строй в 1932 году. Производство алюминия — сложный, многоступенчатый процесс. Волховский АЗ выпускает конечную продукцию цикла — первичный алюминий. Строительство бокситовых рудников по добыче

сырья для производства алюминия было начато близ Тихвина на заре индустриализации, в 1929 году. Обнажения ярко-красных глин отмечались геологами в этих местах давно — упоминания о них встречаются в геологических описаниях уже в 1869 году. Однако промышленная разработка тихвинских бокситов началась значительно позже. В 1935 году обширный рабочий поселок у рудников получил название «Бокситогорск»; а в 1938-м вступил в строй Бокситогорский глиноземный завод.

Заметим, что эти первенцы первых пятилеток изначально должны были стать лишь частью масштабного промышленного комплекса на Северо-Западе СССР. В 1930-е годы началось строительство целого ряда связанных с ним объектов, например каскад Свирских ГЭС (к 1941 году успели построить только одну, в поселке Свирьстрой близ Лодейного Поля). Но завершению этих планов помешала Великая Отечественная война.

Занимающая пограничное положение Ленобласть быстро стала фронтовой территорией. С севера границу перешли финские войска. Они заняли свои бывшие территории и продвинулись дальше — до северного берега реки Свирь. Финская армия находилась там до лета 1944 года. По берегу реки ими была оборудована протяженная цепь долговременных огневых сооружений, часть из них можно увидеть и сегодня. Жители многих деревень Присвирья были угнаны в финские концентрационные лагеря. В ходе Свирско-Петрозаводской наступательной операции советских войск в июне—августе 1944 года финская оборона была про-

рвана, бывшая государственная граница — восстановлена.

С южной стороны в Ленинградскую область вошли войска вермахта. В ходе тяжелейших боев лета—осени 1941 года войска Красной армии были вынуждены оставить врагу значительную территорию на юго-западе области. Два эпизода боев 1941 года хочется выделить особо — они уникальны даже на фоне той отваги и стойкости, которую повсеместно демонстрировали бойцы, оборонявшие подступы к Ленинграду. Это танковый бой 19 августа 1941 года под Войсковицами в Гатчинском районе, не имеющий аналогов в истории войн, в ходе которого танковая рота неполного состава из 5 советских танков KB-1 уничтожила 43 фашистских танка (из них 22 вражеских танка были подбиты экипажем командира роты Зиновия Колобанова).

Второй эпизод — освобождение Тихвина. Это старинный русский город, родина великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова и место расположения Тихвинского Успенского монастыря, одного из крупнейших на русском Севере. Заняв город 8 ноября 1941 года, враг пробыл в Тихвине всего один месяц. В ходе тщательно спланированной и блестяще проведенной операции войска под командованием генерала К. А. Мерецкова вышибли захватчиков из Тихвина, обеспечив возможность снабжения осажденного Ленинграда продовольствием и боеприпасами. О государственной важности задачи, которая решалась в декабре 1941 года под Тихвином, свидетельствует и звонок И. В. Сталина командиру дивизии, наносившей главный удар, полковнику П. К. Кошевому. Молодого комдива Верховный Главнокомандующий подбодрил прямо из Москвы по полевому телефону, приколочен-

ному к дереву. В 1974 году Тихвин был награжден орденом Отечественной войны I степени, в 2010 году городу было присвоено звание «Город воинской славы».

Несмотря на все перипетии истории в Ленинградской области сохранилось много уникальных объектов древнего зодчества. Помимо Выборгского замка и крепости Корела это и крепость «Орешек» в Шлиссельбурге, основанная новгородцами еще в 1323 году как северо-западный форпост для противостояния шведам, и Староладожская крепость. Крепость в Старой Ладогe с 1971 года является всероссийским музеем-заповедником и включает в себя более 150 оборонительных и церковных построек, а также земляной курган, который носит название «Олегова могила»

Непростым временем как для всей страны, так и для Ленинградской области, стали 1990-е годы. Переход на новые условия хозяйствования затронул все отрасли экономики региона.

(Вещего Олега). В крепости ежегодно проходит праздник «Венок славы Александра Невского», а очередной день Ленинградской области в 2013 году планируется провести именно в Старой Ладогe.

Непростым временем как для всей страны, так и для Ленинградской области, стали 1990-е годы. Переход на новые ус-

ловия хозяйствования затронул все отрасли экономики региона. Вместе с тем такие флагманы промышленности, как, например, объединение по производству минеральных удобрений «Фосфорит» — крупнейшее предприятие города Кингисеппа или Киришский нефтеперерабатывающий завод «Кинеф» — единственный НПЗ Северо-Запада России, не только выстояли в условиях перемен, но и расширили гамму выпускаемой продукции.

Введенное в строй в 1967 году Тихвинское производство объединения «Кировский завод», выпускавшее трактора и оборонную продукцию, в начале 1990-х оказалось в очень сложном положении. Однако благодаря грамотной инвестиционной политике руководства области на площадке тракторного завода был построен Тихвинский вагоностроительный завод — крупнейшее в Европе предприятие по производству грузовых вагонов нового поколения. Это позволило избежать серьезных социальных потрясений, связанных с закрытием градообразующего предприятия.

На западе Ленинградской области расположено Ленинградское месторождение горючих сланцев — самое крупное в России, разработка которого началась еще в 1926 году. Много лет производственное объединение «Ленинградсланец», занимавшееся добычей сланцев, было градообразующим предприятием Сланцевского района. Однако после распада СССР, когда основные мощности по переработке горючих сланцев остались

на территории Эстонии, для ОАО «Ленинградсланец» наступили сложные времена, и в 2011 году оно было признано банкротом. Вместе с тем переработка сланцев, а также отходов от их добычи дает работу городской промышленности стройматериалов. Раньше крупнейшим предприятием этого профиля был Сланцевский цементный завод «Цесла», однако в ноябре 2010-го был введен в эксплуатацию новый завод «ЛСР-Цемент» группы ЛСР. Завод является высокотехнологичным предприятием нового поколения, производственной мощностью 1,86 миллиона тонн цемента в год.

В 1992 году было положено начало строительства морского порта «Усть-Луга», а в 2002-м он начал свою работу — вступил в строй угольный терминал. Сегодня в составе порта работают уже несколько терминалов — контейнерный, перевалки нефти и нефтепродуктов. Продолжается строительство терминалов — металлургического и минеральных удобрений. Порт является крупным комплексом по перевалке самых разных грузов, а условия навигации на юге Финского залива обеспечивают его эксплуатацию без использования ледоколов практически круглый год.

К концу 2011 года объем валового регионального продукта в Ленинградской области достиг 560 миллиардов рублей; в расчете на одного жителя региона этот показатель составляет 330 тысяч рублей. Инвестиции в основной капитал — свыше 50 процентов от валового регионального продукта, в то время как Правительством Российской Федерации была поставлена задача достичь уровня 25 процентов к 2015 году. Общий объем инвестиций в реальный сектор экономики насчитывает 304 миллиарда рублей — а это

180 тысяч рублей на каждого жителя области (при среднем показателе по России — 74 тысячи). В течение всего 2011 года в регионе не было безработицы и просроченной задолженности по заработной плате.

В Ивангороде, Лужском и Всеволожском районах вступили в строй заводы по производству автокомпонентов, а в поселке Рябово Тосненского района — по производству кирпичных блоков. В поселке Советский Выборгского района введен в эксплуатацию современный и самый крупный в мире завод по изготовлению древесных пеллет (топливных гранул) с общим объемом производства 1 миллион тонн в год. Регион приблизился к 100-процентному соотношению объемов заготовки и переработки леса, что позволяет ему успешно выполнять требования Правительства России по переработке леса на местах.

В число приоритетных направлений деятельности руководства региона входят всесторонняя поддержка сфер культуры, сохранение историко-культурного наследия. В 2011 году на решение проблем в этой отрасли было израсходовано 800 миллионов рублей. Большое внимание уделяется вопросам сохранения и развития национальной культуры малочисленных народов, проживающих на территории Ленинградской области. В Подпорожском культурно-досуговом комплексе (КДК города Подпорожье), известном в Ленинградской области своими концертами и театрализованными представлениями, работают народный ансамбль «Консона», образцовый ансамбль танца «Подарок», детский ансамбль народной песни «Забава». Эти коллективы Подпорожского КДК занимают призовые места в конкурсах областного и федерального значения, на между-

народных фестивалей. В селе Винницы Подпорожского района действует Вепсский центр фольклора. Винницы является центром расселения вепсов в Ленинградской области, с 1987 года на территории села ежегодно проходит областной вепсский праздник «Древо жизни». Работа творческих коллективов этих учреждений культуры активно способствует восстановлению этнокультурного пространства Ленинградской области. Здесь эф-

фективно работают Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 26 филиалов различных вузов, а также 36 учреждений начального и среднего профессионального образования, обеспечивающие в полном объеме потребность в кадрах экономики и социальной сферы.

Ленинградская область — неотъемлемая часть России, ее оплот на северо-западных рубежах — уверенно смотрит в будущее. ◆

ОЛЕГ АРИН

Разум и совесть

Как бытие определяет сознание

Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня.

К. Маркс

На протяжении как минимум семи тысяч лет, прошедших с момента появления письменности, не утихают споры о том, что такое хорошо и что такое плохо, что истинно, а что ложно. Философы продолжают дискутировать о том, что первично: материя или дух; экономисты и политологи — экономика или политика; социологи — что справедливо, что нет; и т. д. Все это — вечные вопросы, на которые нет однозначных ответов. Точнее, ответы есть, но они различны в силу очень многих причин. Вплоть до такой, которую воспроизвел Дидро в одном из своих диалогов с некоей герцогиней. В ответ на его высказывание та сказала: «Я привыкла понимать только то, что мне нравится». Слова, под которыми подпишутся почти все женщины мира (если, конечно, они женщины).

Несмотря на то что причин различия в ответах очень много, одна из важнейших заключена в том, что человечество еще не научилось размышлять. У этого тоже есть причина, поскольку 99 процентов населения земного шара — это обыкновенные

обыватели, которые вполне удовлетворяются здравым смыслом, достаточным не только для выживания, но для некоторых — и процветания. Мыслят главным образом люди умные, иначе — ученые, но ход их мыслей, глубина и широта зависят от страны проживания, условий, в которых они живут, и что очень важно — от философских воззрений, которые они сами могут и не осознавать. Даже такая, казалось бы, незначительная вещь: если в силу каких-то обстоятельств один изучал Канта, а другой — Гегеля, система мышления, а следовательно — метод и способ анализа будут совершенно разными. У меня есть такая привычка: прежде чем начинать читать того или иного автора, поначалу я заглядываю в библиографию его труда. Если в ней нет работ Гегеля, а есть ссылки на Канта, я процентов на восемьдесят могу предсказать содержание книги и выводы этого автора.

«Каждый прав по-своему», — может сказать любой. Я так не считаю. Однозначные ответы существуют, так же как и однозначные (абсолютные)

АРИН Олег Алексеевич (Алекс БЭТТЛЕР) — политолог, доктор исторических наук (г. Нью-Йорк).

истины, в рамках *определенной* системы координат. И чтобы подтвердить этот самоуверенный постулат, приведу один социологический эксперимент-задачку, навеянный реальным случаем.

Не так давно меня пригласили на вечеринку выходцев из России, где присутствовали знакомые и друзья, в том числе одна семья, которая стала причиной бурной дискуссии. Неожиданно разгорелся спор: кого считать в этой семье успешным, кого — неудачником. К удивлению всех оценка каждого кардинально отличалась от оценок других. В еще большей степени удивило то, что за каждой оценкой стояла логическая аргументация, которую непросто было опровергнуть. Получалось, что все правы, но правы по-разному. Присмотримся к ситуации повнимательнее.

Итак, речь пойдет о взаимной оценке «успешности и моральности» людей, состоящих в родстве: сына, отца и матери. Исходные данные таковы: семья эмигрировала в Америку давно, все имеют русские корни. Сын — возраста около 45 лет, русского происхождения. Успешный банкир, мультимиллионер, живет в районе самых богатых людей США. Женат, имеет троих детей. Отец — 65 лет, советского происхождения, исследователь, пишет книги, в основном издает их в России, хотя живет в США, не бедствует. Мать — творческий человек: писательница и художник, живет в США, не бедствует.

Задача: кого из них можно считать успешным, кого — неудачником? И существует ли связь между успехом и совестью (моралью)? Ответ может варьироваться внутри следующих «пар»: успешный и моральный; успешный, но неморальный; моральный, но неуспешный; неуспешный и неморальный. Изначальная подсказка: обычно говорят, что существует три вида

оценки человека: что думает о себе сам человек, что думают о нем другие и что он есть на самом деле. Исходя из этого и начнем наш анализ.

Оценки сына

Самооценка. Весьма успешен и очень умен: начинал с продажи пылесосов, но стал крупным банкиром. Весьма уважаем людьми своего круга. У него самый шикарный дом в округе, очень дорогая машина (всего их три). Он нежно заботится о детях и содержит своих родителей, а также родителей жены. То есть с честью выполняет свой родительский и сыновний долг. Это дает ему основание считать себя «высокоморальным» человеком. Его система ценностей соответствует высшим американским стандартам, что и позволяет ему занимать верхнюю нишу в американском обществе.

Об отце. «Совковое» мышление, не в состоянии вписаться в американское общество. Пишет книги «в полемическом и оскорбительном тоне», что не принято в США. Марксистско-ленинская терминология, диалектика Гегеля обрекают его книги на забвение. Отца надо держать подальше от своих друзей, иначе он всех распугает своим коммунизмом. Как следствие — в жизни фактически ничего не добился, да и живет за мой счет. В целом — *неудачник*.

О матери. Да, пишет и творит необычно, но не в русле основного течения в США — вне, так сказать, «мейнстрима», заработать на этом нельзя. Нет смысла пропагандировать ее творчество, хлопотно издавать ее книги, показывать ее картины. Не принимая американские ценности, она тоже не вписывается в американский «модерн». Творчество матери — *эпистолярная забава и рисование для украшения домашнего интерьера*.

Оценки отца

Как было упомянуто, отец этого обамериканившегося русского является выходцем из Советского Союза, сохранившим советские морально-нравственные ценности. Среди этих ценностей наиглавнейшей является *справедливость*.

Об обществе. Любой богатый — это вор, грабитель. Нынешнюю капиталистическую систему, а особенно в российском исполнении, отец рассматривает как враждебную России, а всех капиталистов, включая олигархов, — как преступников и врагов русского народа. Это же относится и ко всем крупным капиталистам в любых странах. Поэтому его абсолютно не радуют материальные успехи сына, а наоборот — крайне огорчают.

О сыне. Испытывает психологический шок, наблюдая образ жизни сына, буржуазная иррациональность которого, по его мнению, адекватна ментально больным людям. Не понимает: зачем для семьи из четырех человек нужен дом площадью около 2,5 тысячи квадратных метров? зачем нужна машина за 330 тысяч долларов? зачем нужны домработницы (одна стирает, другая убирает, третья присматривает за одним из детей, четвертая — за другим ребенком) при наличии жены и проживающей с ними тещи? зачем нужна четвертая машина с шофером при наличии трех личных машин? Он не понимает: зачем личный шофер постоянно возит одного из детей в школу и из школы, хотя есть школьные автобусы и, наконец, мать ребенка?

У него не укладывается в голове и такой «бзик» сына. Парень когда-то увидел свадебный ритуал какого-то племени в Африке. Ему очень понравилось, и он стал изучать культуру и историю этого племени, в результате чего проникся воинственным ду-

хом этих африканцев. И вот сейчас, уже несколько лет прожив с женой в гражданском браке и больше полугода в законном, вознамерился сыграть свадьбу по африканским обычаям. Специально съездил в страну проживания племени, чтобы договориться о проведении свадьбы. Вождь с радостью согласился, поскольку почувствовал, что с этого белого можно немало слупить. Так этот белый на свадьбу, помимо своих родственников с той и другой стороны, пригласил еще человек десять друзей, которые с удовольствием согласились поучаствовать в маскараде, тем более что некоторые из них поедут в Африку за счет «жениха».

Когда его отец, а затем и мать отказались участвовать в этом абсурдном спектакле, сын искренне разозлился на «совковость» стариков за непонимание, по его словам, «тонкостей эмоциональной синхронизации» молодых именно на свадьбе по обрядам этого племени.

Оценка. Кого я воспитал? Такие природные задатки! Мог стать великим ученым, мыслителем, а разменялся на мещанскую туфту, став классическим буржуем-финансистом, превращающим своих близких в людей, буквально парализованных несамостоятельностью. Дело в том, что сверхзабота сына о ближних (жене и детях), по глубокому убеждению отца, принимает уродливый характер, проявляющийся в том, что из-за слуг и нянек-мамок у жены и детей исчезают навыки элементарного самообслуживания. Стремление выполнить любое их желание начисто отбивает у его ближних тягу к труду. В результате детям даже в голову не приходит, что следует самим убирать свое жилье, самим находить себе занятие по возрасту и пр. Зачем, когда для этого есть слуги? Так поневоле, следуя канонам жизни своего

класса, хорошие люди превращаются в плохих.

Небольшой комментарий: отец, очевидно, не понимает или не задумывается над тем, что в паразитическом образе жизни того слоя, к которому принадлежит его сын, есть чисто экономическая логика. Дело в том, что среди высшего класса буржуазии в США существует страта, которая сделала деньги на финансовых операциях, например через такой «финансовый инструмент», как хеджирование. Этот способ обогащения требует не труда «в поте лица», а аналитических навыков в области финансового бизнеса плюс везения. Кому повезло, тот стал миллионером или миллиардером. Не повезло — *try again or try harder*. Этот легкий способ стать богатым превратил их в паразитов, психология и практика которых распространяется и на их окружение. Они напоминают класс олигархов в России, превратившихся в миллиардеров без труда — по «знакомству и везению».

Понятно, что такой тип поведения противоречит всем социалистическим канонам и ценностям, поэтому и неудивительно крайне негативное отношение отца к образу жизни его сына. Другими словами, *что несправедливо, то неморально*. Отец оценивает сына как *неудачника*.

Оценки матери

Мать в этом случае оказывается в безысходном положении: «головой» согласна с оценками отца, «сердце» же никаких оценок не делает — оно просто разрывается от взаимонепонимания с сыном. Противоречия между ценностями и «кровью» в ее случае не разрешаются, а просто разрушают ее. К сожалению, это нормальная для женщины позиция, но в данном случае она крайне драматична.

Оценки российских обывателей

Весьма любопытная вещь. Многие знакомые отца, хорошо знающие его сына с детства, сами — типичные «совки», тем не менее не одобряют оценок отца, особенно в отношении своего сына. «Он же сын, — главный их аргумент, — родной сын. Причем здесь буржуй—небуржуй?» Такой подход отражает определенную тенденцию. Даже обыватель с просоветскими симпатиями, ругающий нынешнюю власть, олигархов и буржуазию, как только речь заходит о близких родственниках, тут же отбрасывает политико-идеологические пристрастия и при любых вариантах встает на сторону родных. А если этот родственник, а тем более сын или дочь, становится к тому же богатым, то есть в нынешних условиях «буржуем, угнетающим российское население», обыватель тут же забывает все деяния «антинародного режима», переходя на сторону последнего. Такое поведение закономерно для обывателей любой страны. И не только потому, что по своей сути обыватель — эгоцентрист, то есть обременен только интересами собственной личности и семьи; но и потому, что тип его мышления в силу образа жизни является сугубо созерцательным в духе солипсизма Беркли: все то, что за пределами видимости, — не существует.

Те же друзья и знакомые не без ехидства указывают отцу и матери: если вы так негативно оцениваете успехи своего сына, что же вы живете за его счет? С точки зрения обывателей, это справедливое замечание. И таким обывателям отец мог бы ответить: проблема в матери. Мол, он в любой момент готов уехать от этой «халявы», поскольку ему все равно, в каких условиях трудиться. В отли-

чие от него, жена не готова уехать куда угодно. И дело даже не столько в удобствах, к которым она привыкла, а главным образом — в странах, от которых она отвыкла, что особенно касается России. В этом завыка... И обыватель проглотил бы подобный ответ.

Но у отца есть и другой ответ, который обыватель никогда не примет. Отец может принимать эту помощь как компенсацию буржуев-финансистов за их грабеж «остальной части Америки или России». Тем более что многие миллиардеры, видимо, в душе все-таки осознавая свою мародерскую сущность, вынуждены демонстрировать свое «благородство» низшим классам посредством выплат в различные фонды милосердия и миссионерских структур.

Есть и такое соображение. Маркс жил за счет Энгельса, Энгельс — за счет своего отца-капиталиста; позже оба — за счет наследства своих буржуазных родителей, которые, между прочим, друг друга терпеть не могли. Иначе говоря, если судьба определила тебе жить в определенном обществе, это не значит, что ты должен обязательно принимать это общество. Если оно тебе кажется несправедливым, твоя обязанность бороться против него, в том числе и используя господствующий класс, точнее — его представителей, для его же свержения. «Буржуазия возвращает своего могильщика». Такова логика истории.

Оценки американцев

Поскольку американское общество четко разделено на классы — причем в более контрастной форме, чем в Европе, — естественно, будут различны и оценки в зависимости от принадлежности к определенному классу

и даже слою. Позиция филистеров не будет отличаться от аналогичных оценок российских обывателей: мозги работают абсолютно одинаково. Здесь интересно, как представители своего класса оценивают себя сами. В связи с этим хочу обратить внимание на одну книгу, которую приобрел уже после того, как начал писать эту статью¹. Дело в том, что, когда я взял в качестве примера абстрактного «сына», я предполагал, что он составляет исключение из общих правил, в рамках которых существует слой богатых американцев. Почитав эту книгу, я понял, что ошибся: он характерен для того слоя, который социолог Дэвид Брукс называет «бобос» — сокращенный вариант от слов «буржуазная богема».

Автор книги — мой старый знакомый Чарльз Мюррей. Первые два слова заглавия книги («Coming Apart: The State of White America, 1960—2010») можно перевести двояко: и как «распад», и как «деморализация». По сути — одно и то же, поэтому я выбираю второй вариант: «Деморализация: положение белой Америки в 1960—2010 годах». (Интересно, что в России это слово метко перевели выражением «трещим по швам».)

Ч. Мюррей описывает возникновение где-то с конца 1980-х годов *нового высшего класса* (new upper class), составляющего 5 процентов работающего населения США в возрасте от 25 лет и старше (около 1,5 миллиона человек), качественно отличающегося от прежних богатых людей Америки. Из них 1 процент — самые богатые с доходами в среднем более 500 тысяч долларов в год. В этот класс входят люди различных профессий, среди

¹ См. Ch. Murray. Coming Apart: The State of White America, 1960—2010. N. Y., 2012.

которых на самом верху находятся президенты и директора крупнейших компаний и банков. Их отличительной чертой является то, что, помимо богатства, они весьма образованы, сверхэнергичны, в культурном отношении резко отличаются как внешним видом, манерой поведения, так и изысканностью речи. Живут они в особых местах, со своей полицией (соответственно, там меньше криминала), куда почти не заглядывают бедные, испаноязычные и афро-американцы.

У них более стабильные семьи, свои школы и колледжи. Дети их учатся в самых привилегированных университетах. Обычно они голосуют за республиканцев (эта партия поддерживается наиболее богатыми и консервативными по взглядам людьми). Громадный культурный разрыв отделяет эту элиту от других американцев. Они редко смотрят «Опру» и «Засуди Джуди» (популярные телешоу в США). Фактически они вообще почти не смотрят телевизор. Они не смотрят даже спортивные соревнования. В целом в среднем американец проводит за телевизором 35 часов в неделю, бобосы — около 7 часов. Обедают они в ресторанах — но не в тех, куда ходит народ. Они пьют вина и дорогое пиво — но только в умеренных количествах, и почти не курят. Очень жестко следят за своим питанием и здоровьем, чем сильно отличаются от «жирной Америки».

Детей они, как выражается Ч. Мюррей, «бомбардируют интеллектуальными стимуляциями с самого рождения, а иногда и с момента зачатия»². В последнем случае имеется в виду, что после зачатия мамаша находится под пристальным наблюдением врачей, заставляющих ее, например,

слушать музыку, которая, дескать, благотворно скажется на развитии плода. После рождения ребенка родители начинают мучать его всевозможными балетными и спортивными классами, нанимают специальных учителей для обучения всяческим языкам и другим премудростям, регулярно водят к терапевтам и психологам. Короче, в результате «у ребенка не остается времени быть ребенком». И естественно, они постоянно всем демонстрируют, какой у них умный ребенок, и так доводят его до университета (университетская администрация называет таких родителей «вертолетные родители»).

Так вот, главная их отличительная черта заключается в том, все свои успехи, образ жизни и т. д. они демонстрируют напоказ. Если богатые, например 1960-х годов, старались не выделяться, по крайней мере не выносить свои богатства на «люди» (за редким исключением), то нынешние, наоборот, стремятся перещеголять друг друга более крутым домом, крутой машиной, крутой женой, крутым ребенком и т. д. Для этого слоя дилемма, когда-то поставленная Фроммом, «быть или иметь» однозначно решается в пользу не только «иметь», но и «казаться». Последнее даже более важно. Даже занятие наукой для них — не для науки, а для того, чтобы занять положение в определенном слое. «Иметь и казаться» — пропуск в этот класс. И ведя подобный образ жизни, этот класс, сетует Ч. Мюррей, управляет Америкой, принимая решения на основе «своего образа жизни, нетипичного для всех».

До прочтения этой книги мне казалось, что пускать пыль в глаза — это черта только русских богачей. Оказывается, нет. Поэтому поведение нашего героя-«сына», его успехи и мораль стопроцентно укладываются в стан-

² *Ibid.* P. 39.

дарты его класса. И соответственно — люди, принадлежащие к последнему, вынесли бы резко отрицательный вердикт в отношении его родителей с их «коммунистическими ценностями». Последние для бобосов — самое страшное, что может быть.

Читая книгу Ч. Мюррея, я постоянно вспоминал великого американского поэта Уолта Уитмена, который в своих стихах и статьях опасался именно такого развития событий, появления именно такого нового высшего класса: «...какими бы мы сделались прилизанными, грамматически правильными, но беспомощными и бескровными людьми. ...Хотя Штатам и нужны ученые, хотя, может быть, им также нужны такие джентльмены и дамы, которые довольно часто принимают ванну, никогда не смеются слишком громко и не делают ошибок в разговоре, но было бы ужасно, если бы мы все до единого превратились в этих профессоров, джентльменов и дам ценою утраты всего остального... Создание (по примеру Европы) какого-то особого класса сверхутонченных, рафинированных людей (отрезанных от остального человечества) — дело отнюдь не плохое само по себе, но для Соединенных Штатов оно не подходит, в нем гибель для нашей американской идеи, ее верная смерть».

Похоже, американцы действительно подходят к этой черте. По контрасту с новым высшим классом Ч. Мюррей описывает новый низший класс, который составляет одну пятую часть белого населения (речь идет только о «белых»). Этот класс находится в состоянии дезинтеграции: очень многие из мужчин — безработные, очень многие женщины растят детей вне брака, религиозность у этих людей в упадке, бывшая общинность низшего класса исчезает. Мюррей дает нема-

ло информации об их низком уровне образования, проблемах со здоровьем, о низкой культуре и массе других негативных качеств.

На самом деле контрасты еще «контрастнее» тех, о которых в «Нью-Йорк таймс» часто пишет Пол Кругман. Как бы то ни было, ныне в США происходит интенсивное классовое размежевание. В какой-то степени его отражением стало движение «Захвати Уолл-стрит!». Так вот, низшая часть населения искренне ненавидит те самые 5 процентов нового высшего класса, в который удачно вписался молодой парень из России. И «успехи» этого класса участники движения оценивают как обратную сторону ограбления «остальной части Америки».

Иначе говоря, то, что считается успехом для меньшинства, большинством рассматривается как грабеж. Другими словами, оценка зависит от классовой принадлежности наблюдателя-оценщика. Капиталистическое общество воспроизводит различные ценностные системы координат. Как писал еще Ленин, он представляет собой две культуры, два мира. Хотя для Америки (если учесть еще и классовые, и расовые различия) этих миров окажется значительно больше. Но в любом случае трудовая Америка крайне негативно оценила бы успехи российского американца.

Итак, оказывается, одно и то же явление оценивается совершенно по-разному «буржуями», западными и российскими обывателями, друзьями, детьми и родителями.

Оценки на основе научных критериев

Кто же прав? И вообще, существует ли в данном случае критерий истины? В философии выделилась

отрасль, которая специально занимается природой оценок — аксиология. Проблема в том, что, как и вся философия, она крайне идеологизирована, разбита на разные школы, среди которых есть и такая, как культурно-исторический релятивизм. Для этой школы характерна идея плюрализма, в соответствии с которой все оценки равноправны; в нашем случае — все правы. Но истина, как известно, одна, и прав в оценке заданной ситуации может быть только один. Попробую доказать это. Но для начала два слова о «мнениях» обывателей, которые не надо путать с научной оценкой.

Я всегда восхищался мнением о себе моей тетушки с отцовской стороны. Она была профессиональной спекулянткой на татарском базаре в Астрахани: через свой киоск чего только не перепродавала. Но не в этом дело. В отношении меня у нее было устойчивое мнение — дурак беспросветный: столько возможностей делать деньги, а он (я), вместо того чтобы подторговывать на базаре, покупает (!) и читает книги, уехал из Астрахани в дурацкую Москву, а затем в какие-то еще более дурные страны. Между прочим, нашего молодого героя она оценила бы по самым высшим критериям — умеет делать деньги. Об отце отозвалась бы как о полном идиоте, о матери — то же самое, но в более приличном выражении.

Сразу же хочу подчеркнуть, что ее мнение почти на сто процентов совпадет с мнением обывателей из любой страты «народа» любой страны — поскольку у них у всех есть много общего. Обыватель не изучает, не сомневается. Он все время занят, ему некогда, у него масса забот. Он ползает по земле. Но он все знает, у него на все есть готовые ответы. С позиции

обывателя Инесса Арманд, бросившая пятерых детей ради революции, — преступница. Такими же преступниками для них являются Иван Грозный и Петр I, убившие своих сыновей. И с точки зрения их морали и нравственности они правы. Но они никогда не поймут, что система морали у великих людей кардинально иная, о чем в свое время писал еще Гегель. Но что им Гегель, когда рядом есть Палваныч и Марьянна.

Оставим, однако, их бытовую филодоксию в стороне, а перейдем к более серьезным философским основаниям, которые позволят сформулировать критерии истины. Ограничусь тремя философиями: американским прагматизмом, который является одной из форм позитивизма, классическим марксизмом и современным марксизмом.

Американский прагматизм

Существует множество разновидностей прагматизма, но все они исходят из одной посылки — истина только тогда истина, когда она полезна. Так полагал основатель прагматизма Вильям Джеймс³. В концентрированной форме в изложении его последователя Мортона Уайта она означает: «Истинно то, во что мы должны верить; то, во что мы должны верить, — это то, во что нам выгодно верить; следовательно, истинно то, во что нам выгодно верить»⁴. Надо сказать, что, несмотря на множество философских течений, распространенных в США, именно идеи прагматизма нашли благодатную почву в

³ См. **W. James**. Pragmatism. — «Writings, 1902–1910». N. Y., 1987. P. 574–575.

⁴ Цит. по: **А. С. Богомолов**. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 292.

сердцах, точнее — в умах большинства американцев. Они предметно просты и психологически очень понятны. Особенно, когда эту идею истины доводишь до логического американского конца: познано, или истинно, что одно и то же, только то, что является *проданным*. На этом фундаменте построен весь американский капитализм и, соответственно, вся система ценностных координат.

С точки зрения подобной идеологии жизнь описанного выше молодого американца является примером реализации этой фундаментальной ценности и может оцениваться однозначно как очевидный успех. Это касается не только внешних атрибутов (дом, машины, положение в обществе), но и моральных качеств, проявленных в деле накопления богатства. То, что отцу кажется дикостью, абсурдом, в философии прагматизма представляется необходимостью.

Взять тот же «бзик» со свадьбой. Для американского прагматизма это означает следующее. Во-первых, он может позволить себе устраивать свадьбы где угодно, когда угодно, удовлетворяя любой свой каприз. Во-вторых, неслучайно он приглашает на нее друзей, за которых, может быть, и придется заплатить. Зато впоследствии эти самые друзья расскажут об этой свадьбе в аналогичных кругах, что еще больше поднимет престиж героя внутри своего класса. В-третьих, привезенный с собой профессиональный фотограф сделает такие фотографии, которые не стыдно выложить в «Facebook» в продолжение раскручивания пиара. В-четвертых, наверняка, будет и кинооператор, фильм которого тоже будет прокручен где-нибудь в СМИ.

Вся свадьба — это затраты на производство рекламного товара.

Отдача — рекламный пиар в среде своего класса. Выгода — повышение престижа и большее доверие к продаже реального товара, которая осуществляется через возглавляемую им компанию. Другими словами, действия молодого банкира соответствуют всем экономическим и моральным канонам капиталистов высшего класса. И этот молодой и успешный бизнесмен с полным правом может называть себя (и серьезно в это верит) «высокоморальным» человеком. То, что такая акция может раздражать низшие слои, банкира мало волнует, поскольку не они определяют его социальный статус.

С точки зрения американского прагматизма, естественно, образ жизни и система ценностей его отца и матери могут оцениваться только в отрицательном плане, поскольку его книги и ее картины не куплены, а значит — не имеют ценности. Содержание же не имеет никакого значения. Значение имеет цена. Если говорить о живописи, то цену определяют торги — скажем, на «Sotheby's». К примеру, на этом аукционе как-то «обои» Марка Ротко были проданы за 86 миллионов долларов. Ни одна картина импрессионистов там за такую цену не продавалась. Это означает, что Ренуар или Ван Гог как художники значительно ниже маляра Ротко. Прагматизм, повторяю, говорит: истинно только то, что продано, а еще более истинно то, что продано дорого. Поэтому банки консервированного супа Энди Уорхола более истинны, чем «устаревший» Рембрандт. Ну и конечно, работы матери явно не потянули бы на банки Уорхола, на инсталляции Джефа Кунса или Луизы Буржуа. Что же касается книг отца, то они в принципе не укладываются в философию прагматизма, да и в любую другую буржуазную философию, и поэтому сын абсолютно

прав в своем негативно-скептическом отношении к писаниям отца.

При всей правоте оценок сына с позиции американского прагматизма, есть одна серьезная закавыка: в США даже в среде этих самых «пяти процентов» появляются богачи-миллиардеры, которые начинают понимать, что долго так продолжаться не может, «массы» даже среднего класса начинают вскипать, надо что-то делать, начинать подкидывать этому классу чуть больше «объедков» и, по крайней мере, не мозолить им глаза своим богатством. Особенно четко осознает это миллиардер Уоррен Баффет, который активно пытается урезонить свой класс. Но молодые банкиры, особенно из сферы хеджирования, или так называемых консалтинговых фирм, этого не понимают и продолжают демонстрировать свое богатство, что соответствует новым правилам нового высшего класса.

Классический марксизм

Естественно, оценки, вытекающие из классического марксизма, кардинально иные. Оно и понятно, поскольку классический марксизм возник и развивался именно в борьбе со всеми буржуазными философиями. Отец рос, воспитывался и учился на базе этических норм этого учения, в основе которых, как уже говорилось, лежит идея справедливости. Поэтому он не может спокойно созерцать, как его сын по-барски относится к нижестоящим по положению людям (шоферам, няням и прочему обслуживающему персоналу). У него не укладывается в голове факт, когда для уборки квартиры, стирки белья нанимается домработница. Это означает, что люди не могут содержать в порядке свое жилище — что по по-

нятиям советской морали свойственно очень недоразвитым индивидам. Присмотр за детьми всяческими нянями при молодой жене, которая все время «не успевает», тоже понимается отцом как неумение трудиться и организовывать свое время. Он не понимает, почему сын не замечает и не признает того факта, что возвращает паразитов в собственной семье. Причем с самого начала у некоторых из них не было таких качеств. Но когда тебя в садик или в школу возят на «мерседесе», когда твою комнату убирают слуги, и посуду моют тоже слуги, кто угодно привыкнет к паразитическому образу жизни.

Кроме того, у него не укладывается в голове, зачем человек обзаводится сотнями рубашек, десятками костюмов и ботинок (в одном доме он однажды увидел 365 пар ботинок: для каждого дня — новая пара). У него вызывает крайнее недоумение тот факт, что мужчина может всерьез обсуждать качество простыни и наволочки, фирмы—производители костюмов или часов. У него вызывает отвращение поведение мужчин, которые все время на людях демонстрируют «любовь» к жене или к детям непрекращающимися поцелуями. Его, например, раздражает, когда американские родители постоянно говорят детям: я тебя люблю — а те в ответ: я тебя люблю тоже.

В рамках социалистической морали такие вещи не следовало демонстрировать на публике, тем более что любовь проявляется не на словах, а в делах. При этом, что касается дел, то в США, несмотря на показное любовное сюсюканье, только и читаешь, как то дети родителей, то родители детей пристреливают из-за всяких пустяков. Вся эта система жизни напоказ, пускание пыли в глаза, стремление казаться, а не быть, чужда социали-

стическим ценностям и главной из них — справедливости. Поэтому нынешнее *положение сына отец оценивает как поражение* перед жизнью, как уничтожение природных данных человека приобретенными условностями и ценностями буржуазного общества.

Что касается самооценки, то он объективно определяет свое место в капиталистическом обществе. В мире миллиардеров, в системе долларгазма⁵, он не успешен, поскольку остается верным принципам справедливости. Он отдает себе отчет в том, что в рамках капиталистического общества его книги и идеи востребованы не будут; следовательно, никаких продаж и признаний ожидать не приходится. Однако это не сильно его расстраивает, поскольку он уверен, что его идеи не сегодня, не здесь, так завтра-послезавтра непременно будут востребованы. Для него важно то, что свой долг перед человечеством он выполнил. Он сделал открытия, ускоряющие прогресс. А как, когда и где человечество этим распорядится — это дело самого человечества.

Наконец, он высоко оценивает творчество своей жены во всех его сферах. Полагает также, что и в моральном отношении ей нет равных.

Мать, вышедшая из той же социалистической среды, *аналогичным*

образом оценивает личность своего мужа. В отношении же сына у нее громадная раздвоенность. Она оценивает его статусные успехи как деформацию талантливейшей личности, обусловленную правилами «игры» его класса; тем не менее она высоко ценит его качества как сына: в любой жизненной ситуации он приходит ей на помощь, создает условия для жизни как ее самой, так и мужа.

В мире науки не может быть множества истин применительно к одному и тому же явлению. Невозможно, чтобы скорость света зависела от твоих идеологических пристрастий или партийной принадлежности, или даже той или иной философской школы.

Современный марксизм

Итак, представлены различные оценки одних и тех же личностей, и все они имеют право на существование, и вроде бы все правы с точки зрения своих ценностных ориентаций или идеологий.

Однако повторю еще раз: в мире науки не может быть множества истин применительно к одному и тому же явлению. Невозможно, чтобы скорость света зависела от твоих идеологических пристрастий или партийной принадлежности, или даже той или иной философской школы, хотя и есть некоторые философские течения, особенно в рамках неопозитивизма, которые и пытаются оспорить эту очевидную истину.

⁵ Авторский неологизм, производное от слов «доллар» и «оргазм». Подробнее об этом см. **О. А. Арин, А. Бэттлер**. Россия в угаре долларгазма и еслибизма. М., 2008. — *Прим. ред.*

Современная марксистская методология позволяет делать умозаключения об истинах, которые адекватны отражаемым явлениям. Чтобы было понятно, необходимо учесть разницу между *классическим* и *современным* марксизмом. *Первый* в рамках познания на основе теории отражения при анализе общественных явлений исходит главным образом из представления о поступательном движении человечества к прогрессу через формационные фазы: рабовладение переходит в феодализм, последний — в капитализм, капитализм — в коммунизм, который, в свою очередь, имеет предварительные ступени в виде разных фаз социализма. Эта фундаментальная посылка с конца XX века перестала быть убедительной из-за распада СССР — так сказать, коллапса «коммунизма».

Все антикоммунисты с нескрываемой радостью утверждают, что теория марксизма-ленинизма разбилась о практику, которую сам же марксизм считает критерием истины. Этим антикоммунистам бессмысленно напоминать о том, что буржуазные теории многократно терпели поражение на практике, прежде чем возвестить победу отраженных в них реальностей капиталистических обществ. В одной только Франции понадобилось несколько революций, пока утвердились «цивилизованный капитализм» и адекватная ему буржуазная идеология. Но здесь речь не об этом. В любом случае определенный смысл в укорах противников марксизма есть, поскольку классический марксизм в силу определенных причин действительно был крайне идеологизирован: об истинах он судил, исходя главным образом из классовых и идеологических позиций.

Современный марксизм для установления критерия истины, не отка-

зываясь от предыдущих критериев в *определенной* системе координат, вводит новый инструмент — второй закон термодинамики в его энтропийном варианте в виде закона возрастания энтропии. Последний вариант удобен для анализа общественных явлений посредством категорий хаоса и порядка. Кроме того, современный марксизм дает новое универсальное определение прогресса, выводя его за рамки формационных и классовых отношений. Хотя эти вещи прописаны в моих книгах⁶, я коротко напомню, что все это значит.

Один из вариантов определения энтропии звучит так: энтропия есть деградация материи и энергии во Вселенной до предельного состояния инертного единообразия. В соответствии с этим определением энтропия ведет к хаосу, хаос при определенных условиях — к структуре, структура — к равновесию (максимум энтропии), равновесие — к смерти. Другими словами, закон возрастания энтропии — это закон смерти. Однако благодаря познанию тайн природы и общества человечество находит лазейки, которые позволяют ему иногда обойти или притормозить действие этого фундаментального закона, что в обобщенном виде проявляется в увеличении средней продолжительности жизни (СПЖ) человека. За время своего «сознательного» существования человечество увеличило эту самую СПЖ с 18 до почти 80 лет (в развитых странах Европы, Северной Америки и Японии). Именно эту разницу (дельту) между 18 и 80 годами я и называю *прогрессом*. Эта дельта и есть конечный, результирующий итог прогрес-

⁶ См.: А. Бэттлер. Дialeктика силы: онтобгия. М., 2005. С. 284—288; Он же. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). М., 2008. С. 184—243.

сивной поступи человечества. При чем со сменой каждой формации эта дельта увеличивалась.

Какое отношение все это имеет к решению нашей задачи? Очень простое. Применяв эти категории, мы сможем ответить на вопрос, заданный условием задачи: кто успешен и морален?

В отношении сына. В современных условиях тот класс буржуазии, который представляет сын, носит прогрессивный характер, поскольку деятельность этого класса с его представлениями о морали и успехе пока продолжает увеличивать СПЖ не только его самого, но и всего человечества. Другими словами, этот класс еще сохраняет в себе определенные творческие потенции не только для самовоспроизводства и господства над обществом, но и для продвижения прогресса. Поэтому с позиции сегодняшнего дня сын и успешен, и морален, как бы к нему ни относились его отец и мать и другие приверженцы социалистической идеологии.

Вместе с тем уже зазвенели колокола Истории, возвещающие, что существованию буржуазного класса вообще и нового высшего класса в частности приходит конец. При этом свой конец провоцирует сама система, к которой они принадлежат. Последняя, как известно, построена на неравенстве, которое постоянно воспроизводит направленную против него борьбу. Система повсюду создает хаос (экономический, военный, политический и т. д.), который, в соответствии с законом возрастания энтропии, ведет к смерти. И чтобы избежать последней, человечество будет вынуждено смести этот буржуазный класс, прежде всего его верхний, так называемый пятипроцентный слой. И чем активнее он будет противиться историческому движению, тем быст-

рее будет свергнут. И добавим: чем успешнее тот или иной представитель этого слоя, тем более он аморален, поскольку любой успех — это усиление неравенства, то есть усиление грабежа низших классов. Следовательно, с исторической точки зрения сын аморален и неуспешен. Естественно, правящий класс обычно не понимает своей исторической обреченности. Уверенность в превосходстве над всеми ограничивает его способность размышлять, выходить за рамки собственных представлений о жизни. Осознает он это только, когда попадает на гильотину или в ГУЛАГ.

Исходя из такой методики анализа, *отец* и *мать* в современных буржуазных условиях — проигравшие, неуспешные люди, но высокоморальны, поскольку не поступаются принципами в угоду успеху в обществе, где царит неравенство. С исторической же точки зрения они не просто на стороне прогресса, но и делают этот прогресс. В этом смысле они крайне успешны и моральны. Ошибка же матери в отношении сына в контексте морали заключалась в том, что она исходит из чисто родственных отношений сына к родителям, а не с исторической точки зрения. Но эта ошибка прощительна и даже закономерна: женщины в принципе не исходят в оценках окружающего мира из каких-либо абстрактных теорий, а матери в отношении своих детей — тем более.

Именно таким образом решается поставленная задача на базе современного марксизма. С этим методом можно соглашаться или нет — в данном случае это не так важно. Я стремился показать, что существуют разные способы оценивать окружающую среду. Са-

мый примитивный вариант — обывательский, хотя именно он в любом обществе является доминирующим. Задача ученых и философов научить народ думать, размышлять. В свое время французским просветителям удалось научить думать буржуазию. Это позволило ей свергнуть феодальную аристократию. Большевики учили думать население Советского Союза. Это позволило стране стать второй сверхдержавой мира. Но эта

сверхдержава распалась, когда думать и размышлять разучились даже ее руководители. Сейчас в России наступило царство филодоксии, которая заразила и верхние слои российского общества. Результат — идет процесс самоуничтожения. Чтобы избежать этого, надо научить народ думать. Для этого надо учиться, учиться и еще раз учиться... А для начала — всех обязать проштудировать «Философскую пропедевтику» Гегеля. ◆

ДМИТРИЙ КОНДРАТОВ

Есть ли будущее у евро?

Европу создаст валюта.
Ж. Рюефф (1896—1978)

Управляющий Банка Франции К. Нуайе охарактеризовал Европу как «экстраординарное предприятие» в истории человечества, в рамках которого за пятьдесят лет существования были достигнуты невиданное взаимодействие и взаимозависимость стран-участниц¹. Хотя процесс европейской интеграции развивался не без трудностей, впервые за тысячелетия Европа стала мирной и процветающей. Отправной точкой этого опыта стало подписание в 1957 году Римского договора о создании Общего рынка, который представлял собой простой таможенный союз шести стран. Впоследствии этот союз развивался и обогащался. Новый этап его развития был связан с подписанием в 1986 году Единого европейского акта и в 1993-м — Маастрихтского договора, наметившего точный календарь создания в рамках ЕС Экономического и валютного союза (ЭВС), в котором обеспечивалось бы свободное пе-

редвижение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы². Были также приняты так называемые маастрихтские критерии, или критерии конвергенции, участия стран ЕС в ЭВС, в рамках которых вводилась единая валюта — евро³.

Развитие зоны евро

Введенный в рамках ЭВС в 1999 году, евро за четырнадцать лет своего существования приобрел статус одной из ведущих мировых валют. В 1999-м

² См. **Ch. Noyer**. La stabilité financière en Europe et dans le monde. — www.banque-france.fr/fr/instit/2010/copenhagen.pdf

³ Евро заменил (1:1) ЭКЮ — европейскую валютную единицу (European Currency Unit), которая использовалась в валютной системе объединенной Европы с 1979 по 1998 годы. Надо отметить, что ЭКЮ была именно валютной единицей, использовалась только в безналичных платежах и не устранила национальные деньги. Евро был представлен мировым финансовым рынкам в качестве расчетной валюты в 1999 году, а 1 января 2002 года были введены в наличное обращение банкноты и разменные монеты. Евро управляется и администрируется Европейским центральным банком (ЕЦБ), созданным по образцу Бундесбанка. Стоит привести один интересный факт: штаб-квартира ЕЦБ находится во Франкфурте-на-Майне — малой родине финансовой империи Ротшильдов.

¹ См.: **Ch. Noyer**. De Maastricht à l'Europe actuelle et future. — www.banque-france.fr/fr/instit/telechar/discours/discours_09_05_2007.pdf; **ibid.** La politique monétaire de l'Eurosystème: une vision interne. — www.banque-france.fr/fr/instit/telecyar/discours20071007.pdf

КОНДРАТОВ Дмитрий Игоревич — старший научный сотрудник Института Европы РАН, кандидат экономических наук.

евро был введен в безналичный оборот, а с 2002 года — в наличный оборот в странах—членах зоны евро. Вначале таковыми стали 11 из 15 членов ЕС (см. Табл. 1). Великобритания, Дания и Швеция воспользовались своим правом не участвовать в ЭВС с 1999 года, составив группу стран так называемой второй волны членов ЭВС. В последующем население этих стран высказалось за сохранение национальной валюты. Греция не попала в начальный список из-за несоблюдения критериев конвергенции, она вошла в зону евро 1 января 2001 года. С начала 2007 года к зоне евро присоединилась Словения — первая из 10 стран, ставших членами ЕС в 2004 году.

Также с 1 января 2008-го Кипр и Мальта, а затем, соответственно с 1 января 2009-го и 2011 года, Словакия и Эстония вошли в зону евро. Таким образом, членами ЭВС являются сегодня 17 стран Евросоюза из 27. С 2015 года после возможного включения в состав зоны евро Чехии и Польши число ее членов возрастет до 19.

Переход на единую валюту обеспечил странам зоны евро ряд преимуществ⁴:

- евро привел к устранению риска валютнообменных операций и снижению транзакционных издержек, связанных с внутризональной торговлей;

- евро способствовал ценовой стабильности: за последние пять лет уровень инфляции в зоне евро фактически не превышал 2 процентов в год, что является главной целью Европейского центрального банка (ЕЦБ); одновременно с этим стабилизировались и инфляционные ожидания;

- четко сформулированный приоритет в деятельности ЕЦБ — стабильность цен — позволил значительно уменьшить размер премии за риск,

⁴ См. «Incidence de l'euro sur les échanges et les flux de capitaux et rôle international de l'euro». — «Bulletin mensuel de la BCE». 2008 (www.banque-france.fr/fr/eurosys/telnomot/bce/bs_10_anni_bce).

который отражается в уровне процентных ставок; в результате плодами стабильности в полной мере пользуются европейские предприятия и домашние хозяйства, поскольку планка долгосрочных процентных ставок установилась на исторически низком уровне, что создает весьма благоприятные условия для финансирования инвестиций и экономического роста в целом⁵;

- евро способствует ускорению финансовой интеграции в ЕС: сегодня многие сегменты финансового рынка характеризуются достаточной глубиной и ликвидностью, что способствует лучшему распределению ресурсов и рисков;

- сегодня евро играет роль второй в мире (после доллара) валюты, обслуживающей международный торговый и финансовый оборот⁶.

Прямое воздействие евро на рынок капиталов с момента его введения проявилось в следующих аспектах:

- исключены валютные риски и в значительной степени устранены организационно-технические, правовые и регулирующие препятствия на территории зоны евро, которые в прошлом приводили к сегментации и разобщенности национальных рынков;

- европейский финансовый рынок стал более крупным и однородным, чем предшествовавшая ему совокупность национальных финансовых рынков;

- при кредитовании и инвестировании в зоне евро приоритетное значение стала приобретать оценка кредитного, а не странового риска.

⁵ См. **J.-C. Trichet**. Closing Remarks at the Conference Organised by the European Commission and the Federal Reserve Bank of New York «The Euro and the Dollar: Pillars in Global Finance». New York, 17 April, 2007. — www.ecb.int/press/key/date/2007/html/sp070417.en.html; **idem**. Keynote Luncheon Remarks at the Conference «Transatlantic Roundtable on Finance and Monetary Affairs» at the invitation of the European Institute. Washington (DC), 13 April, 2007. — www.ecb.int/press/key/date/2007/html/sp070413.en.html

⁶ См. **J. Attali**. La crise se commence. — <http://fr.euronews.net/2010/05/07/>

Таблица 1

Этапы развития зоны евро, 1999–2011 годы

Страна	Год
Австрия	1999
Бельгия	1999
Германия	1999
Ирландия	1999
Испания	1999
Италия	1999
Люксембург	1999
Нидерланды	1999
Португалия	1999
Финляндия	1999
Франция	1999
Греция	2001
Словения	2007
Кипр	2008
Мальта	2008
Словакия	2009
Эстония	2011

Источник: «ECB. Annual Report» за 2011 год.

Таким образом, евро оказал позитивное влияние на экономику ЕС и в известной мере позволил предотвратить отрицательные последствия финансового кризиса. Но при этом нельзя забывать, что история экономического союза является также и хроникой нарушения правил: Италию и Грецию не следовало принимать в зону евро; Францию и Германию в 2003 году надлежало оштрафовать за несоблюдение бюджетной дисциплины. Статья 125 Лиссабонского договора гласит, что ни ЕС, ни страны-члены не отвечают за обязательства отдельных стран-членов. И все-таки весной 2010 года страны ЕС согласились на создание объемистого «пакета спасения» для Греции с кредитом в 110 миллиардов евро, хотя прежде коллективная помощь категорически исключалась. Чтобы успокоить граждан, был введен механизм санкций, а в мае 2010 года раскрыт дополнительный «спасательный зонтик» в форме гарантированных кредитов на сумму

в 750 миллиардов евро из бюджета ЕС, МВФ и EFSF. Этот «зонтик» уже самим фактом своего существования должен успокоить финансовые рынки и ни в коем случае не мог быть увеличен, а срок его действия — продлен. Тем не менее в январе 2011-го встал вопрос о его увеличении на 85 миллиардов евро для кредитования Ирландии. В феврале того же года последовал очередной опасный шаг: было объявлено, что старые обещания не продлевать действие «спасательного зонтика» будут снова нарушены. Интересы спасения стран ЕС многослойны. Прежде всего выигрывают «спасаемые государства» и иностранные кредиторы — например немецкие и французские банки. В долгосрочном плане растущая задолженность многих стран ЕС не сможет регулироваться путем увеличения «зонтика». Если слабые страны не смогут или не захотят в долгосрочном плане консолидировать свои бюджеты, а сильным в финансовом плане странам придет-

ся постоянно финансировать слабые государства, то ЕС станет не валютным, а скорее трансфертным союзом. Это значит, что в экстремальных случаях в ЕС должно перераспределяться 800 миллиардов евро в год, при этом на долю Германии будет приходиться до 260 миллиардов евро.

Введение евро совпало с ускорением процесса финансовых инноваций, что расширило возможности банковского кредитования, а также повысило склонность банков брать на себя высокие риски. Однако усиление

ответы на них определяются особенностями монетарной политики ЕЦБ и деятельности Евросистемы, объединяющей ЕЦБ и центральные банки (ЦБ) стран зоны евро.

Сегодня зона евро сталкивается с двумя главными вызовами: с ускорением процессов глобализации и демографическими проблемами, связанными в первую очередь со старением европейского населения. В этих условиях главная цель монетарных органов должна заключаться в усилении сопротивляемости европейской эконо-

номики различным шокам. Для этого следует продолжать структурные реформы со стороны правительств, особенно направленные на повышение гибкости рынков труда, бороться с монополизацией рынков товаров и услуг и стимулировать НИОКР. При этом эф-

Сегодня зона евро сталкивается с двумя главными вызовами: с ускорением процессов глобализации и демографическими проблемами, связанными в первую очередь со старением европейского населения.

финансовой турбулентности показало, что ситуация может радикально измениться, когда возможности рыночного финансирования сужаются (а иногда и вовсе исчезают), и накопленные в предшествующий период риски материализуются. Недавние финансовые потрясения серьезно усилили уязвимость канала передачи денежно-кредитной политики, то есть связи между ключевыми процентными ставками ЕЦБ и ставками на межбанковском рынке.

Будущее развитие зоны евро во многом зависит от ответов на следующие вопросы: имеет ли валютная интеграция долгосрочный характер? каковы перспективы расширения зоны евро? может ли евро стать моделью для других регионов мира? может ли ЭВС привести к большей политической интеграции? В свою очередь

эффективное участие государственного финансирования является одним из факторов успешности реформ.

Одновременно на фоне долгового кризиса усиливаются противоречия между участниками зоны евро. С одной стороны, растет недовольство ее крупнейших государств, которым приходится направлять значительные средства на спасение более слабых членов Евросоюза от банкротства. В свою очередь, постепенно усиливается разочарование от участия в европейском интеграционном проекте и в странах-должниках, вынужденных под давлением развитых стран зоны евро принимать непопулярные среди населения меры по урезанию социальных расходов и сокращению бюджетных дефицитов. Подобные разногласия ослабляют интеграционные связи в зоне евро

и способны, в случае продолжения долгового кризиса, привести к ослаблению позиций единой европейской валюты.

Проблема суверенных долгов будет оказывать негативное воздействие на экономику не только на этапе ее посткризисного восстановления, но и в более долгосрочной перспективе. Как считают некоторые эксперты, даже несмотря на ожидаемое сокращение бюджетных дефицитов развитых стран зоны евро в ближайшие годы, объем долговой нагрузки на их экономики продолжит нарастать, пусть и более медленными темпами, чем в 2007—2011 годах. Так, по расчетам сотрудников Организации экономического сотрудничества и развития, отношение размера государственного долга к ВВП в этих странах достигнет к 2025 году 106 процентов, увеличившись по сравнению с 2010-м на 10 процентных пунктов. Снижению или хотя бы поддержанию на стабильном уровне данного отношения будет препятствовать значительный объем социальных обязательств в развитых странах, к масштабному сокращению которых они сегодня не готовы. В развивающихся странах зоны евро, напротив, будет наблюдаться тенденция к постепенному уменьшению долговой нагрузки. Отношение госдолга к ВВП составит в них в 2025 году порядка 60—70 процентов⁷.

Следует ожидать, что долговые проблемы ведущих развитых стран будут выступать в долгосрочном периоде одним из главных дестабилизирующих факторов для глобальной экономики и финансовых рынков. В частности, значительную опасность для устойчивой мировой ва-

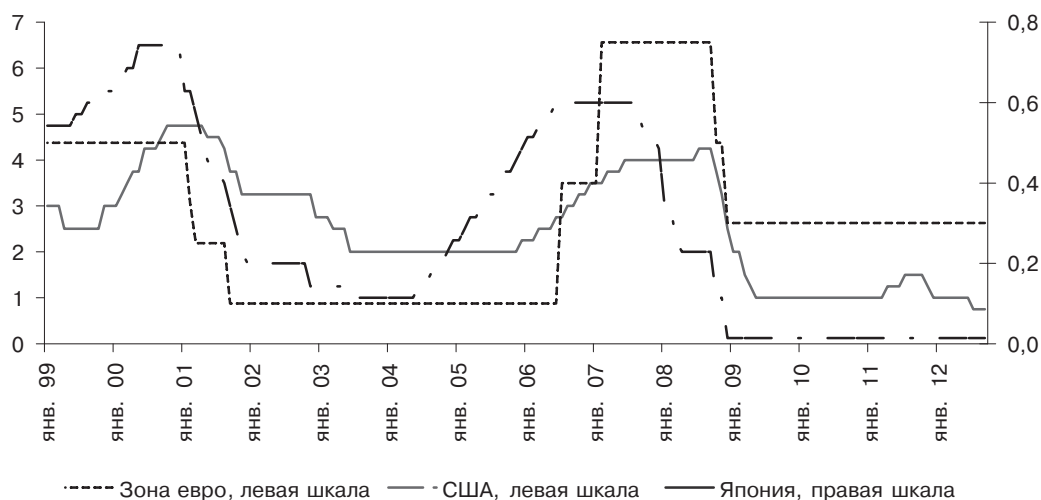
лютно-финансовой системы будет представлять дальнейший рост государственного долга в США, объем которого, по некоторым оценкам, составит к 2020 году порядка 120—130 процентов ВВП. При этом очевидно, что по мере роста долговой нагрузки развитых государств их способность противостоять возникающим кризисным ситуациям путем принятия новых программ поддержки экономик будет неуклонно сокращаться.

Нарастание нестабильности в государственных финансах, порождающее чувство неопределенности, изменит структуру трансграничных потоков капитала, сократив в ней долю долгосрочных инвестиций в пользу коротких спекулятивных вложений. Для европейских банков это будет означать ограничение возможностей по привлечению длинных ресурсов, необходимых для осуществления инвестиционно-кредитования реального сектора экономики.

Таким образом, к 2013 году во многих ведущих западных государствах сложилась, по сути, патовая ситуация, когда потребительский и инвестиционный спрос со стороны частного сектора, обремененного долгами, растет очень медленно, а правительства в условиях ухудшения состояния государственных финансов почти не имеют возможностей по его поддержке. Выход из этой ситуации потребует переориентации западных экономик на новые факторы роста, что, очевидно, будет процессом долгим и сложным.

В этих условиях монетарная политика может создавать благоприятные условия для проведения реформ, гарантируя стабильность цен и тем самым уменьшая неопределенность.

⁷ См. «OECD Economic Surveys: Euro Area». Paris, 2012. P. 48.



Источник: Данные Европейского центрального банка (<http://sdw.ecb.europa.eu/browse.do?node=bbn131>) и «International Financial Statistics» за 2013 год.

Рисунок 1. Ставка рефинансирования в зоне евро, США и Японии, 1999–2012 годы (процентов годовых)

Одной из важных характеристик деятельности ЕЦБ и Евросистемы в целом является то, что она осуществляется на основе четырех принципов: независимости, транспарентности, ответственности и операционной децентрализации. Принцип независимости ЕЦБ и 17 центробанков стран зоны евро записан в тексте Маастрихтского договора. Независимость Евросистемы означает, что при осуществлении своей деятельности ЕЦБ и ЦБ стран зоны евро не получают никаких инструкций от органов ЕС и национальных правительств. Институциональная и оперативная независимость Евросистемы предполагает прозрачность принимаемых решений, что особенно важно для ЕЦБ, так как от этого зависит доверие к его монетарной политике и соответственно к евро. Ответственность ЕЦБ, зафиксированная в тексте Маастрихтского договора, предполагает регулярное заслушивание доклада управляющего ЕЦБ Европарламентом, его неформальные встречи с Еврогруппой министров финансов стран зоны евро, а также публикацию отчетов

об эволюции экономической конъюнктуры и макроэкономических прогнозов⁸. После принятия важнейших решений президент и вице-президент ЕЦБ обязательно организуют пресс-конференции, на которых детально комментируют принятые решения, что является уникальной практикой для центробанков. Вместе с тем ЕЦБ не публикует протоколы своих заседаний⁹.

Решения, принятые Советом управляющих ЕЦБ, практически реализуются ЦБ стран зоны евро. Такая децентрализованная система доказала свою эффективность в августе и сентябре 2011 года, когда наблюдались трудности на межбанковском рынке. Тесные связи между национальными

⁸ См.: P. Arestis, G. Chortareas. Monetary Policy in the Euro Area. — «Journal of Post Keynesian Economics». 2006. Vol. 28. № 3; G. Caporale, A. Cipollini. The Euro and Monetary Policy Transparency. — «Eastern Economic Journal». 2002. Vol. 28. № 1; P. Surico. The Monetary Policy of the European Central Bank. — «The Scandinavian Journal of Economics». 2007. Vol. 109. № 1.

⁹ См. «The ECB's Monetary Policy Stance during the Financial Crisis». — «Monthly Bulletin of ECB». 2010. № 1. — www.ecb.int/pub/pdf/mobu/mb201001en.pdf

центробанками позволили лучше понять и быстро ответить на потребности банков в средствах для рефинансирования¹⁰.

Введение евро и проведение единой монетарной политики способствовали значительному сокращению разрыва в уровнях инфляции между странами зоны евро с 6 процентных пунктов в 1990-х годах до 3,3 — в 2012-м (этот показатель очень близок к показателю разрыва между 14 городскими статистическими зонами в США). Сократился также разрыв в темпах экономического роста стран зоны евро, хотя в 2012 году он достигал 9 процентных пунктов.

Начиная с 1999 года Евросистема меняла процентные ставки 36 раз, в том числе 18 раз снижала их и 18 раз повышала, доведя в 2012-м до 0,75 процента¹¹. Это происходило реже, чем у ФРС США (см. Рис. 1). В целом частота изменений процентных ставок определяется экономической ситуацией и ее изменениями. Как показывают исследования, в промышленно развитых странах процентные

ставки пересматриваются в среднем каждые 5 месяцев, в ЕЦБ этот показатель составляет почти ту же величину — 4,7 месяца¹².

Является ли евро мировой валютой?

Роль евро как международной валюты во многом определяется действием следующих пяти факторов¹³.

Внешняя торговля товарами и услугами стран зоны евро. Экономика зоны евро более открыта, чем экономика США и Японии. В 2011 году внешнеторговый оборот (экспорт и импорт товаров и услуг) зоны евро составил 42 процента ВВП, тогда как в Японии — 32, а в США — 28 процентов. Доля зоны евро в мировом экспорте достигла 24,4 процента против 9,7 — у США, 4,0 — у Японии и 8,3 процента у стран—экспортеров нефти. С 1998 года (предшествовавшего введению евро) показатель открытия экономики зоны евро возрос на 11 процентных пунктов за счет быстрого расширения торговли с новыми странами—членами ЕС и Китаем. Стоимость взаимной торговли товарами между странами зоны евро по отношению к ВВП возросла с 26 процентов в 1998-м до 33 — в 2011 году; для торговли услугами соответствующий показатель увеличился с 5 до 7 процентов. В 2011 году торговый оборот в рамках зоны евро составлял около половины всего внешнеторгового оборота зоны евро (см. Рис. 2).

Создание валютного союза и введение единой валюты способствовали увеличению взаимного обмена между членами союза, поскольку уменьшили волатильность обменных курсов валют

¹⁰ См. «L'action des banques centrales». — «Documents et débats». (Paris). 2010. № 3 (www.banque-france.fr/fr/doc/doc_debat/numero_3/pdf).

¹¹ Напомним, что когда нужно было оживить экономику зоны евро, ЕЦБ трижды за два года (2011—2012) снижал ставку, установив ее на уровне ниже инфляции, поскольку риск спада воспринимался более остро, чем возможный рост цен. Другими словами, для стимулирования экономики зоны евро ЕЦБ готов был даже нести дополнительные издержки. Скорее всего, это оправдано, поскольку центральные банки в большинстве стран — в первую очередь «кредиторы последней инстанции», для которых стабильное экономическое развитие важнее, чем собственная прибыль. Именно поэтому во многих странах, помимо достижения чисто финансовых целей (поддержание цен и валютного курса), на них возлагаются и задачи, связанные с поддержкой экономики в целом. И тогда уже центробанки заинтересованы с максимальной эффективностью использовать те механизмы и инструменты, которыми они располагают, чтобы с их помощью обеспечить решение задач, стоящих перед экономикой.

¹² См. «The ECB's Monetary Policy Stance during the Financial Crisis».

¹³ См. **A. Bertuch-Savuels, P. Ramlgan.** L'euro, monnaie mondiale? — «Problèmes économiques». 2007. № 2926. P. 41—45.

и связанную с этим неопределенность. В последние годы появились многочисленные эмпирические исследования, в которых анализировалось влияние введения евро на объем взаимного обмена товарами между странами зоны евро. В целом было установлено, что введение евро ускорило рост взаимного обмена в среднем на 2—3 процентных пункта. Наиболее сильное влияние введение евро оказало на обмен промышленным оборудованием и предметами потребления, а наименьшее — на обмен продовольствием.

Анализ экспорта европейских предприятий за долгий период показал, что в первое время после введения евро возросли число и разнообразие товаров, экспортируемых в страны зоны евро, тогда как объем экспорта, который существовал до введения евро, увеличился в меньшей степени. Со временем использование евро изменило способы фиксации экспортных цен, что приводило к их выравниванию и уменьшению выгод, получаемых за счет дифференциации цен. Таким образом, введение евро позволило снизить транзакционные издержки и частично — внутренние цены, что пошло на пользу потребителям стран зоны евро.

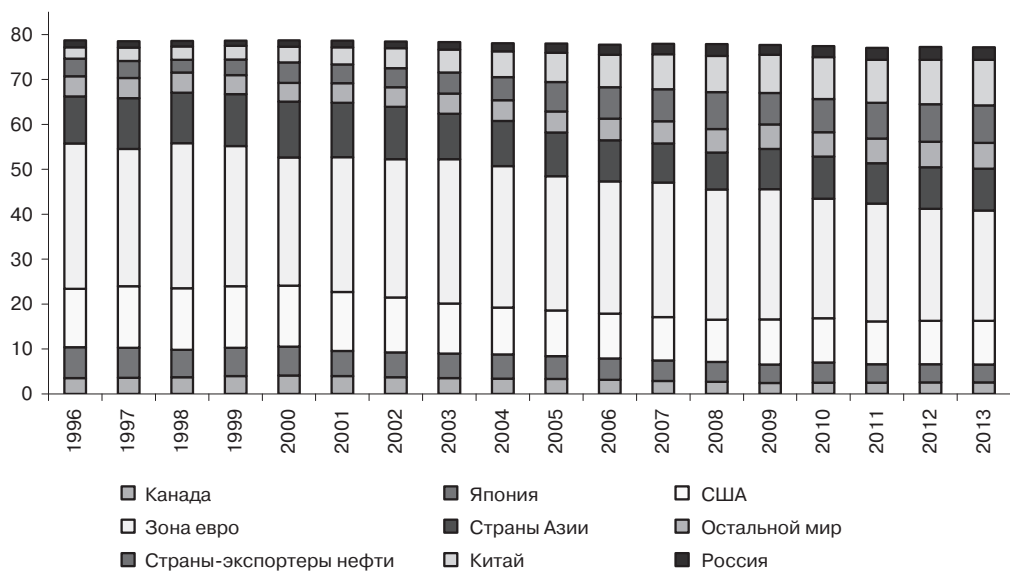
Исследования показывают, что введение евро способствовало повышению конкурентоспособности европейских компаний на новых рынках¹⁴. Сегодня страны зоны евро рассматриваются как наилучшая экспортная база, способная привлечь большое число предприятий из соседних стран. Более интегрированная зона евро не только позволяет компаниям извлекать выгоды от экономии на масштабе, но и способствует обострению конкуренции, что приводит к увеличению объема производства при более низких ценах. Однако это

позитивное влияние евро проявляется в разных странах зоны евро по-разному, в зависимости от качества их институтов, доступа к новой технологии и развития НИОКР.

Рост конкурентоспособности экономики зоны евро имеет большое значение в условиях появления новых субъектов на мировых рынках. Так, за последнее десятилетие доля Китая в мировом экспорте возросла в среднем на 13 процентов в год, тогда как доля зоны евро уменьшалась на 1,7 процента в год (исключение составляют Ирландия и Германия, доля которых в мировом экспорте увеличивалась). Снижение доли зоны евро в мировом экспорте частично объясняется выходом на мировой рынок стран с низкими издержками на оплату труда, а частично тем, что страны зоны евро отказались от трудоемких производств, усилив свою специализацию на производстве капиталоемкой продукции.

Евро и международные потоки капиталов. Зона евро является открытой и в финансовом отношении: ее международные авуары и обязательства составляли в 2011 году 150 процентов ВВП против 115 — у США и 90 — у Японии. За период 1999—2011 годов международные авуары и обязательства зоны евро возросли в целом на 60 процентов, хотя этот рост был в разных странах неодинаковым. В 2000—2011 годах доля стран зоны евро, рассматриваемых как экспортеров и импортеров прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в мировом потоке ПИИ составляла 57 процентов. В 2001—2011 годах в руках резидентов стран зоны евро находились 34 процента мирового портфеля акций и 44 процента мирового портфеля облигаций. Учитывая тот факт, что доля зоны евро в мировом ВВП не превышает 25 процентов, можно сделать вывод: евро играет важную роль в международном движении капиталов, особенно в рамках самой зоны.

¹⁴ См. A. Posen. The Euro at Five: Ready for a Global Role? Wash. (DC), 2005.



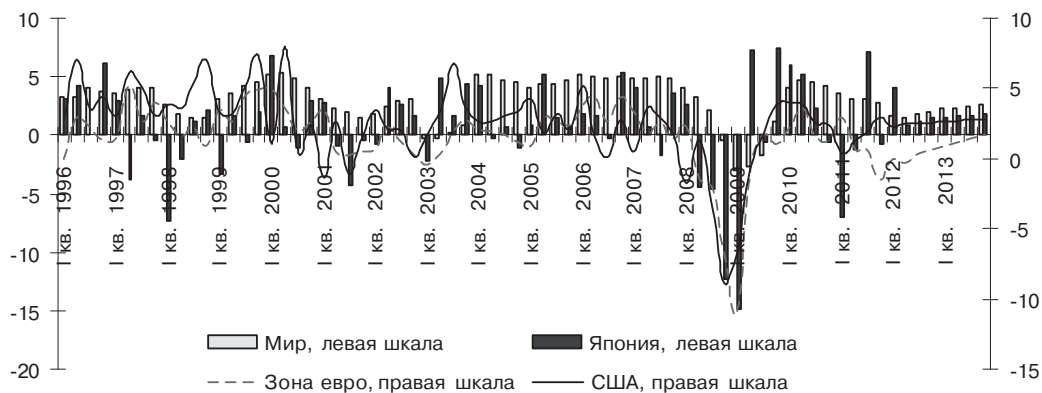
Примечание: 2013 год — прогноз.

Источник: Данные Организации экономического сотрудничества и развития (<http://stats.oecd.org/index.aspx?>).

Рисунок 2. Крупнейшие страны (регионы) мира по экспорту товаров и услуг, 1996–2013 годы (процентов)

В последние годы деятельность, связанная с ПИИ, принимает форму трансграничных слияний и поглощений, львиная доля которых приходится на компании ЕС и США. Доля слияний и поглощений промышленных компаний в рамках зоны евро в общей численности таких операций зоны евро возросла с 20 процентов в 1993–1998 годах до 35 процентов в 1999–2011

годах. Операции по слиянию и поглощению в зоне евро осуществляли промышленные компании Норвегии, Канады, Японии и США. Что касается операций по слиянию и поглощению в секторе услуг, то здесь доля операций внутри зоны евро в рассматриваемый период снизилась с 37 до 27 процентов, тогда как доля компаний сферы услуг других стран увеличилась.



Примечание: 2012–2013 годы — прогноз.

Источник: Данные Организации экономического сотрудничества и развития (<http://stats.oecd.org/index.aspx?>).

Рисунок 3. Темпы роста реального ВВП в мире, зоне евро, США и Японии, 1996–2013 годы (процентов к предыдущему году)

На перемещение капиталов между странами зоны евро повлияли такие факторы, связанные с введением евро, как: а) снижение транзакционных и постоянных издержек; б) снижение операционных издержек, связанных с финансированием за счет банковских кредитов и эмиссии облигаций. Таким образом, введение евро способствовало увеличению потоков ПИИ в зоне евро на 15 процентов, тогда как это влияние на приток ПИИ из третьих стран оценивается в 7 процентов. При этом влияние евро на численность трансграничных слияний и поглощений промышленных компаний в зоне евро оценивается в 160 процентов, а на численность соответствующих операций вне зоны евро — в 80 процентов.

Индивидуальные сбережения часто размещаются в портфели различного типа — в акции различных компаний, в облигации и фонды коллективных вложений, управляемые профессионалами. Если финансовые инструменты выпущены за рубежом, то вложения в них считаются трансграничными, которые подвергаются валютному риску. Введение евро устранило валютный риск для трансграничных вложений в рамках зоны евро и способствовало созданию общих торговых платформ (*plates-formes de negotiation communes*) — таких, как, например, биржа «Europext», возникшая от слияния фондовых бирж Парижа, Амстердама, Брюсселя и Лиссабона, а также интеграции пострыночной инфраструктуры. Все это снизило барьеры для трансграничных портфельных инвестиций. Среди других факторов, ускоряющих перемещение капиталов в форме портфельных инвестиций в мировых масштабах, можно назвать уровень ожидаемых доходов, волатильность активов в разных странах, предпочтение, отдаваемое национальным активам, прогнозы

экономического роста, особенности институциональной структуры, старение населения в странах, интенсивность двусторонних торговых связей, культурные связи и т. д.

В 1997—2011 годах доля трансграничных авуаров в рамках зоны евро, которыми владеют резиденты зоны, увеличилась на 16 процентных пунктов для акций и на 46 — для облигаций. Все важные регионы мира, в том числе резиденты Великобритании, Дании и Швеции, также увеличили свои портфельные вложения в активы зоны евро. Как показывают эмпирические исследования, введение евро стимулировало перемещение портфельных инвестиций как резидентов, так и нерезидентов зоны евро в активы, номинированные в евро.

Размер и уровень открытости экономики. Чем крупнее и динамичнее экономика, тем потенциально больше ее влияние на мировую экономику. Зона евро, имея большую численность населения, чем США, и почти такую же экономику, в состоянии обеспечить евро важную международную роль.

Однако темпы экономического роста стран зоны евро отстают от темпов роста мировой экономики: в 2011 году они составили в среднем всего 1,5 процента против 3,2 процента в остальных странах. Более высокие темпы роста могут повысить привлекательность стран зоны евро для инвесторов, а также доверие к их экономике и евро, что, как правило, приводит к увеличению притока долгосрочного капитала (см. Рис. 3).

Стабильность цен и обменного курса. Чем выше стабильность цен и обменного курса в стране-эмитенте, тем ниже затраты и риски на финансовых рынках и выше доверие к валюте. ЕЦБ наделен большими полномочиями и обладает независимостью в

поддержании стабильности цен. По данным ЕЦБ, инфляция и инфляционные ожидания в зоне евро являются низкими и стабильными, а волатильность номинального и реального эффективного валютного курса евро невысока (см. Рис. 4).

Однако, несмотря на единую денежно-кредитную политику Европейского центрального банка, в 2012 году в валютном объединении наблюдались существенные различия в темпах инфляции: от 3,4—4,0 процентов в Италии и Эстонии до 1,4—1,6 процента во Франции и Германии. Расхождения в темпах инфляции неизбежны вследствие сохраняющихся структурных диспропорций и представляют собой один из ключевых механизмов

адаптации национальных экономик к различного рода шоковым воздействиям (см. Рис. 5).

В последнее время руководство ЕЦБ связывает усиление инфляционного давления с действием таких факторов, как рост мировых цен на нефть, повышение налогов на добавленную стоимость (НДС) в Германии с 1 января 2012 года, увеличение денежной массы в обращении и объемов кредитования. К этому добавляется и такой фактор, как усиление требований наемных работников о повышении заработной платы. Недавно М. Драги, управляющий ЕЦБ, призвал социальных партнеров умерить свои требования на переговорах о повышении оплаты труда.



HICP — Harmonised Index of Consumer Prices — гармонизированный индекс потребительских цен. Индикатор инфляции в зоне евро, рассчитываемый как средневзвешенное индексов потребительских цен в странах—членах валютной зоны.

Источник: Данные Европейского центрального банка (<http://sdw.ecb.europa.eu/browseSelection.do?DATASET=0&sf1=4&FREQ=M&sf3=4&CURRENCY=Z65&sf4=4&node=2018795> и http://sdw.ecb.europa.eu/quickview.do?SERIES_KEY=122.ICPM.U2.N.000000.4.ANR).

Рисунок 4. Номинальный и реальный эффективный валютный курс евро (первый квартал 1999 года = 100), гармонизированный индекс потребительских цен и базовая инфляция в зоне евро (в процентах к предыдущему году), 1996—2012 годы



Источник: Электронная база данных ОЭСР (<http://stats.oecd.org/index.aspx?>) и Евростата (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teicp000&plugin=1>).

Рисунок 5. Динамика гармонизированного индекса потребительских цен в некоторых странах зоны евро, 1996–2012 годы (процентов к предыдущему году)

Предполагается, что в 2013–2014 годах уровень инфляции в зоне евро будет составлять не более 2 процентов, а возможное превышение этого показателя будет краткосрочным. Одним из факторов усиления инфляционного давления специалисты называют увеличение денежной массы (агрегата М3) и объемов кредитования. С 2010 года рост денежной массы был связан в основном с восстановлением объема ипотечного кредитования и в меньшей степени — с увеличением кредитов (рост составил 4,4 процента и 3,1 процента в 2011 и 2012 годах соответственно), предоставляемых предприятиям. В марте 2012-го темп роста денежного агрегата М3 составил 3,2 процента. По мнению М. Драги, увеличение М3 и объема кредитов обусловило «обилие ликвидности»

в зоне евро, хотя количественно определить «излишек» очень трудно¹⁵. Одним из показателей, с помощью которого можно судить о чрезмерной ликвидности, является сравнение темпов роста М3 и номинального ВВП (в идеале эти показатели должны совпадать — см. Рис. 6). Начиная с 2002 года в зоне евро разрыв между этими показателями составляет около 4 процентных пунктов (в пользу темпов М3).

Развитие и интеграция финансового рынка, который обеспечивает достаточную ликвидность, уменьшает транзакционные издержки, снижает неопределенность, риски и стоимость хеджирования и приводит к понижению процентных ставок. Он также способствует повышению производительности и темпов экономическо-

¹⁵ Следует, в принципе, указать, что, когда объемы международного использования европейской валюты значительно превышают объем европейского ВВП и в ряде случаев поддерживаются операциями третьих стран на неевропейском рынке, ЕЦБ должен быть готов к неожиданному появлению «лишних» евро (которые были, например, вытеснены другими иностранными валютами) и иметь механизмы, во-первых, «включающие» такие евро в обеспечение функционирования экономики и, во-вторых, позволяющие при необходимости снять излишнюю ликвидность с рынка, не создавая паники и не допуская обвальных падений валютного курса и котировок бумаг.

го роста и укреплению доверия к евро. Финансовые системы стран зоны евро традиционно основывались на банках, и их финансовые рынки были менее развитыми и интегрированными, чем в США. Однако в последние два десятилетия интеграция европейских финансовых систем ускорилась, особенно с принятием в марте 2000 года Плана действий в области финансовых услуг, который предполагает устранение законодательных и рыночных барьеров при оказании трансграничных финансовых услуг. Растущая интеграция финансовых рынков в рамках ЕС проявляется в значительном увеличении рынка корпоративных и государственных облигаций, в возросшей интеграции фондовых рынков, уменьшении разрыва в уровнях процентных ставок в странах зоны евро, формировании общей рыночной инфраструктуры, расширении многообразия финансовых инструментов.

Тем не менее европейские финансовые рынки еще не полностью интегрированы. Рынки долговых ценных бумаг и розничных финансовых услуг остаются менее развитыми, чем в США¹⁶, рынок коммерческих ценных бумаг в зоне евро слабо скоординирован, правила деятельности национальных фондовых бирж недостаточно гармонизированы¹⁷.

Правовые системы, регулирующие выпуск ценных бумаг, не стандартизированы, что затрудняет обмен между ценными бумагами разных

стран. Системы клиринга и расчетов по ценным бумагам также различаются между странами. В результате различаются правила учета и другие требования к ведению операций, что обуславливает высокие издержки по международным сделкам. Различия в налоговых системах и в правилах защиты потребителей сдерживают развитие иностранных инвестиций. Кроме того, в зоне евро отсутствует единая система банковского надзора, что препятствует оптимизации деятельности международных банков.

Одной из проблем, которую предполагается решить в ближайшие годы, является недостаточная интеграция инфраструктуры рынков, в частности систем платежей и расчетов. Несколько инициатив в этом направлении реализуются. Так, в ноябре 2006 года европейские ассоциации предпринимателей (работающих на рынках облигаций и акций) подписали Европейский кодекс поведения при платежах и расчетах (*European Code of Conduct for Clearing and Settlement*), предложенный Европейской комиссией. Для развития панъевропейского рынка краткосрочных долговых ценных бумаг реализуется инициатива «Short-Term European Paper» (STEP), которая базируется на ряде стандартов, зафиксированных в конвенции STEP «Market Convention», принятой в июне 2006 года. К марту 2007-го в рамках указанной инициативы были запущены 35 программ на сумму 201 миллиард евро.

¹⁶ Расчеты за 2000–2011 годы показали, что размер рынков капитала составил 450 процентов ВВП в США против 220 процентов ВВП в зоне евро.

¹⁷ Согласно Лиссабонскому договору формирование единого фондового рынка ЕС должно быть завершено в 2015 году, а рынка финансовых услуг — в 2016 году. До конца 2014 года Евросоюз намерен принять все восемь запланированных в этой области директив. Они, в частности, будут регулировать такие вопросы, как борьба с неправомерным использованием особого рыночного и инсайдерского положения; гармонизация бухгалтерских стандартов и гарантий, запрашиваемых финансовыми учреждениями в качестве залогового обеспечения; порядок работы пенсионных фондов; отчетность корпораций для фондовых бирж; правила пруденциального надзора за деятельностью финансовых конгломератов; реформа рынка инвестиционных и посреднических услуг в страховом бизнесе; правила проведения финансовых сделок по телефону и через Интернет.

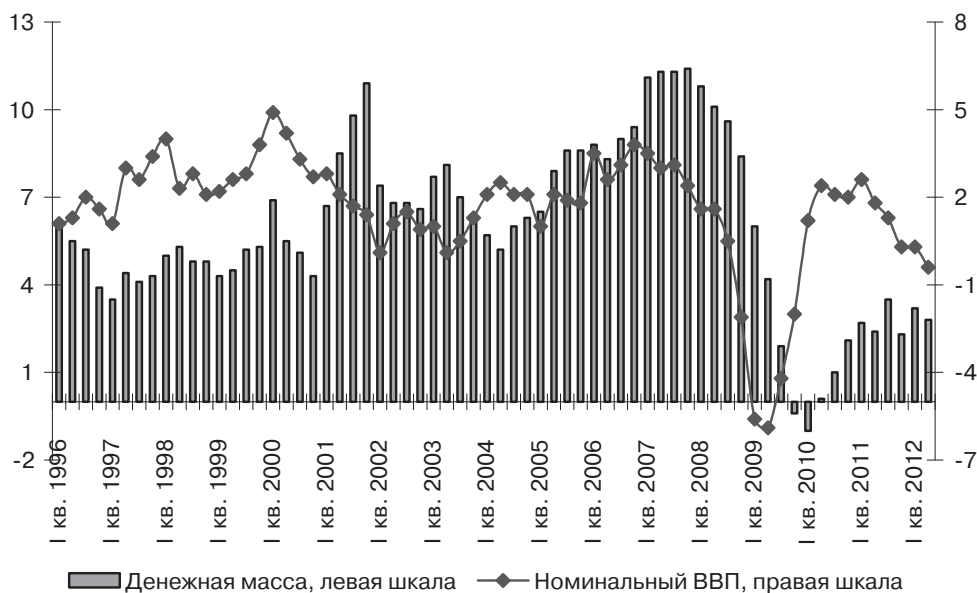
Медленнее всего процесс интеграции развивается на европейском рынке розничных банковских услуг и продуктов, хотя и здесь наметился определенный прогресс. Европейское банковское сообщество инициировало проект создания Единой европейской платежной зоны (SEPA). Кроме того, ряд показателей свидетельствует о росте трансграничной банковской деятельности, в частности рост числа слияний и поглощений между банками разных стран, повышение в финансовом портфеле банков доли активов других стран зоны евро.

Международный статус евро

Валюта является международной, если резиденты используют ее как внутри страны эмиссии, так и за ее пределами. В отношении евро это означает использование его за пределами зоны евро. Эмитирующая международную валюту страна или группа стран получает определенные поли-

тические и экономические выгоды, связанные с ростом международного престижа и глобального влияния. Экономические выгоды проявляются в более низких транзакционных издержках и процентных ставках и более высокой доходности финансовых учреждений. Эти выгоды обусловлены возрастанием экономической активности и эффективности внутренних рынков капитала; большей возможностью финансирования дефицита платежного баланса по текущим операциям собственной валютой, что устраняет необходимость наращивания резервов в иностранной валюте.

После четырнадцати лет введения евро эта валюта быстро и прочно утвердилась как вторая по значению международная валюта в мире. В настоящее время евро по своей роли намного превосходит не только европейские валюты, которые он заменил, но и фунт стерлингов и японскую иену. Это произошло несмотря на то, что ЕЦБ не пытается активно расширять применение евро за границей.



Источник: Евростат (http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=mny_agg_q&lang=en; http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=namq_gdp_k&lang=en).

Рисунок 6. Темпы роста денежной массы (M3) и номинального ВВП (процентов к предыдущему году), 1996–2012 годы

Одним из свидетельств надежности евро является усиление его роли как мировой валюты. В июле 2012 года ЕЦБ опубликовал очередной доклад о международной роли евро, в котором представлены данные о месте евро в мировой валютной системе за период с середины 2010-го до конца 2011 года. Основные данные этого доклада приведены в Таблице 2.

В дополнение к этим данным можно привести результаты специального исследования Банка международных расчетов, проведенного в декабре

2010 года, в соответствии с которыми сделки по обмену евро на доллары составляли 28 процентов традиционных сделок на валютном рынке и 46 процентов на рынке производных валютных инструментов. Доля евро в операциях с процентными дериватами возросла с 65 процентов в 2004-м до 82 процентов в 2011 году. Частично это повышение объясняется тем, что с апреля 2004-го по апрель 2011 года номинальный курс евро по отношению к доллару и британскому фунту возрос на 20,6 и 32,7 процентов соответственно.

Таблица 2

**Основные показатели, характеризующие роль евро
как мировой валюты на конец 2011 года**

Основные показатели	Доля на конец 2011 года, процентов
Доля евро в валютных резервах	25,0
Доля евро на международном рынке долговых ценных бумаг	25,7
Доля евро на международном рынке займов и депозитов	
международные займы, предоставленные банками стран зоны евро небанковским учреждениям вне зоны евро	21,8
международные займы, предоставленные банками из стран вне зоны евро небанковским заемщикам в зоне евро	17,3
международные депозиты небанковских учреждений из стран вне зоны евро в банках зоны евро	22,4
международные депозиты небанковских учреждений зоны евро в банках стран вне зоны евро	22,8
Доля евро на международном валютном рынке:	
общий оборот на валютном рынке	19,5
ежедневная сумма взаимных расчетов в рамках CLS	20,7
Доля евро в расчетах по торговле товарами и услугами:	
расчеты по экспорту товаров из стран зоны евро в страны вне зоны евро	66,7
оплата товаров, импортируемых странами зоны евро из стран вне зоны евро	50,2
расчеты по экспорту услуг из стран зоны евро в страны вне зоны евро	61,9
оплата услуг, импортируемых странами зоны евро из стран вне зоны евро	61,4
Доля стран, привязывающих свою национальную валюту к евро	51

Примечание: CLS (Continuous Linked Settlement) — система непрерывных взаиморасчетов, действующая в рамках СВИФТ — межбанковской электронной системы передачи информации и осуществления взаимных платежей.

Источник: «European Central Bank. International Role of the Euro-2011». Frankfurt-am-Main, ECB, 2012. — www.ecb.int/pub/pdf/other/euro-international-role201207en.pdf.

Наибольшего прогресса евро добился в области международных финансов, а наименьшего — в области международных торговых операций. С географической точки зрения евро играет роль международной валюты в основном в странах, которые имеют региональные и политические связи с зоной евро, включая новые страны —

члены ЕС и страны зоны франка. Эти страны составляют около одной трети стран, которые привязывают курс своей национальной валюты к евро или доллару. Остальные две трети привязывают курс своей валюты к доллару. ◆

(Окончание следует)

АЛЕКСЕЙ ХАРИН

Эволюционные модели государства постмодерна

Процессы глобализации, становление информационного общества, или постмодерна, стремительно меняют картину мира. Формирующееся единое мировое экономическое, политическое, миграционное и т. п. пространство ведет, помимо прочего, и к эволюции института государства, его видов и типов. Появляются самые разнообразные модели и *формы государственности*: квазигосударства и государства-призраки (фантомы), ассоциированные государства, государства-нации и регион-государства, корпорации-государства и сетевые центры как государства, новые города-государства и даже всемирная федерация с государственными функциями.

В частности, Ш. Кафлен предлагает три возможных сценария эволюции государства: растворение национального государства (своеобразное Новое Средневековье); гибкое национальное государство; измененное национальное государство¹. Подобную типологию, с учетом подходов ряда западных исследователей, пред-

лагает и Е. Г. Пономарева², выделяющая государство предсовременное, современное и постсовременное.

Общим в указанных классификациях является констатация факта неравномерности развития современной государственности, появления новых форм, либо коренным образом отличающихся от традиционных, либо являющихся своеобразными модификациями последних. Однако особенно интересными представляются те варианты постгосударственных образований, которые (по меньшей мере на уровне теории) выдвигаются в качестве реальной альтернативы современному государству. Так, Б. А. Галь выделяет три модели нового государства: мировая сеть (сложное пересечение всевозможных сетей, транснациональных корпораций), мировая империя и мировое государство (или мировая федерация)³.

Как полагает ученый, в обозримой перспективе государство сохранится, но утратит базовые характеристики. Схожих взглядов придерживается и

¹ См. S. Coughlan. Is there a future for the nation-state in an era of globalization? If so, what future? — www.shaneland.co.uk/academic/ma/globalisation-essay1.pdf

² См. Е. Г. Пономарева. Суверенитет в условиях глобализации. — «Свободная Мысль». 2007. № 11. С. 97.

³ См. Б. А. Галь. Общество и государство: модели развития в постнациональной ситуации. — www.polite.com.ua/library/4080-.html

Л. Е. Гринин, считающий, что «государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место более крупным единицам»⁴. Каким именно? На наш взгляд, на данном этапе можно выделить четыре основных варианта: корпорация-государство; регион-государство; государство-империя; государство-цивилизация.

Корпорация-государство

Одним из видов постсовременных государств является корпорация-государство. Данный феномен еще только нарождается, но уже подвергается осмыслению в научной и публицистической литературе. В первую очередь здесь можно назвать книги А. С. Панарина, в трудах которого выявлены предпосылки формирования и даны наброски облика этого феномена⁵. Корпорация-государство как таковое, а также отдельные его аспекты рассмотрены в работах и других исследователей⁶.

Возникающий тип государства все они понимают как мобильную властную самоорганизующуюся корпорацию, подменяющую собой тради-

ционные институты национального государства и использующую ресурсы общества в своих корпоративных интересах. Соответственно, определение корпорации-государства выглядит следующим образом: *это организация, замещающая собой органы государственного управления и ставящая на первое место в своей деятельности корпоративную выгоду*.

Процессы глобализации, возникновение таких игроков на международной арене, как транснациональные корпорации (ТНК), ускорили процесс появления новых моделей, вариантов политий, формой которых и является корпорация-государство. Размывание государственного суверенитета, формирование единого экономического и информационного пространства создают большие возможности для ТНК. Свою роль играют также развитие высоких технологий (коммуникационных, производственных и т. п.), совершенствование управления общественными отношениями, эволюция средств манипулирования общественным сознанием, а также появление новых методов управления государственным строительством⁷.

Формирование новых государств, возникших в результате краха колониальной системы, а также в ходе распада социалистического лагеря, является сложным и неоднозначным процессом. Многие из образовавшихся политий порой обладают слабым суверенитетом, но имеют богатые ресурсы, что и привлекает к ним внимание крупных игроков на мировой арене, в том числе и ТНК (последние, навязывая таким странам неравноправные соглашения, часто выступа-

⁴ Л. Е. Гринин. Глобализация и проблемы национального суверенитета. — «Вызовы современности и философия: материалы “круглого стола”, посвященного Дню философии ЮНЕСКО». Общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 45.

⁵ См.: А. С. Панарин. Искушение глобализмом. М., 2003; Он же. Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003.

⁶ См., например: А. И. Неклесса. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. — «Политический класс». 2008. № 1; А. Н. Окара. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. — www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html; Е. Г. Пономарева. Суверенитет в условиях глобализации; А. И. Фурсов. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». — www.intelros.ru/index.php?newsid=124

⁷ См., например: А. И. Неклесса. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. С. 98.

ют в роли самостоятельных субъектов международных отношений). Например, Лакшми Миттал, индийский бизнесмен, основатель и владелец «Mittal Group», во время гражданской войны в Либерии подписал с местным правительством контракт, фактически создав в этой стране корпорацию-государство⁸.

Одним из главных средств контроля над другими политиями для ТНК и корпораций-государств, несомненно, является контроль за национальными элитами других стран путем их покупки, смены и ликвидации неудобных политиков.

Среди внутренних причин формирования корпорации-государства можно назвать нахождение у власти группы собственников, связанных, как правило, с транснациональной корпорацией. Это касается в первую очередь богатых стран Запада. С одной стороны, нет оснований утверждать, что они постепенно превращаются в корпорации-государства. Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на то, что такие магнаты, как Карлос Слим (признанный в 2011 году самым богатым человеком планеты) и Руперт Мердок, оказывают влияние на политику целого ряда стран (в том числе и США, Австралии, Великобритании)⁹.

Идейными предпосылками становления корпорации-государства, по мнению ряда исследователей, является идеология неолиберализма. Прикрываясь неолиберальной риторикой, такие корпорации могут постепенно освобождаться от контроля со стороны государства, что дает им возможность проникать в разные регионы мира, формировать

свои правила игры, модели поведения на мировой арене и т. п.¹⁰ С другой стороны, само государство, следуя логике неолиберальных идей, должно быть активным на мировой экономической арене, что побуждает его «действовать как коллективная корпорация»¹¹.

Как же реализуется или должен реализовываться внутривластный курс подобного образования? Внутри страны такая корпорация будет приватизировать властные функции государства (преимущественно силовые и принудительные), направляя их на решение в первую очередь своих, а не национальных, задач. Главные принципы поведения для такого института — экономическая эффективность и следование таким правилам, как «цель оправдывает средства», «выживает сильнейший». В результате и отношение к занимаемой территории, населению оказывается утилитарным: приоритетным становится осуществление выкачивания денежных средств всеми возможными способами. Корпорация-государство будет стремиться в максимальной степени избавляться от социальных обязательств перед «нерентабельным» населением, а по возможности — и от него самого¹². Более того, сама культура начнет вытесняться «индустрией электронных и химических грез, душевного комфорта, иллюзий»¹³. Духовные, нравственные ценности сменяются потребительскими, что также помогает

¹⁰ См. **Г. М. Вельяминов**. Россия и глобализация. — «Россия в глобальной политике». 2006. Т. 4. № 3 (www.globalaffairs.ru/number/n_6816).

¹¹ **Д. Харви**. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. С. 109.

¹² См.: **Е. Г. Пономарева**. Суверенитет в условиях глобализации. С. 104; **А. И. Фурсов**. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь».

¹³ **А. И. Неклесса**. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. С. 102.

⁸ См. «Корпорация-Государство, или Поклонитесь Будущему Боссу». — www.kvisaz.ru/20061225/753/

⁹ См. **Д. Харви**. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 51.

корпорации-государству выкачивать ресурсы страны.

Корпорации-государству будут мешать образованные люди — в первую очередь гуманитарии, для которых материальное является вторичным по сравнению с духовным. Соответственно оно будет заинтересовано в сокращении гуманитарной интеллигенции и гуманитарных циклов во всех системах образования. В корпорации-государстве, по мнению А. С. Панарина, все решает монополия экономической власти собственника¹⁴. Неизбежно отрицание корпорацией-государством демократии и социума (ведь общественные интересы должны противоречить интересам отдельной организации).

В результате корпорации-государства будут превращать общество в сумму индивидов, а не личностей, а народ воспринимать как электорат, которым легко манипулировать. Думающие люди, защищающие свои ценности, не будут вписываться в сложившуюся систему и, соответственно, начнут маргинализироваться. В итоге появится новый тип личности, освободившейся от традиционных «запретных комплексов», имеющей право желать всего и немедленно. Для такого человека главное — наслаждение; все находящееся «по ту сторону удовольствия» для него не существует; все серьезное и обязывающее вызывает отвращение. Такой личностью легко управлять, такие люди отрываются от своих корней и легко становятся проводниками внешних идей. Другой части общества, которая остается ценностно-ориентированной и потому занимается реальным производством материальных благ, манипуляторы внушают мысль о порочности

государственного патернализма, что становится прикрытием демонтажа систем социальных гарантий прошлых эпох¹⁵.

Таким образом, возникающая в качестве альтернативы государству корпорация-государство имеет несколько специфических черт:

— это образование характерно для постиндустриального общества эпохи постепенного размывания государственного суверенитета;

— данный институт срачивается с органами государственной власти либо подчиняет их себе;

— государственные интересы воспринимаются сквозь призму интересов корпорации;

— при развитии подобного феномена возможно появление таких форм политической власти, как автократия, олигархия, плутократия и других; политический режим в данном образовании будет гибридным (смешанным), умеренно-авторитарным.

Тем не менее при всех неоспоримых преимуществах у корпорации-государства есть и слабые стороны, способные погубить это образование, не допустить его развития. По мнению А. И. Фурсова, развитие корпорации-государства безусловно тормозится тем, что оно до сих пор нуждается в нации-государстве как своеобразной «скорлупе», а также естественной среде питания. Ведь корпорация-государство практически ничего не производит: она лишь проедает созданное ранее. Кроме того, перспектива возникновения такого государства в любой стране может вызвать к жизни сплоченную коалицию крайне правых и крайне левых и даже части либералов. Корпорация-государство, «бесспорно,

¹⁴ См. А. С. Панарин. Искушение глобализмом. С. 122.

¹⁵ См. А. С. Панарин. Стратегическая нестабильность в XXI в. С. 171, 172, 182.

выступает как прогресс капитала, который, однако, как это часто бывает с социальным прогрессом, осуществляется за счет и в ущерб большинству, т. е. выступает как зло, которое следует не только анализировать, но и по отношению к которому надо делать моральный выбор»¹⁶.

Помимо сказанного, отметим также, что, во-первых, любая корпорация, в отличие от государства, способна не только приносить прибыль, но и обанкротиться. Крах же одной из главных составляющих корпорации-государства неминуемо приведет к параличу и остальной части системы. Во-вторых, ТНК заинтересованы главным образом в полицейских функциях государства. Без государства не обойтись при любых кризисах, особенно социальных, часто выливающихся в восстания, бунты, мятежи, другие формы неповиновения. В-третьих, обостряются противоречия в самом господствующем классе, в результате чего далеко не в пользу ТНК может измениться расстановка сил в треугольнике: «власть—бизнес—общество».

Существенной альтернативой корпорации-государству могут являться такие новые феномены, как регион-государство и государство-цивилизация.

Регион-государство

Несколько географически близких корпораций-государств могут образовать регион-государство¹⁷. Причины его формирования могут быть экономическими, социокультурными и политическими. Регион-государство чаще всего представляет собой конфедерацию, но может иметь и гораздо более сложную структуру. Один из разработчиков теории региона-государства, К. Омаэ полагает, что функционирование данного объединения определяется сугубо экономическими императивами¹⁸.

По мнению А. И. Фурсова, развитие корпорации-государства безусловно тормозится тем, что оно до сих пор нуждается в национальной «скорлупе», а также естественной среде питания.

Географический принцип проявляется в таких образованиях по-разному. Внутри самой страны может возникнуть несколько подобных феноменов¹⁹, которые способны буквально взорвать страну при неумелом руководстве. Здесь уместно вспомнить идею К. Омаэ о том, что численность населения в регионах-государствах не должна составлять более 20 миллионов человек²⁰. Другим вариантом может являться втя-

¹⁶ А. И. Фурсов. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь».

¹⁷ См.: М. Китинг. Новый регионализм как возможность. — «Россия в глобальной политике». 2008. Т. 6. № 4; Е. Г. Пономарева. Государство в условиях глобализации. — «Свободная Мысль». 2009. № 10; И. Н. Юдина. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации. — www.hist.asu.ru/aes/iud_st_ru.htm

¹⁸ См. Е. Г. Пономарева. Государство в условиях глобализации. С. 73.

¹⁹ См. М. Китинг. Новый регионализм как возможность. С. 145.

²⁰ См. Е. Г. Пономарева. Государство в условиях глобализации. С. 73.

гивание отдельных регионов разных стран во взаимодействие друг с другом.

Классическим примером складывающегося региона-государства является Евросоюз. Другой пример — это Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА). В перспективе таким объединением способен стать и общий рынок стран Южной Америки («Меркосур»). В нашем случае регион-государство может возникнуть на базе Содружества Независимых Государств. Аналогичный сценарий теоретически реален и для группы БРИКС. С одной стороны, входящие в группу страны разбросаны по континентам, но с другой — цели и задачи у них по многим вопросам совпадают. Поэтому возникновение такого глобального феномена не кажется

Империи долгое время являлись основными субъектами мировой политики, утратив свое значение лишь в начале XX века. Однако в конце того же столетия вновь проявился интерес к имперской тематике.

невозможным. Тем более что имели место и другие подобные попытки: с одной стороны — идеи создания супер-НАФТА, с другой — проект расширения НАФТА на юг, в Латинскую Америку и т. п.

По мнению И. Н. Юдиной, реалии современного глобализирующегося мира таковы, что мощь государства-нации подрывается как силами на транснациональном уровне, так и тенденциями к регионализации и дроблению государств. Политиче-

ски государства остаются суверенами, а экономически их мощь может изменяться под воздействием сил глобализации²¹. Многообразие этих воздействий не исключает и разные вариации такого феномена, как регион-государство.

Государство-империя

Империи долгое время являлись основными субъектами мировой политики, утратив свое значение лишь в начале XX века. Однако в конце того же столетия вновь проявился интерес к имперской тематике. Так, например, М. Хардт и А. Негри выступили с концепцией новой, современной империи. Ее ключевой особенностью должен стать лишенный центра и привязки к определенной территории аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Фактически такая империя представляет из себя сетевую структуру, распространившую свое влияние на крупные регионы мира²².

П. Ханна полагает, что межимперские, а не международные или междивизиационные отношения определяют контуры уже и современного мира. Именно империи, а не цивилизации, по мнению исследователя, наполняют смыслом политическую географию. Они не признают цивилизационных границ, по мере распространения своих норм и обычаев они способны изменять людей — к какой бы цивилизации

²¹ См. И. Н. Юдина. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации.

²² См. М. Хардт, А. Негри. Империя. М., 2004. С. 12.

те ни относились. Поскольку империи больше озабочены властью и собственным расширением, а не сохранением чьей-либо уникальной культуры, они, попросту говоря, превосходят по размерам любую из цивилизаций. По его мнению, в нашем мире существуют три империи: США, Евросоюз и Китай. Другие политические объединения выступают в роли объектов воздействия мировых империй.

Ученый проводит определенную грань между феноменами прошлого и настоящего. Если раньше главным фактором была военная сила, то теперь к показателям имперской мощи можно отнести: экономическую эффективность, долю на мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также такие нематериальные факторы, как воля нации и дипломатическая искушенность²³.

П. Ханна не дает четкого определения своему пониманию империи. В. Л. Иноземцев вообще считает, что на самом деле о последнем нет и речи: использование термина «империя» «скорее призвано придать его теории дополнительную “звучность”, чем определяет ее глубинную суть». Возможно, все-таки империи П. Ханны тождественны сверхдержавам, то есть таким феноменам, которые способны оказывать решающее воздействие на мировую политику. Но в его работе, по замечанию В. Л. Иноземцева, есть и новшество — четкое противопоставление империи цивилизациям²⁴.

Концепт империи в своих трудах активно разрабатывает и С. И. Каспэ²⁵.

Анализ имперских систем он начинает с Древнего Рима, который для него, как и для многих ученых, является своеобразным архетипом, моделью имперской власти. В современном мире, как полагает автор, выстроена новая империя — империя Запада, достигшая завершенной универсальности, пронизав своими сетями, охватив инфраструктурой, включив в политическое взаимодействие весь мир. Поэтому у нее нет границ не только интернационально, но и фактически. Отсутствуют даже альтернативы и «внешние варвары», от которых следовало бы изолироваться. Как и М. Хардт и А. Негри, Каспэ рассматривает империю в качестве организма, охватившего весь мир. Но, в отличие от первых, «его» империя имеет свой центр.

С. И. Каспэ подчеркивает, что в его концепции имперскость вовсе не оказывается синонимом гомогенности: империя формирует иерархическую организацию, и составляющим ее сообществам присваивается различный статус. Характер такой дифференциации определяется не произволом и алчностью, а степенью солидарности периферийных элементов с центром и единой мерой справедливости для всех²⁶. Однако реализация такой задачи является весьма масштабной и может стать непосильной для империи.

Применительно к России следует упомянуть концепцию «космополитической империи» В. С. Мартыянова. По мнению ученого, это транснациональный способ координации властно-политического, экономического и культурного мирового пространства, «не связанный с сакрализацией части земной поверхности и ее человеческой истории, но предлага-

²³ См. П. Ханна. Второй мир. М., 2009. С. 9—10.

²⁴ См. В. Л. Иноземцев. Вторые и первые. — П. Ханна. Второй мир. С. IX.

²⁵ См.: С. И. Каспэ. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008; Он же. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи. — «Полития». 2008. № 1.

²⁶ См. С. И. Каспэ. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. С. 285—287.

ющий взамен более универсальную миссию или идею, претендующую на глобальность»²⁷.

С одной стороны, такой вариант вполне подходит для всего мира, с другой — он является наиболее приемлемым для интеграции постсоветского пространства. В этом объединении ученый и видит задачу России. Во главу угла ставится не разъединяющая логика интересов национальных элит, а нечто большее — политическая этика, основанная на авансах и аксиомах доверия, на разделяемых всеми нормах. Власть на территории бывшего СНГ передается неким космополитическим структурам. Но для того чтобы быть жизнеспособной, такой империи нужно переиграть нации-государства, предложив более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры²⁸. Развивая логику автора, можно предположить, что мир превращается в сложную иерархическую структуру, состоящую из нескольких империй, одним из элементов которой и станет Россия.

При конструировании подобной империи возникает целый ряд требующих решения вопросов. Во-первых, необходимо понять: какие ценности должны стать универсальными, объединяющими все страны в космополитическую империю и в империи второго уровня? Во-вторых, возникает вопрос о характере наднациональных политических структур: возьмет ли на себя роль центра одна из стран, как это было ранее, или эти структуры будут созданы на каких-либо иных основаниях? В-третьих, не окажется ли новая империя всего лишь синонимом новой цивилизации?

²⁷ В. С. Мартынов. Космополитическая империя: транснациональный проект для постсоветского пространства. — «Свободная Мысль». 2009. № 7.

²⁸ См. там же. С. 65.

Государство-цивилизация

В наше время все чаще говорят о цивилизациях, или государствах-цивилизациях, как субъектах международных отношений и об актуальности поиска цивилизационной идентичности для России²⁹. Явление это весьма многообразно и многогранно, а потому исследователям зачастую сложно дать исчерпывающую характеристику феномена, особенно в его современной ипостаси. На наш взгляд, государства-цивилизации представляют собой *сложную, многоуровневую, социокультурную организацию, формирующуюся на основе общих ценностей и занимающую значительную территорию*. Таким образом, основными элементами цивилизаций будут являться ценностное ядро, сложная социокультурная организация и территория.

В любой из цивилизаций существует комплекс ценностей, знаний и норм, составляющих ее ядро. О характере этих ценностей ведется дискуссия. С. П. Хантингтон, например, считал главным элементом цивилизации религию³⁰; однако другие исследователи оспаривают эту позицию. Так, К. С. Гаджиев полагает, что при отождествлении цивилизации с религией возникают трудности: можно ли ставить знак равенства между Турцией и Ираном, Индонезией и Ираком? К какой цивилизации отнести Казахстан,

²⁹ См., например: И. Ф. Кефели. Философия геополитики. СПб., 2007; С. Г. Киселев. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002; Б. Мартынов. Многополярный или многоцивилизационный мир? — «Международные процессы». 2009. Т. 7. № 3 (www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm); С. М. Самуйлов. О России как о северной цивилизации. — «Свободная Мысль». 2007. № 5; С. В. Соколов. Проблемы цивилизационной целостности постсоветской России. — «Свободная Мысль». 2006. № 7, 8.

³⁰ См. С. П. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 49.

населенный почти поровну христианами и мусульманами? Если мы говорим о православно-славянской цивилизации, то к кому отнести чехов и поляков? Нельзя забывать, считает К. С. Гаджиев, что часто цивилизация либо империя выбирают ту или иную религию, по-своему преобразовывая ее облик³¹.

Несмотря на эти замечания, мы полагаем, что сравнивать перечисленные К. С. Гаджиевым исламские страны вполне возможно. Тем более что и их население причисляет себя к единому мусульманскому миру. Вместе с тем мир ислама состоит как минимум из четырех субцивилизаций: арабской, тюркской, персидской и малайской. Названные автором страны относятся к данным элементам. Что же касается Казахстана, то его особенности обусловлены историей страны, фактическим осколком которой он является. Тем не менее в настоящее время, учитывая особенности эволюции казахстанского государства, его имеет смысл отнести к миру ислама. Что же касается термина «православно-славянская цивилизация», то он относится в первую очередь к странам, где живут славяне, исповедующие православие. Поэтому чехи и поляки не могут относиться к этой цивилизации. Они — составной элемент цивилизации Запада.

При всей значимости аргументов К. С. Гаджиева и других ученых, анализ ценностей западного, исламского и других обществ показывает, что именно религиозные ценности в основном и определяют ядро цивилизации, формы поведения людей и их взаимоотношений с представителями других стран и народов. Исламскую или индо-буддистскую цивилизации

невозможно адекватно представить себе без учета религиозного фактора. На первом этапе истории различных (но не всех) цивилизаций она играла существенную роль, но затем отходила на второй план — как, например, это произошло в Европе. Однако и здесь анализ ценностного ядра западной цивилизации показывает связь либеральных идеалов с протестантизмом.

Цивилизации могут быть разнообразными по присущим им формам правления и типам политических режимов. А потому и формирование государства-цивилизации может происходить разными путями, в том числе и посредством создания собственной сферы культурного влияния; либо путем передачи государствами части своего суверенитета цивилизационному ядру, о чем в свое время писал и С. Хантингтон. В государства-цивилизации могут эволюционировать и регионы-государства, формирующиеся на социокультурной основе. В целом если при формировании современных государств-империй главными критериями будут выступать в первую очередь политические и экономические факторы, то в государствах-цивилизациях — социокультурные.

По мере эволюции государства-цивилизации число и природа составляющих ее образований могут изменяться, включая как одну, так и несколько политий. Второй из указанных выше сценариев ведет к возникновению стержневого государства, к которому другие политии примыкают на основе цивилизационной общности; в этом случае вполне возможно возникновение конфедерации. В ситуации с нашей страной такими вариантами могут быть либо взаимодействие России с Абхазией и Южной Осетией — как ассоциированными государствами, либо укрепление союза Россия —

³¹ См. К. С. Гаджиев. Геополитические горизонты России (контурь нового миропорядка). М., 2007. С. 162—163.

Белоруссия. Впрочем, нельзя исключить и иные варианты.

Государства могут входить в определенную цивилизацию не на основании политико-правовых договоров, соглашений, союзов, а политико-культурно³². Цивилизация способна существовать и в форме империи, но не наоборот. Классические примеры — древнегреческая цивилизация, которая не являлась империей, Рим, Россия с XVIII века. С другой стороны, Бразильская империя (1882—1889) не являлась цивилизацией, а Британская (1497—1949) оставалась неотъемлемой частью Запада.

В рамках любой цивилизации особые отношения складываются между Центром и периферией. Они могут иметь самые разные способы взаимодействия и неодинаковые принципы функционирования. Например, в античные времена Италия и восточные провинции Римской империи отличались в своем развитии. Подобное проявляется и в современном мире. Многое зависит и от того, останется Россия (или другая страна, например Индия) государством-цивилизацией либо станет ядром, вокруг которого объединятся другие страны на основе единой социокультурной идентичности. Заметим также, что если цивилизации прошлого развивались в форме отдельных политий, государств-империй, то сейчас цивилизация является интегрирующим ядром для других стран.

Разумеется, и цивилизационная модель имеет определенные недостатки. Выделим главные из них:

— государство пока еще сохраняет свои позиции главного субъекта международных отношений;

— большую роль играют векторы экономических взаимоотношений между странами, ведущие к образованию так называемых регион-государств;

— в связи с процессами глобализации активизируется процесс взаимопроникновения культур, во многих странах мира существуют значительные субкультуры, ориентирующиеся на Запад;

— ядром государства-цивилизации, как правило, является религия, но сейчас в ряде регионов мира влияние религиозного сознания ослабевает, несмотря на всплески религиозного фундаментализма;

— возможно, ведущая роль в мировых делах будет принадлежать империям; эта концепция все чаще противопоставляется цивилизациям.

Тем не менее процессы глобализации неизменно ставят на повестку дня и вопрос о социокультурной идентичности. Идет взаимодействие не только капитала, но и идей, символов, смыслов. Сталкиваясь с ценностями другого общества, та или иная страна стремится понять через них себя, осмыслить свое место на культурной карте мира. Зачастую страны сближает не только капитал, но и общий взгляд на вещи, общие ценности. Современное общество — информационное, способствующее более интенсивному обмену знаниями, ценностями, что не может не содействовать возникновению крупных социокультурных образований или цивилизаций.

Таковы основные модели возможной трансформации современной государственности. Следует, однако, подчеркнуть, что в любом случае речь не идет (и не может идти) о ликвидации в будущем

³² См. С. Г. Киселев. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. С. 15.

государства как такового. Можно согласиться с мнением Л. Е. Гринина, который полагает, что национальное государство еще долго останется ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем только оно и сможет решать многие злободневные вопросы. Гринин даже предположил, что возможен своеобразный «ренессанс» роли государства³³. Подобная позиция разделяется многими учеными. Например, И. Ф. Кефели отмечает, что государство остается основным звеном международной политической системы даже после передачи им части своих функций другим акторам. Вопрос состоит лишь в том, «по какой логике и в каких формах государство будет взаимодействовать с этими акторами и каким образом будут перераспределяться властные полномочия в рамках данной системы»³⁴.

Можно даже предположить, что в обозримой перспективе сохранятся далеко не все из обозначенных альтернатив. Какие-то из них в скором времени могут прекратить свое существование; одновременно появятся новые, неведомые ранее. Не существует и гарантии того, что кажущиеся новыми альтернативы государству не превратятся со временем всего лишь в новые виды того самого государства или в типы территориального устройства. Например, цивилизация сможет выступать в роли конфедерации государств, а регион-государство со временем перерастет в гигантскую федерацию.

Вместе с тем из всех разобранных нами тенденций, на наш взгляд, для России наиболее перспективным яв-

ляется именно цивилизационный сценарий. *Во-первых*, государство-цивилизация — противовес модели «корпорация-государство» с его холодным экономическим расчетом, принципами «только бизнес и ничего личного», «рынок все отрегулирует». Одной экономики для общения с другими странами мало. Россия и Запад пока еще совпадают по ценностной основе, и диалог между ними возможен. То же касается и перспектив диалога со странами СНГ: система ценностей и экономические связи способны здесь стать более крепким фундаментом, а идея, что с соседями должен доминировать принцип «только бизнес и ничего личного», выглядит необоснованной в принципе.

Во-вторых, государство-цивилизация представляет собой позитивную альтернативу корпоративному государству, которое слишком часто базируется на идее избранности, а потому противопоставляет Россию остальному миру. Признавая объективность противоречий последней с Евроатлантикой, отметим, что такая конфронтация губительна для нашей страны. Кроме того, государство-цивилизация представляет собой реальный противовес и религиозной идеократии (последняя, в отличие от религии, не обладает целостностью и навязывает человеку лишь отдельные религиозные ценности).

В-третьих, можно согласиться с И. А. Зевелевым, считающим, что концепция России как отдельной большой цивилизации, с одной стороны, позволяет легко парировать критику недемократичности государственного устройства современной России, а с другой — дает возможность вполне современно, в духе XXI века, интерпретировать «русский вопрос»: российская цивилиза-

³³ См. Л. Е. Гринин. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? — «Век глобализации». 2009. № 2. С. 137.

³⁴ И. Ф. Кефели. Философия геополитики. С. 60.

ция — это наше государство вместе с Русским миром, который включает в себя всех, кто тяготеет к полю русской культуры. В данном контексте тезис о разделенном народе звучит архаично³⁵.

В-четвертых, поиск цивилизационной идентичности для России не является чем-то праздным. Сейчас стоит выбор: или отстоять себя не только как хозяйственно-экономическое целое, но и как социокультурное, «либо уйти в историческое

небытие»³⁶. Именно система цивилизационных ценностей поможет остановить деградацию общества и сплотить его, дать ориентиры для развития.

И, как это всегда случалось в истории, ответственность за выбор дальнейшего пути в равной степени лежит на культурной элите, власти и обществе. Сможет ли первая предложить оригинальные идеи? Смогут ли власть и общество приступить к их претворению в жизнь? Покажет время. ◆

³⁵ См. **И. А. Зевелев**. Будущее России: нация или цивилизация? — «Россия в глобальной политике», 2009. Т. 7. № 5. С. 100.

³⁶ **В. Г. Хорос**. Цивилизации сегодня. — «Мировая экономика и международные отношения», 2008. № 9. С. 95.

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ

Размышления о консерватизме

Ах, я закидывал свою сеть в моря их, желая наловить хороших рыб, но постоянно вытаскивал я голову какого-нибудь старого бога.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

Вопрос о совместимости консерватизма и модернизации возник давно, и было бы самонадеянно пытаться ответить на его в одной статье. К счастью, журнал «Свободная Мысль», вполне в духе своего названия, решил в лучших научных традициях инициировать обсуждение проблемы, опубликовав статьи Михаила Кротова и Михаила Ремизова¹. Как общественно-политическое течение консерватизм возник в конце XVIII века, явив собой реакцию на философию Нового времени и Французскую революцию. Характерна в этом отношении полемика В. М. Межуева и М. В. Ремизова:

— Вы вопросы консерватизма рассматриваете только по отношению к Просвещению. Мне кажется, это не вся европейская история.

— ... Действительно, это не вся европейская история. Но это та ее часть,

¹ См.: **М. Кротов**. Консерватизм и экономическая политика. — «Свободная Мысль». 2012. № 9/10; **М. Ремизов**. Консерватизм и современность. — Там же.

которая вызвала к жизни не просто консервативную реакцию, но более-менее полноценный идеологический консерватизм. Может быть, это некое клише, но я воспринимаю эпоху Просвещения и Французской революции как осевое время политических идеологий, как точку, из которой расходятся различные траектории².

² См.: «Консерватизм/традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного семинара». М., 2010. Вып. 3. С. 35. См. также: **М. В. Ремизов**. Опыт консервативной критики. М., 2002. Г. Рормозер, например, считает, что мнение о вторичности консерватизма типично «лишь для определенных сил, которые считают себя партией прогресса. Прогрессивность же они сводят на самом деле к рационализации всех природных, исторических, общественных отношений, выдавая свою собственную позицию за позицию эпохи Нового времени как таковой... В действительности эпоха Нового времени переживает кризис. В противовес вышеупомянутой левой позиции я предложил бы следующий тезис: эпоха Нового времени в целом всегда характеризовалась диалектическим взаимодействием прогрессивных и консервативных сил (см. **Г. Рормозер, А. А. Френкин**. Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996. С. 96).

РЕПНИКОВ Александр Витальевич — главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор, доктор исторических наук.

Для него было характерно признание приоритета монархического принципа правления, естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии³. Главной ценностью для консерваторов являлось религиозное начало, которое, согласно их воззрениям, придавало смысл существованию человеческой личности и мировой истории в целом. Консерватизму присущ культ церкви, армии⁴, школы и семьи⁵, то есть тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Большое внимание уделялось средствам массовой информации, оказывавшим влияние на общество, и контролю за

³ «Консервативная идеология отстаивает принципы иерархичности социума, у истоков этой идеологии, безусловно, стоит Платон. Необходимость иерархии, развития полноценных сословий (власти, аристократии, ученого и культурного сословия, крестьянства, в современном обществе к этому надо прибавить сословие управленцев, менеджмента, бизнеса, научно-технической интеллигенции и т. д.) обеспечивает, с точки зрения Леонтьева, культурно-государственное развитие» (см. **А. А. Корольков**. Апология «Законов» Платона: размышления по поводу консерватизма. — «Философия права». 2010. № 4.

⁴ К. Н. Леонтьев воспевал «блаженное для жизненной поэзии время», когда идеалом мужчины был воин. С. Ф. Шарапов писал: «Наш национальный характер таков, что над нами должна быть всегда гроза. Скажите офицеру: командуйте и берите на себя всю ответственность: он будет счастлив, ибо воспитан в постоянной ответственности, жаждет самостоятельности и не боится за себя. Таков дух военного дела. Скажите монаху: иди и делай то-то. Он берет на себя ответственность, как «послушание». Скажите-ка чиновнику, чтобы он что-нибудь взял на свою ответственность, и он тотчас же струсит и спрячется» (**С. Ф. Шарапов**. Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы»). 1. Самодержавие и Самоуправление (исследование). 2. О земщине и бюрократии (переписка С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским). М., 1907. С. 55).

⁵ См. **К. Л. Медолазов**. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901—1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999.

ними⁶. Вместе с тем М. Ремизов верно говорит о непродуктивности создания неких «джентльменских наборов» типологических признаков консерватизма⁷. Данные социологических опросов показывают, что в сознании наших современников со словами «консерватизм» и «консерватор» ассоциируются следующие явления:

— Упрямый, упертый, непробиваемый.

— ...Опора на традиции, ценности, идентичность.

— ...Осторожное отношение ко всему новому.

— Основание, традиции.

— Вот Михаил Леонтьев — ярко выраженный консерватор.

— Марк Захаров, например, Лев Гумилев.

— Я сразу представил себе такого английского джентльмена в стиле Пуаро, который ездит на машине сороковых годов.

— Мужчина лет пятидесяти. В костюме. Стростью. И почему-то одежда у него в коричневых тонах... Вежливый, уважительный, с тонким чувством юмора.

— Священник. Для него дух важнее внешнего вида.

— Консерватор ассоциируется с дворянином⁸.

В России консерватизм был явлением, во многом родственным западноевропейскому, поскольку его представители разделяли основные ценности, характерные для их еди-

⁶ См.: **Т. М. Кирютина**. Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX в. С. Ф. Шарапов. Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2001; **О. Г. Панаэтов**. С. Ф. Шарапов о прессе и проблема подбора кадров. — «Журналистика: историко-литературный контекст». Краснодар, 2003. Вып. 2.

⁷ См. **М. Ремизов**. Консерватизм и современность. С. 66.

⁸ См. «Джентльмен в стиле Пуаро? (Подготовила А. А. Хмелева)». — «Консерватор. Журнал из Санкт-Петербурга». 2008. № 1. С. 51—52.

номышленников на Западе. Вместе с тем идейное влияние западноевропейских консерваторов в России было относительно невелико⁹. Специфика отечественного понимания консерватизма была обусловлена тем, что он являлся реакцией на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в тот период был либерализм Александра I, западничество и направленность русского дворянства и наполеоновская агрессия против Российской империи. Эти явления и события воспринимались консерваторами как угрозы, ведущие к разрушению традиционных устоев.

История становления отечественного консерватизма свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекстов. На практике становление и развитие консервативной мысли оказалось довольно плюралистичным. Консерватизм не был универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов, хотя в нем и присутствовал стержень в виде влияния православной религии на все стороны жизни общества. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, сформировавшийся в силу географических особенностей и военных угроз со стороны Запада и Востока, требующих сплоченности от власти и народа. На всех этапах развития консерватизма в нем присутствовали элементы формулы «Православие. Самодержавие. Народность».

⁹ См.: **А. В. Репников, А. Ю. Минаков.** Консерватизм в России. — «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия». М., 2010; **А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский.** Консерватизм в России. — «Новая Российская энциклопедия». В 12 т. М., 2010. Т. 8(2). С. 262—264.

Изначально консервативная идеология и практика являлись достоянием отдельных лиц и элитарных кружков, хотя влияния консерватизма не избежала и власть. Выполнение своих требований консерваторы переадресовывали главе государства, ориентируясь на монарха, использование имеющихся у него в наличии политических и административных рычагов. Большое значение в этом случае имела апелляция к истории, сравнение с ней современной им действительности. При этом в прошлом акцентировались такие факты, которые могли послужить примером для потомков. Например, обращение к победе в Отечественной войне 1812 года должно было способствовать консолидации общества на основе явления, которое историки впоследствии назовут «коллективной памятью»¹⁰.

По мнению консерваторов, в идеале верховным арбитром, стоящим над всеми сословиями, надлежало быть самодержцу. Государство не может строиться только на основе любви и согласия, но продуманная иерархическая система способна ослабить «государево тягло», распределив его на все социальные слои. Такая система превращается не в аппарат подавления свободы, а в регулятор требований, предъявляемых к каждому члену общества в зависимости от его положения. В этом случае, чем выше поло-

¹⁰ См.: **Е. А. Вишленкова.** Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века. — «Консерватизм в России и мире». Сборник статей. В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1; **А. Ю. Минаков.** Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. Военные победы и в дальнейшем неоднократно использовались в качестве объединяющего фактора. Некоторые историки отмечают, что скрепой, которая на фоне постепенно вырождавшейся официозной идеологии объединяла людей в последние десятилетия существования СССР, была Великая Отечественная война и связанная с ней героика.

жение человека, тем выше его ответственность (не только служебная, но и нравственная).

Приверженцы «теории официальной народности» полагали, что самодержавная монархия воплощала собой самобытный тип государственного правления, отвечавший историческому своеобразию русского народа. С этим тезисом связано убеждение о необходимости решения возникающих проблем силами государственного аппарата и посредством исходящих от верховной власти распоряжений. Правительство рассматривалось как источник порядка, нравственности, общественной заботы, просвещения и культуры народа.

Представители славянофильского направления признавали главенство православия, отстаивали идею своеобразного пути развития России, превозносили особый характер социально-нравственных отношений людей внутри общины. Однако им был свойственен скорее традиционализм, чем собственно консерватизм¹¹. Славянофилы признавали необходимость введения свободы слова, печати, независимого и гласного суда, поддерживали принцип веротерпимости, выступали за права личности и общества. Приоритетное внимание они уделяли не государству, а развитию народных форм жизни.

В правление императора Александра III многие теоретические положения консерватизма нашли воплощение в программе так называемых контрреформ. В первом номере «Московских ведомостей» за 1897 год провозглашалось: «Государственные идеалы Александра III являются для России путеводной звездой»¹².

¹¹ См. **П. И. Линицкий**. Славянофильство и либерализм (западничество). Опыт систематического обозрения. М., 2012 (репринт издания 1882 года).

¹² «Наша программа». — «Московские ведомости». 1897. № 1. С. 3.

Подводя итоги царствования этого монарха, Тихомиров представил его как воплощение качеств идеального государя, считая, что личность покойного могла бы послужить неким стандартом для будущих самодержцев. В частности, он писал: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала... В последние годы своей недолгой жизни он уже победил все и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти»¹³.

В условиях нарастания революционного движения (особенно в период деятельности организации «Народная воля») в среде консерваторов намечается стремление к организационному объединению. На рубеже XIX—XX веков консерватизм стремится противостоять различным формам экстремизма.

В начале XX века происходит организационное и партийно-политическое оформление консервативных сил: возникают дворянские и всесословные политические структуры, союзы, партии. Наиболее ярким примером сплочения различных консервативных сил общества (дворянства, духовенства, чиновничества, широких слоев крестьянства) стало их идеологическое и организационное единение в годы революции 1905—1907 годов. Тогда власть поддержала консерваторов, видя в них противовес либералам и левым радикалам.

Манифест 17 октября 1905 года и создание Государственной думы поставили консерваторов в затруднительное положение. Парламент, по-

¹³ **Л. А. Тихомиров**. Критика демократии. М., 1997. С. 526—527.

литические партии и предвыборная борьба стали реальностью, и многие мыслители начали трактовать создание Думы в традиционалистском ключе. Л. А. Тихомиров утверждал, что «Государственная Дума, по основной идее, пополняет важный пробел, доселе существовавший в наших учреждениях»¹⁴.

Отношение консерваторов к политической и экономической модернизации было настороженным, что вытекало из мировоззренческих установок, в значительной степени базировавшихся на религиозном (православном) миропонимании; из негативного взгляда на процесс капитализации в целом. По мнению таких консервативных мыслителей, как К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, С. Ф. Шарпов, К. Н. Пасхалов, М. О. Меньшиков и других, спутниками прогресса и капитализации были буржуазно-либеральные идеи, охватывающие «верхи», и социалистические идеи, проникавшие в «низы».

Однако ошибочно было бы считать консерваторов абсолютными ретроgrадами и противниками прогресса¹⁵. Так, например, публицист, сотрудник простольпинской газеты «Россия» А. Н. Гурьев справедливо отмечал, что «в реальной государственной практике отношения между консерватиз-

мом и либерализмом, в сущности, напоминают собой отношения между мужским и женским полом: вечные ссоры и постоянная любовь», отмечая, что «либерализм идей и консерватизм действий — вот два принципа государственной архитектоники, взаимодействием которых создается прочная работа государственного строительства»¹⁶. Гурьев считал, что консерватизм в его правильном понимании не противен прогрессу, а только требует иного метода его осуществления.

Отстаивая эволюционный путь развития вместо революционного,

Прогресс в консервативной трактовке есть здоровое развитие; стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя — это не прогресс, а революционные взрывы, слом человеческих судеб и трагедии.

М. О. Меньшиков обращал внимание на то, что «прогресс в благородном понимании этого слова есть здоровое развитие — стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя не есть прогресс. Все живое растет очень медленно. Никакие органы не создаются по команде преобразователей. Только то прогрессивно, что жизненно и что дает наибольшее количество блага. Эволюция в природе вообще идет стихийным, а не катастрофическим путем: чрезвычайно осторожным на-

¹⁴ Л. А. Тихомиров. Монархическая государственность. М., 2010. С. 431. О взглядах Тихомирова по данному вопросу подробнее см.: О. А. Милевский, А. В. Репников. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

¹⁵ См. важную для понимания данной проблемы публикацию: В. П. Раков. К. П. Победоносцев в контексте политического модерна. — «Интеллигенция и мир». 2004. №1/2.

¹⁶ Цит. по: М. Н. Лукьянов. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Пермь, 2001. С. 29.

щупыванием условий и медленным их синтезом. Вот почему истинный национализм враждебен кровавым революциям»¹⁷. Не случайно пермский историк М. Н. Лукьянов отмечает, что «резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок — не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия переменам»¹⁸. Просто эти перемены консерваторы пытаются сделать управляемыми. «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло для течения общественной мысли и общественного чувства», — писал по этому поводу С. Н. Сыромятников¹⁹. Прогресс в консервативной трактовке есть *здоровое* развитие; стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя — это не прогресс, а революционные взрывы, слом человеческих судеб и трагедии. Все живое растет очень медленно. Истинный консерватизм враждебен революциям и любым формам экстремизма.

Для консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти, с которой напрямую связано то, что вплоть до конца XIX века они не стремились обеспечить оформление

¹⁷ М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 1999. С. 312.

¹⁸ М. Н. Лукьянов. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907—1914). — «Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloquium». СПб., 2003. С. 343—344.

¹⁹ С. Н. Сыромятников (Сигма). Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 73. Подробнее о его взглядах см.: Б. Д. Сыромятников. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 годы): Историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004.

правовой доктрины самодержавия. Проблему соотношения свободы личности и государственного принуждения консерваторы пытались снять за счет наличия религиозного фактора, и одно из главных мест в системе контроля отводилось Русской православной церкви. В этом же ключе следует рассматривать деятельность по ужесточению цензурных ограничений, а также постоянное внимание к вопросам образования. Народ, по мнению консерваторов, не всегда может понять, что «хорошо», а что «плохо». Если же он это понимает, то не всегда выбирает «хорошее». Помочь может сильное государство, опирающееся на нравственные начала.

Уважение к власти и государству оценивалось консерваторами как лучшее качество, присущее народу. «Искание над собой власти», по замечанию К. П. Победоносцева, представляет естественную психологическую черту людей. В период модернизации, когда происходившие изменения порождали в людях сомнения и неуверенность, власть должна была помочь им преодолеть революционные «соблазны». Детское состояние народной души — данность для консерваторов. Как ребенок доверяет родителям, так и народ должен довериться власти.

Сторонники укрепления самодержавия считались с реальностью начала XX века, когда модернизация породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям, и признавали, что даже «правейшие из правых» не выступали за сохранение тех порядков, при которых возможны нарушения закона. Ими критиковалась только несвоевременность государственной ломки в период войны с Японией и революции.

Анализ воззрений консервативных идеологов показывает, что они

не были «политическими страусами», осознавая проблемы стоявшие перед страной, предлагая различные пути их решения; не приукрашивая реальность, в которой жили. Вместе с тем консерваторы считали, что радикально-революционный вариант модернизации приведет к катастрофическим последствиям для страны.

Один из факторов успешного государственного строительства, по мнению К. Н. Леонтьева, состоял в приоритете общеимперского над национальным²⁰. Доктрины о неравенстве рас и наций были неприемлемы для русских консерваторов. Государство, по их мнению, должно строиться на принципах самодержавия и православия, а не по этническому признаку, поскольку в случае ослабления государственности титульная нация, сколь могущественной она ни была бы, неизбежно начнет клониться к закату. Леонтьев несомненно был более империалист, чем националист, и мыслил масштабными имперскими категориями, считая, что порой можно поступиться интересами нации во имя интересов государства. Отбросив славянофильский национализм, он дал имперской идее религиозно-философское обоснование. С ним был согласен Л. А. Тихомиров, который считал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества.

²⁰ См.: **И. Соколовский**. Константин Леонтьев о национализме. — «Ориентир». 1991. № 2. Более подробный анализ см.: **А. А. Корольков**. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; **О. Л. Фетисенко**. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012; **Д. Е. Муза**. Константин Николаевич Леонтьев: Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М., 2012.

Консерваторы пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами и, ратуя за сохранение принципиально-сущностных основ традиционной системы отношений, одновременно старались разработать и предложить целостную систему мер, позволяющих, по их мнению, осуществить плавный переход к новым социально-экономическим отношениям. Суть трансформационных перемен была четко сформулирована П. А. Столыпным: нам нужна «Великая Россия» в противовес «великим потрясениям», о которых говорили радикалы. Модернизация в России породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям. В условиях быстро меняющегося мира консерваторы стремились сделать акцент на обосновании преимуществ традиции, что, по их мнению, позволяло избежать «прерыва постепенности». При этом «никто, даже правейшие из правых, не стояли за сохранение порядков, при которых возможны были невероятные закононарушения всевозможных видов; указывалась ими только несвоевременность государственной ломки», — писал К. Н. Пасхалов²¹.

Некоторые современные исследователи не считают нужным обращать внимание на религиозную составляющую в построениях консерваторов и высказывают сомнения (иногда обоснованные) в степени личной религиозности тех или иных мыслителей-монархистов²².

²¹ **К. Н. Пасхалов**. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения М., 1910. С. 5.

²² Так, современный исследователь полагает, что нет смысла анализировать монархизм русских консерваторов «в контексте их религиозных верований», поскольку «“религиозность” является довольно пустым и ничего не объясняющим термином» (**М. Д. Суслов**. Новейшая историография русского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты. — «Ab Imperio». 2008. № 1. С. 269—270).

С таким выводом сложно согласиться. Дело не в том, сколько раз в месяц ходили в церковь Победоносцев или Тихомиров и соблюдали ли они пост. Православие рассматривалось ими как важнейшая скрепа консервативной идеологии. Консерваторы видели и назревшие проблемы церковной жизни, предлагая адекватные пути их решения:

- восстановление патриаршества;
- освобождение церковной жизни от диктата государственной власти;
- противодействие бюрократизации путем введения в церковное самоуправление мирского выборного начала;
- усиление роли церковного прихода в жизни верующих;
- сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на общей платформе борьбы с революционерами, сектантами, атеистами и пр.;
- укрепление авторитета церкви в целом и православного духовенства в частности²³.

Хотя консерватизм имел национально-религиозную окраску, мало кто из теоретиков этого течения задумывался о разработке доктрины русского национализма. Л. А. Тихомиров, посвятивший этой проблеме цикл статей, жаловался, что «в нынешнем национализме чувствуется скорее “слово”, чем “понятие”, и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея, в разных оттенках славянофильства, получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее,

хотя слово “национализм” раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его “национализм”, — этого пока невозможно определить»²⁴. В то время как для одних консерваторов истинно русским мог считаться только православный по вере, другие, наблюдая переход иноверцев в православие, призывали обращать внимание и на происхождение. Но в целом национальный вопрос для русских консерваторов²⁵ значил меньше, чем вероисповедальный.

Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» в начале XX века уже не мог звучать с равным упором на всех трех составляющих, что, впрочем, не мешало монархическим партиям использовать его в программных документах и пропаганде. При этом консерваторы стремились не только (и не столько) к сохранению «внешней оболочки» традиционной России, но и религиозно-нравственных принципов, предлагая различные варианты их развития в традиционалистском ключе. В условиях роста популярности и влияния неконсервативных идей требовались реальные доказательства того, что монархия действительно составляет лучший вариант для России. «Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе наши начала, доказывать себе самим, что наши начала отличны от иноземных. Некоторые, не довольствуясь этим, хотят доказать, что они даже лучше иноземных...», — отмечал Д. А. Хомяков²⁶. Происходившие в России модернизационные

²³ См. подробнее: **И. В. Лобанова**. Восстановление патриаршества в восприятии православной иерархии России на рубеже XIX—XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; **О. Н. Савицкая**. Православное духовенство в правовомонархическом движении 1905—1914 гг. (По материалам Саратовской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

²⁴ **Л. А. Тихомиров**. Христианство и политика. М., 1999. С. 164.

²⁵ Но не для русских националистов (Н. Г. Дебольский, М. О. Меньшиков, П. И. Ковалевский, И. А. Сикорский, В. В. Шульгин и др.).

²⁶ **Д. А. Хомяков**. Православие. Самодержавие. Народность. Минск, 1997. С. 96.

изменения значительно опережали построения теоретиков консервативной мысли, стремившихся выстроить обновленное здание российской государственности на старом фундаменте, не разрушая его «до основания», как предлагали сделать революционно настроенные левые радикалы.

Для консерваторов большое значение имело наличие сверхзадачи, идеи, объединяющей власть и народ. Современный автор отмечает: «Либеральная политология полна попыток оскотить феномен власти, лишив ее той таинственной энергетической, которая обеспечивает реальные ответы жизни на импульсы, идущие от власти, сообщает ей притягательность, силу и вдохновение. Власть пытаются изобразить в сугубо институциональном ключе — как заведенный механизм, работающий независимо от человеческой воли, страстей и дерзаний. Но это профанация подлинного феномена власти»²⁷. В результате общество видит только дуализм: «консерваторы — реформаторы», «свобода — принуждение», «анархия — диктатура», забывая, что «государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той реальной свободой лица», которая предполагает выбор между соблюдением закона и наказанием за его нарушение»²⁸. «Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным,

потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно», — писал К. Н. Леонтьев²⁹. Государство должно быть сильным: «...надо крепить себя, меньше думать о благе и больше, о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо. А без силы разве оно придет?»³⁰ Сила есть «существенно необходимый» элемент всякого закона.

Для консерваторов большое значение имело наличие сверхзадачи, идеи, объединяющей власть и народ.

Однако попытки воплотить систему консервативных взглядов на практике потерпели поражение. Еще при жизни идеологов консерватизма вокруг них (в первую очередь стараниями либеральной и революционной общественности) создавалась «стена отчуждения». Интерес ко многим действительно выдающимся трудам мыслителей-консерваторов («Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева и др.) возникал только после смерти их авторов и носил научно-публицистический характер. Попытки «достучаться» до власти наталкивались на непонимание³¹.

Внутренний политический кризис был спровоцирован и внешнеполитической ситуацией начала XX века. Несмотря на наличие в консерватив-

²⁷ А. С. Панарин. Помимо левых и правых: новые горизонты российского центризма. — «Политический центризм в России». М., 1999. С. 31.

²⁸ К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 273.

²⁹ Там же. С. 221.

³⁰ Там же. С. 152.

³¹ См.: А. В. Репников. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века. — «Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса». М., 2001; М. Н. Лукьянов. Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых. — «Власть». 2010. № 7.

ной среде целого ряда мыслителей-геополитиков (А. Е. Вандам (Едрихин), И. И. Дусинский, Ю. С. Карцов, Э. Э. Ухтомский, С. Н. Сыромятников и др.), отличавшихся здравыми внешнеполитическими суждениями и прогнозами, единой программы по этому вопросу выработано не было. Основными направлениями внешней политики в консервативных концепциях в начале XX века являлись:

— поиск союзников в Европе (здесь в качестве желательного союзника вплоть до начала Первой мировой войны рассматривалась Германия; Англия оценивалась в качестве геополитического и экономического конкурента; а республиканская Франция — в качестве возможного союзника). Война с Германией оценивалась многими консерваторами как самоубийственная для монархических режимов обеих стран. Такой настрой объяснялся еще и пониманием неготовности страны к большой войне;

— по-прежнему актуальной, с точки зрения консерваторов, оставалась идея объединения славян, хотя нужно отметить, что результаты, достигнутые в ходе русско-турецких войн, уже вызывали сомнения в необходимости этого для России;

— война с Японией подтолкнула к разработке концепций, обосновывающих необходимость активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке. В связи с этим приобретали актуальность идеи о развитии взаимоотношений России с Китаем, Кореей, Персией.

В преддверии и после начала Первой мировой войны консерваторы, как лояльные верноподданные, не могли поступить иначе, как только следовать внешнеполитическому курсу, провозглашенному царем. События на фронте и в тылу развивались

не лучшим образом, и возможность поражения в войне, о которой все чаще задумывались монархисты, связывалась с неизбежностью новой революции. В начале XX века перед консерваторами стояла задача разработать политико-правовую модель самодержавной власти, но этот процесс так и не был завершен, когда общество уже отвернулось от консерватизма в сторону более радикальных концепций. Соединить консерватизм и модернизацию тогда не удалось, и все закончилось революцией.

Вопрос о существовании единой консервативной модели или же ряда таких моделей остается дискуссионным. Правильнее говорить о наличии в дореволюционной России целого ряда проектов, выдвинутых консервативными мыслителями. В разных странах и в разные эпохи консерватизм различен, и нецелесообразно автоматически записывать в союзники всех, кто когда-либо и где-либо называл себя консерваторами. Эволюция идей и личностей показывает, что вряд ли возможно раз и навсегда дать окончательное определение понятию «консерватизм».

Консерваторы в России видели пути решения проблем, стоявших перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на исторический опыт постепенном эволюционном реформировании системы. Таким образом, главным камнем преткновения общественных течений России того времени был вопрос не о проведении преобразований или их отрицании, но о том, какими именно ценностями следует руководствоваться при осуществлении очевидно необходимых реформ, какой программой — радикально-насильственной или же естественно-эволюционной. Консерваторы стремились обеспечить устойчивое развитие страны, сохранить ее поли-

тическую систему и национальную идентичность в новых условиях. Самодержавной России в силу ряда причин этого сделать не удалось, однако этот факт не отрицает самой возможности сочетания консерватизма и модернизации.

В последние десятилетия начиная с 1990-х годов в научном и политическом мире значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, хотя, безусловно, многое из того, что предлагали консерваторы на рубеже XIX—XX веков, ныне кажется архаичным. Тем не менее консерватизм не только остается предметом научных исследований, но и популярен в российской политике³². Особую актуальность обращению к консервативным концепциям вековой давности придают попытки популяризации дореволюционной консервативно-монархической традиции. Эти попытки были предприняты Н. С. Михалковым³³, но заметного успеха не имели и так и не оформились в серьезный проект.

³² См., например: **В. В. Радаев**. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии. — «Иное. Хрестоматия нового русского самосознания». М., 1995. Т. 1; **Л. Поляков**. Либеральный консерватор. Именно таким представляется Владимир Путин, судя по его заявлениям. — «Независимая газета». 02.02.2000; «Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии». М., 2003; **А. Г. Дугин**. Владимир Путин и консервативная революция. — «Российская газета». 20.05.2003; **А. Верховский**. Переформулированная свобода. «Новые консерваторы» убеждены, что ценности империи и нации важнее, чем уважение прав личности. — «Еженедельный журнал». 2004. № 23; **В. В. Блинов**. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2007; **С. Ж. Токтамысов**. Консерваторы в США и России на рубеже XX—XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

³³ См. **Е. В. Иванова**. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры. — «Вопросы философии». 2001. № 8.

Что касается широких слоев населения, то, как отмечал еще в 2000 году эксперт Фонда Карнеги А. Рябов, «все усилия, имевшие целью выстроить новую политическую мифологию на образе дореволюционной России, и связанная с этим кампания вокруг Николая II оказались абсолютно безрезультатными. В обществе не нашлось слоев, способных такую мифологию воспринять»³⁴.

Исследователь А. М. Руткевич также считает, что «традиция консервативной мысли была у нас пресечена, а потому всякая реконструкция оказывается субъективной»³⁵. Об этом пишет и современный историк В. С. Коновалов, отмечающий, что «при характеристике монархического лагеря, как, пожалуй, никакого другого, мышление историков сковывают не столько прежние идеологические стереотипы, сколько пока еще вседозволяющее желание подогнать под одну общую оценку любые сложные, противоречивые, многомерные явления»³⁶. К тому же идеализация императорской России часто вызывает у исследователей раздражение, ведь если мы обратимся к первоисточникам (в первую очередь к архивным материалам, книгам, статьям, дневникам и эпистолярному наследию самих консерваторов), то увидим, что в среде консерваторов росли эсхатологические предчувствия³⁷. Американский исследователь Э. Тадден отмечал, что модернизационные изменения значительно опережали

³⁴ «Есть ли будущее у российских консерваторов?» — «Независимая газета». 12.01.2000.

³⁵ **А. М. Руткевич**. Что такое консерватизм? М.; СПб., 1999. С. 16.

³⁶ «Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор». М., 1996. С. 42.

³⁷ См. **М. Н. Лукьянов**. В ожидании катастрофы: эсхатологические мотивы в русском консерватизме накануне Первой мировой войны. — «Russian History / Histoire Russe». 2004. Vol. 31. № 4.

теоретиков консервативной мысли, которые «не смогли понять, что в то время как они пытались сформулировать новую консервативную и националистическую русскую философию и внедрить ее в жизнь, славянофильские и консервативно-националистические идеи в России были подвержены процессу разложения»³⁸.

Российские интеллектуалы не первый год обсуждают степень применимости «консервативного проекта» к реалиям современной России. О том, что это не просто отвлеченные рассуждения, свидетельствует и тот факт, что на консерватизм обратили внимание властные структуры. Так, еще в 2008 году Б. В. Грызлов, выступая на X съезде «Единой России» обозначил, что «идеология “Единой России” — российский консерватизм»³⁹; появился вызвавший поначалу бурную полемику, а ныне подзабытый «Консервативный манифест» Н. С. Михалкова; начал свою работу «Изборский клуб» и т. д.

С другой стороны, остепененные историки и филологи, часть из которых проявляла интерес к консерватизму еще в советское время, не особенно торопятся принять участие в этих дебатах, а предпочитают посвящать себя публикаторской и исследовательской деятельности. Со своей точки зрения они правы: политическая мода проходит, конъюнктура меняется, а академическое полное собрание сочинений К. Н. Леонтьева

останется. И собрание сочинений М. Н. Каткова (уже вышло пять томов из шести), 28 книг собрания сочинений И. А. Ильина и 30 томов собрания сочинений Розанова — они тоже на века. Споры о «современности» или «архаичности» консерватизма особо не влияют на исследователей, поскольку финансовую поддержку изданию этих собраний сочинений оказывают не партии, предпочитающие издавать работы собственных лидеров, а гуманитарные фонды.

Обращение к консерватизму происходит словно в двух плоскостях. С одной стороны — «круглые столы», глянцево-брошюрные издания, газета «Консерватор» и петербургский журнал «Консерватор» (оба издания канули в Лету) и т. д. С другой стороны — менее заметная кропотливая работа по выявлению и публикации источников, написанию биографий, заполнению «белых пятен». Уже можно издавать полное собрание сочинений К. Н. Леонтьева, собрание сочинений М. Н. Каткова. Но М. О. Меньшиков, как крайне неполиткорректный националист, все еще не желателен. Ученые, словно саперы, исследуют интеллектуальное пространство. В 1997 году мизерным тиражом вышла в свет первая и до сих пор единственная монография сотрудника ИНИОН РАН П. И. Шлемина, посвященная взглядам Меньшикова, которая почти сразу получила критический отклик⁴⁰. Зато почувствовавшие читательский спрос издательства переиздают не только Меньшикова, но совершенно третьеразрядных черносотенных публицистов, которых и при их жизни мало кто читал. В связи с этим, независимо от симпатий или антипатий к тем или иным деятелям

³⁸ E. Thaden. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle, 1964. P. 122.

³⁹ См.: «Центр социально-консервативной политики». М., 2009. Вып. 9: Российский консерватизм — идеология партии «Единая Россия». С. 78—80; «Библиотека “Единой России”». М., 2003. Кн. 1: Идеи; Кн. 2: Люди; Кн. 3: Действия (переиздано в 2010 году); Ю. Е. Шувалов, А. В. Посадский. Российский консерватизм: ценностные основания и стратегии развития. М., 2010; «Современный российский консерватизм. Сборник статей». М., 2011 и др.

⁴⁰ См. А. Рейтблат. «Котел фельетонных объедков»: случай М. О. Меньшикова. — «Неприкосновенный запас». 1999. № 2.

прошлого (охранителям и анархистам, большевикам и либералам и т. д.), уже приходилось слышать мнение, что, пока профессиональные исследователи спорят, книжный рынок захватывают (захватили?) те, кто будет наводнять его книгами и «правых», и «левых», изданными с одинаковой небрежностью.

Примером, когда в одной серии удалось объединить работы самых разных мыслителей прошлого, пригласив для их подготовки группу профессиональных ученых, стало, на наш взгляд, издание в 2010 году 118-томной Библиотеки отечественной общественной мысли, куда наряду с работами консерваторов (К. П. Победоносцев, Н. Я. Данилевский, С. Ф. Шарапов, Л. А. Тихомиров, А. С. Шишков, М. М. Щербатов и др.) вошли труды либеральных мыслителей (Т. Н. Грановский, Б. Н. Чичерин, Вл. С. Соловьев, П. Н. Милюков и др.), сторонников революционного переустройства (П. Н. Ткачев, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин и др.). Это издание стало лауреатом национального литературного конкурса «Книга года» (2010 год), организованного Роспечатью, и было удостоено гран-при. Таким образом, издательство РОССПЭН показало, что профессионалы могут и должны работать вместе, при этом не «наступая на горло собственной песне» и максимально используя накопленные знания и опыт. Тем более что личные политические, идеологические, эстетические и прочие симпатии и антипатии у людей науки, делающих *общее* дело, как правило, отступают на задний план⁴¹. Кстати, в советское

время над масштабными издательскими сериями могли работать и вполне официозные исследователи, и те, кто симпатизировал (не доходя, впрочем, до открытого диссидентства) иным идеям.

В завершение разговора поясню и свою собственную позицию. Тот факт, что в 1990-е годы власть благоволила к либерализму, а потом явно повернулась к консерватизму, для академического ученого важен не настолько, чтобы, «задрав штаны», бежать на очередной «круглый стол», надеясь, что ему окажут благоволение. Те, кто профессионально занимался изучением отечественной либеральной мысли в советское время, остались такими же профессионалами в этой области в 1990-е и последующие годы. Конечно, «мода» на ту или иную идеологию влияет на научную среду (помню, как в 1997-м некоторые коллеги искренне предлагали мне сменить тему кандидатской диссертации и писать не о консерватизме, а о либерализме, чего я, естественно, не сделал). *Сегодня* работы о консерватизме и либерализме преобладают, но, возможно, *завтра* опять проснется интерес к изучению российской социал-демократии, народничеству, анархизму и другим аналогичным темам.

В начале XXI века мы опять стоим перед «вечным» вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных принципов, что напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы соотношения традиции и модернизации. Русский консерватизм, конечно, не является единственным спасением от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону «правых» и «левых» крайностей.

⁴¹ Когда весной этого года один российский телеканал готовил цикл документальных передач и обращался к людям из разных политических и идеологических «лагерей», они зачастую советовали привлечь к проекту и своих оппонентов, высоко оценивая их профессиональный уровень.

Ошибочно полагать, что рецепты, данные консерваторами применительно к конкретной ситуации царствования Александра III и Николая II, можно использовать для лечения «болезней» XXI века. Другая крайность — объявлять все консервативное наследие архаикой, недостойной изучения

и уважения. Полагаю, что есть «золотая середина», и мы должны *sine ira et studio* изучать то наследие, которое нам досталось. Еще нельзя точно определить дальнейшие перспективы консерватизма в нашей стране, но можно сказать точно, что он не сошел со сцены Истории. ◆

ЯРОСЛАВ НИКИФОРОВ

Модернизация в социологическом дискурсе Н. Г. Чернышевского

Одной из самых значимых фигур русской общественной мысли 60-х годов XIX века без сомнения был и остается Н. Г. Чернышевский. Трудно переоценить влияние, оказанное им на последующие поколения мыслителей. Как заметил один из первых представителей русской социологической школы Н. И. Кареев, «сочинения Чернышевского заключают в себе громадный материал суждения о том, что и как он думал по тому или другому из тех вопросов, которые вскоре после его насильственного изгнания из жизни начали ставиться и решаться в русской литературе, но весь этот материал рассеян, разбросан по разным местам, отдельные составные его части возникали по разным случайным поводам, и все это никогда им самим не сводилось в систему, в некоторое целое, которое могло бы рассматриваться им самим как научное единство»¹. При этом, по мнению Кареева, нарисовать контуры «социологии Чернышевского» совсем несложно — достаточно только разобраться в этом материале; но это будет уже синтез, не вполне репрезентативный.

¹ Н. И. Кареев. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 31.

Думается, что проблема объединения составных частей социологических размышлений Н. Г. Чернышевского без искусственной подгонки их под систему научной системы социологии может быть решена с помощью введения в анализ дискурсивного инструментария. В большей части публицистических и художественных работ Н. Г. Чернышевского разворачивается присущий только ему своеобразный способ трактовки и объяснения социальной реальности, проявляется стремление к улучшению социальной ситуации на базе рационализации мироустройства. Специфической особенностью социологического дискурса Чернышевского являются его иносказательность, изощренность форм выражения основной мысли, осторожность высказываний, стремление вложить максимум смысла в ограниченные рамки подцензурного текста. Именно в этом следует искать причины появления бесчисленных, подчас противоположных друг другу вариантов интерпретации идей мыслителя.

Одним из наиболее значимых для современности вопросов, занимавших Чернышевского-социолога, являлась проблема модернизации. Хотя само это понятие появилось значи-

тельно позднее, однако связанные с ним явления несомненно привлекали образованное русское общество во времена Чернышевского. То была эпоха реализации одного из наиболее значимых отечественных модернизационных проектов — реформ Александра II (1856—1881), когда реформированию подлежали не только технологии, но и социальные институты. Ставшая очевидной после Крымской войны военная слабость России потребовала коренных перемен. В период их подготовки и проведения (прежде всего — отмены крепостного права в 1861 году) в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 года Чернышевский стал участником этой дискуссии. Именно размышления о сути предстоящей реформы привели его к вопросу об основаниях, путях и способах запуска такой системы социальных изменений, результатами действия которой стало бы кардинальное «улучшение человеческой жизни»². В этом контексте Николай Гаврилович осмысляет два вечных русских вопроса — «Кто виноват?» и «Что делать?».

Сложность развития модернизационных процессов в России Чернышевский объяснял формулой «всемогущее государство — подданные, лишённые инициативы». Он обращал внимание на вертикальный характер системы, которая «спускается» вплоть до самых низов народа, связывает всех жителей империи посредством властных отношений, воспринимаемых на каждом уровне в качестве абсолютных. Единообразная вертикальность всей русской жизни, по мнению Чернышевского, придавала самодержавию значение социальной системы, охватывающей все насе-

ление, и в то же время формировала менталитет, соответствующий вертикальному характеру системы. «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола, первое условие успеха, даже в справедливых и добрых, намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему».

«Возведение послушания в высший абсолютный закон» — вторая черта, определяющая устойчивость системы. В России времен Чернышевского, по его мнению, господствовала «вера в одни, раз навсегда определенные и закрепленные формы... все идет машинально, раз навсегда заведенным порядком». Третья черта определяла образ России как империи «обезличенных» подданных. Будучи причиной или результатом действия механизмов социальной действительности, «обезличенные люди» теснейшим образом связаны с отсутствием общественной солидарности и с уже отмеченным выше отсутствием духа сопротивления. Соответственно, не имеет смысла обращаться к той или иной социальной категории, чтобы осудить ее или на нее надеяться, так как обезличенность, которой добилась самодержавная система, не подвластна стихийному развитию социальных конфликтов. Результатом подобной гомогенизации является «разложение человеческой природы»³.

Здесь мы подходим к центральной идее Чернышевского: общество в России не может родиться благодаря естественной эволюции. Раскрепощение сопряжено здесь с неотъемлемым предварительным условием: область социального надо еще создать. Но «естественные» силы и «естественный» путь отсутствуют, так

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. В 16 т. М., 1939—1953. Т. 3. С. 302.

³ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 874.

как классы социально и политически не конституированы, они остаются составной частью системы, антиполитичной по определению⁴.

Что же предлагает Чернышевский в качестве программы действия по преодолению сложившегося положения вещей? Он считает, что для достижения необходимого уровня общественного развития следует освободиться от системы: это задача новых людей, которые призваны извне привнести гражданское сознание в народные массы. Чернышевский пишет: «Недавно родился этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знамение времени, и, указать ли? — он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; через несколько лет, очень немного лет, к нему будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и — станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканые, страшимые»⁵.

Ключевое слово здесь — «тип»: новые люди могут появиться в качестве воплощения социального проекта, альтернативного действительности, только если они уже составляют новый общественный «круг». «Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых

не могут различить одного от другого китайцы, на их глаза, ведь и французы такие же, как англичане. Да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы, как один европеец, не индивидуумы, а представители типа». Парадоксально, но отличительной чертой «новых людей» является то, что они — «обыкновенные люди»: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни». В романе «Что делать?» предлагалась всесторонне разработанная программа поведения, учитывавшая все — от важных общественных поступков до мельчайших деталей домашнего распорядка. Мыслитель сознательно конструировал героев своего романа как образцы человеческой личности (типы), пригодные для воспроизведения в реальной жизни.

Социальная группа, в которую входил сам Чернышевский и которая должна была стать исполнителем программы модернизации всего русского общества, только зарождалась и еще не получила точных социальных характеристик, представляла собой область социального моделирования. Обычно возникновение новой группы порождает у окружения негативные реакции, поскольку приводит к перераспределению ресурсов, а потому новая группа оказывается в ситуации, когда она должна заимствовать идеологию — и при этом делать ее своей, работающей на себя. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что состав этой новой группы неизбежно смешан, включает членов старых групп. Как раз начало этого процесса формирования культуры «новых людей» мы и обнаруживаем в романе Чернышевского. Кто же эти «добрые и сильные, честные и умеющие», ради которых пишет Чернышевский? Откуда они взялись?

⁴ Все это указывает на особую роль государства в процессах модернизации. Оно является первым и основным агентом изменений, одновременно выступая главным носителем русской идентичности. Это системное противоречие, которое приводило и приводит по сей день к тому, что отечественные мыслители рассуждают о любых социально-политических явлениях, имея в виду оппозицию «общество — государство».

⁵ Н. Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 149.

Первый источник человеческих ресурсов для «новых людей» — мещанство. Отсюда пришла главная героиня — Вера Павловна. Второй — дворянство. Здесь формируется характер Рахметова. Для Чернышевского главное в дворянстве — идея долга и службы, которая входит в число значимых элементов дворянского существования. Наконец, есть и третий источник, не имевший такого общепонятного названия, как первые два. Это группа образованных людей, живущих за счет использования своих знаний, — врачей, учителей, ученых, юристов и пр. Общество всегда нуждается в услугах этих людей, однако конкретный способ обеспечения их существования зависит более всего от распределения ресурсов внутри общества. Пожалуй, вернее всего название, предложенное Писаревым: это «мыслящий пролетариат»⁶.

Именно эта группа и дает наибольшее число «новых людей». В основу ее идеологии положены представления мещанства: главный смысл существования человека — польза. Приверженность идеологическому наследию мещанства можно объяснить двояко: с одной стороны, это идеология непосредственных предшественников интеллигенции, многие «новые люди» происходят из мещанской среды. Но гораздо более существенным оказывается второй фактор: чтобы быть убедительной, новой идеологии требуются быстрые успехи, доказательств собственной эффективности. Добиться успехов в рамках дворянской идеологии «новым людям» вряд ли удастся — дворянская иерархия слишком внимательно относится к допуску в свои ряды претендентов

со стороны, да и успехи, возможные в этой иерархии, зависят от государственной власти. Мещанская же идеология подкупает своим демократизмом: будь умнее, хитрее, энергичнее других — и сразу же получишь вознаграждение, капитал, с которым можешь поступать по своему усмотрению, хоть в дворяне идти.

Итак, главное слово «новых людей» — польза. Однако это слово лишь на первый взгляд синонимично слову «выгода», определявшему существование буржуазии. «Новые люди» должны противостоять не только дворянам, но и буржуазии, иначе они будут ассимилированы буржуазией. Польза должна быть не личной, но общей. «Новые люди» не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей, — они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других. Объяснение же, что польза другого человека лишь увеличит их собственное удовольствие, уж слишком похоже на рационализацию, чтобы вправду удовлетворять кого-либо. Наряду со словом «польза», противопоставляемым буржуазной «выгоде», идеологию «новых людей» определяет слово «работа». Жизненные блага должны доставаться только в результате серьезных усилий, а не права наследования. Формула новой идеологии — работа ради пользы других. «Новые люди» — не собственники, но и не слуги; они следуют зову сердца, проверяя его строгими расчетами выгод; они исходят из своего собственного представления о долге.

Основаниями модернизации Чернышевского, думается, можно считать следующие. Во-первых, в контексте современных ему социально-исторических условий он считал главными препятствиями для проведения мо-

⁶ См. Д. И. Писарев. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 12.

дернизации вертикальный характер системы власти, обезличивающий и лишаящий инициативы все слои общества. Во-вторых, единственным выходом из порочного круга он видел индивидуальное освобождение от системы, следствием которого станут социальные изменения. И, наконец, в-третьих, с такой задачей оказывалось под силу справиться только новому социальному актору, «новым людям», группе, формирующейся из осколков «старых» слоев. Лишь переняв у них наиболее социально передовые черты и соединив их с собственным образом будущего страны, «новые люди» смогут произвести значимые социальные сдвиги, которые станут по-настоящему модернизационными.

Вопрос о механизме модернизации Чернышевский решал в духе своего времени. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и основная созидательная деятельность переносилась на область публицистики и литературы. Чернышевский ввел в свою систему представление об активном начале в литературе: оно должно было не просто отражать действительность, но и пересоздавать ее.

Основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения, выглядят следующим образом. Во-первых, литература мыслилась им как

непосредственное и точное воспроизведение социальной действительности, максимально приближенное к эмпирическому объекту. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, — замечает он, — должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁷.

Вопрос о механизме модернизации Чернышевский решал в духе своего времени. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и основная созидательная деятельность переносилась на область публицистики и литературы.

Во-вторых, ориентация литературы на науку, придающей ей объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию: «...статья... может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки...»⁸. В третьих, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную реальность и перестраивает современного человека, то есть творит будущее.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 807.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 220.

Герцен засвидетельствовал действительность творческих усилий Чернышевского: «Странная вещь — это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким... Русские молодые люди, приезжавшие после 1862 года, почти все были из “Что делать?”...»⁹

Историк же русской общественной мысли Нестор Котляревский писал о Чернышевском: «Есть имена, которые покрывают собою духовную работу целого поколения, деятельность огромного числа лиц, иной раз лиц очень самостоятельных и сильных. Имя одного человека становится выразителем массового движения — движения не темной массы, а целых групп. Для молодого поколения 60-х, в его радикальных группах разных оттенков, имя Чер-

нышевского было таким условным именем»¹⁰.

Каждая крупная социальная группа имеет свой образ будущего. Двигающей идеологической силой любой модернизации является стремление воплотить эти образы в жизнь, цель модернизации — реализация социальных проектов, которые должны организовать реальность таким образом, который представляется его авторам наилучшим. Единственная возможность повлиять на этот процесс — определить свои приоритеты и, присоединившись к той группе, которая разделяет с тобой эти приоритеты, попытаться воплотить их в жизнь. Творчество и вся жизнь Чернышевского остаются одной из самых масштабных попыток сформулировать и реализовать такой проект в нашей истории. ◆

⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 20. Ч. 1. М., 1960. С. 337.

¹⁰ Н. Котляревский. Канун освобождения, 1855—1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 256.

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

Он подарил нам слово «Родина»

Г. Р. Державин — поэт и администратор

Поэта Гаврилу Романовича Державина Россия не забудет. Он — в хрестоматиях и учебниках. Впечатляет, восхищает, словно какой-нибудь дворец в пригороде Петербурга. Мы видим его в ансамбле новгородского памятника Тысячелетней России и петербургского памятника Екатерине Великой. Мы (я надеюсь!) частенько повторяем крылатые выражения из стихов Державина: «Отечества и дым нам сладок и приятен», «Учиться никогда не поздно», «Где стол был яств, там гроб стоит»... Но судьба действительного тайного советника Державина — это не только сборник стихов, но и череда административных, управленческих сражений. Сам Гаврила Романович считал себя в первую очередь человеком государственным и поэзию воспринимал прежде всего как инструмент исправления нравов. Волшебный, таинственный — но инструмент! А еще он верил в правосудие. С детства видел, как несправедлива бывает Фемида, сколько слез приносят людям тяжбы, склоки...

Подполковник Роман Николаевич Державин, отец поэта, умер, когда Гавриле едва исполнилось одиннадцать. Осталось пятнадцать рублей долга и несколько десятков дворов с крестья-

нами в разных деревнях Казанской губернии. Осиротевшую семью отесняли со спорных клочков земли, каждый старался обворовать вдову, оставшуюся без защитника. Ее жизнь переместилась в негостеприимные кабинеты столоначальников. Много лет спустя Державин вспоминал: «Мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по нескольку часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотели никто выслушать ее порядочно; но все с жестокосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали».

А там! — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.

После таких плачевных картин мудро не разочароваться в судебной системе, да и в государстве. Но Державин пылко верил: пагубная ситуация исправится, если мы создадим справедливые законы и станем неукоснительно их исполнять. В духе времени он задумывался о просвещенной монархии, о продолжении петровских дел. Когда, во многом бла-

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений — член Союза писателей, лауреат программы «Новые имена» Российского Фонда культуры и конкурса «Интеллект XXI века», кандидат филологических наук.

годаря своему поэтическому таланту, Державин занял высокое положение в политической элите екатерининского века, он стал инициатором нескольких громких судебных процессов, связанных с явлением, которое в XX веке назвали «коррупцией».

Честный суд Державин воспринимал как земной аналог страшного суда:

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит:
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной...

Державину посчастливилось творить в те полнокровные десятилетия, когда империя набирала силу. По выражению Безбородко, «ни одна пушка в Европе без соизволения нашего выстрелить не могла». Русский мир расширялся на глазах державинского поколения: освоена Новороссия, нашими стали Дунай, Крым, Кубань, наконец Варшава. Что требуется государству в годы экспансии, в годы славных побед? Армия уже доказала свою доблесть, но победителям необходимы триумфальные арки и гимны. Державин с его мудростью и простодушием, с его энергичным оптимизмом, со вкусом к престопаздному юмору в империи наследников Петра Великого по праву чувствовал себя по-хозяйски. И в гимнах улавливал главное: богатырский восторг от того, что силушка играет в плечах:

Гром победы, раздавайся!
Веселись, славный Росс!
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес!
Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас...

«Все наше! Нет храбрее русского солдата!» — эти возгласы передают характер «чудо-богатырей», для которых не было невозможного ни на поле боя, ни в дипломатических баталиях.

Победа не вызывала задних мыслей — это наследники Державина научатся все подвергать сомнению, а жалость к побитым чужестранцам станет для них важнее, чем верность российской короне. Державин не отделял себя от империи, соблазн бунтарства не мог одолеть убежденного государственника. Для него победа была мерилом правоты — будь то победа на бранном поле или над собственными пороками... Леность, корыстолюбие, тщеславие — это тоже враги, которых необходимо одолевать.

Державин в свое время на много лет задержался в солдатах. В Преображенском полку непросто было опериться, не имея связей и денег. Быть солдатом родовитому дворянину непросто, подчас невыносимо — особенно, если чувствуешь себя просвещенным человеком. Приходилось нести повинности гвардейского курьера. Потомок грозного мурзы Багрима разносил приказы по офицерам.

В «Записках» Державин вспоминал — вроде бы иронически, но с затаенной горечью: «В одном из таковых путешествий случился примечательный и в нынешнем времени довольно смешной анекдот. Князь Козловский, живший тогда на Тверской улице, прапорщик третьей роты, известный того времени приятный стихотворец, у посещавшего его, или нарочно приехавшего славного стихотворца Василия Ивановича Майкова, читал сочиненную им какую-то трагедию, и как приходом вестового Державина чтение перервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: “Пооди, братец служивый, с богом; что тебе попусту зевать? ведь ты ничего не смыслишь”, — и он принужден был выдти».

Это воспоминания старика, увенчанного лаврами, который, тем не ме-

нее, этой обиды не забыл, помнил в интонациях и деталях реплики Козловского и Майкова. Он впервые увидел поэтов (настоящих! почти знаменитых!), стал свидетелем литературного разговора, почти что приобщился к тайнам творчества. И Козловского, и Майкова он ценил высоко и, конечно, хотел бы с ними побеседовать. Очень скоро Державин станет первым поэтом России и одним из самых влиятельных политиков империи. Он с улыбкой напомним Майкову об их первом знакомстве. Майков, конечно, не вспомнит солдата, но сконфузится.

Даже пустяковый чин капрала не шел к нему в руки. Некоторых нерадивых соратников уже повысили, а Державина обошли. Почему?! Пришлось скомкать гордость и обратиться к майору Орлову — да-да, к тому самому екатерининскому орлу Алексею Григорьевичу. Орлов обещал разобраться — и вскоре несправедливость была исправлена. Это случилось незадолго до переворота, который взметнет на пьедестал новую императрицу и ее «орлов». Державин навсегда сохранит в сердце благодарное чувство.

Пропуском в высший свет для Державина стала ода «Фелица», которую он страшился публиковать. Это одна из счастливых случайностей XVIII века. Он стал собеседником монархини, «певцом Фелицы» — и чины уже не запаздывали за славой. Служба его продолжалась на заметных должностях: губернатор, кабинетный секретарь императрицы, президент Коммерц-коллегии... Много лет он и слыл, и являлся одним из влиятельнейших сенаторов. А во времена «дней Александровых прекрасного начала», по существу, возглавил консервативное крыло управленцев.

Государственные деятели того времени относились к будням статской службы с легким пренебрежением. Аристократическая расслабленность

редко сочетается со служебным прилежанием. Многих увлекали прогрессивные красивые проекты, но охотников до черной работы среди первых российских министров не было — кроме Державина. Пройдет время — и некоторые бывшие «молодые друзья царя» (например, министр внутренних дел князь В. П. Кочубей) приобретут державинскую хватку, переварив многолетний опыт государственной службы. Но в те годы их раздражала дотошная вьедливость Державина — во все-то он вникал, во всем сомневался. Даже к прогрессивному (по мнению современников, по мнению учебников всех времен!) Указу о вольных хлебопашцах отнесся скептически, а предприимчивых и сплоченных иудеев считал угрозой для самодержавного Отечества. Крепостник, реакционер, заскорузлый политический старовер, да и только. Его высмеивали в оскорбительных эпиграммах.

В чем обвиняли Державина? Весной 1788 года в Тамбов прибыл комиссионер Гарденин, занимавшийся закупками провианта для армии. Чтобы расплатиться с помещиками-поставщиками, комиссия должна была воспользоваться предназначенными для этого деньгами из местной казны. Но вице-губернатор Ушаков, недруг Державина, отказал в выплате. Не подпустил комиссию к кошельку... По-видимому, у него нашлись интересы поважнее государственных. Шла война, армия Румянцева сражалась на берегах Днестра, в Финском заливе шведский флот атаковал русские корабли — и Державин, как патриот, не мог медлить. Он быстро провел ревизию губернской казны, выявил 177 тысяч рублей, в том числе и специально ассигнованные для провиантской комиссии 17 тысяч. Без промедлений приказал выдать нужную сумму Гарденину. Тут бы и поставить точку в этой

истории. Но генерал-губернатор Гудович посчитал это превышением полномочий губернатора — и началось «провиантское дело». Затравленный Державин возвратился в столицы: его уволили из губернаторов и отдали под суд.

Вот как бывает — забота об армии, о государстве наказуема! Купцы и ростовщики раздирают казну, а Державин должен каяться в превышении полномочий, в нарушении субординации... Эта история напоминает недавний позорный сюжет с отключением электроэнергии в частях Ракетных войск в Ивановской области. Армия оказалась в долгу перед РАО ЕЭС! Что им армия — ростовщикам и бюрократам?

Да и в том лишь дело? Сколько благородных начинаний погребло в бесплодных попытках пробиться сквозь секретарские заслоны... Державин действовал упрямо, подчас назойливо — и после всех неурядиц его снова приближали к престолу. Помогала поэзия: Екатерина ценила раскрепощенный тон державинских стихотворных комплиментов. Он стал кабинет-секретарем императрицы — и доводил ее до белого каления бесконечными обстоятельными докладами то о злоупотреблениях банкира Сутерланда, который наложил на себя руки, то о невиновности иркутского губернатора Якоби, которого обвиняли в измене. За юридическими крючками он умел разглядеть судьбы людей и государственный интерес. Александр Первый, учредив министерства, назначил Державина министром юстиции — первым в истории России. Державин и тут проявил ершистый нрав: он не скрывал, что критически относится к правительственной реформе молодого царя. Но министерский портфель принял...

С первых дней службы он принимал заботы ведомства близко к серд-

цу, не оставлял себе времени даже для дружеских обедов, которые так любил и воспевал. Заглянем в ежедневник первого российского министра юстиции — и поразимся деловитости Державина, его энергии и дисциплине:

«Воскр. Поутру в 10 часов во дворец к императору с мемориями и докладом сената.

Понед. Поутру в 11 часов во дворец в совет.

Вторн. Поутру в 9 часов во дворец к императору с разными докладами, а после обеда в 6 часов в комитет министерства.

Среда. Поутру в 7 часов до 10-ти говорить с гг. обер-прокурорами и объясняться по важнейшим мемориям, а с 10-ти часов ездить в сенат по разным департаментам по случаю каких-либо надобностей.

Четв. Поутру в 8 часов и до 12-ти дома принимать, выслушивать просителей и делать им отзывы.

Пятн. Поутру с 7-ми до 10-ти часов другой раз в неделю заниматься с обер-прокурорами объяснением по мемориям, а с 10-ти часов ездить в сенат в общее собрание и в тот же день после обеда в 6 часов во дворец в комитет министерства.

Суббота. Поутру от 8-ми до 12-ти часов принимать, выслушивать и отзывы делать просителям.

Затем, после обеда в воскресенье, понедельник, среду, четверг и субботу с 6-ти до 10-го часа вечера заниматься с гг. секретарями прочтением почты, выслушанием и подписанием заготовленных ими бумаг для внесения в комитет и иногда в сенат, а также и прочтением откуда-либо полученных посторонних бумаг, кроме почты.

Наконец, каждый день поутру с 5-ти до 7-ми часов заниматься домашними и опекунскими делами и ввечеру с 10-ти до 11-ти часов беседою приятелей, и в сей последний час запирать

вороты и никого уже не принимать, разве по экстренной какой нужде или по присылке от императора, для чего в какое бы то ни было время камердир должен меня разбудить».

Никто из молодых управленцев не мог угнаться за «стариком Державиным». Ни минуты праздности, ни малейшей скидки на возраст Державин себе не позволял! Министр отлаживал работу аппарата, стремясь создать прочные связи с обществом, потенциальными и явными участниками судебных процессов. Он на собственном опыте знал, чем чревата бюрократическая неповоротливость. У юстиц-министра не было юриди-

ческого образования, но он окружил себя специалистами, которым доверял. В своем ведомстве министр не допускал корыстных побуждений, строго контролировал работу подчиненных ревизиями, вникал в тонкости бесчисленных документов... Один из первых докладов

министра юстиции Державина был посвящен сокращению канцелярского делопроизводства. Император одобрил этот проект. Державин ввел в обиход краткие записки, оперативные извлечения из дел, ускорявшие работу чиновников.

«Таковое сокращение производства и основательность решений приближает, конечно, к той священнейшей цели, чтобы сенат как верховное судилище был примером всему государству правого суда, деятельности и скорого удовлетворения тяжущимся», — утверждал Державин в докладе. Но его усердие уже утомляло государя. Отставка Державина сопровождалась легендарным и вполне метким изре-

чением императора Александра: «Ты слишком ревностно служишь». Государь предлагал ему компромисс, но Державин отказался от сенаторской синекеры, от повышенного жалования, отказался от Андреевской ленты — и, под свист недругов, бесповоротно удалился от государственных дел. Или министром, или никем! — он и в старости остался максималистом.

Он не довольствовался ролью патриарха русской литературы, мечтал снова отличиться перед монархом, восстановить влияние при дворе, наконец, послужить ко славе Родины. Родина... Не знаю, что рекомендуют новейшие прописи, но я пишу слово

Гаврила Романович Державин первым произнес слово «Родина» в значении «Отчизна». Не первым из поэтов, а вообще — первым и точка. Это одна из заслуг Державина перед русским языком, да и перед народным самосознанием.

«Родина» с большой буквы и переучиваться не собираюсь. Гаврила Романович Державин первым произнес слово «Родина» в значении «Отчизна». Не первым из поэтов, а вообще — первым и точка. Это одна из заслуг Державина перед русским языком, да и перед народным самосознанием. Именно у нас, в России, возникло понятие «измена Родине». Не просто государственная измена, а нечто более святотатственное. И эту высокую мерку предложил нам именно Державин.

После отставки он прожил без малого тринадцать лет. Летом 1812 года армия Наполеона неумолимо продвигалась на восток. Неужто нашлась сила, с которой не может потягаться русский

солдат? Державин видел причину поражений в предательстве армейской и политической элиты, пропитанной немецким и масонским духом. Старый поэт чувствовал себя Кассандрой: много лет он предупреждал, что необдуманные реформы притких юнцов, не знающих страны, доведут до беды. И вот — французы в Москве. Это ли не катастрофа? Сбылось пророчество, но лучше бы не сбывалось...

Слава Богу, Державин успел и прославить в стихах победы 1812—1814 годов, и оплакать смерть Кутузова, и приветить юного Пушкина... Новый взлет империи вернул ему вдохновение. Он вспоминал свои солдатские годы, лейб-гвардии Преображенский — и по-военному приветствовал победителей «забавным русским слогом»:

Спесь мы Франции посбили,
Ей кудерки пообрили...
Дайте чашу пьяной браги:
Генералов в честь отваги
Выпьем мы ее до дна;
За казачью хитрость, сбойство,
За солдатское геройство —
Дайте чашу нам вина!

Еще в молодые годы он придумал для себя эпитафию: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы». Этим словам не суждено было опоясать державинский могильный памятник. На его могиле в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре нет афористической эпитафии. Под старость лет Державин, волжанин, гордившийся родством с татарским мурзой Багримом, полюбил новгородскую землю, напоминавшую ему об истоках русского государства. Там и нашел упокоение.

Жизнь его вмещала и небесное, и земное. Он оставил нам и несравненную молитву в стихах, и мечту о централизованном и честном государстве, в котором вельможи не сибаритствуют, а чиновники не воруют. Великий русский поэт, энергичный администратор, отчаянный правдолюбец, веривший в Бога на небе и разумные законы на земле. ◆

ЮРИЙ ГАЛЕНОВИЧ

Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и «Холодная война»

Почти четверть века тому назад завершилась «холодная война». Этим термином принято обозначать состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, в рамках которой осуществлялась гонка вооружений, применялись экономические меры давления (эмбарго, экономическая блокада и т. п.), создавались военно-политические блоки и союзы, военно-стратегические плацдармы и базы. «Холодная война» началась вскоре после Второй мировой, а прекращена была во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, главным образом в связи с исчезновением с политической карты мира Советского Союза. Все предшествующие десятилетия в состоянии «холодной войны» находились в первую очередь СССР и США. Сегодня есть возможность заново, освободившись от власти эмоций, попытаться осмыслить события, уже ставшие достоянием истории.

Мировая война: как это воспринимается в Китае

Одним из значимых сюжетов этой истории остается позиция Китая времен «холодной войны». И начать следует с характеристики особенностей восприятия категорий войны и мира

в этой стране. Как известно, китайцы составляют самую многочисленную часть населения Земли, а потому не удивительно, что ощущение своей принадлежности к столь многочисленной национальной общности определяет и китайские оценки многих важных вопросов. Так, например, в китаеязычных СМИ, ориентированных на диаспору за пределами страны, подчеркивается, что китайцы никогда и нигде не будут национальным меньшинством.

С одной стороны, это игра на чувстве превосходства, а с другой — акцентирование значимости родства по крови. Думается, в свое время генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР и председатель военного совета ЦК КПК Цзян Цзэминь не случайно говорил, что кровь китайцев гуще, чем вода в Тайваньском проливе. А в своем нынешнем Уставе КПК, в частности, именуется «авангардом нации Китая»; таким образом, понятия «кровь» и «нация» оказываются, по существу, нераздельными. Уже сама численность китайского народа является гарантией его вечного существования на Земле, вне зависимости от каких бы то ни было катаклизмов или войн. Считается, что для китайцев как сообщества не существует вопроса о выживании — оно обеспечено ему навечно.

ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович — главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор, доктор исторических наук.

Следует учесть и тот факт, что в Китае в XX веке войны никогда не затрагивали всего населения страны. Так, например, в канун начала войны 1941 года военный атташе посольства СССР в Чунцине, будущий герой Сталинграда (и будущий маршал) генерал-лейтенант В. И. Чуйков спросил у главы Китайской Республики маршала Чан Кайши, почему Китай так долго воюет с Японией. С точки зрения наших военных очевидно, что любая война смертельно опасна для народа и страны, и воевать надо не на жизнь, а на смерть, стремясь как можно скорее победить врага и вновь обрести вожделенный мир. Однако Чан Кайши, руководивший страной, которая к тому времени уже десять лет подвергалась агрессии со стороны Японии и не нанесла ни одного сокрушительного поражения японским агрессорам, думал иначе: «Япония не может победить Китай! ...Китай вообще не может быть побежден. Война для Китая — это болезнь, и только, а все болезни проходят». «Но болезни вызывают смерть», — сказал Чуйков. «Мы не считаем, что болезни вызывают смерть. Смерть — это не болезнь; она приходит помимо болезни»¹.

Отсюда понятно, почему Чан Кайши считал войну с Японией не более, чем «сыпью на теле» Китая. В то же время действия КПК и Мао Цзэдуна были, с точки зрения китайского лидера, «болезнью, которая поражала сердце» страны. В силу таких представлений борьба за власть оказывалась для Чан Кайши, да и для Мао Цзэдуна, важнее отпора внешней агрессии со стороны Японии.

Если говорить о числе людей, погибших в войнах, то в современных китайских СМИ можно обнаружить сведения, что за четырнадцать лет Тайпинского восстания (1850—1864) население страны уменьшилось с 400 до 240 миллионов человек (то есть вспыхнувшая тогда война унесла

160 миллионов человек!). Полагаю, что утверждения такого рода не случайно появляются именно сегодня. У современных китайцев создается представление, что хотя в прошлом и погибали десятки миллионов, однако нация Китая продолжала (и продолжает!) существовать.

Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, Чжао Цзыян, занимавший пост генерального секретаря ЦК КПК в 1987—1989 годах, считал, что за последние сто пятьдесят лет только одно десятилетие, 1980-е годы, было по-настоящему мирным для Китая и его народа, в чем и состоит подлинная ценность означенного периода. Позитивные оценки мирного состояния страны во второй половине XX века высказывали также председатель КНР Лю Шаоци, а также генеральные секретари ЦК КПК Ху Яобан и Чжао Цзыян. Кстати, все они выступали и за дружественные, мирные отношения с нашим народом и нашей страной.

От добрососедства к конфликтам

С учетом сказанного, вернемся к разговору о временах «холодной войны». Применительно к Китаю этот период охватывал 1950—1980-е годы и касался отношений страны с Россией (СССР) и США, которые выстраивались в рамках политического курса Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина.

Для Китая Вторая мировая война продолжалась четырнадцать лет (1931—1945). Казалось бы, народ устал и больше не хотел войны, тем более что год спустя после окончания Второй мировой в Китае началась внутренняя война, продолжавшаяся свыше трех лет (1946—1949). Она длилась бы еще дольше, если бы не помощь Москвы. Стоит напомнить, что первоначально Мао Цзэдун намеревался объявить о создании Китайской Народной Республики 1 января 1950 года, о чем был извещен И. В. Сталин.

¹ См. «По дорогам Китая, 1937—1945. Воспоминания». М., 1989. С. 261—262.

Эта отсрочка объяснялась трудностями переброски войск в еще не занятый коммунистами район Синьцзяна. В ответ СССР предоставил свою военно-транспортную авиацию, и вопрос был решен в считанные месяцы.

Так закончился конфликт, начатый в 1946 году наступлением вооруженных сил Компартии Китая (КПК) с территории Маньчжурии; коммунисты значительно усилились после передачи им советскими товарищами вооружения, оставшегося после разгрома японской Квантунской армии. Кроме того, надежным тылом КПК стала территория СССР. Такова роль нашей страны в деле прихода к власти Мао Цзэдуна и КПК, не говоря уже о нашей помощи этой партии в 1920—1930-х и первой половине 1940-х годов.

На рубеже 1949—1950 годов Мао Цзэдун впервые побывал в Москве. В ходе переговоров со Сталиным он, в частности, предлагал, чтобы советские ВВС помогли ему овладеть Тайванем. Это предложение было отклонено: наша сторона не желала создавать повод для военного столкновения с Америкой, что полностью соответствовало общему внешнеполитическому курсу Советского Союза, исключавшему военное столкновение с США. Мао Цзэдун пришел к той же мысли только после потерь, понесенных в ходе Корейской войны (1950—1953). Показательно, однако, что, когда в 1950-м китайский лидер попросил, чтобы наша авиация прикрывала небо над Шанхаем от налетов с Тайваня, он получил положительный ответ. Иными словами, добрая воля СССР не вызывала сомнений.

Еще более последовательно эта же добрая воля проявилась в годы Корейской войны. В 1950 году руководитель КНДР Ким Ир Сен считал, что располагает возможностями установить власть над всем Корейским полуостровом. Когда это ему не удалось и он начал терпеть поражения от войск ООН, сформированных главным образом

из американцев, Мао Цзэдун направил воевать в Корею части добровольцев из Китая. Китайская сторона запросила у СССР вооружение для 40 дивизий и получила от нас все, в чем нуждалась. Подчеркнем, что решение о войне в Корею и участии в ней «добровольцев народа Китая» принимались самостоятельно Ким Ир Сенем и Мао Цзэдуном. Никакого давления с нашей стороны ни на того, ни на другого не оказывалось. А вот небо над Северной Кореей и Северо-Восточным Китаем снова прикрывали наши летчики. В то же время и в данном случае наша сторона избегала прямого военного столкновения с американцами.

Несмотря на неоднозначность итогов Корейской войны, Пекин (во всяком случае на словах) вовсе не торопился отказываться от наступательной стратегии. В 1954 году в беседе с Н. С. Хрущевым Мао Цзэдун высказался о желательности включения Монголии в состав Китая. Он также предлагал нашей стороне передать ему секреты производства атомной бомбы. По сути дела, это были требования не только не идеологического, но даже не межгосударственного характера. Речь шла о вечных взаимоотношениях между нациями, то есть о судьбе и выживании монголов как нации и об оружии, способном смести любую нацию с лица Земли.

Тем не менее у советского руководства были иные планы. В 1956 году Хрущев заявил, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует. С этого момента взгляды на войну в нашей стране и у Мао Цзэдуна разошлись окончательно. Год спустя на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Мао Цзэдун говорил о том, что не следует бояться ядерной войны; пусть в такой войне погибнут 300 миллионов китайцев, то есть половина населения страны, зато империализм будет уничтожен. Так же легковесно он расценивал человеческие жертвы в других странах, в том числе и тех, кото-

рые в результате ядерной войны могли полностью исчезнуть с лица Земли.

В 1957 году Хрущев все-таки согласился передать Мао Цзэдуну технологию производства атомного оружия. Вероятно, свою роль сыграла мысль, что рано или поздно Китай все равно будет обладать этим оружием, поэтому предпочтительнее выполнить просьбу китайской стороны. Однако уже в следующем, 1958 году Мао Цзэдун обвинил СССР в намерении установить господство над Китаем и заговорил с нами как с военным противником.

Тогда же усилиями китайского лидера в мире распространялась информация о том, что наша страна поддерживает артобстрел его солдатами островов, на которых обосновались гоминьдановцы. Тут же в кулуарах подчеркивалось, что сам Мао Цзэдун воевать не собирается, но подает американцам сигнал, согласно которому неизменность ситуации на Тайване устраивает континентальный Китай. Мао Цзэдун явно придерживался мысли, что лучше не освобождать Тайвань, чем вступать в войну не только с Гоминьданом, но и с Америкой. Очевидно, что такие шаги следует рассматривать в общем контексте постепенной смены политического курса, направленного отныне на сближение с Вашингтоном.

В том же ключе становятся понятными и другие внешнеполитические акции Пекина, предпринятые в 1950—1960-х годах, в том числе и военные провокации против соседних стран. На рубеже первого и второго десятилетий XXI века в Китае была выпущена серия из трех телевизионных фильмов под общим названием «Войны Нового Китая», предназначенная для широкого распространения среди собственных граждан. Авторы вводят в оборот понятия «китайско-индийская война», «китайско-советская война» и «китайско-вьетнамская война». Все три войны представлены как войны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, развязывание которых полностью оправдыва-

ется, несмотря на отсутствие военных угроз со стороны соседей. В каждом из трех конфликтов Мао Цзэдун и Дэн Сяопин имели возможность в любой момент начать и прекратить военные действия, что они и делали тогда, когда считали это выгодным или необходимым. То были своего рода войны-предупреждения, войны-сигналы, закладывавшие мины вражды и недоверия на будущее. Они предназначались для осуществления стратегии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, рассчитанной на десятилетия и столетия вперед.

Войны настраивали китайцев на враждебные отношения к тем народам, которые в ходе военных действий были объявлены противниками КНР. Как в Индии и Вьетнаме, так и в нашей стране люди не забудут об этих войнах до тех пор, пока китайские политики не станут проводить иную политику и не убедят народы за пределами Китая, что этой политике можно доверять. Утверждения современной пропаганды КПК—КНР о правоте политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в этих войнах не звучат убедительно для граждан Индии, Вьетнама и России.

В конечном итоге вся предыстория создания и существования КНР в свете современной постановки этого вопроса в Китае представляется как цепь непрерывных войн или военных действий:

1948—1949 годы — внутренняя война,

1950—1953 годы — война в Корее,

1959 год — война с Индией,

1969 год — война с нашей страной,

1979 год — война с Вьетнамом.

Первая из «Войн Нового Китая», то есть «китайско-индийская война», началась в 1959 году. В результате нее Мао Цзэдун поставил исторические отношения с Индией, второй по численности нацией на Земле, в зависимость от нерешенного вопроса о границе и ее прохождении. На деле это понадобилось для того, чтобы уведомить США, Индию и другие страны, что Мао Цзэдун и его последователи намерены

не допускать обсуждения с тибетцами вопроса об их автономии. Таково было еще одно условие Мао Цзэдуна для нормализации отношений с США.

В связи с «китайско-индийской войной» Мао Цзэдун обвинил нашу страну в том, что в ходе нее Советский Союз не действовал как союзник Китая. Есть все основания полагать, что и военные действия в 1958 году против островов, находившихся под контролем гоминьдановцев, и «китайско-индийская война» мотивировались стремлением Мао Цзэдуна продемонстрировать США, что он никоим образом не считает себя находящимся в союзнических отношениях с Советским Союзом. То были шаги к новому состоянию отношений и с нами, и с Америкой.

В 1959 году враждебное отношение Мао Цзэдуна к нашему народу и нашей стране заставило советскую сторону официально объявить о том, что в Китай не будет поставлена комплексная технология производства атомной бомбы. На практике, однако, это не меняло ситуации, поскольку Мао Цзэдун уже получил от нас атомное оружие. Таким образом, Советский Союз не изменил курсу, который проводил все 1950-е годы, когда он совершенно искренне выступал в качестве друга и союзника Китая, бескорыстно помогая ему всем, чем было возможно.

Со своей стороны, Мао Цзэдун рассматривал тот же период как переходный этап к противопоставлению наших народов и государств, правивших в них политических партий. Китайский лидер лелеял мысль об особом предназначении самой многочисленной нации на Земле, которой надлежало занять главенствующее положение в мире. То, что именовалось в Китае «марксизмом», «социализмом», «коммунизмом», было, с точки зрения Мао Цзэдуна, лишь методами, приемами, с помощью которых следовало сначала добиться власти в стране, а затем продвигаться к господству над прочими нациями. Следуя этим путем, Мао Цзэ-

дун исходил из того, что главным на определенном этапе стало добиться нормализации отношений с Америкой. Он полагал, что США пойдут на такую нормализацию, когда убедятся, что Мао Цзэдун заставил китайский народ считать Советский Союз и его народ военным противником Китая.

Китайские лидеры некогда именовали 1950-е годы «периодом сотрудничества и борьбы», а в начале XXI века последователи Мао провозглашают 1956—1960 годы временем «схватки». Иными словами, уже в середине 1950-х годов Мао Цзэдун начал проводить враждебный нашей стране политический курс. На практике демонстрируя эту враждебность, он ставил своей целью получить согласие Вашингтона на установление межгосударственных отношений Китая и Америки на основе заверений во взаимном ненападении и совместного осуждения СССР как якобы агрессивного государства.

Конец «дружбы навек»

В 1960 году Мао Цзэдун выслал из Китая наших специалистов, трудившихся над преодолением отсталости страны и созданием ее индустриальной базы. В КНР остались тогда только дипломатические сотрудники и работники ведомства внешней торговли. В конце того же года в СССР побывал председатель КНР Лю Шаоци. В Москве состоялся массовый митинг в Лужниках, на котором он заявил: «Сплочение — это сила! Сплочение — это победа!» Такое заявление означало, что в то время позиция руководства КПК еще не была монолитной, что в нем оставались люди (прежде всего сам Лю Шаоци), которые выступали за сплочение наших народов и стран, за развитие отношений на принципах дружбы, союза и взаимной помощи.

Однако год спустя Москва получила из Пекина сигнал совершенно иного рода. В тот день, когда Ю. А. Гагарин первым в истории человечества со-

вершил полет в космос, на массовом митинге в Пекине твердый сторонник курса Мао Цзэдуна министр иностранных дел КНР Чэнь И заявил: «Сегодня произошли два важных события. Во-первых, команда Китая стала чемпионом мира по настольному теннису. Во-вторых, имело место новое научно-техническое достижение СССР».

Еще через год более 60 тысяч человек были вынуждены бежать в нашу страну из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, что было естественным результатом экономической политики Мао Цзэдуна, в результате которой людям стало просто нечего есть. Одновременно это стало и следствием дискриминационной политики властей по отношению к национальным меньшинствам. Беженцы чувствовали, что могут вот-вот прерваться их традиционные связи с родственниками, которые проживали на территории нашей страны. Таким образом, Мао Цзэдун добился вытеснения из Китая и наших специалистов, и тех, у кого имелись родные в Советском Союзе. Все это полностью соответствовало курсу на противопоставление наших народов, на подготовку к войне против СССР.

В том же 1962 году произошел Карибский кризис. Мао Цзэдун использовал сложившуюся в мире ситуацию прежде всего для того, чтобы углубить враждебные чувства населения Китая к советским людям как «авантюристам» и «капитулянтам». Но у пекинских политиков была и другая цель — лишний раз продемонстрировать американцам осуждение Советского Союза, отсутствие у Китая союзных отношений с нашей страной. Через год между делегациями КПСС и КПК состоялись официальные переговоры. Мао Цзэдун поручил возглавить делегацию Дэн Сяопину. Тот использовал эту возможность с целью, дабы еще раз показать: ничто идейно не связывает Китай (КПК — КНР) и Россию (СССР — КПСС).

В 1964 году прошли официальные консультации представителей двух

стран в Пекине. С советской точки зрения это должен был быть обмен мнениями по пограничным вопросам. С точки зрения Мао Цзэдуна, границы, признанной обеими сторонами, еще не существовало, поэтому следовало провести переговоры об определении границы. В ходе переговоров СССР было предъявлено обвинение в захвате у Китая 1,5 миллиона квадратных километров земли. Мао Цзэдун требовал признать предыдущие договоры о границе неравноправными, настаивая, в частности, на передаче ему территории Тувы. В то же время китайская сторона выдвинула и рациональное предложение: определить прохождение линии границы на речных участках по главному фарватеру судоходной реки или по середине несудоходной реки. Есть основания думать, что данная позиция отражала мнение Лю Шаоци: не случайно в период «культурной революции» главу китайской делегации на этих переговорах Цзэн Юнцюаня обвиняли именно в том, что он действовал в интересах Лю Шаоци и нашей страны.

Совершенно неожиданно для Мао Цзэдуна Хрущев принял это предложение, несмотря на то, что такой шаг означал отход от положений договоров о границе. Фактически, стороны пришли к соглашению «Хрущев — Лю Шаоци». На основе такого соглашения в первой половине 1964 года была определена линия прохождения границы на карте. Однако воплотить идею на практике оказалось невозможным из-за того, что Мао Цзэдун требовал признания неравноправного характера договоров о границе.

Практически в то же время, в июле 1964 года, в беседе с японской делегацией китайский лидер публично заявил, что он, его приверженцы и последователи еще не предъявляли счетов по реестру земель, якобы захваченных Россией у Китая в разные исторические периоды, — от озера Байкал на западе до острова Сахалин

на востоке. Более того, в том же году, выступая на заседании руководства ЦК КПК, Мао Цзэдун впервые высказался за проведение курса на подготовку к войне с СССР: речь шла о превращении Китая в военный лагерь. Глава КПК говорил о том, что враг может захватить Пекин и Тяньцзинь, разделить Китай пополам, нанести удар с любой стороны². Фактически, он изменил всю предшествующую стратегию китайской компартии, объявив нашу страну единственным военным противником.

В конце 1964 года, после смещения Н. С. Хрущева, руководителем КПСС стал Л. И. Брежнев. Китайская делегация была приглашена в Москву. И сразу же выяснилось, что возглавивший ее Чжоу Эньлай прибыл по поручению Мао Цзэдуна только для того, чтобы предъявить ультиматум: КПСС должна отказаться от решений съездов партии, прошедших при Хрущеве. На следующий год в Пекине побывал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Он предложил прикрыть небо над Вьетнамом от налетов авиации США силами советских ВВС, которые базировались бы на аэродромах на территории Китая. Чжоу Эньлай отверг это предложение. В беседе с Мао Цзэдуном Косыгин был вынужден констатировать: «Вашей борьбы против империализма не видно».

К несчастью, в советском руководстве в то время еще не осознали тот факт, что Мао Цзэдун взял курс на подготовку к военным действиям против нас. Впрочем, для надежд на лучшее все еще были основания. В тот же период вновь назначенный посол СССР в КНР С. Г. Лапин встречался в то время с Лю Шаоци и Чжу Дэ, и это были дружественные встречи. В 1966 году, во время проводов из Пекина руково-

дителя Ганы К. Нкрумы, Лапин в беседе с Лю Шаоци передал исходившее от ЦК КПСС приглашение делегации КПК принять участие в XXIII съезде партии. Лю Шаоци согласился рассмотреть это предложение, однако Мао Цзэдун отверг его и настоял на разрыве отношений по партийной линии.

В том же году в Китае началась «культурная революция». Среди прочего она была нужна Мао Цзэдуну для «чистки тылов» от «национальных предателей». Пострадали все те, кто имел контакты с СССР и советскими людьми. В ходе этой кампании были, в частности, физически уничтожены председатель КНР Лю Шаоци и министр обороны Пэн Дэхуай. В 1967 году газета «Жэньминь жибао» напечатала статью, в которой заявлялось, что настанет день, когда красное знамя идей Мао Цзэдуна взвьется над московским Кремлем.

В 1969 году Мао Цзэдун открыл военные действия на границе с Советским Союзом. Его солдаты первыми произвели выстрелы по нашей территории. Было положено начало тому, что сегодня в Китае именуется второй «войной Нового Китая» и полностью оправдывается без всяких на то оснований: вина целиком возлагается на СССР. Вслед за этим по инициативе китайского руководства были организованы двухсторонние переговоры. Согласившись с предложением китайской стороны, наша делегация прибыла в Пекин. Между тем Мао Цзэдун продолжал выдвигать свои безумные обвинения в адрес СССР. Он договорился до того, что наша страна, дескать, специально направила делегацию в Пекин, дабы внезапным атомным ударом накрыть там все китайское руководство. Поэтому был отдан приказ рассредоточить руководителей КПК — КНР по разным районам Китая.

Тем временем шла активная работа по постепенному установлению контактов, повышению их уровня и сближению между Мао Цзэдуном и

² См. «Чжунго Гунчаньдан лиши. Да эр цзюань (1949—1978)» [«История Коммунистической партии Китая». Т. 2: 1949—1978]. Пекин, 2011. С. 715—716.

американцами. Посредниками в этом процессе выступали руководители Пакистана и Румынии. В конечном итоге в 1972 году состоялся визит президента США Р. Никсона в Пекин. Мао Цзэдун и глава американского государства заверили друг друга в том, что ни та, ни другая сторона не собираются оккупировать территорию партнера. В то же время они сошлись во мнении, что политика нашей страны якобы является «агрессивной».

В ходе беседы с Мао Цзэдуном, состоявшейся 21 февраля 1972 года, Никсон говорил: «Нам надо бы спросить себя, почему это Советский Союз на границе с вашей страной дислоцировал больше войск, чем на границе с Западной Европой? ...Вопрос здесь в том, перед лицом какого рода опасности вы находитесь: перед опасностью агрессии со стороны Америки или перед лицом опасности со стороны Советского Союза?» В ответ на это Мао Цзэдун заявил: «Вопрос об агрессии, исходящей со стороны США, или вопрос об агрессии, исходящей со стороны Китая, — это относительно мелкий вопрос. Можно также сказать, что это не крупный вопрос. Дело в том, что в настоящее время не существует вопроса о войне между нашими двумя государствами».

Никсон отреагировал на это следующим образом: «Я хотел бы также сказать, что, пристально всматриваясь в наши две крупные страны, Америку и Китай, мы знаем, что Китай вовсе не представляет собой угрозу территории США. Я думаю, что и вы тоже знаете, что США не посягают на территорию Китая. Мы знаем, что Китай не думает господствовать над Америкой. Мы верим, что и вы тоже понимаете, что Америка не думает господствовать над всем миром... Эти две великие страны не стремятся владычествовать над всем миром. И по той причине, что мы придерживаемся сходных позиций по двум этим вопросам, мы не угрожаем взаимно территориям друг друга».

В ходе беседы Мао Цзэдун, в частности, подчеркнул, что «у нас в стране тоже была реакционная группировка, которая выступала против наших с вами контактов. А в результате всем им пришлось сесть в самолет и бежать за границу»³. Мао Цзэдун явно имел в виду позицию министра обороны КНР маршала Линь Бяо, считавшего трудности в отношениях с СССР «ссорой в своей семье», тогда как к США он предлагал относиться как к оплоту мирового империализма, представляющему прямую угрозу для Китая. Мао Цзэдун, очевидно, имел также в виду отрицательное отношение высокопоставленного китайского военачальника к военным действиям со стороны Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на острове Даманском и попытку Линь Бяо покинуть Китай в 1971 году, закончившуюся крушением его самолета в Монголии.

В 1973—1974 годах Мао Цзэдун выступил с серией предложений о создании единого всемирного фронта для борьбы против нашей страны в составе Китая, США, Японии и Западной Европы. Азии, Африке и Латинской Америке китайский лидер предназначал роль компактного «тыла» такого фронта. Выступая в 1974 году по поручению Мао Цзэдуна в ООН, Дэн Сяопин назвал три великих революции в истории человечества: Американскую, Французскую и Китайскую. Революция в России упомянута не была. Думается, цель заключалась в том, чтобы лишний раз продемонстрировать американцам свое отношение к нашей стране.

В 1976 году Мао Цзэдун умер. Продолжая его курс, Дэн Сяопин попытался поставить на первое место во внешней политике Китая отношения с США. Возражая ему, на съезде КПК в 1982 году ее генеральный секретарь Ху Яобан заявил, что позиции Китая в

³ См. Ю. М. Галенович. Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай. М., 2010. С. 249—254.

отношениях с США будут более прочными, если сначала Китай укрепит отношения с СССР, Индией, Японией, государствами Западной Европы; однако большинство руководства поддержало Дэн Сяопина, и поворота во внешней политике тогда не произошло.

В 1979 году началась третья из «войн Нового Китая» — «китайско-вьетнамская война». Дэн Сяопин стремился доказывать США, что, как и Мао Цзэдун, выступает за военные действия, в данном случае продемонстрировав это на примере Социалистической Республики Вьетнам — союзника нашей страны. Продолжая курс Мао, китайский руководитель призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашей страны, включающий в себя Китай, Америку, Японию, мусульманские государства, страны Западной Европы. В том же году Дэн Сяопин добился того, что Всекитайское собрание народных представителей (парламент КНР) не продлило Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в 1950 году. До настоящего времени в Китае раздаются необоснованные утверждения о том, что Договор 1950 года якобы был «неравноправным».

В 1980-х годах первым по формальному рангу руководителем КПК стал Ху Яобан, а главой правительства — Чжао Цзяян. Оба они были настроены в пользу нормализации отношений с Советским Союзом. На похороны умершего в 1982 году Л. И. Брежнева была направлена китайская делегация во главе с министром иностранных дел Хуан Хуа. Ху Яобан дал ему инструкции начать

процесс нормализации отношений, не выдвигая предварительных условий. Однако, когда Хуан Хуа прибыл в Москву, его ждала телеграмма, в которой Дэн Сяопин приказывал обратное. Среди прочего там предлагалось выдвинуть требования сокращения численности советских вооруженных сил на границе с Китаем, выведения войск СССР из Монголии, а также оказания давления на Вьетнам, с тем чтобы тот принял китайские условия. В результате Дэн Сяопину удалось отсрочить нормализацию наших отношений до конца 1980-х годов.

Дэн Сяопин добился того, что Всекитайское собрание народных представителей (парламент КНР) не продлило Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в 1950 году. До настоящего времени в Китае раздаются необоснованные утверждения о том, что Договор 1950 года якобы был «неравноправным».

Показательно, однако, что ни во времена правления Мао Цзэдуна, ни при Дэн Сяопине в руководстве КПК не существовало монолитной поддержки их курса. Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзяян выступали за мирные, дружественные отношения с нами. Более того, в 1985 году Политбюро ЦК КПК практически согласилось с тем, о чем говорил Хрущев еще в 1956 году: фатальной неизбежности мировой войны не существует.

Лишь в 1989 году было наконец положено начало нормализации отношений между КПСС и КПК, СССР и КНР. Однако и тогда все еще ощущались остатки былой вражды. М. С. Гор-

бачев встретился в Пекине с Дэн Сяопином. Перед этой встречей, напутствуя сопровождающих его лиц, советский лидер предлагал им вести себя так, чтобы это понравилось китайской стороне, то есть с уважением относиться к старшим. Дэн Сяопин перед той же встречей сказал своим сопровождающим: «Не надо обнижаться с русскими».

Во время этой встречи Горбачев был более всего озабочен тем, чтобы не сорвался процесс нормализации отношений. Дэн Сяопин пространно изложил Горбачеву взгляды Мао Цзэдуна относительно якобы «захваченных» Россией у Китая территорий и того, что договоры о границе будто бы являются неравноправными, и т. д. При этом Дэн Сяопин сделал особый упор на том, что Россия, дескать, всегда неравноправно относилась к китайцам. Он также утверждал, что наша страна и наш народ представляют собой военную угрозу для Китая с севера. В ответ Горбачев ограничился замечанием, что у сторон по некоторым вопросам могут быть разные мнения. Нормализация состоялась.

Вместо заключения

Итак, неопровержимым историческим фактом является то, что в период «холодной войны», в 1950—1980-х годах, наша страна стремилась искренне помогать Китаю, проявляла готовность поддерживать нормальные дружественные отношения двух государств и народов. В то же время позиция КНР была неоднозначной. В руководстве страны и КПК шла борьба между политиками, придерживавшимися разных взглядов на перспективы связей Китая и СССР. В то время как Лю Шаоци на протяжении всей своей жизни оставался другом Советского Союза, Мао Цзэдун проводил враждебный нашему народу и нашей стране курс, не соответствовавший официально провозглашенному лозунгу «пролетарского

интернационализма» и, по существу, уже с начала 1950-х годов направленный на постепенную нормализацию отношений с США, в жертву которому приносились связи с вчерашним главным союзником и даже «братом».

Этот предательский курс нашел воплощение в распространявшемся средствами официальной пропаганды взгляде на СССР как на военного противника, за которым имеются исторические, в том числе территориальные, долги. Соответствующие идеи вдалбливались в сознание членов правящей в КНР коммунистической партии, воинов и командования НОАК, молодежи, широких слоев населения Китая. При этом Мао Цзэдун рассчитывал на то, что воспитание китайского народа в таком духе будет приносить ядовитые плоды еще и через десятки лет. В результате удалось добиться того, что у населения Китая полностью изменилось отношение к нашей стране. У сотен миллионов китайцев, подвергшихся пропаганде Мао Цзэдуна, было подорвано доверие к нам.

Дэн Сяопин продолжал эту политику, и за ним шло большинство китайского руководства. И только усилиями Ху Яобана, Чжао Цзяяна и их немногих сторонников с китайской стороны удалось добиться нормализации наших двусторонних отношений. К сожалению, этот реалистический подход не находит поддержки у нынешних руководителей КНР. Судя по опубликованной в 2011 году «Истории Коммунистической партии Китая», одобренной Ху Цзиньгао и Цзян Цзэмином, политический курс Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в отношении нашей страны оправдывается полностью и всецело. Именно поэтому столь сложно преодолеть негативные наслоения прошлого.

Уйти от последних, сохранив все то позитивное, чего также немало в наших двусторонних отношениях, — задача, которую предстоит решать в наши дни. ◆

Ab imperio?

«**Р**усский народ находится в постоянном и напряженном конфликте с созданной его усилиями величайшей в мировой истории империей». Эта мысль доктора исторических наук, профессора Валерия Дмитриевича Соловья сегодня находит больше сторонников, чем десять лет назад, когда была опубликована представленная ниже статья. Когда-то подобные идеи могли разделять лишь досужие бабки, лениво ворчавшие у подъездов на тему «Куба, отдай наш хлеб — Куба, возьми свой сахар». Потом заговорили писатели-деревенщики — сначала эзоповым языком, а с горбачевской перестройкой — и в полный голос: «Россия по-прежнему беззащитна. В жестокой, изнуряющей политической борьбе наши лидеры мало думают о русском народе...»¹ Затем еще громче воскликнул Солженицын: «Нет у нас сил на Империю!»² В конце концов народные депутаты РСФСР 12 июня 1990 года почти единодушно приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. После этого имперское здание накренилось и рухнуло, не устояв и полутора лет. Только стало ли от этого лучше русскому народу?

Едва ли. Казалось бы, пал Ваал — рухнула многостлетняя имперская утопия, была растоптана в своем последнем, советском, обличье. Сошло на нет именно то, что так раздражало радетелей за русский народ: осталась в прошлом помощь азиям и африкам, до предела (точнее — до беспредела) сокращены Вооруженные силы, флот едва выходит за пределы территориальных вод, космическая отрасль усохла до того, что вот-вот будет утрачена, никаких разорительных трат на «большую науку», а во внешней политике целиком и полностью восторжествовала борьба за «национальный интерес», который давно уже оценивается исключительно в валютном выражении.

Загвоздка только в одном: русский народ вовсе не спешит расправить богатырские плечи, а норовит вымирать — то массово, то чуть медленнее. Прошло уже без малого четверть века, а жизнь не «утопиями», но «здоровым» сиюминутным интересом все сильнее подкашивает его силы. И странное дело: чем активнее «усыхают» остатки ненавистного русофилам имперского бремени, тем больше появляется вещей, которые «новой России» не по карману, несмотря на колоссальную экономию ресурсов, ставшую следствием расставания с «хи-мерой» империи: не по карману воссоединение с Белоруссией, не по карману

¹ В. Белов. Россия еще скажет свое веское слово. — «Литературная Россия». 07.12.1990.

² А. И. Солженицын. Как нам обустроить Россию. Л., 1990.

расходы на образование, не по карману уже и на здравоохранение. Где уж там до «сбережения народа»!

И вот уже появляются доброхоты, призывающие продолжить «обрезание». То знаменитый кинорежиссер вздохнет на тему «small is beautiful» и предложит вернуть японцам Курилы³, то не менее знаменитый политолог вбросит в массы идею избавиться от «токсичных территориальных активов»⁴. А массы и рады стараться: и вот уже на московских улицах гремит клич «Хватит кормить Кавказ!».

Так где же предел расставания с «имперским наследием»? Чем еще должен пожертвовать русский человек: Большим театром? Мариинкой? Эрмитажем? Курилами? Сибирью со всеми ее углеводородами? (Напомню, что все перечисленное (как и еще многое неназванное) — только от имперских времен; в противном случае не видать бы нам этого, как своих ушей.) До какой еще степени должны дойти демодернизация и капитулянтство, чтобы «новые славянофилы» (в том числе и с английскими фамилиями, типа Ричарда Пайпса или Джеффри Хоскинга) наконец похлопали нас по плечу за окончательный отказ от имперского наследия и имперских амбиций?

А может быть, стоит посмотреть на дело иначе? В том смысле, что у русского народа не было иной истории, кроме истории империи? Что, не будь этой самой империи, не было бы и русского народа? Что с империей связаны не только все наши поражения, но и все то, чем мы до сих пор гордимся? Оттуда — и подвиг русских землепроходцев, вышедших к Амуру и Тихому Океану, и императорский балет, и Чайковский, и победный 1945-й, и Гагарин... Далее продолжайте сами.

Если же умерить патетику и попытаться дать сугубо академическую характеристику взглядов В. Д. Соловья, то получится приблизительно следующее. С точки зрения «игры в бисер» довольно занятно приспособить дискурс, выработанный рвущимися к власти элитами национальных меньшинств, к описанию положения государствообразующего этноса. Вопрос только в том, сколь продуктивен такой опыт в глобальном мире, в котором лидирующую роль играют отнюдь не национальные государства: США, Китай, Индия, Бразилия и далее везде. В этом мире идеей интеграции озаботилась даже Европа — прародительница и вотчина национальных государств: Евросоюз — давно уже большее, чем просто сумма составляющих его стран.

Какое место ждет «не-имперскую», «национальную» Россию, скроенную по лекалам статьи В. Д. Соловья, Дж. Хоскинга и иже с ними в этой битве гигантов? Догадайтесь сами.



³ См. «Александр Сокуров предложил вернуть Японии Курилы». — «Новый регион». 13.12.2011 (www.nr2.ru/policy/363112.html).

⁴ С. Белковский. Путин: всемирная история опозданий. — «Московский комсомолец». 29.06.2012.

ВАЛЕРИЙ СОЛОВЕЙ

Русские против империи

СВОБОДНАЯ
МЫСЛЬ – XXI

2002 № 12

Полемичное название статьи постулирует ее центральный тезис: русский народ находился в постоянном и напряженном конфликте с созданной его усилиями величайшей в мировой истории империей. Именно этот конфликт послужил фундаментальной причиной гибели империи как в ее до-революционном варианте, так и в обновленной советской модификации.

Сама по себе идея антагонизма между простым народом и имперским государством, его элитой не нова, восходя к раннему славянофильству и послужив источником вдохновения влиятельной историософской и исторической традиции. Одним из удачных и недавних решений этой проблемы на историческом материале можно назвать книгу известного английского ученого Джеффри Хоскинга «Россия: народ и империя»¹.

Но я предлагаю рассматривать базовое противоречие русского развития как *конфликт идентичностей* — этнической и государственной, что смещает фокус анализа с социально-политической и экономической истории в область этнической истории, национального сознания и социокультурной динамики, открывая новую интеллектуальную перспективу. Ее возможности демонстрируются интересными работами петербургской исследовательницы С. Лурье², послужившими, равно как и книга Хоскинга, отправной точкой и, отчасти, концептуальным основанием моего очерка.

Тема идентичности занимает все более видное место в отечественном научном и общественно-политическом дискурсе, что естественно для современной России, в которой масштабный системный кризис ознаменовался ломкой и трансформацией прежних идентификационных основ, поиском и выстраиванием новых идентичностей. Но акцент на нынешнем положении дел, которое, вне зависимости от идейно-политических взглядов и научных школ, характеризуется одинаково — как идентификационный кризис России, чаще всего оставляет за скобками предшествующее состояние русской идентичности. Молчаливо подразумевается или прямо утверждается, что уж до начала XX века, до большевистской революции, с русской идентичностью все обстояло благополучно. Подобная априорная посылка представляется глубоко ошибочной.

СОЛОВЕЙ Валерий Дмитриевич — кандидат исторических наук, эксперт Горбачев-фонда. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 01-03-0077 («Мега-тенденции российской политики»).

¹ См. **Дж. Хоскинг**. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000.

² См.: **С. В. Лурье**. Историческая этнология. М., 1998; **е е же**. В поисках русского национального характера. — «Отечественные записки». 2002. № 3.

Пронизывающий отечественную историю начиная с середины XVII века, открытый религиозный, социокультурный, а впоследствии и политический раскол был не чем иным, как принявшей кризисную форму перманентной трансформацией идентичности русского этноса и российского государственно-цивилизационного комплекса. Другими словами, кризис идентичности не является исключительным достоянием современности или XX века, он проходит красной нитью через всю российскую историю; а сердцевину его составлял конфликт между этнической идентичностью русских и имперским государством.

Что же такое идентичность? Пользуясь пушкинской фразой, идентичность — это «самостоянье человека», глубинное основание субъектности как личности, так и социальных, политических и этнических общностей разного порядка. Применительно к государству и нации — традиционно ключевым игрокам в мировой истории и политике — таким фундаментальным основанием выступают государственно-гражданская и этническая идентичности.

Государственная идентичность подразумевает образ государства в массовом сознании и стремление к интеграции с ним (или, наоборот, отталкивание от государства); гражданская — то же самое, но в отношении страны и общества. Эти линии идентификации настолько тесно и неразрывно связаны, что их отдельное изучение вряд ли возможно. Но все же они не совпадают, и это расхождение тем заметнее, чем более общество автономно от государства. В России категории «народ» («общество») и «Отечество» («страна») традиционно рассматривались как подчиненные «государству» — центральному понятию русской политической мифологии, что было закономерным следствием имперской политики идентичности, направленной на отождествление гражданских и государственных идентитетов.

Связь государственно-гражданской идентичности с этнической проступает особенно рельефно для народов, исторически выступавших в роли создателей государственности. В широком понимании этническая идентичность синонимична этническому самосознанию. Она включает не только идентификацию — самоотнесение к той или иной национальности, но и образ «мы»: комплекс представлений о своей этнической общности и ее национальном характере (автостереотипы), историческом прошлом своего народа, его образе действий в истории и способе освоения мира, культуре, языке, территории, а также о других этнических общностях (гетеростереотипы). Следует помнить о мифологичности этнического самосознания, что не означает его ложности: миф реален не по своему содержанию, а по свойственной ему мобилизующей силе.

Имперское против русского

К исходу существования дореволюционной России в стране не только не сложилась русская *политическая* нация, аналогичная европейским нациям-государствам, но даже общерусское *политическое* единство порою выглядело сомнительным. Сознание подавляющего большинства русского народа — крестьян — носило локальный характер, более широкое представление о нации и России стало у них возникать лишь в первое десятилетие XX века. По иронии судьбы, этот процесс был значительно интенсифицирован Первой мировой войной. Отсутствовали у русских и такие важные предпосылки превращения в политическую нацию, как значительная горизонтальная (по крайней мере до второй половины XIX века) и вертикальная (общество оставалось сегрегированным) мобильность, а также культурная однородность. Низы общества были

отделены от верхов не только политическими и социальными барьерами, они жили в различных культурных контекстах и пространственно-временных континуумах. Достаточно сравнить циклическое время и локальное, замкнутое пространство крестьянской общины с линейным временем и большим, разомкнутым пространством европеизированной элиты.

Преодолеть эти качественные различия не удалось и православной церкви — своеобразной квинтэссенции русскости, призванной, казалось, занять место в центре формирующейся национальной общности. Однако, оказавшись подчиненной имперским интересам, будучи (с начала XVIII века) тесно интегрированной в государство и откровенно им третируясь, церковь не смогла стать стержнем формирования русской политической нации. Более того, по мере катастрофического падения авторитета церковных институтов дистанция между декоративным христианством секуляризованной элиты и народным православием увеличилась настолько, что они выглядели разными религиями.

Слабость и непроявленность *политической* (гражданской) ипостаси русской нации до определенного времени успешно компенсировались ее высоко развитым этническим самосознанием, опиравшимся на стройную и целостную мифосимволическую систему. Вместе с тем русская этничность (носителем которой выступала прежде всего крестьянская община) находилась в напряженных отношениях сотрудничества-конфликта с имперским государством и олицетворяющей его элитой.

Этот конфликт был вызван характером российского государства, с XVI века все более зримо приобретающим черты континентальной империи. Возникшая вследствие длительной территориальной экспансии значительная этнокультурная и этнополитическая неоднородность, огромные размеры, императив сохранения территориальной целостности и выживания государства перед лицом постоянных внешних вызовов и угроз, присущие империи универсалистские ориентации выдвигали на первый план имперскую идентичность с ее приоритетами государственного (в идеале лишенной этнической привязки) патриотизма и династической лояльности.

Россия была далека от классической колониальной империи: в ней отсутствовала метрополия, не было имперской нации, ее стабильность обеспечивалась интеграцией местной знати в полиэтничную имперскую элиту и бюрократию. Хотя имперское строительство осуществлялось ценой мобилизации преимущественно русских этнических ресурсов, это не компенсировалось льготами и преимуществами государствообразующему народу, даруя ему лишь обязанности и право жертвовать собою.

Опора на русских была объективно predeterminedена силой, в том числе биологической, русской этничности, находившейся в период формирования империи в фазе своего бурного подъема. С начала XVI и до конца XVIII столетия численность великороссов (без украинцев и белорусов) выросла в 4 раза, тогда как французов — на 80 процентов, а итальянцев — на 64 процента³. Примерно тот же порядок цифр характеризует территориальный прирост России, не говоря уже о том, что именно в это время страна приобретает положение влиятельнейшей европейской силы, в ней создается «высокая культура» и т. д.

Не удивительно, что пассионарная идентичность русских вступила в противоречие с не менее пассионарной молодой империей, которая, питаясь русской

³ См. И. Чернышевский. Русский национализм: несостоявшееся пришествие. — «Отечественные записки». 2002. № 3. С. 171.

этнической субстанции, одновременно пыталась всецело подчинить ее государственным интересам и навязать с трудом приемлемую имперскую идентичность.

Конфликт между русским этническим самосознанием и империей разворачивался одновременно в двух плоскостях: идеальной — за «правильное» понимание служения русскому мессианскому идеалу и социально-политической — вокруг модели государства и стратегии формирования русской нации.

Центральный, корневой русский миф — особое предназначение русского народа в эсхатологической перспективе — пропитывал всю отечественную культуру, служа полем конкуренции влиятельных интерпретаций: в форме государственной идеологии, в форме старообрядческого взгляда (к началу XX века староверы составляли от одной пятой до четверти взрослого населения России⁴) и позиции влиятельных эсхатологических сект, в форме квази-религиозных радикальных политических течений. Даже отвержение русской уникальности апеллировало к *исключительной* отсталости России, то есть тематизировалось тем же мессианизмом⁵. Но главным основанием конфликта служило не столько различное прочтение мессианского мифа, сколько различные стратегии его воплощения в земную жизнь, разное понимание служения великой русской миссии. «Крестьянство соотносило “образ мы” прежде всего с самим собой, с народушком российским, а значит, считало необходимым нести свое служение исключительно по своему разумению (иногда — довольно глубокому и верному), московское, а затем имперское государство видело цель существования всего русского государственного организма в служении высшему идеалу, ради которого готово было всех поставить под ружье, всех заверстать на весьма стеснительную службу. И никаких вольностей в отношении служения не признавало. Крестьянская община, бывшая для себя самодостаточным “миром”, для государства была не более чем фискальным инструментом»⁶.

Народный образ государства и нации носил стихийно-демократический характер: «Русская земля» мыслилась федерацией самоуправляющихся крестьянских миров с нестеснительными централистскими инстанциями, а русская общность виделась вырастающей из локальных сообществ, то есть формирующейся *снизу*. Для империи же на первом месте стояли государственные институты, фискальные и военные нужды, требовавшие абсолютного подчинения русских этнических интересов, а вектор строительства нации направлялся *сверху* вниз. Конфликт между двумя моделями государство- и нациестроительства, между русской этнической идентичностью и имперским государством достиг своего максимального напряжения к началу XX века, вылившись в грандиозную русскую смуту.

И все же не стоит абсолютизировать противоречия между русской этнической системой и имперским государством, которые, нуждаясь друг в друге, могли также плодотворно взаимодействовать. Обществу было не обойтись без мощного государства — единственной силы, способной обеспечить создание и деятельность структур цивилизации в экстремальных российских условиях. Один из базовых русских мифов — миф *служения* — легитимировал в народном сознании несение государственных повинностей⁷. Правда, до той поры, пока государство рассматривалось как служащее, пусть и на свой лад, русскому мессианскому идеалу и пока признавался суверенитет монарха над русской этни-

⁴ См. Дж. Хоскинг. Россия: народ и империя. С. 86.

⁵ См. С. Лурье. В поисках русского национального характера. С. 67—68.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ См. там же. С. 64, 69.

ческой системой. Если же царь оказывался «подменным» и/или служба — «обманом», то происходила делегитимация (частичная или тотальная) государства.

Наиболее ярким доказательством принципиальной возможности синтеза имперской и этнической идентичностей может служить русская армия, отличавшаяся исключительно высокими боевыми и моральными качествами. Будучи по своему характеру крестьянской и в этом смысле глубоко народной, она одновременно стала «главной социальной базой имперского сознания, почти не имевшего опоры в деревне». Не удивительно, что российские военные бюрократы второй половины XIX века рассматривали армию как тигель, в котором выплавится русская *политическая* нация⁸.

Существовавшие между русским народом и имперским государством крайне напряженные отношения сотрудничества-конфликта способствовали укоренению специфически русской политической мифологии. Она характеризовалась ярко выраженным дуализмом, где полюсу служения государству и даже его сакрализации противостоял полюс разрушительного бунтарства, разудалой вольницы и анархии. При этом отсутствовала или была слабо выражена идея «срединного пути» — понимания государства как инструмента, находящегося на службе общества, подотчетного народу и от него зависимого. (Вряд ли могло быть иначе, пока русские оставались *дополитической* общностью, а источником и носителем суверенной власти выступал монарх или позже — коммунистическое государство.) Упрощая, можно сказать, что русские либо покорствовались обожествляемой силе государства, либо бунтовали против всякой власти, любых навязанных институтов и форм социально-политического бытия. (По Дж. Биллингтону, русский социокультурный код — «икона и топор».)

Однако пресловутая русская покорность никогда не была квиетизмом или социальной пассивностью. Русские оказались исключительно деятельным народом, иначе в суровых природно-климатических условиях крестьянство просто не смогло бы выжить. Русская территориальная экспансия также имела первым этапом именно *народную* колонизацию, прокладывавшую дорогу государству. Поэтому укорененный в современном массовом сознании патернализм, ориентирующийся на внешнее вмешательство или изменение обстоятельств, а не *самоизменение*, выглядит скорее *советским*, чем русским наследием.

Глубокий антагонизм между русским народом и империей вел к их взаимному ослаблению. «Политические, экономические и культурные институты общества, которое могло бы стать русской нацией, были уничтожены или истощены потребностями империи, тогда как государство слабело от отсутствия этнической субстанции, неспособности по большей части вызвать к себе лояльность даже русских, не говоря уже о нерусских подданных. Интеллигенция, пытавшаяся сыграть роль посредника и создать “придуманное общество” как синтез имперской культуры и этнической общности, оказалась просто раздавленной между ними»⁹.

Имперская власть не была чужда пониманию этого драматического вызова и начиная со второй половины XIX века пыталась выстроить новую стратегию идентичности, предполагавшую синтез государственных и этнических идентитетов. Эти усилия были следствием и составной частью модернизации России, которая в свою очередь определялась принципиальной необходимостью противостоять оказавшимся более эффективными, чем традиционные империи, национальным государствам.

⁸ См. Дж. Хоскинг. Россия: народ и империя. С. 202, 207–208.

⁹ Там же. С. 13.

В рамках новой стратегии сочетались два подхода: а) этнический — русификация России через использование механизмов институционально-административной интеграции и этнокультурной ассимиляции и б) гражданский — политическая и социальная модернизация, создание элементов гражданского общества. Это непоследовательное и внутренне противоречивое движение было направлено на превращение русских в имперскую нацию, ассимилировавшую основные нерусские национальности. Подобная гипотетическая нация могла стать аналогом европейских политических наций, знаменуя превращение Российской империи в де-факто национальное государство.

Европейский опыт свидетельствовал возможность ассимиляторского пути строительства политической нации в том случае, если этническое ядро государства (в нашем случае — русские) доминирует культурно и политически, а также преобладает численно. В конце XIX века русские находились в империи в количественном меньшинстве. Чем сильнее оказывалось давление русификаторской политики, тем больший размах приобретали национализмы нерусских народов, некоторые из которых продвинулись по пути модернизации дальше русских.

Проводившаяся государством культурно-языковая русификация компенсировалась экономическим, социальным, а в ряде случаев — политическим ущемлением великорусского населения. В конце XIX — начале XX века налоговое бремя жителей русских губерний было в среднем на 59 процентов больше, чем у населения национальных окраин. Русские, не будучи большинством в империи, поставляли больше всего рекрутов в армию. В регионах преобладающего польского помещичьего землевладения русские крестьяне находились в положении граждан второго сорта, подвергаясь тотальной дискриминации.

В то время, когда Россия выбрала ужесточение национальной политики, Австро-Венгрия обратилась к альтернативной стратегии расширения культурных и политических прав входивших в ее состав народов. Но эта линия точно так же не смогла сохранить «старую» империю, как и российская политика ассимиляторства. Вместе с тем унаследованная от советской историографии точка зрения о межнациональных противоречиях как одной из главных причин крушения Российской империи не выглядит убедительной. Национальный взрыв был скорее следствием, но не причиной развала имперских государственных механизмов, эрозии принципа династической лояльности и имперской легитимности воследовавших в ходе Первой мировой войны.

Хотя в любом случае происходившая с середины XIX века смена этнополитических приоритетов империи свидетельствовала о кризисе традиционных форм имперской идентичности и углубляла его. В отличие от «двуетной монархии» и оттоманской Турции России удалось преодолеть этот кризис не на путях создания национального государства, а восстановив империю в форме СССР.

Советское против русского

В Советском Союзе, как и в его исторической предшественнице — Российской империи, на первом плане находилась имперская идентичность. Однако СССР удалось успешно решить (вопрос о цене в данном случае не обсуждается) основные задачи индустриальной модернизации, ликвидировать социальную сегрегацию, добиться политической и культурной однородности. Поэтому новая имперская идентичность приобрела современный облик, включив некоторые важные черты *политической* нации: систему общих институтов и коммуникаций, единую политическую мифологию, символику и ритуал, общую политическую культуру и т. д.

Все это воплотилось в интегральной категории «советский человек», означавшей не только государственное, но и цивилизационное самоопределение. Альтернативный цивилизационный проект служил доминантой строительства новой политической (в коммунистической терминологии 1970—1980-х годов — «новой исторической») общности — «советского народа», который можно рассматривать как советский субститут западного понятия «политическая нация».

Процесс конструирования «советского народа» во многом предвосхитил популярную на современном Западе политику мультикультурализма: акцент на политическом единстве не исключал сохранения и даже поощрения этнокультурного своеобразия «советских наций» и этнических групп, хотя и в жестких политико-идеологических рамках. Другими словами, стержнем советской национальной стратегии была идейно-политическая, экономическая и социокультурная *интеграция*, а не этнокультурная *ассимиляция*. Более того, привязав национальную принадлежность к территории и введя ее паспортное установление, советский режим институционализировал этничность, следствием чего стало формирование наций и строительство «национальных домов» — квазигосударственных образований — даже там, где их исторически никогда не существовало.

Фундаментальное и драматическое противоречие советской национальной политики состояло как раз в том, что институционализация этничности на субгосударственном уровне не сопровождалась институционализацией национальности на уровне государства в целом¹⁰. Хотя де-факто «советская национальность» и «советская нация» существовали, в общественно-политическом дискурсе эти понятия никогда не использовались из-за опасений спровоцировать рост этнической напряженности ввиду «отмены» наций как этнических общностей.

Институционализовав этничность, советская власть открыла возможность для воспроизведения в новых условиях старого конфликта между принципом имперской идентичности и этническими идентичностями возникавших (и существовавших) наций. В теоретическом плане это выглядело противоречием между концепциями политической (гражданской, территориальной) и этнической наций. Но противоречие, указывающее методологическую ущербность и политическую опасность их разведения и противопоставления. Понятия «этнической» и «гражданской» наций суть не более чем служащие упорядочиванию действительности *идеальные типы*, которые, если брать их в аутентичном, веберовском понимании, *не могут служить аналитическим инструментом*¹¹. На деле речь должна идти о динамичном соотношении этнического и гражданского аспектов *единой* общности. Именно советский опыт демонстрирует всю опасность их разрыва и тем более противопоставления. Предпринятая в СССР попытка одновременного конструирования лишенной в идеале этнической привязки политической нации и формирования этнонаций изначально и была чревата конфликтом между этими двумя кардинальными направлениями национального строительства. Причем, чем успешнее выглядела советская национальная политика, тем больше увеличивалась опасность. Только мощное и всеобъемлющее государство не позволяло актуализироваться этой угрозе.

Ввиду конечного фиаско глобального советского проекта возникает соблазн постфактум оценить советскую этнополитическую стратегию как заведомо провальную. Подобная точка зрения ошибочна: отчасти и временами эта стра-

¹⁰ См. **И. М. Брудный**. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России. — «Полис». 2002. № 1. С. 88—89.

¹¹ Подробнее см.: **В. Коротева** Существуют ли общепризнанные истины о национализме? — «Pro et contra». 1997. Т. 2. № 3.

тегия оказывалась весьма эффективной, что, однако, не исключает ее оценки как исторически обреченной. «Советский народ» отнюдь не оказался химерой коммунистических идеологов, но приобрел черты реальной супраэтнической общности, что в наибольшей степени проявилось среди русских. В 1989 году удельный вес категории «советский человек» среди самохарактеристик русских РСФСР составлял 30 процентов, а среди жителей Москвы и Ленинграда — 38 процентов¹². То есть около трети русских, живших на своей номинальной этнической родине, самоопределяли себя исключительно (или в первую очередь) как членов политического сообщества, а не этнической общности. Почти десятилетие спустя уже 64,8 процента русских заявляли о переживании в советское время «чувства принадлежности к большому сообществу» (из контекста следует, что речь идет о политическом сообществе)¹³. Лишь утратив, мы в полной мере осознаем, *что* именно потеряли: в данном случае речь идет о переживании утраты советской идентичности, ретроспективное восприятие которой окрашено в позитивные психоэмоциональные тона.

Облаченная в имперскую форму государственно-гражданская идентичность русских абсолютно превалировала над этнической вплоть до начала 1990-х годов. По опросу ВЦИОМ, в декабре 1990 года, то есть незадолго до распада Советского Союза, когда «парад суверенитетов» и межэтнические конфликты в стране приближались к своему апогею, от 70 до 80 процентов русских в России и других союзных республиках называли себя в первую очередь гражданами Советского Союза. Они воспринимали в качестве родины все пространство империи (считали СССР своей родиной почти 80 процентов русских, а РСФСР — только 14 процентов), в то время как подавляющее большинство, скажем, узбеков и грузин называли Родиной «свои» республики¹⁴.

Этническая же идентичность русских выглядела крайне ослабленной: во второй половине 1980-х годов не более четверти русских могли назвать хотя бы один признак национальной идентификации¹⁵. То есть переживание «русскости» отличалось настолько низкой интенсивностью, что само существование русской этнической общности порою казалось проблематичным. К исходу советской эпохи русские оказались наиболее деэтнизированными среди больших народов СССР. (К сожалению, мне не встречались данные о соотношении этнической и государственно-гражданской идентичности у украинцев и белорусов: вероятно, среди белорусов ситуация была близка к русской.) Это, конечно, не означает отсутствия у русских этнической идентичности как таковой, правильнее говорить о ее крайней слабости и низкой, по сравнению со многими другими крупными советскими народами, интенсивности переживания этничности.

Социометрия позволяет выяснить, что в этническом плане русские идентифицировали себя прежде всего по этнокультурным признакам: первое место занимал язык, второе — общие со своим народом традиции и обычаи, третье — культура,

¹² См. Л. М. Дробижина, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева и др. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 305—306.

¹³ См. Л. Бызов. Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентации и общественного запроса. — «Российское общество: становление демократических ценностей?» М., 1999. С. 70—71.

¹⁴ См. «Русские (Этносоциологические очерки)». М., 1992. С. 400, 415.

¹⁵ См. там же. С. 400. Поскольку этот опрос проводился среди русских довольно космополитичной Москвы, то не исключено, что в русской глубинке переживание «русскости» было более глубоким. Однако в любом случае возможный разрыв не носил принципиального характера.

четвертое и пятое — сходные черты характера и общность исторической судьбы (историческое прошлое). Единственный в этой иерархии «биологический» показатель русскости — внешность — занимал довольно скромную 6—7 позицию, разделив ее с местом жительства¹⁶. (Преимущественно этнокультурное наполнение этнической идентичности русских сохранилось и в 1990-е годы.)

Слабость русской этнической идентичности была закономерным результатом государственной политики растворения русской идентичности в советско-имперской. Институциональная «неполноценность» России по сравнению с другими советскими республиками побуждала «русских видеть во всем СССР собственное “национальное государство”»¹⁷. Однако означало ли это, что СССР был «руссоцентричной империей» в том смысле, что русские правила в ней и получали от своего имперского статуса преимущества?

Советская национальная доктрина носила дуалистический характер, предполагая диаметрально противоположные линии поведения по отношению к русскому и всем другим народам империи. На первых порах коммунистическая власть последовательно и целенаправленно поощряла развитие самосознания нерусских народов. Хотя впоследствии это направление советской политики ослабло, оно никогда полностью не исчезало и не сходило на нет. Как уже указывалось, в рамках Советского Союза, представлявшего по форме федерацию народов, а не территорий, были созданы институциональные, экономические, кадровые и социокультурные предпосылки для формирования новых наций и возникновения национальных государств. Бесспорны и общепризнанны заслуги советской власти в сохранении малочисленных этнических групп, культурной самобытности и народных традиций.

Эти фундаментальные достижения коммунистического режима оказались в конечном счете его пирровой победой: в условиях драматического ослабления имперского центра на рубеже 1980—1990-х годов институционализируемая этничность генерировала мощные центробежные импульсы, немало поспособствовав крушению СССР. Но, как и в случае с гибелью Российской империи, бурный рост периферийных национализмов был скорее следствием, чем первопричиной. Следствием прогрессирующей неэффективности государственной машины, кризиса легитимирующей идеологии и атрофии имперской мифологии.

Отношения между советской версией имперского государства и русским народом трудно охарактеризовать иначе, чем трагический парадокс. Победа большевизма в России была во многом обусловлена тем, что он опирался на систему русских этнических констант, апеллировал к глубинам русского национального духа. Как известно, идеология овладевает массами и создает социальную динамику (становится «материальной силой», по Ленину) лишь тогда, когда интеллектуальные концепции, транслированные в политические программы, в грубый и наглядный язык лозунгов, «сцепляются» с выраженными в мифах архетипами и устойчивыми национальными стереотипами и побуждают к жизни коллективное бессознательное. Сила идеологии не в интеллектуальной изоэтрениности, а в ее адекватности конкретному национальному сознанию. И если аутентичный марксизм выглядел далекой от России кабинетной схемой, то большевизм оказался именно *русским* марксизмом.

¹⁶ См. там же. С. 377—378. Отсутствие профессионального маркера в этом перечне объясняется идеологическим контекстом времени проведения опроса. Вероятно, в скрытом виде он присутствовал в категории «культура».

¹⁷ И. М. Брудный. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России. С. 90.

Мы без труда обнаружим, что советская идеология использовала формы, диспозицию и логические связи русской мифосимволической системы, наполнив мифы новым мобилизующим содержанием. *Русский мессианиззм, идея русской исключительности и миф о русском народе — носителе высшей Правды и Справедливости* нашли выражение в концепции СССР как форпоста прогрессивного человечества, ведущего мир по пути освобождения. *Миф России* как пространства без границ и препятствий, но с неоднородной, иерархически ценностной структурой возродился в геополитической иерархии «рубежей социализма»: СССР как ядро, затем — «социалистический лагерь», еще дальше — страны «социалистического выбора», за ними — дружественные Советскому Союзу «прогрессивные, миролюбивые страны». О *мифе служения* и говорить нечего: преданность государству-партии подавалась как высшая социальная и моральная ценность социализма. То же относится и к *мифу покровительства*: именно в советское время «освобождение», «братская помощь», «выполнение интернационального долга», «защита мира во всем мире» приобрели, без преувеличения, вселенский размах¹⁸.

Эксплуатация большевизмом русской мифосимволической системы имела двойные последствия. С одной стороны, обеспечивалась убедительность коммунистической идеологии, задавалась грандиозная динамика во всех сферах жизни общества, получали легитимацию новые государственные и социально-политические институты. С другой стороны, разительное противоречие новой реальности *этническим* интересам русских в перспективе вело к ослаблению мобилизационных свойств советских мифологем и деградации имперской мифологии.

Эта новая реальность состояла в том, что Советский Союз оказался несравненно менее русским (а первые десять лет своего существования и откровенно антирусским) государством, чем Российская империя, на обломках которой он возник. Русская этничность и тем более русский национализм изначально рассматривались коммунистической властью как одна из ключевых угроз стабильности советской империи, что привело к последовательному и сознательному подавлению русской идентичности: в 1920—1930-е годы сокрушительный удар был нанесен православию — вместилищу национального духа и этнообразующему принципу русского народа, жесточайшим преследованиям подверглись образованные слои старого русского общества, традиционное мировоззрение основной части русского народа — крестьянства — было безжалостно разрушено в ходе сталинской модернизации.

С середины 1930-х коммунистический режим отказался от стратегии «выжженной земли» и, учитывая значительный мобилизационный потенциал русской этничности, обратился к нему в критические для страны годы Великой Отечественной войны. Однако *функциональное* использование русского этнического фактора всегда сопровождалось жестким политико-идеологическим контролем и носило строго дозированный характер. Государственное поощрение православной церкви, великодержавная и ксенофобская риторика, антисемитская политика, реанимация имперских подходов в историографии, возвращение старой символики не изменили сути режима.

Староимперские идентитеты включались в новую советскую идентичность. Возрождавшийся имперский патриотизм использовался как важный, но все же дополнительный источник государственной легитимации, основополагающие принципы которой — монополярная власть партии и большевистская идеология — не подлежали сомнению.

¹⁸ См. С. Лурье. В поисках русского национального характера. С. 63—64.

Взаимоналожение русского этнического и имперского начал и даже их удачный синтез (например в российской и Советской армиях) не означали тождественности интересов русского народа и имперского государства. Последние чаще всего осуществлялись ценой пренебрежения и нередко элиминирования русской этничности. Возродивший империю Сталин продолжал относиться к русскому самосознанию с заведомым подозрением, свидетельством чему может служить так называемое «ленинградское дело», вызванное стремлением ряда высших партийно-государственных руководителей добиться повышения реального, а не символического, статуса России. На исходе сталинской эпохи со всей обнаженностью проявилось парадигматическое противоречие между имперским и русским этническим принципами. «Несомненно, Сталин в некотором смысле был русским националистом, возможно, даже самым удачливым. Однако в другом смысле... Сталин сделал максимально возможное, чтобы уничтожить все исконно русское. При нем нео-Российская империя достигла своего апогея, как одна из двух мировых сверхдержав, тогда как русскую нацию довели до состояния почти унижительного»¹⁹.

При преемниках «красного цезаря» настороженно-агрессивное отношение к русской этничности продолжало сохраняться. Но, опасавшийся спровоцировать массовую нелояльность «народа-победителя», коммунистический режим уже не мог вернуться к политике brutального подавления русской идентичности и вынужден был нехотя делать шаги навстречу законным этническим интересам русских, создавая в России некоторые культурные и информационные институты, существовавшие в других республиках, легализуя историко-реставрационное движение и т. д. Политика власти по отношению к пробивавшемуся из-под глыб русскому самосознанию колебалась между желательностью его нейтрализации и неизбежностью признания и учета русских интересов.

Эта объективно обусловленная двойственность открыла возможность для возникновения в СССР 1960-х годов общественного движения, которое в историографии получило обобщенное наименование «русский национализм». Сам факт его бытования и относительно успешного развития в литературе и искусстве породил в стране и за ее пределами массу политических спекуляций по поводу возможных покровителей русского национализма в высшем партийном руководстве и гипотетического дрейфа режима в направлении национал-большевизма²⁰. Предположения подобного рода чаще всего находили свое обоснование в официальной советской политике «антисионизма», нередко служившей идеологической «крышей» для юдофобских настроений среди части общества и советско-партийного аппарата.

Признавая гипертрофированную акцентированность еврейской темы в русском национализме, хотелось бы, однако, обратить внимание на нетождественность феноменов национализма и юдофобии. Между ними может возникнуть связь, если в системе ценностей и соотношений того или иного национализма евреи занимают нишу «врага» (национализм вообще не может развиваться без противостояния «другому»), но она не носит обязательного характера. Другими словами, юдофобия не имманентна национализму, что доказывается хотя бы ее гораздо старшим, по сравнению с национализмом, возрастом. Даже из сомнительного допущения, что всякий русский националист — антисемит, вовсе не вытекает, что любого антисемита можно зачислить в националисты.

¹⁹ Дж. Хоскинг. Россия: народ и империя. С. 501.

²⁰ Наиболее четкое и последовательное выражение этой точки зрения см.: А. Янов. Русская идея и 2000-й год. N. Y., 1988.

По крайней мере в понимании национализма современной наукой²¹. Наличие антисемитской составляющей в советской политике выглядит слишком слабым основанием для предположения о наметившемся националистическом перерождении коммунистического режима.

Феномен, возникший и развившийся в СССР 1960—1980-х годов, не может быть сведен к национализму: собственно русский национализм был в его рамках лишь одним из нескольких течений, причем политически далеко не самым влиятельным. В едином потоке, который можно определить как специфическую *советскую версию консерватизма*, сливались тяготевшие к сталинизму коммунистические консерваторы, русские националисты различной идеологической окраски и разной степени радикализма (от национал-большевиков до монархистов, от представителей культурного истеблишмента до диссидентов с немалым тюремным стажем) и «внепартийные» юдофобы. У них не было единой идеологии, хотя существовали общие опорные точки — культ сильного государства и традиционализм. При этом речь шла о возвращении к совершенно различным традициям: для коммунистических консерваторов и национал-большевиков — к сталинско-имперским; для писателей-деревенщиков — к патриархально-крестьянским; для монархистов — к романтизированному самодержавию. Идеологическую подоплеку советского консерватизма скорее составляла не позитивная повестка, а негативный консенсус: отвержение Запада, связанных с ним ценностей, а также подозрительное отношение к тем интеллектуальным группам, которые их разделяли.

Но это подозрение распространялось и на целую этническую группу — советских евреев. Почему? Значительная представленность евреев в интеллектуальных и творческих профессиях и характерная для них либеральная и антипочвенная ориентация позволяли усматривать в еврействе своеобразного ретранслятора западных влияний. Уникальное в советском контексте право евреев на эмиграцию давало основания сомневаться в их лояльности именно как этнической группы. Тем более что они уезжали в Израиль и США — страны, выступавшие в советской мифологии метафорой Зла. Наконец, возвращенное в сталинскую эпоху настороженное и негативное отношение к евреям продолжало жить и развиваться в последующую эпоху.

Возвращаясь к консервативному движению, следует отметить, что различия в статусе и целях его участников не мешали их сотрудничеству, где существовало своеобразное разделение функций: сотрудники партгосаппарата обеспечивали политическое прикрытие, в то время как писательское сообщество несло в советское общество набор консервативных идей и ценностей. Однако в любом случае не русские националисты определяли погоду в этом альянсе — его ведущей силой были коммунистические аппаратчики, которые использовали русский национализм совершенно в сталинском духе: дозирование, выборочно, в качестве *дополнительного* источника легитимации и аргумента в междоусобной борьбе со своими оппонентами. Но никогда русский национализм не ставился ими во главу угла. Не существует никаких отчетливых указаний на национал-коммунистическое перерождение режима в брежневское правление.

Его гипотетической трансформации в этом направлении препятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, сопротивление влиятельных оппонентов консервативной фракции в партийно-государственном руководстве. Судя по ряду воспоминаний из брежневской эпохи и некоторым опубликованным в последнее вре-

²¹ См. об этом: **Р. Коротеева**. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? (особенно С. 185); **А. Миллер**. О дискурсивной природе национализмов. — «Pro et contra». 1997. Т. 2. № 4.

мя документальным свидетельствам, с конца 1970-х годов возрождение русского самосознания рассматривалось КГБ (регулярно докладывавшим свои соображения высшему советскому руководству) как одна из главных внутренних угроз политической стабильности в СССР²². При этом угроза русского национализма, его потенциальное влияние в советском обществе явно преувеличивались²³.

Во-вторых, понимание коммунистической властью кардинальной опасности изменения этнополитического баланса и национальной политики в пользу русских. Континентальная империя могла существовать лишь за счет эксплуатации ресурсов ее территориального и этнического ядра. Россия играла роль финансового и сырьевого донора советских республик, поставщика рабочей силы для нужд имперской модернизации. Номинальная метрополия советской империи фактически находилась на положении внутренней колонии: уровень жизни в РСФСР был ниже, чем в других советских республиках европейской части СССР. Дискриминация русских интересов компенсировалась гипертрофией имперской идентичности, целенаправленным растворением «русскости» в «советскости», что призвано было, с одной стороны, ослабить угрозу русского национализма, а с другой — стимулировать у русских имперский патриотизм. Подобная политика выглядела рациональной с точки зрения приоритетов общесоюзного развития, сохранения единства страны и поддержания в ней стабильности.

В другом смысле она представляла проекцию имперского идеала на землю. «Империя не является инструментом обеспечения каких-либо прагматических интересов создающего ее народа: она самоценна как система, материализующая политическими средствами универсальные и абсолютные ценности, по отношению к которым интересы любого народа занимают по определению подчиненное положение»²⁴. И это дает основания квалифицировать СССР как последнюю *подлинную* империю в ойкумене.

В историческом плане Советский Союз отчасти воспроизводил дореволюционную ситуацию: русские несли ответственность за империю, но не пользовались в ней преимуществами. Принципиальное отличие состояло в том, что если до революции русские представляли собой *этническую субстанцию* империи, то в СССР их пытались превратить в *деэтнизированный субстрат*, призванный скрепить блоки империи и лечь в основание «советского народа». При этом использовавшаяся «старой» империей политика ассимиляции исключалась. Коммунистический режим умело эксплуатировал влиятельный в русском сознании мотив жертвенности, восходящий, по-видимому, к православию: русским предлагалось пожертвовать собственной самостью и этническими интересами во имя идеала Империи.

Превалирование этнических русских в высшем политическом эшелоне СССР не может служить доказательством «русского» характера коммунистической власти, поскольку оно не обеспечивало русскому народу *никаких* социальных и экономических преференций. Политический истеблишмент

²² Так, 28 марта 1981 года председатель КГБ Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС служебную записку о необходимости «пресечь враждебные проявления “русизма”, охватившего часть интеллигенции» («Источник». 1994. № 6. С. 109).

²³ Примечательно, что в аннотированном каталоге «58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде» (М., 1999), содержащем краткие сведения примерно о 60 процентах всех заключенных, которые были осуждены за антисоветскую агитацию и пропаганду в период с 1953-го по 1991 год, количество дел, относящихся к русским националистам, весьма невелико. (Эта информация почерпнута из статьи: **Н. Митрохин**. Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате. — «Отечественные записки». 2002. № 3. С. 288, 290.)

²⁴ **С Каспэ**. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 210.

ощущал себя «советским», а не «русским». В политике Кремля невозможно обнаружить даже намека на приоритет русских интересов как интересов *этноса*. Широкое распространение русского языка и обязательность его изучения диктовались необходимостью поддержания единого культурного, научного, образовательного и коммуникационного пространства, а не задачами имперской ассимиляции. (Не стоит также забывать, что ассимиляция нередко носит *добровольный* характер, будучи свободным вхождением в более сильное, развитое и влиятельное культурно-языковое пространство.)

К исходу советской эпохи морально-психологические и социокультурные механизмы компенсации имперского бремени русских становились все менее эффективными, а его тяжесть — все более ощутимой. Во многих национальных республиках русские стали чувствовать себя крайне неудобно еще задолго до распада Советского Союза. Не в их пользу менялся этнодемографический баланс в стране. Хотя русский национализм так и не стал в Советском Союзе влиятельным общественным движением, его талантливая фракция в литературных кругах пробудила родовую память русских, вызвав ностальгию по традиционным ценностям и посеяв сомнение в обоснованности цены, выплачиваемой русским народом за строительство и поддержание советского колосса. Среди русских усиливалось тревожное ощущение, лучше всего переданное афористичной фразой А. И. Солженицына: «Нет у нас сил на империю!»

Русская идентичность и судьба СССР

Советская империя как универалистская и метафизическая идея погибла раньше, чем прекратила существование ее «земная оболочка» — советское государство. Постепенное умирание имперского мифа наглядно проявилось и воплотилось в кардинальных изменениях, происходивших в структуре массового сознания: для «позднего» советского человека была характерна сосредоточенность на частной жизни, представлявшей для него высший смысл и высшую ценность, при одновременном размывании надличных ценностей и идеальных императивов. Обществом активно отторгались основные принципы, лежавшие в основе имперского государства. Имперская идентичность к исходу СССР переживала драматический кризис: сохранилась ее привязка к государству, но внутреннее наполнение истощилось: идея империи не вызывала более экзистенциального напряжения и не стимулировала политическое действие.

Продолжая ощущать империю «своим» государством, русские уже не желали более жертвовать ради нее ни скромным благосостоянием, ни тем более жизнями, что делало малореалистичной политическую мобилизацию под имперскими лозунгами. В то время это обстоятельство еще не осознавалось в полной мере: многие, в том числе М. С. Горбачев, всерьез опасались русской имперской реакции, направляемой консервативной частью коммунистической партии.

В свою очередь слабость и размытость этнической идентичности, низкая интенсивность ее переживания и преимущественно этнокультурная привязка обусловили невозможность масштабной мобилизации русских на этнической основе. Русскому национализму как в имперской, так и в этнической версиях попросту не было к чему апеллировать: имперская идентичность *уже*, а этническая *еще* не «заводили» общество.

Продолжавший оперировать недееспособными имперскими мифологемами и взывавший к потерявшим силу идеальным императивам русский национализм оказался неадекватен духу времени и состоянию отечественных умов. Слабость русской этничности и низкое качество русского политического на-

ционализма помогли избежать развития событий в СССР по югославскому сценарию, где мощная сербская идентичность послужила плацдармом масштабной и агрессивной мобилизации под великосербскими лозунгами.

Сохранявшийся потенциал имперской мобилизации, который можно оценить приблизительно в треть населения России (около 30 процентов голосов было отдано на выборах президента РСФСР 12 июня 1991 года за кандидатов, отстаивающих сохранение целостности Советского Союза), вряд ли мог актуализироваться, превратившись в массовое политическое действие. И прежде всего потому, что институты, выступавшие в советском контексте оплотами имперского сознания — коммунистическая партия, союзная бюрократия, армия и госбезопасность, как показало развитие событий во время трагифарса 19—21 августа 1991 года, потеряли не только волю к власти, но даже волю к борьбе²⁵.

Советский Союз исчез в одночасье, без борьбы и сопротивления со стороны русских, даже живших за пределами РСФСР. Вряд ли можно найти лучшее доказательство тому, что он был *идеоцентричной*, а не руссоцентричной империей. В противном случае имперский народ не преминул бы встать на защиту своих привилегий.

Стоит обратить внимание на модель этнополитической мобилизации, предлагавшуюся В. В. Жириновским, занявшим на президентских выборах 1991 года третье место с 7,8 процента голосов. Стержень его избирательной программы составила идея придания русским статуса доминирующей нации в СССР, то есть «русификации» империи. Другими словами, он апеллировал не к идеальным императивам, а к вполне прагматическим *интересам* — и это выделяло его из круга русских националистов. Но поскольку в отечественной традиции опыт колониальной империи отсутствовал, то революционные, без преувеличения, призывы Жириновского не могли быть в полной мере восприняты и оценены русским сознанием. Не говоря уже о том, что в 1991 году идея реактуализации империи в любой форме не имела шансов на успех, что было связано с кардинальным изменением вектора общественного сознания.

На смену имперской мифологии пришла либеральная, властно овладевшая русскими умами. Я не только не разделяю распространенное мнение о принципиальной несовместимости либерализма и русской традиции, но убежден в прямо противоположном: либеральные мифологемы оказались адекватны русскому национальному сознанию, иначе бы в России рубежа 80-х и 90-х годов прошлого века не возникла мощная социально-политическая динамика. В данном случае я оставляю в стороне вопрос об отношении доморожденного либерализма к аутентичной либеральной традиции и о результатах трансплантации либеральных мифов на русскую почву. Важнее другое: либеральные мифы пробудили к жизни мощный и до поры дремавший антигосударственный, анархически-бунтарский пласт русского сознания — пресловутую русскую «волю», которая не тождественна западной свободе и означает освобождение человека от всех и всяческих обязательств, даже перед самим собой.

В СССР либерализм инициировал бунт русской архаики против государства как такового, против форм организации и трудовой дисциплины, присущих позднему индустриальному обществу. Если в 1917 году либерализм проиграл опиравшимся на русскую традицию большевикам, то на рубеже 80-х и 90-х годов XX века он смог взять исторический реванш именно благодаря поддержке русской почвы — это была ее отсроченная реакция на форсированную модернизацию России.

²⁵ Многочисленные свидетельства на этот счет содержатся в воспоминаниях А. С. Черныева, помощника последнего советского генсека и президента СССР (см. А. Черныев. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 13, 20, 148 и др.).

При всем антагонизме имперской и либеральной мифологии, в отечественном контексте они парадоксально сходились в своем отношении к русской идентичности. Черпая мобилизующую силу в одном источнике — русском самосознании (хотя и тяготея к противоположным полюсам русской политической мифологии), либерализм и имперская идеология были также едины в своем подозрительном и даже враждебном отношении к русскому этническому принципу. При этом либералы намеренно отождествляли этническое и имперское начала русской истории.

В отличие от Восточной и Центральной Европы, а также ряда советских республик, либерализм и национальная традиция воспринимались в России как антиподы. Концептуальным ядром отечественного либерализма, по точному замечанию социолога Л. Бызова, послужили «идея абсолютной ценности западного цивилизационного пути развития и, соответственно, отрицание самоценности “российской почвы”»²⁶. Русская идентичность рассматривалась с точки зрения презумпции виновности — как опора имперской традиции и потенциальная угроза демократии.

Даже в драматической схватке рубежа 1980-х и 1990-х годов за политическое доминирование в РСФСР либеральное движение избегало символов и понятий националистического дискурса. Концепты «политической нации» и «гражданского национализма», либеральное толкование «национальных ценностей» и «национальных интересов» были взяты им на вооружение лишь несколько лет спустя. Вместе с тем либералы смогли весьма эффективно использовать идеи «российского суверенитета» и «равноправия России», авторство которых принадлежало русским националистам. Но если националисты вкладывали в них преимущественно или даже исключительно *этнический* (подразумевая в первую очередь русских) смысл, то либералы — *территориальное и общедемократическое* содержание.

Именно демократические идеи оказались созвучными остро переживавшемуся русскими ощущению ущемления своих национальных интересов и неравноправия России, преодоление чего им виделось в демократической трансформации империи. Но не в отказе от единого государства, все пространство которого, напомню, русские рассматривали в качестве «большой» Родины.

Эта двойственность русского сознания в полной мере проявилась на знаменитом референдуме 17 марта 1991 года, когда, выступив за сохранение Советского Союза, русские РСФСР одновременно поддержали требование республиканского суверенитета. Вряд ли они отдавали себе отчет в принципиальной несовместимости этих позиций: континентальная империя могла сохранять единство лишь за счет своего основного этнического массива и территориального ядра.

Но имперский миф к этому времени уже утратил свои мобилизационные свойства и экзистенциальную напряженность, а русский этнический миф в силу своей слабости не мог его компенсировать — это и послужило одной из главных причин быстрого и сравнительно бескровного распада Советского Союза. Вместе с тем неразвитость русской этнической идентичности обернулась кардинальной проблемой, когда в политическую повестку дня встал вопрос о строительстве национального государства и формировании новой нации, что требовало дополнить демократическую легитимность национальной. Решение этой задачи затруднялась еще и тем, что в отечественном контексте принципы нации и демократии оказались разведены и противопоставлены друг другу. ◆

²⁶ Л. Бызов. Становление новой политической идентичности. С. 52.

МИХАИЛ СМИРНОВ

«Бабский бунт»^{*} и неприкосновенность собственности

Суждение по случаю вынесения судебного приговора участницам одной печально известной панк-группы

Честно сказать, я не хотел публично высказываться на тему вопиющего случая, происшедшего в храме Христа Спасителя 21 февраля этого года. Конечно, обсуждал его в узком кругу друзей и знакомых, с которыми сходилась в понимании сути происшедшего, и считал, что суд также оценит этот случай сообразно его сути. И вот теперь публично высказаться меня побуждает недоумение.

Как и многие граждане, я имел право надеяться на то, что этот нарочито возмутительный случай попрания основных начал русской общественной жизни получит примерную оценку со стороны судебных властей. Но вынесен уже приговор, прошло его обжалование, и мы теперь видим, что трое признанных виновными в преступлении с разных сторон — и со стороны следствия, и со стороны суда, и со стороны защиты, и со стороны сонма

общественных активистов — всесторонне популяризируются. А, собственно, за что и в силу чего они удостоиваются такой чести со стороны столь многих и столь разнонаправленных сил?

Противоправный характер события предельно ясен любому, маломальски потрудившемуся вникнуть в его суть. Некий субкультурный коллектив задумал снять видеоклип к одной из своих песен в жанре «панк-молебен». Вне всякого сомнения, был продуман сценарий клипа, который требовал видеоматериала, отснятого в антураже православного храма. Было отснято несколько таких материалов — по крайней мере два и в двух разных храмах. Далее были осуществлены монтаж видео- и наложение аудиоматериалов; наконец — клип готов и запущен в сеть.

Из того факта, что в храме Христа Спасителя их работу пытались пре-

СМИРНОВ Михаил Александрович — член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов.

^{*} Я решил использовать русский перевод оригинального самоназвания скандально известной панк-группы. Из-за смысловой неоднозначности слов, составляющих это название, вариантов такого перевода обнаруживается масса; я на свое усмотрение выбрал тот, который, как мне кажется, в полной мере отражает один из наиболее значимых оттенков оригинального названия.

кратить охрана и служащие, также ясно, что официального разрешения на проведение съемок от владельца (собственника или распорядителя) этого помещения коллектив не получал. По другому храму в этом отношении остается вопрос, так как в соответствующем видеофрагменте видно, что исполнительниц с гитарами там снимать никто не препятствовал.

Авторы и участники видеоклипа нарушили права собственности — с точки зрения формального законодательства это очевидно. Странно другое. Комплекс храма Христа Спасителя является собственностью города Москвы, переданной в 2004 году распоряжением ее мэра в доверительное управление некоммерческой организации «Фонд храма Христа Спасителя», одним из соучредителей которой в силу этого факта (что логично предположить) является мэрия Москвы. Московская патриархия пользуется некоторой частью помещений этого сложного комплекса — неважно, на каких условиях (аренда, безвозмездно и т. п.), это область договорных отношений хозяйствующих субъектов. Она не является собственником этих помещений и формально ничего ни запретить, ни разрешить не может. Нарушены были права Фонда храма Христа Спасителя и/или мэрии Москвы.

Почему Фонд или даже мэрия не вчинили иск физическим лицам — авторам и участникам этого музыкального видеопроекта, которые по сей день продолжают получать с него дивиденды, которые в свою очередь ежедневно усилиями многих сторон активно капитализируются? Ведь если еще недавно речь шла о накоплении социального капитала, то теперь уже происходит его конвертация в реальный бизнес-актив (известный скандал участников панк-группы с одним из их адвокатов по

поводу регистрации их названия в качестве товарного знака).

По какой же причине преступники в итоге преуспевают? Первый ответ уже понятен — в результате бездействия и пренебрежительного отношения к своим правам со стороны Фонда храма Христа Спасителя и мэрии Москвы. Но также и потому, что со стороны следствия, защиты и суда был нарушен главный принцип правового государства, общества верховенства закона — о точном соответствии наказания совершенному преступлению. Суд должен был оценить степень тяжести преступления и, может быть, учесть при этом некоторые особые обстоятельства его совершения как отягчающие, в частности вызывающую нарочитость этого попрания права на неприкосновенность собственности и то, что совершено оно было в особо значимом месте, в особо чтимом обществе помещении для отправления религиозного культа. Как минимум следовало взыскать материальный ущерб — за упущенную коммерческую выгоду и за урон репутации данного места — со стороны либо собственника помещения, то есть мэрии, либо его распорядителя, то есть Фонда храма Христа Спасителя. Фонд/ мэрия должны были, просто обязаны были защитить свои права!

Но иск не был подан, и дело было возбуждено на ином основании. И как логическое следствие — суд принимает решение осудить трех участниц видеоклипа... за хулиганство. Остается только развести руками, так как, во-первых, это совсем другая статья, а во-вторых, это более чем сомнительная квалификация по отношению к продукту субкультурного творчества, тем более что она никак не вытекает из обстоятельств совершения преступления. Кроме того, в клипе нельзя усмотреть какой-либо попыт-

ки оскорбить Церковь, невозможно обнаружить религиозной ненависти и вражды, да и с точки зрения цензуры практически все в порядке. Напротив, явно читается желание привлечь авторитет Церкви к тому, чтобы придать больший вес и значимость своему художественно-политическому жесту. Что же, нам остается только думать, что ни в следствии, ни в суде не нашлось специалистов, способных дать адекватную квалификацию делу. А ведь речь идет о глубоко формальных вещах, понять которые можно без всякой метафизики.

Но печальная суть этого дела, точнее — уже целой цепи событий, не ограничивается только отсутствием профессионализма. Своими действиями и панк-коллектив, и Фонд, и прокуратура, и защита, и суд невольно, но совершенно очевидно наносят ущерб общественной и частной морали наших граждан. Ведь в данном случае во всех их действиях

налицо пренебрежение одним из основополагающих принципов личной и общественной свободы — правом на неприкосновенность собственности. В форме чрезвычайно опасной, так как совершалось это преступление с расчетом на его последующую массовую популяризацию через Интернет и СМИ посредством демонстрации клипа.

Общество вправе защищать основы своей жизнедеятельности. Одной из таких основ является институт собственности. В области же творчества в принципе запретить ничего невозможно, потому что ничего нельзя оценить и оспорить с абсолютных позиций — просто за отсутствием таковых.

Но при любой возможности можно и нужно делать творческие проекты, которые осуществляются с покушением на основы русской общественной жизнеспособности, невыгодными, вплоть до разорительности, для их авторов. И государственно-правовая система должна помогать и содействовать обществу в этом, а не уводить преступников от ответственности.

Кстати, к ней должны были бы быть привлечены все, кто не только участвовал в съемках видеоматериала в обоих храмах, но и непосредственно или опосредованно содействовал разработке и осуществлению этого преступления против

**В Писании говорится, что
тех, кого Бог хочет наказать,
Он лишает способности
разумного суждения
и познания истины, оставляя их
в собственных заблуждениях.**

собственности, все без исключения участники, продюсеры и идейные вдохновители, причастные к этому творческому проекту, в основу которого легло преступление.

Не той, не чистой монетой заплатила в данном случае наша правовая система за это преступление. В итоге то, к чему сошлись усилия всех участников процесса, является не просто ошибкой, а, может быть, ненамеренным, но все-таки, по большому счету, явным предательством общественных интересов.

Что касается личного измерения поведения членов панк-группы «Бабский бунт» и в этом последнем случае, и до него (насколько можно судить

по предыдущим их перформансам), то остается только сожалеть, что они столь убежденно и настойчиво заключают себя в рабство тем страстям, разрушительное действие которых в их душах очевидно для каждого, кто встал на путь веры в благую весть Христа-Спасителя. И эти же страстные побуждения, а не идеи свободы привели их к преступлению против основных гражданских свобод. Они смутили их разум, не дав возможности видеть очевидные несоответствия в их замыслах и действиях. В Писании говорится, что тех, кого Бог хочет наказать, Он лишает способности разумного суждения и познания истины, оставляя их в собственных заблуждениях. И апостол Павел говорит о том, что тех, кого Бог не хочет знать по причине их упорства в сво-

их заблуждениях, Он оставляет погибать в рабстве их собственному греху.

Печально сознавать, что участники «Бабского бунта» становятся теперь теми самыми несчастными отверженными из Писания. Тонкая и горькая ирония есть и в том, что Бог лишает их даже права на воздаяние, сообразное совершенному ими преступлению заповедей «Не желай чужого добра!» и «Не укради!», превратив их осуждение в фарс и посмешище его содержательной несоразмерностью преступлению, лишая их тем самым даже самой возможности осознания своей неправоты перед собой и перед людьми. Потому что из неправого осуждения невозможно сделать правого вывода. Неправота склоняет не в правоту, а в новую неправоту — и никак иначе. ◆

АЛЕКСАНДР ЛИГОСТАЕВ

О патриотизме в американском и российском кино

Роль кино в деле создания патриотических или антипатриотических настроений людей достаточно велика. По этой причине интересно сопоставить содержание современной российской и американской кинопродукции «патриотического содержания». Разумеется, любая трактовка содержания художественного произведения весьма субъективна, но это совершенно нормально для такого рода работы. Абстрагируемся также от того, что кино, снятое в США, относится к коммерческой продукции, рассчитанной на кассовые сборы во всем мире, а наши фильмы аналогичного типа практически полностью предназначены «для внутреннего пользования». Оставим в стороне также техническое качество исполнения кинолент: спецэффекты, актерский состав, особенности сюжетных линий и т. п.

Начнем с американских фильмов. Прежде всего, в них почти всегда присутствует идея полного единства всей американской нации — простых фер-

меров, рабочих, элиты государства, а также черных, белых, латиноамериканцев, индейцев. То есть те, что некогда были врагами, осознают свою общность именно как граждане США — и это преподносится в качестве высшей ценности. Более того, не принято показывать ни одной социально-политической группы американцев, выступающей против такого единства: зрителя убеждают, что среди американцев нет коллаборационистов.

Простой американец предстает как самый обычный человек со своими слабостями, который в случае угрозы для родины добровольно (именно добровольно!) встает на ее защиту. Кажется, что тех, кто служит стране «из-под палки», просто нет. Предельно четко определен идеал человека-патриота: зрителям обязательно показывают, каким должен быть настоящий герой и настоящий американец. Прежде всего, он не может быть сломлен судьбой. Этот человек активен и жизнерадостен всегда (чего, кстати, не сказать об образах простых людей,

ЛИГОСТАЕВ Александр Георгиевич — доцент кафедры философии Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат философских наук.

созданных в нашем кино). В патриотических фильмах всегда присутствует главный герой, на которого следует ориентироваться «юноше, обдумывающему житье».

Итак, какие качества по-настоящему важны для истинно американского героя? Это воля, характер, умение руководить и принимать решения (данное качество — одно из составляющих их идеала человека), но это — только основа. Главное — разум и профессионализм, а не умение ложиться на амбразуру, что скорее приравнивается к глупости. В американских патриотических фильмах постоянно проводится идея о том, что победить врага и добиться чего-то может только профессионал, главным образом — в военном деле, который рационально просчитывает свои действия и слабости врага и только по этой причине побеждает. Герой — не фанатик и не смертник. Врагами могут быть хоть инопланетяне, но разум и профессионализм могут все — это есть высшее качество и ценность в человеке, а также основная идея американского патриотического кино. Сам же герой может быть простым сержантом, но отличным военным (фильм «Говорящие с ветром»; 2002 год), обыкновенным программистом, но способным написать такой вирус, который уничтожит компьютерные системы инопланетян — как в фильме «День независимости» (1996 год) и т. п.

Такой человек может ошибаться, страдать и сомневаться, но благодаря разуму и самоконтролю в конечном итоге все равно побеждает. В этом плане американский герой полностью «реален»: качества, делающие его таковым, предельно ясны; а потому относительно понятным становится и то, как самому следовать предложенному образцу — достаточно быть расчетливым профессионалом.

А теперь еще более интересная проблема: что в итоге получает герой,

сражавшийся за свою страну, то есть за США? В американских фильмах героя всегда находит награда за подвиги — например любовь дочери адмирала и должность командира боевого корабля, как в фильме «Морской бой» (2012 год). (Так и хочется сказать: половина царства и царская дочь в жены — как в сказке.) Тем самым в сознание зрителя внедряются еще две идеи: патриотизм выгоден, так как за него щедро платят, и все американские патриоты получают награду всегда — то есть герои никогда не будут бедны и забыты всеми. Вот это — чрезвычайно важная мысль, работающая как на создание положительного образа этой страны в мире, так и на проявление патриотизма самими гражданами Соединенных Штатов.

Важен и вопрос, зачем вообще быть патриотом и сражаться за свою родину. В американских фильмах на этот вопрос предлагаются три варианта ответа. Во-первых, потому что США, по сравнению с иными странами, — «самая богатая и красивая страна», быть гражданином которой и сражаться за которую — выгодно и прекрасно. В фильмах эта идея «сказана» панорамами красивейших видов Америки (фильм «Пирл-Харбор»; 2001 год) и картинками ее богатств. Во-вторых, потому что «мы (американцы) самые лучшие»: лишь под эгидой Америки весь мир объединяется для борьбы с неким злом, и американские герои в этой борьбе — главные действующие лица. В-третьих, утверждается абсолютный идеал — гражданское единство американцев и «свои своих не бросают». Таким образом, формируется достаточно сильная мотивация патриотизма с помощью указания на материальные и моральные стимулы. В американских патриотических фильмах есть идеи преемственности поколений, воевавших за США (в частности, фильм «Морской бой»).

Таково содержание американского патриотического кино. Все заложенные в нем ценности и идеи могут быть восприняты кем угодно, поскольку преподнесены чрезвычайно просто, к тому же они «упакованы» в красивейшие динамичные картинки, что также добавляет привлекательности идеям.

Обратимся теперь к российскому кино аналогичного типа. В большинстве фильмов не показана идея единства «своих» (русских или советских граждан, людей, солдат), часто даже совсем наоборот. В фильме «Александр. Невская битва» (2008 год) целая группа знати (бояре), то есть с формальной точки зрения «свои», легко предают родину. В фильме «Баллада о бомбере» (2011 год) «свой» представитель НКВД, который на фронте только сограждан арестовывает, ненавидит главного героя, то есть того, кто реально и сражается с врагом. Можно говорить, что в отечественном патриотическом кино присутствует идея постоянной враждебности «своих» друг к другу. Но тогда возникает вопрос: за что сражаться? Возможно, наши режиссеры ставят перед собой задачу показать реалии жизни и войны, но на деле она оборачивается идеей отсутствия гражданского единства.

Как же показаны простые люди? Какие идеалы проявляются в их поведении? Показательно, что тема не проработана, и в целом простые русские или советские люди в фильмах представлены мало. Впрочем, есть и иные примеры: обычные солдаты в плену легко морально разлагаются и убивают друг друга, если так скажет немецкий офицер, предадут друг друга и свои принципы за еду (фильм «Баллада о бомбере»). Сам образ солдат и партизан непривлекателен, потому как они показаны грязными и малокультурными. Какие у них ценности и идеалы? В нашем кино получается —

никаких, кроме как поесть и выжить; морали у этих героев как-то недостаточно. В содержании российских патриотических фильмов трудно увидеть идею *сознательного* патриотизма — почти все воюют «по указке», добровольцев нет, а лишившись начальства, простые солдаты (читай: «народ», «свои») превращаются в неорганизованную массу. Закладывается идея о том, что мы без начальства почти не способны ничего делать, поскольку глупы и неразумны (фильм «Туман»; 2010 год). Короче говоря, в наших фильмах о самих себе заложено представление о возможности и оправданности предательства родины, поскольку «так делают все», приоритете целей собственного выживания над «высокими» идеалами гражданственности и служения родине и т. п., что, конечно, весьма прискорбно.

Теперь к вопросу о главном герое как моральном образе, которому предлагается следовать. По большей части героев-идеалов и героев-победителей в нашем кино нет. Это не герои, а скорее основные персонажи, которым уделено больше всего времени. Образцов, на которые следует ориентироваться, часто совсем не показано (например, фильм «Туман»). Некоторая попытка изобразить героизм есть в фильме «Олимпиус Инферно» (2009 год), где один из основных персонажей (девушка) берет всю свою волю в кулак и бежит под пулями ради благой цели — рассказать миру истину о том, кто же на самом деле начал агрессию в Южной Осетии в 2008 году. Основные качества этой героини — смелость, самоконтроль и знание, что мир делится на две части: «свои» и «не-свои».

Часто наши герои показаны в мало-реальном облике, а потому их образ не несет особого идейного содержания, ему сложно (или вовсе невозможно) подражать. Например, герой фильма «Белый тигр» (2012 год)

(советский танкист) умеет слышать голоса танков, малоразговорчив, нелюдим, «своих» не спасает, а охотится за немецким танком-призраком, о котором вообще точно не понятно, существует он в реальности или нет. Герой фильма «Александр. Невская битва» (сам Александр Ярославич Невский) представлен в двадцать лет как «рыцарь без страха и упрека», почти без сомнений, при этом он невероятно умен, ибо сообразительнее своего воеводы, который в три раза его старше. В образе такого героя заложены ценности разума, воли и служения родине, но они слабо «читаются», так как сложно понять, каким образом он стал героем и мудрецом: «ступени восхождения» к этим состояниям остаются за кадром.

В российском патриотическом кино не создан (или крайне редко возникает) образ героя, которому можно было бы следовать хотя бы отчасти, не представлен четкий набор качеств, делающих его таковым. Кроме того, российский герой за свое служение отечеству и подвиги в наших фильмах не получает, как правило, ничего. Это сразу наводит на мысль о том, что патриотизм — это невыгодно, что обществу это не нужно. И комментировать здесь, увы, нечего.

Остается вопрос о том, чем мотивируется этот патриотизм. Но ответа на него в отечественной кинопродукции также, как правило, нет. Есть только невнятные оговорки вроде «у нас — своя вера», «родина одна на все времена». Все это может навести зрителя на мысль о том, что объединяет нас только общий враг, с которым договориться нельзя, а следовательно, приходится сражаться.

В некоторых фильмах присутствуют чрезвычайно опасные идейные противопоставления. Например, в одном из них бояре (предатели)

апеллируют к закону, говоря, что действия князя (патриота), когда он казнит бояр (предателей), незаконны. То есть формально закон стоит на стороне предателей, а действия патриота неправомерны (фильм «Александр. Невская битва»). Следовательно, патриотические действия могут осуществляться в противовес формальному закону. Патриотизм вне закона в патриотическом кино! В том же фильме указана мотивация предателей отечества («хотим по-западному жить»), то есть она чисто материальная. Мотивация же патриотов — чисто «идеальная» (это любовь к отечеству). Думается, что отзвук в душе у зрителя может найти именно «материальный» мотив, но он подан в фильме в связке с отсутствием любви к родине, что применительно к реальной жизни вовсе неочевидно.

Говоря об отечественных патриотических фильмах в целом, укажем, что со временем качество их съемок становится все лучше, сюжет — все динамичнее, но идейное содержание часто противоположно заявленному. В итоге получается, что собственно патриотических идей в наших фильмах, позиционируемых как «патриотические», в сравнении с американской кинопродукцией аналогичного типа мало. Наше кино явно недостаточно выполняет свою роль *пропаганды любви к Отечеству*. И это при том, что выпускаемые у нас фильмы — отнюдь не блокбастеры, а потому за границей показывать их не имеет смысла, коммерческой выгоды они не приносят, как, впрочем, не дают и эффекта «рекламы» положительного образа России. Вопрос о том, следует ли снимать такое кино за государственный счет и продвигать его на экраны страны силами все того же государства, остается открытым. ◆

ИВАН ЗАДОРЖНИЮК

Транспортное кольцо России

Русский Север в концепции Н. Ф. Федорова

Осень 2012 года ознаменовалась дальнейшим углублением стратегии на оптимизацию экономической политики России в восточном направлении. Речь идет в первую очередь о прошедших в этом году саммите АТЭС (7—8 сентября) во Владивостоке и встрече «Азия — Европа» (5—6 ноября) во Вьентьяне. На обоих форумах российские президент и премьер-министр поднимали одну, на наш взгляд, ключевую для будущего страны тему: ее роль в качестве транспортного коридора между двумя континентами. Причем два направления этого коридора — Транссибирская железнодорожная магистраль и Северный морской путь — перечислялись через запятую: важны и та, и другой.

Приводились и конкретные цифры. Так, Д. А. Медведев утверждал, что Транссибирская магистраль способна пропускать до 100 миллионов тонн груза, а потенциал Севморпути — который в два раза короче пути из Иокагамы в Роттердам, чем путь через Суэцкий канал, — будет использоваться ускоряющимися темпами¹. Чему способствуют подписанный

¹ См. «Мост глобализации». — «Российская газета». 06.11.2012.

В. В. Путиным 28 июля 2012 года Закон о Северном морском пути, а ранее, 18 сентября 2008 года, им же в ранге премьер-министра утвержденные «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»; в обоих документах развитие Севера России трактуется как один из основных государственных интересов.

Так оно и есть, ибо потенциал Севморпути оценивали в качестве такового интереса еще М. В. Ломоносов, трехсотлетие со дня рождения которого праздновалось в 2011 году, и Н. Ф. Федоров (1829—1903), 110-летие со дня смерти которого будет отмечаться в 2013-м. Последний не менее убедительно описывал потенциал Транссибирской магистрали. Однако еще важнее тот факт, что в его трудах присутствуют косвенные намеки на то, что эти две транспортные артерии связываются в единое, но многофункциональное кольцо, одна из главных задач которого — цивилизационно сблизить Запад и Восток.

Перечитывая под этим углом зрения труды двух величайших отечественных мыслителей, дерзнем уподобить названное кольцо (контуры которого практически полностью вкладываются в Северно-ледовитое

и Тихоокеанское побережья России, а также в две трети сухопутных ее границ) биологической клетке, призванной пропускать через свою оболочку жизнетворные силы и отторгать силы мертвящие. При этом первые важны для будущего не только России, но и всей современной цивилизации.

Сегодняшнее освоение Севера — в общероссийском и планетарном масштабах — имеет много измерений. В принципе оно непродуктивно и даже невозможно, если не разрешатся вопросы более широкого порядка относительно статуса человека в этом крайне сложном для жизни регионе и его связи с остальной Россией и всем миром. Фигурально говоря, вопрос о том, как здесь жить, предшествует вопросу о том, что осваивать. И тогда окажется, что Север обладает большим потенциалом в плане переустройства жизни на всей планете, и в первую очередь по оси «Восток — Запад». Нет сомнений в следующем: если данное переустройство как предпосылка того, что можно назвать неэгоистической глобализацией, состоится, то ключевую роль в нем сыграет Россия.

Север (а если учитывать Аляску XVIII века — то и приполярная зона в целом) всегда притягивал русского человека и российского гражданина, а также иностранцев, соучаствовавших в его освоении, что отражено и в географических названиях. Это во многом уникальный и социально значимый опыт освоения крайне сложных для жизни акваторий и территорий, явивший собой пример продуктивного содружества представителей самых различных народов. Именами голландца В. Баренца (1550—1597), который умер возле Новой земли, а его команда была спасена русскими поморами, датчанина В. Беринга (1681—1741), офицера русского флота, умершего в ходе второй Камчатской экспедиции,

С. И. Дежнева (1605—1673), С. И. Челюскина (около 1700-го — после 1760 года) названы моря, проливы, земли, крайние географические точки континента в границах Российской Федерации.

М. В. Ломоносов явился первым мыслителем, обосновавшим общезивилизационную значимость Северного морского пути в цикле научных трудов, среди которых главное место занимает «Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763). На следующий год мореплавателем В. Я. Чичагов (1726—1829) предпринял попытку пройти через Северный Ледовитый океан в осуществление проекта Ломоносова, но, встретив тяжелые льды, вернулся в Архангельск; неудачной была и его попытка 1766 года.

В параграфе 115 своей работы Ломоносов пишет: «Когда по щедрому божескому промыслу и по счастью всемилостивейшия самодержцы наша желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»². В дальнейших параграфах выгоды от освоения территорий и разработки ресурсов, в том числе и полезных ископаемых, характеризуются подробнее.

В Заключении Ломоносов описывает препятствия к возможному освоению: «...неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и англичане и голландцы довольного знания натуры, ниже ясного воображения предлага-

² М. В. Ломоносов. Записки по русской истории. М., 2003. С. 388.

щей дороги; 2) что приутопления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особенно же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы»³. Упомянутое произведение, равно как и ряд других работ, фактически создало научно обоснованную базу для освоения Северного морского пути; если бы за ними последовали и соответствующие мероприятия, этот путь был бы проложен куда раньше. Но дальнейшие экспедиции были свернуты более чем на сто лет, хотя западная и восточная части этого пути все же активно осваивались, а на Аляске и в других частях Северной Америки появились постоянные русские поселения.

Фактически завет Ломоносова — прилагать совокупные усилия к столь социально значимому делу с использованием всех ресурсов на основе синергетики — лишь предстоит осуществиться. О том, что это дело общечеловеческого масштаба, требующее нового качества отношений между народами и людьми, почти полтора столетия спустя начал писать другой русский мыслитель — Н. Ф. Федоров, ряд идей которого лишь начинает востребоваться в полной мере в новом тысячелетии. Одна из причин того, что их обсуждение не выходило за рамки узкого круга специалистов, заключается в том, что мыслитель выражал некоторые свои умопостроения (вплоть до идеи воскрешения отцов и связанного с ним освоения околоземных пространств) крайне лапидарно, часто — в скромной форме газетной статьи. Вторая причина — проектный характер мыслей Федорова, когда исходное явление в его анализе не от-

брасывается, а переконструируется под более высокую идею. В-третьих, отечественный мыслитель по-особому сопрягал развитие науки и технологии, с одной стороны, и социальных процессов и моральных начал, с другой.

Эти и ряд других причин невосприимчивости идей Федорова привели к тому, что целые пласты его наследия в полной мере не только не осмыслены, но даже раскрыты на содержательном уровне, несмотря на то, что его труды в основном изданы и обстоятельно прокомментированы С. Г. Семеновым и А. Г. Гачевой⁴. Так, в некоей информационной пропасти между двумя крупнейшими мыслями и делами его жизни — закреплением прошлого (через реконструкцию в храмах и музеях культа и жизни предков как общечеловеческого дела) и преобразованием настоящего как предпосылки надземного будущего (с опорой на науку и проектное мышление эта идея послужила одним из главных источников русского космизма) — нелегко отыскать его многообещающие идеи о современном ему геополитическом статусе Российской империи и средствах его укрепления. Налицо целый пласт оригинальных умопостроений по линиям «Россия — Запад» (Европа и ее «реплика» — Соединенные Штаты Америки), «Россия — Восток» (в основном Китай и Индия), «Россия — Юг» (в первую очередь мусульманский — западнее Памира), наконец, «Россия — Север» (освоенный и подлежащий освоению).

Тема «Восток — Запад» выступает в качестве сквозной и формообразующей для всех идей Федорова, но он лишь намечает продуктивность их встречи на холодном Севере России, что даже сегодня выглядит суперпа-

³ Там же. С. 390.

⁴ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1995—1999 (Дополнения. М, 2000).

радоксом. Вопреки обычным представлениям, радикальным для него предстает как раз Восток, Запад же — терпеливо стабилен, а Россия является преломлением этих двух умонастроений и способов деятельности. Научная и практическая значимость высказанных идей философа, умершего незадолго до предсказанного им конфликта по линии «Россия — Восток» (Русско-японская война 1904—1905 годов), сомнений не вызывает.

Надо отметить, что они в малой степени привлекали внимание даже знавших основные идеи Федорова евразийцев, для которых геополитические умпостроения были ключевыми: ни Н. С. Трубецкой, ни П. П. Сувчинский, ни даже географ П. Н. Савицкий, разрабатывавший проблематику Евразии как срединного материка и особого географического мира со своими геоэкономическими, геополитическими геоэтнографическими и даже геoarхеологическими измерениями, не обратили на них должного внимания, хотя активно осваивали творчество своего старшего современника (их суждения приведены в книге⁵).

Остановимся на тех работах Н. Ф. Федорова, в которых затронуто настоящее и будущее Севера в связи с проблематикой других линий в отношениях России с окружающим ее миром. Сегодня интерес к Арктике и способам ее освоения растет ускоренными темпами, что объясняется рядом причин: в первую очередь — наличием там огромных энергоресурсов (на арктическом шельфе находится до 13 процентов неразведанных запасов нефти и 40 процентов природного газа), а также новыми возможностями Северного морского пути, обусловленными как общим потеплением, так и (в еще большей

степени) расширением технического потенциала судоходства. Все это известно не только специалистам, но и широкому читателю. В формате газетных статей и были написаны несколько трудов Н. Ф. Федорова, где в крайне широком геополитическом контексте и на уровне проектного мышления освещается перспектива развития (российского) Севера.

Первая по времени заметка появилась вскоре после начала строительства Транссибирской магистрали (написана весной 1894 года, извлечена из архива под названием «В защиту дела и знания»⁶). Федоров пишет: «С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, но и северных и южных окраин, ибо исследуется Карское море, устье Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли». Столь широкую трактовку функций великой дороги — масштабного российского проекта, который можно сравнить в XX веке лишь с освоением космоса, — не давал никто, не повторял ее в полной мере и сам Федоров в более поздних трудах.

Фактически Транссибирскую магистраль можно, по его логике, рассматривать как конечный пункт того сосредоточения России, о котором говорил канцлер А. М. Горчаков, и которое было прервано войнами и революциями в XX веке («Россия не угрожает, она сосредотачивается»). На обоснование необходимости ее постройки ориентировался и другой государственный деятель — выходец

⁵ См. Н. Ф. Федоров. Pro et contra. Т. 1—2. СПб., 2008.

⁶ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 4. С. 145.

из остзейских немцев с голландскими этническими корнями С. Ю. Витте, причем на всех ступенях своей политической карьеры.

«В деле построения всей дороги может объединяться вся деятельность власти. Комитет Сибирской дороги (к коей присоединяются как ее части дороги на Котлас, Архангельск и особенно Мурманск) станет не *Комитетом лишь министров, а Советом государственным*»⁷. В данной части фрагмента нужно в первую очередь отметить акцент на северных «ответвлениях» континентальной железнодорожной магистрали. Особо следует подчеркнуть, что одним из конечных пунктов этих северных ответвлений является Мурманск (до 1917 года называвшийся Романовым-на-Мурмане, планы его основания были разработаны в 1870-е годы, а с 1914 года через него шли грузы от союзников России по Антанте). Внимание к Мурманску (его название шло от анаграммированного «норманны») с этого времени у Федорова постоянно нарастало, хотя документальных свидетельств этого крайне мало.

«Заведование переселениями — это первое, что должно быть присоединено к Комитету Сибирской железной дороги», — заключает Федоров свою заметку, подчеркивая, что по линии и ответвлениям надлежит устраивать храмы и школы, «т. е. полагая просвещение в основу каждого поселения, насаждая промыслы как зимнее занятие»⁸. Мыслитель провидчески писал, что железнодорожным путям, отходящим от главной Транссибирской магистрали, предстоит стать центрами консолидации социальной жизни, где в первую очередь должны быть построены церкви и храмы. Однако по линии, по крайней мере, северных «рукавов» и храмы, и школы

уже существовали, на что Федоров не указывал. Кроме того, у него трудно обнаружить даже упоминания о малочисленных северных народах. Отметим, что в картине мира последних храмом и школой выступает вся окружающая природа.

Наличествующее, по слову Федорова, небратское отношение к этим народам (да и к населяющим Север русским) сегодня почти преступно, поскольку без их уникальных и накапливаемых веками знаний об этом храме освоение (трактующее как бесконтрольное приобретение в частную собственность) может привести (и уже приводит) к экологическим катастрофам. Уникальные знания этих народов о выживании в экстремальных условиях (за которые некоторые местные этносы заплатились почти полным вымиранием) лишь предстоит использовать в полной мере. Важен опыт и представителей русского и других этносов, начиная с поморов — выходцев из древнего Новгорода и заканчивая поселенцами, по своей и не по своей воле проживавших на Севере и в Сибири.

Север предстает в этом плане как некая лаборатория продуктивного творчества всех народов, по-новому выстраивающих свои отношения как к природе, так и между собой — без разновидностей любого эгоизма, побратски. Опыт же малочисленных народов Севера может пригодиться для освоения других экстремальных территорий и даже космоса, поскольку они накопили большой опыт выживания в условиях эмоциональной депривации. Этот опыт лишь предстоит изучить в полной мере с учетом момента регуляции природных процессов, как они описывались Федоровым.

Тексты, о которых пойдет речь далее, вошли в третий том собрания сочинений Н. Ф. Федорова. К изложенным в них идеям мыслитель возвращался вновь и вновь, что свиде-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тельствует об их значении для всего его творчества. Так, ключевая с точки зрения концептуальности заметка «О полярной столице» прямо соотносится со статьей «О сухопутных и морских обходных движениях как факте и как проекте, т. е. о сухопутной воинской (сельской) повинности и морской (крейсерство) с двояким употреблением оружия». Эта статья является одной из главных в фундаментальном труде «Философия общего дела»⁹. Можно обнаружить и другие соответствия данного и последующих фрагментов с материалами, вошедшими в состав первого и второго томов, впервые изданных соответственно в 1906 и 1913 годах.

Время написания следующей статьи «Распределение задач всемирной регуляции природы» с точностью не установлено, хотя можно отметить одну граничную дату — 1899 год, когда молодой русский император выступил одним из инициаторов проведения Гаагской мирной конференции. Эта страница истории отечественной и мировой дипломатии ныне относится к числу полузабытых. Между тем в свое время событие относилось к числу несомненно важных, и Н. Ф. Федоров откликнулся на него значимым комментарием.

«Что скрывается, что готовится под всеобщим приготовлением к войне? — ставит парадоксальный вопрос Федоров в самом ее начале. — Не изумительно ли будет, если народы, приготовившись к взаимному истреблению, окажутся союзниками в деле всеобщего воскрешения? Не менее и даже более будет изумительно, когда люди, вооруженные тем оружием, которое вместо взаимного истребления может спасти от смерти, употребив это оружие на взаимную гибель,

вызовут грозу, которая истребит оба враждующие войска!»¹⁰ Таким образом, ответ на поставленный вопрос увязывается с геополитической проблематикой — и в глобальном, и в континентальном масштабах. Далее следует рассказ о том, как воинская команда по собственному почину спасла Оренбург от взрыва порохового погреба, прикрыв его во время страшного пожара своими телами. Воины и средства вооружения должны и в дальнейшем активнее подключаться к борьбе против голода, язв и смерти, превращая всеобщее истребление во всеобщее спасение.

Вот как объясняет это общее дело планетарного масштаба сам Федоров: «Человечеству, объединенному в деле мирного применения всеобщей воинской повинности, предстоят вместо войны народов и рас друг с другом следующие военные действия: 1) борьба на два фронта, северный (полярный) и южный (тропический), с обходным движением против последнего, причем это движение будет иметь в тылу у себя стужу южного полюса; 2) борьба на два фланга: восточный (край засух) и западный (край ливней и наводнений); и наконец, 3) атака центра, «кровли мира», пустынного, холодного Памира, как завершение обходных движений уже не против ислама, а против ига тропического зноя»¹¹.

Федоров подчеркивает, что только с Англией может быть заключен союз для данной борьбы — не с каким-либо народом, а с той силой, которая в одних местах убивает жизнь холодом, а в других жаром, причем как с европейскими, так и с американскими англичанами. Одна из причин в том, что они, как и Россия, могут вести борьбу на два фронта: с одной стороны, при-

⁹ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 1. С. 175–193.

¹⁰ Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 3. С. 301.

¹¹ Там же.

ближаясь к полюсу северному (особенно США), а с другой — к экватору (европейские англичане из двух полуостровов Ост-Индии и на истоках и озерах Белого Нила). В союзники могут быть взяты и китайцы как народ, способный переносить экваториальный зной. «Атака центра, кровли мира, Памира, поднимающегося до высших холодных слоев атмосферы, есть атака, надо полагать, центрального для регуляции места, так как холодный Памир (в обширном смысле), лежащий над знойною Индией и Индийским океаном, не отделяющимся от Южного Ледовитого, занимает середину между экватором и полюсом как в одном направлении, так и в другом, будучи расположен между Западным и Восточным океанами. Отсюда, т. е. с Памира, и надо действовать, чтобы спасти и Китай от наводнений, и Европу от засух»¹². То, что можно назвать теорией Памира, — одна из мало разгаданных загадок геополитической мысли Федорова, а ведь упоминания об этой высшей точке (горной плоскости) земного шара постоянно встречаются в его работах.

Какова же роль Севера в этих идеях? На Севере — Россия, естественный примиритель конфликтующих сил на Юге (в то время Италии и Абиссинии, в XX веке — множества более масштабных конфликтов, достаточно вспомнить войну между Индией и Пакистаном), играет куда более активную роль.

«Россия на всей своей длинной северной границе соприкасается с такой полосой или страной, в которой то, что служит к взаимной борьбе, так быстро истребляется, что уже пора подумать о совокупном действии, чтобы вызвать истребленную жизнь. В этой полярной стране, кроме России, сходятся два родственных врага — европейские англичане и американские;

последним Россия уступила свои владения в Америке и тем, будем надеяться, приобрела союзника не против европейских англичан или кого бы то ни было, а союзника в борьбе с полярным холодом: это северный фронт будущего человечества»¹³. Такой экологически конструктивной трактовки знаменитого приобретения Аляски нет ни у кого из политических мыслителей. Надо отметить, что опыт продуктивного сожительства русских поселенцев с алеутами Аляски был в полной мере востребован уже повзрослевшей Америкой после покупки этого штата. По крайней мере четко выраженной и благочестиво оправдываемой линии на их истребление или отеснение в резервации — как это произошло в случае с индейцами в континентальных штатах Америки — там не наблюдалось.

Англия с европейскими народами и на жарком поясе встречает того же полярного врага, достигнув Памира; Россия же не может не устремляться к югу. Их встреча должна положить начало братскому единению народов. Этот сформулированный Федоровым императив геополитики конца XIX века не реализовался и в XX веке — времени ожесточенных конфликтов по всем векторам и параметрам; для его воплощения отведен следующий, XXI век, причем местом такой встречи становится не только Памир, под и через который проходит Великий шелковый путь, но и Север.

Заключительный параграф статьи содержит целую программу воплощения этой идеи как общего дела всех народов, начиная с русских и англичан, с дальнейшим присоединением немцев и французов, а также народов других континентов. «Россия, заменив нынешнюю северную столицу полярною, у незамерзающего Варан-

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 302.

герфиорда, вместе со всем христианско-европейским человечеством открывает новую борьбу на два фронта: с экваториальным, тропическим жаром с одной стороны и с полярным холодом — с другой. Для России прежние два фронта, кочевая Азия и городская Европа, заменяются борьбою с набегами степных, сухих ветров Азии и влажных ветров Европы. Россия, носящая четверное иго, иго тропического зноя летом и иго полярного холода зимою (а последнее иногда и позднюю весною, и даже летом), нося вместе с тем и иго океана с Запада и иго материка с Востока, Россия без зависти и даже с радостью может смотреть на распространение Англии и к полярным, и к тропическим странам. Россия будет с радостью смотреть на распространение не Англии только, но и Франции, и Германии, и других государств, соприкасающихся как с полярными странами, так и с тропическими. Дело общее, братское, сыновнее, отеческое не знает зависти; оно дышит одною любовью. Ужели же не подаст ему благословения Бог любви, Отец небесный?..»¹⁴ Варангерфиорд иначе именуется Варяжским заливом; с одной стороны он ограничен полуостровом Рыбачим, а с другой — полуостровом Варангер; на его берегах была и есть церковь Бориса и Глеба — по имени двух убиенных братьев как напоминание о необходимости устранить небратские отношения для общего дела.

В другом месте мы находим меткое наблюдение о добыче золота как факторе, преобразующем экономики и открывающем новые горизонты человеческого единения. «Новое время начинается открытием южноамериканского золота (Перу) и североамериканского золота (Мексика). Новейшее время, XIX век, знает сибирское золото, калифорнийское, южноафри-

канское и, наконец, полярное золото (Клондайк). [Но и] полярное золото есть ли последнее?..»¹⁵ На наш взгляд, процитированный фрагмент ориентирует не только на поиск новых золотосодержащих земель, но и на поиск золота идеального для сплочения человечество в общем деле.

Еще одно место связано с осуждением обмана в политике, жертвой которого стала Россия. Оно иллюстрирует, как сильная тоска по всечеловеческому единению — большая даже, чем у Достоевского, — дополняется острой до истеричности заботой о сиюминутных интересах России, пониманием того, что ее повседневный и тяжелейший труд — это разборка завалов и ловушек, которые ставятся как Востоком, так и Западом. Например, трагедия Крымской войны, в ходе которой Россия подвергалась давлению как Востока (Турции), так и Запада, была воспринята им как личное горе (как это было характерно и для Л. Н. Толстого).

Поводом к написанию заметки послужили события 1900 года, когда китайские войска блокировали посольский квартал в Пекине. Войска под командованием русского генерала первыми пришли на помощь его обитателям, которых не смогли защитить войска Запада. И вот вполне разумный комментарий русского мыслителя, актуальность которого не исчерпана и поныне (ведь современная Россия столь же часто получает пренебрежение в виде воздаяния за добро): «До сих пор мы были посредниками между Западом и Китаем в постоянной вражде между собою находившимися. Теперь же после того, как по наущению Запада совершили подвиг — среди мира (в мирное время) разрушили китайский город, мы приобрели в Китае славу самого коварного народа, не приобретя дове-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 371.

рия Европы, а лишь насмешку на наше крайнее простодушие»¹⁶.

Следующий рассматриваемый фрагмент внешне противоречит генеральной линии рассуждений Федорова о Транссибирской магистрали: в нем описываются сопряженные с ней риски и угрозы. Последние связаны с развитием железнодорожной сети в России — но под иностранным контролем. Рефлексия относительно контроля в данном направлении приводит к выводу: «Торжество Запада обеспечено. Последним ударом, смертельным, нельзя не признать построение двух следующих дорог: северной, проводимой по малонаселенной финской (зыряно-вотьяцко-пермской) стране до соединения с Сибирской, а другой — по враждебному Великороссии западному краю до Черного моря. Благодаря этим двум дорогам Центральная Россия, уже истощенная, обратится в *захолустье*, каким она была до начала Москвы. Сибирская дорога, которая для русских переселенцев доставляла лишь землю для могил, а не умерших отправляла назад, умирать на родине, конечно, станет гостеприимною для немецкой колонизации, найдутся земли не для могил, а для жилищ с щедрыми наделами»¹⁷.

Внимательное рассмотрение этого места показывает, что Федоров вовсе не отказывается от высказанной выше идеи соединения посредством железных дорог западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, более того — сближения Карского моря, устьев Оби и Енисея с севера и Алтайских и Саянских гор с юга. Именно поэтому федоровская мысль о том, что Транссибирская дорога представляет собой завершение объединения Русской земли, составляющее лишь начало со-

бирания всей земли для общего дела, получает в рассмотренном фрагменте апофатическое доказательство (подтверждение через отрицание). Дело в том, что Федоров подводит к мысли относительно русского торжества над указанными дорогами — лишь тогда они станут поистине братским делом для всех, включая немцев.

Фрагмент, написанный в 1902 году, фиксирует «необыкновенное усиление Северо-Американских Штатов, недалеких от того, чтобы всю Великобританию присоединить, как особый новый штат, — а с другой — глубокий упадок континентальной России, пораженной в самом центре истощением и в самых окраинах одолеваемой, забираемой инородцами; т. е. падение 3-го Рима и возвышение всемирного Карфагена. Сюда нужно причислить [и] объявление немцами войны славянам внутри [немецкой] империи, чтобы потом обратиться против славян, вне империи прозябающих. Между 3-м Римом и Новым Карфагеном находится Германия в ее тройственном союзе. Но этот тройственный союз разлагается, благодаря двойственности: Италия притягивается Францией, а Австрия начинает тяготеть к России и очень сблизится [с нею], если сделается славянскою. Германия, оставшись в одиночестве, сблизится с двумя Британиями, или даже с тремя, т. е., кроме Европейской и Американской, еще [и] с Азиатскою, т. е. с Япониею. Эта-то вражда четырех могущественных врагов и может вызвать жизнь в России»¹⁸. Известно, что описанные философом противостояния завершились Русско-японской войной 1904—1905 годов, до которой не дожил, но которую пророчески предсказывал, помимо Федорова, еще и В. С. Соловьев.

Описывая кроме этого противостояния метеорические катастрофы, вклю-

¹⁶ Там же. С. 379.

¹⁷ Там же. С. 380—381.

¹⁸ Там же. С. 382.

чая гибель людей от землетрясений, он ставит вопрос о невнимании к общему врагу всех народностей и сословий. «Но и этот враг есть враг *временный* (но презлой), а друг *вечный*, ибо та же природа и в разумной и в неразумной силах. Чем же должно окончиться это размирие? Разумная ли сила будет управлять слепую или слепая уничтожит разумную? Погруженным в постоянную вражду людям некогда заняться этим вопросом. Что могут сделать люди в совокупности при нынешней возможности соединить свои силы, благодаря нынешним средствам сообщения? Такой вопрос не удостоивается разбора. Вопрос об обращении орудий истребления в орудия спасения составляет только часть вопроса об отношении разумной силы к неразумной, соделавшейся особенно безжалостной и злой [в] нынешний год»¹⁹.

Наконец, обратимся к главному труду Федорова, задающему угол зрения на его философию Севера в целом. Это статья «О полярной столице», поражающая воображение своей парадоксальностью, глубоким уровнем осмысления и предвидения будущего. Первый ее абзац сразу же вводит в курс общего дела в его северном ракурсе; при этом глубина смысла сочетается с внешними противоречиями: «Для нас, отрезанных от океана, запертых в Балтийском, Черном и Японском морях, для нас есть один только выход в океан, выход у Студеного моря, в никогда не замерзающих заливах Рыбачьего полуострова, в бывших владениях Троицко-Печенгского монастыря, сожженного шведами (1590 г.), основанного св. Трифоном, апостолом лопарей, на границе Западного (Атлантического) [океана] с Северным, или, вернее, на первом, чем на последнем, потому что Рыбачий полуостров омывается Гольфстримом. Только временная *морская* столи-

ца, столица-порт, как конечный пункт Владивосточной трансконтинентальной дороги, может нас избавить от англо-немецкого господства, надвигающегося на нас»²⁰. Если в предшествующих работах и даже изложенных выше фрагментах Федоров допускал союз с англичанами — европейскими и американскими, то в предпоследнем и данном фрагментах он говорит о совместной угрозе с их стороны. Причина — все те же «наущения Запада», стремящегося использовать Россию в небратских целях, как это было в Китае с маршем на Пекин.

Как известно, в начале XX века эта великая страна делилась на зоны влияния, и Россия оказалась втянутой в этот процесс. Но выгод от него ей ожидать не приходилось, на что и обратит внимание Федоров: «Дипломатическая англо-германская победа на Дальнем Востоке, в Китае, выразилась в построении крепостей и стратегических дорог в Маньчжурии, а также и в движении китайцев на Памир — с одной стороны, и с другой — в планах открыть себе путь в Сибирь, устроив железную дорогу от Хайпудырской бухты до Оби, чтобы, заведя флотилию на этой многоводной реке, отрезать азиатскую часть [России] от европейской и грозить Туркестану и Памиру, содействуя Китаю в занятии этой родины арийского племени»²¹. Нужно заметить, что Хайпудырская губа — залив в юго-восточной части Баренцева моря, а постройка соответствующей дороги осуществлена не была.

«Столица, перенесенная на перешеек или волоки между Мотовскою губою и Варангским заливом, имея передовой пост на мысу под 70° северной широты (на 10° севернее Петербурга и почти на 15° от Москвы), получит многообразное значение: заменив С.-Петербург,

¹⁹ Там же. С. 382—383.

²⁰ Там же. С. 383.

²¹ Там же. С. 384.

освободит Россию от западного влияния, но не Запад, а холод будет главным врагом [России]...»²² Конечно, наличие отмеченных Федоровым «главных и неглавных врагов» — крайне важные мотивы переноса столицы как проекта, осуществление которого и сегодня остается под большим вопросом. Следует напомнить, что и такой проект, как перенос столицы в Санкт-Петербург, тоже оказался нелегким и потребовал принципиально новых социальных технологий: чухонские болота в XVIII веке представляли собой не меньшее препятствие. Оправдывается федоровский проект сверхцелью — братским единением всех людей, включая «неглавных врагов» в общем деле; это же дело требует и внутреннего очищения самой России.

Мысль эта выявляется Федоровым через тщательный анализ наступивших и грядущих бед. «За голодом и моровою язвою, еще не окончившимися, нужно ждать войны. Первые два бича оказались бессильными пробудить нас. Война с океаническим Западом потребует перенесения столицы в полярные страны, к рубежу двух океанов, туда, где оканчивается Ледовитый океан и начинается Атлантический в виде теплого тока (Гольфстрима). Северная столица была протестом против внешнего благочестия древней столицы, а свое явное нечестие оправдывала иногда внутренним, т. е. мнимым благочестием. Холера показала явное нечестие этого города в виде интеллигентного класса, т. е. в высшей степени ограниченных людей, которые, принимая общество за организм, умерших — за экскременты, религию заменяют ассенизацией, а под лицемерным спасением целого общества разумеют спасение лишь головы, т. е. богатой интеллигенции, а с большинством (уподобляя их ру-

кам и ногам), не смея обращаться по-астрахански, — т. е. хватая крючьями больных, — обращаются лицемерно, по-петербургски, предоставляя всем право оставлять больных у себя в дому, но на условии только купить себе врача и целую аптеку»²³.

Обличение Петербурга — прерогатива не одного Федорова, раньше на него накликал беды писатель Ф. М. Достоевский, позже — поэт А. Белый. Но лишь русский философ ставит задачу перенесения столицы на Север для решения целого комплекса задач. «Перенесение столицы за полярный круг (на 20° на север от Петербурга и на 15° почти от Москвы), это движение от теплой страны к холодной, от легкого к трудному есть не эволюционное движение, само собой совершающееся, не слепой прогресс, а выражение сознания, противодействующего чувственному влечению. В перенесении столицы, центра, выражается *коренная перемена в жизни*. В переходе от умеренного в холодный прежде всего выражается вступление на высшую ступень самодеятельности. Предложения о перенесении столицы бывали. Для примера можно привести Бяргинского, желавшего перенесения столицы в Киев. Иные желали возвращения Москве прежнего положения. Но обстоятельства указывают на иной пункт. Новая столица означает в настоящем случае самый важный пункт при все более и более обостряющейся вражде Англо-Германии к нам, если только взаимная их вражда не избавит нас на время от морских врагов.

Таким образом, новая столица имеет значение, во-первых, такого места, на которое и власть, и весь народ должны обратить преимущественное внимание, от коего зависит спасение Земли, так как крейсерство — эта война с товарами — может лишить

²² Там же.

²³ Там же.

возможности вести войну не только Англию, но и Германию. Во-вторых, перенесение означает коренную перемену в жизни; эта перемена означает не сближение с Западом, как Петербург, не желание мнимого соединения в догмате, а соединения [в общем всех деле управления слепыми силами природы]. *Перемена* [в жизни] в *перенесении* [столицы] находит свое наглядное выражение. Как есть полюсы геометрические, магнитные, термические (наибольшего холода), так будет *полюс социальный* — полярная столица»²⁴.

В целом ключевая идея статьи Федорова — связь двух портов на Крайнем Востоке и Крайнем Севере России. Северные ответвления Транссибирской магистрали, их связывающей, допускают возможность нескольких выходов на северное побережье Ледовитого океана (в статьях и фрагментах упоминаются Хайпудырская губа, зыряно-вотяцко-пермские земли, устье Оби, Карское море), что имплицитно предполагает возможность их соединения морским путем.

Следует подчеркнуть, что прямых указаний на то, что первое транспортное полукольцо может быть дополнено другим, у Федорова практически нет. Одна из причин заключалась в том, что, хотя акватория Баренцева моря была исследована русскими поморами еще в XV—XVI веках, к середине XVII века русские мореплаватели практически нашли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий. Проблема сквозного пути решалась лишь в конце XIX века, когда швед А. Э. Норденшельд в 1878—1879 годах прошел до Чукотского моря, а затем, после зимовки — до мыса Дежнева. Лишь в 1932 году Северный морской путь (в 1920-е годы именовавшийся Северо-Восточным проходом) был пройден за одну навигацию. Имена многих полярников, включая Ф. Нансена, были Федо-

рову известны, но контуры Северного морского пути им намечены не были.

Несмотря на то, что идея двуставного транспортного кольца по периметрам российской территории Федоровым полноценно не обосновывалась и четко не высказывалась, его интуиция и рефлексия очень важны для понимания, что это кольцо значит и для современной России, и для всего мира. Дело в том, что трактовка А. И. Солженицыным русского Севера как резервуара национальной идентичности сегодня необходима, но недостаточна. Необходима — поскольку освоение Севера, особенно его побережья, должно строиться по матрице национального ума (недаром на этих землях родился М. В. Ломоносов). Недостаточна — поскольку это освоение должно осуществляться во всеоружии общечеловеческих знаний.

Геополитические функции транспортного кольца ясны до недвусмысленности: это граница, сберегающая Россию, поэтому ее защита — дело первостепенной важности. Но это же кольцо — периметр сотрудничества со всеми странами, круг которых будет расширяться: от имеющих прямые интересы в Арктике (Скандинавские страны, США, Канада) до Европы, а в дальнейшем Индии, Китая, Японии, а также тех стран, которые Федоров относил к мусульманскому миру.

Относительно последних нетривиальными являются мысли Федорова о роли Памира как своеобразной крыши мира. В коррекции нуждается представление о враждебности России примыкающей к Памиру мусульманской цивилизации. Федоров предполагал, что чреватый непримиримыми конфликтами район Памира следует обходить с Запада или с Востока. Еще более ценно его провидение относительно того, что те же конфликты можно преодолеть с Севера, выстраивая там пути сообщения с опорой на социальные тех-

²⁴ Там же. С. 384—385.

нологии. И в данном смысле двусоставное транспортное кольцо России выступает как мощная альтернатива Великому шелковому пути, который многие современные геополитики сравнивают с постоянно прерывающейся линией высокого напряжения. Поэтому общий вектор превращения Севера в зону сотрудничества получает все новые подтверждения.

С опорой на труды Федорова можно четче определить контуры и функции двусоставного транспортного кольца России, одновременно и защищающего ее, и делающего более открытой. Дело в том, что такое кольцо крайне притягательно не только в плане оптимизации торговых путей — оно окажется опорой и в научно обоснованном освоении природных богатств Севера. Естественно, при условии, что рента от использования этих богатств пойдет не на освоение лондонских кварталов и королевских дворцов, а на устройство жизни Севера как условия сохранения жизнеобеспечивающей все человечество природной среды. Свободный рынок с присущей ему тенденцией к бесконтрольному и экологически разрушительному расхищению богатств — путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью. Поэтому крайне важным представляется тот трансгосударственный и даже трансконтинентальный характер философии Севера, каковой эта философия приобретает в концепции Федорова. Она ориентирована на устранение не только личного, но и национального эгоизма, на братское единение народов.

Математик Г. Г. Малинецкий ставит вопрос: что может соединить Россию? В начале XX века эту роль выполнил Транссиб — проект Сергея Витте. «Сейчас нужна такая же Работа, но на другом уровне — проект высокотехнологичной транспортной системы. Если Русь возникла на пути из варягов в греки, то новая Россия, как говорил академик Никита Моисеев, должна возникнуть на пути из “англичан в японцы”. Помимо всего прочего это 20 миллионов рабочих мест»²⁵. Естественно, это касается и железнодорожного полукольца, и северного морского полукольца.

Свободный рынок с присущей ему тенденцией к бесконтрольному и экологически разрушительному расхищению богатств — путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью.

Остается добавить, что мысли об этом кольце посещали не только Федорова. Назначенный весной 1889 года начальником Департамента железнодорожных дел, С. Ю. Витте выдвинул и активно поддерживал идею строительства Транссибирской магистрали; он же в конце 1898-го активно продвигал и идею Северного морского пути. Став в 1892 году министром финансов, Витте настаивал на форсированном финансировании строительства магистрали, не останавливаясь перед денежной эмиссией для этих целей. Дорога строилась с 1891-го по 1916 год, однако конеч-

²⁵ См. «Независимая газета». 28.10.2009.

ный ее пункт, Владивосток, оказался связанным с центром через Восточно-Китайскую железную дорогу уже в 1903 году; Мурманска же она достигла в 1916-м, а в 1915-м уже функционировал Мурманской морской порт.

Что касается второй идеи и способов ее реализации, то для ее обоснования и строительства ледокола «Ермак» Витте привлек ученого Д. И. Менделеева и флотоводца С. О. Макарова. Первый предлагал достичь конечной цели, острова Сахалин, через Северный полюс; второй высказывался за достижение этой же цели путем следования вдоль побережья²⁶. Как известно, «Ермак» осуществил плавание лишь к островам Новой Земли, полноценное освоение Северного морского пути началось только в 1930-е годы.

В своих работах Федоров как бы закольцовывает тему Севера на более высоком, глобальном уровне. Он намечает перспективу всеохватной железной дороги и превращение Берингова пролива в перешеек. «Карфагеном 3-го Рима будет уже не Англия, не Германия, а Америка (которая из должника Европы стала кредитором, т. е. уже приобрела экономическое господство над нею, превратила в своего должника и благодаря войне с Испаниею воссоединила Юг с Севером, т. е. восстановила свое внутреннее единство) в союзе с Австралией, а быть может, и с Японию. Если 3-й Рим останется верен своей миротворной или союзотворной задаче (против слепой силы), т. е. чтобы не было нужды в 4-м Риме, то «дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену» чрез Русско-американский пролив, пролив летом, а перешеек зимой, требующая большой победы над слепую силою, — дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену будет Панконтинентальною дорогою, ибо ее ветвями будут: Африканская (стро-

ящаяся) и Панамериканская (проектированная) и, наконец, Австралийская чрез прерывающийся множество раз перешеек; [эти дороги] были бы верхом торжества железнодорожного дела»²⁷.

В этих мыслях намечена перспектива становления субъекта глобального развития — та перспектива, которая не устраивает сегодня политиков, в частности американских, стремящихся задавать темпы глобализации по своим «небратским» (по слову Н. Ф. Федорова) лекалам.

Еще одна федоровская идея, которую целесообразно рассмотреть в рамках настоящей работы, содержится в материалах, собранных под рубрикой «Самодержавие». Она утверждает важность сторожевого государства. В первую очередь в отношении опоясывающего Россию транспортного кольца, но и в значительной мере — «кругоокеанской дороги», о которой говорилось выше. «Обязательное сторожевое государство, устроенное для прямого и обходного движений, только тогда достигнет полного объединения (и станет возможным превращение войны в регуляцию), когда естественные пути, по коим совершаются эти движения, превратятся в искусственные, способствующие наиболее быстрому продвижению с Запада на Восток, и притом будут снабжены еще собирательными ветвями на Севере и Юге»²⁸.

В заключение хотелось бы выделить одну из важнейших идей Н. Ф. Федорова: по его мнению, как место продуктивной встречи Востока и Запада более всего пригоден Север (России). Именно с учетом такой перспективы всем — и не только одним россиянам — следует заботиться о том, чтобы транспортное кольцо России работало полнокровно и жило как пространство общего дела Востока и Запада. ◆

²⁶ См. С. Ю. Витте. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 657.

²⁷ Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 3. С. 383.

²⁸ Там же. С. 389.

АЛЕКСАНДР СУЛИМИН

Концептуальный смысл теории модернизации

В последнее время понятие «модернизация», наряду с «инновациями», стало самым модным в лексиконе российской элиты. Как и в начале XX века говорится о необходимости модернизации всех сфер общества, скорейшего перехода функционирования политических институтов страны на путь западной демократии. Однако мало кто задумывается, в чем заключается концептуальный смысл самой теории модернизации, ее цели, задачи и идеологическая платформа. На эти вопросы я и попытаюсь дать хотя бы самые общие ответы в настоящей статье.

Теория модернизации стала складываться в 1950—1960-х годах. В сфере внимания социальных и политических наук оказались процессы политических изменений, и в первую очередь касавшиеся политических систем и политических режимов. Прежде всего исследователей интересовало, изменения какого рода следует оценивать как показатели развития политической системы, а какие — как свидетельства регрессивных явлений. Для этого следовало выработать критерии современных политических систем и с позиций этих критериев определять характер происходящих перемен. Так возникли теории по-

литического развития. Постепенно в центре внимания исследователей оказалось содержание процессов перехода к современным политическим системам, под которыми в первую очередь понимались демократии. Процессы перехода к демократии и получили название политической модернизации.

Концептуальной задачей теории модернизации было стремление обосновать социально-политическую и экономическую отсталость стран незападного типа. Подразумевалось, что главный импульс к изменениям исходит от Запада, а Восток лишь реагирует на него — иногда медленно, иногда быстрее. Поскольку нигде на Востоке «реакция» на «вызов» не привела к появлению институтов выраженного западного типа, в целом она была признана неудачной и неадекватной. В качестве причин указывались косность восточных обществ, их инерционность, нединамичный характер и т. д.¹

Уже с 1960-х годов описанная схема начинает подвергаться критике, а еще десятилетие спустя Дж. Хеес-

¹ См. J. K. Fairbank, E. O. Reischauer, A. M. Craig. East Asia: The modern transformation. Boston, 1965. P. 16.

терман, П. Коэн и Ф. Моулдер окончательно доказали ее непродуктивность². Ведь в ее рамках развитием на Востоке считалось лишь то, что было реакцией на Запад, главным образом имитативной. Вне сферы исследований оказывалась та часть азиатских обществ, которая не контактировала с Западом. Целостная социальная реальность дробилась на части, а затем на основе сравнения этих частей отыскивались и описывались различные несходства. При этом часто одни и те же факторы, выхваченные из контекста, фиксировались в качестве причин развития одних обществ и отсталости других.

На рубеже 1950—1960-х годов описанную схему вытеснила концепция модернизации, или концепция ТОМ («традиционное общество — модернизация»; варианты: «традиционное общество — современное общество», «традиция — модернизация», «доиндустриальное общество — индустриальное общество»). Под *традиционным* обществом понималось общество преимущественно аграрное, в котором господствуют доньютоновские наука, технология и представления о мире. *Современное* общество в рамках такого понимания — это промышленное общество³.

Означенная концепция складывалась как одна из теорий общественно-исторического развития, согласованных с парадигмой прогрессивных изменений, очерченной философией Нового времени. Развитие всех стран и народов рассмат-

ривалось как универсальное, то есть происходящее в одном направлении, имеющее одни и те же стадии и закономерности. В этом отношении она как бы восприняла господствовавшие в марксистской теории взгляды на смену общественно-экономических формаций. Такое уподобление не было случайным, поскольку различные теоретико-методологические версии модернизации во многом первоначально формировались в виде ответа на вызов (нео)марксизма и в связи с этим вольно или невольно воспроизводили некоторые черты теории общественно-экономических формаций. Наличие национальных особенностей в общественном развитии признавалось, но считалось, что они имеют второстепенное значение.

Большинство авторов теории модернизации исходили из идеи технологического детерминизма, считая, что в основе общественных изменений лежит процесс в экономике и технологии, ведущий к повышению жизненного уровня и решению социальных проблем. Сама модернизация представлялась как процесс развития в одном направлении — от традиционного общества к современному по следующим параметрам: от высокой степени социальной однородности к высокой степени социальной неоднородности; от простой социальной структуры к усложненной; от внеэкономического характера общественной интеграции к экономическому; от этатизма к рыночной экономике; от человека как части природы, нетворца — к человеку-изобретателю; от унифицированных форм сознания к плюрализму; от феноменальной устойчивости к постоянной изменчивости; от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. Дан-

² См.: J. S. Heestermann. Was there Indian reaction? Western expansion and reaction: Essays on European expansion and reaction in Africa and Asia. Leiden, 1978; P. Cohen. Rediscovering history in China: Amer. Historical writing on the recent Chinese Past. N. Y., 1984. P. 19.

³ См. А. Фурсов. Операция «Ориентализм». М., 2004. С. 11.

ные изменения взаимосвязаны, и если связь между ними нарушается, то результаты модернизации оказываются частичными и ограниченными.

Основные принципы эволюционистского подхода на ранней стадии формирования теории модернизации были заложены основоположником структурного функционализма американским социологом Т. Парсонсом, выделявшим пять модельных дихотомий:

— аффективная активность — нейтральность (дифференциация по ориентации на деятельность, дающую непосредственное эмоциональное удовлетворение или приводящую к нему в отдаленной перспективе);

— ориентация на предписанный статус — ориентация на достигаемый статус (дифференциация по оценке индивида в зависимости от его личных достижений или групповой принадлежности по факту рождения);

— партикуляризм — универсализм (дифференциация по факторной значимости личных отношений с партнером);

— диффузность отношений — специфичность отношений (дифференциация по характеру восприятия партнера — во всей полноте личностных проявлений или в соответствии с актуальной для производственного процесса конкретной социальной ролью);

— коллективизм — индивидуализм⁴.

В соответствии с эволюционистской концептуальной парадигмой все эти индикаторы интерпретировались как различия в уровнях развитости. Сообразно с этой логикой особенности этапов развития не восприни-

мались как имманентное качество той или иной культуры, переходя в свою противоположность по мере эволюции от традиционного к современному типу общества.

Современность характеризовалась аффективно-нейтральной активностью, ориентацией на достигаемый статус, универсализмом и специфичностью отношений. Пятый параметр, определяемый через дихотомию индивидуализма и коллективизма, был в дальнейшем исключен самим Т. Парсонсом из числа образцовых переменных. Вероятно, это было связано с опытом развития социалистических государств, продемонстрировавших возможность и коллективистских форм организации труда⁵.

Характерно, что в этот же период (1950—1960-е годы) в СССР и других странах коммунистического блока были созданы концепции «некапиталистического пути развития» и «социалистической ориентации» стран третьего мира, имевшие немало общего с западными доктринами «политического развития» и «модернизации». Разработчики этих конструкций также исходили из некоей «идеальной модели» последовательного и линейно-поступательного продвижения к обществу «современному и прогрессивному», социализму советского типа, но при этом иначе решая задачи технологической, индустриальной перестройки, экономической модернизации, проведения институциональной реформы, включающей построение «авангардной партии» и «государства социалистической ориентации», и наконец, внедрение марксистско-ленинской

⁴ См. Т. Парсонс. Система современных обществ. М., 1998. С. 175.

⁵ См. В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, В. И. Куликов, С. С. Сулакшин. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М., 2009. С. 127.

идеологии. В качестве примеров «некапиталистического развития» приводился довоенный опыт Монголии, Бухары, Хорезма, Тувы — так же, как и послевоенный — деколонизации и выбора пути развития ряда стран Тропической Африки (Танзании, Конго и др.), Азии (Бирма) и т. д.

По поводу идеологической подоплеку теории модернизации американский профессор К. Калхун откровенно пишет: «Касательно модернизации очень важно понять, что это — американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки прежде всего на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах. Конечно, я имею к этому отношение, но не личное: я был слишком молод в те времена. Но центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам. То есть это были мои предшественники на моем посту президента и многие из старших сотрудников моего учреждения»⁶.

Таким образом, теория модернизация создавалась как идеологическая платформа экспансии капиталистического мира, противостоящая социалистической модели и обосновывающая необходимость всех стран следовать по западному пути развития. В 1960 году в работе «Стадии экономического роста: Некоммунистический Манифест» У. Ростоу выделяет пять основных стадий развития:

— традиционное общество с примитивной технологией, преобладанием земледелия и семейно-клановых связей;

— переходное общество, появляющееся как реакция отсталой Периферии на развитие передовых стран Центра;

— взлет, связанный с индустриализацией, урбанизацией и накоплением;

— движение к зрелости, многоотраслевой и технологичной структуре экономики;

— общество массового потребления, где экономическая структура смещается в направлении сферы услуг и производства потребительских товаров длительного пользования.

Позднее им была выделена и шестая стадия «поиска качества» социальной жизни. Высшие фазы, по мнению У. Ростоу, достигнуты Северной Америкой, страны же Западной Европы находятся в движении к пятой стадии, что для всех остальных стран является перспективой — близкой или далекой⁷.

Таким образом, модернизация в рамках подобного взгляда представляется «вестернизацией», то есть непосредственным копированием социального опыта западной системы в инокультурной среде.

В рамках модернизационного подхода особое место занимали структурные теории процесса перехода к демократии. Б. Мур отмечал, что переход к демократическому обществу, несомненно, должен проецировать развитие социальной структуры западного общества, господство буржуазии и т. п. Концепция модернизации не исчерпывалась вестернизацией социальной и политической структур

⁶ К. Калхун. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. Лекция. — www.dogendocs.ru/docs/index-242600.html

⁷ См. W. Rostow. Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.

общества в процессе перехода к его современному состоянию.

Наиболее изученным оказалось влияние уровня экономического развития на возникновение демократии. В конце 1950-х годов американские ученые Д. Лернер и С. Липсет, стоявшие на позициях социально-экономического подхода, усматривали истоки демократии в экономическом росте, уровне ВВП на душу населения, в среднем классе, уровне неравенства и дифференциации доходов, выдвинув гипотезу, согласно которой успешный экономический рост приводит к плюрализму и обуславливает возникновение демократического режима⁸.

Данная концепция прямолинейного характера взаимосвязи экономического развития и демократии еще в 1960-е годы была оспорена некоторыми исследователями на Западе. До сих пор в теории и практике политического развития фактор наличия демократии является ключевым для определения уровня развития того или иного государства. Однако статистика свидетельствует, что если в 1820 году на долю мир-экономики западного сообщества (США, Европа, Австралия, Канада) приходилось 25 процентов мирового национального продукта, тогда как Азии — 58 процентов, то к середине XX века мировые пропорции стали прямо противоположны. Запад давал 56 процентов мирового дохода, в то время как Азия — только 19 процентов. После этого соотношение экономического распределения сил в мире вновь начало меняться. К началу 1990-х годов доля Азии в мировом национальном доходе составляла уже 33 процента, а Запада — 45 процентов. Согласно же прогнозам

⁸ См. С. М. Липсет, К.-Р. Сен, А. Ч. Торрес. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии. — «Международный журнал социальных наук». 1993. № 3. С. 15.

Института международного развития Гарвардского университета, по истечении первой четверти XXI века на азиатские страны будет приходиться 55—60 процентов общемирового валового национального продукта, тогда как на западные — 20—30 процентов⁹.

В противовес линейной западной парадигме социально-экономического развития либерально-демократических институтов, набирающие большой вес флагманы стран Азии выбирают иные механизмы: госпатернализм, национальные традиции, общинный корпоративизм, мобилизующая роль государства. Например, Китай на протяжении XX века в своем политическом развитии следовал как леворадикальному маоистскому левому радикализму, так и копированию западных форм, тем не менее вернулся к своей собственной национальной модели организации государственности.

В качестве другого обязательного элемента демократического перехода рассматривался культурный фактор. Система ценностей современного общества, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, создается благодаря гражданской политической культуре, исторически сформировавшейся в западном мире и обеспечивающей стабильность демократической системы. Основными чертами гражданской политической культуры выступают: консенсус относительно легитимности политических институтов, терпимость по отношению к другим ценностям и интересам, компетентность¹⁰.

⁹ См. С. И. Лунев. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст. — «Восток—Запад—Россия». М., 2002. С. 161.

¹⁰ См. Г. Алмонд, С. Верба. Гражданская культура и стабильность демократии. — «Политические исследования». 1992. № 4. С. 46.

Наряду с ними Алмонд предлагает более подробный перечень черт гражданской политической культуры:

— знание о политической системе, о том, что собой представляет демократия и как она функционирует в конкретной стране;

— ощущение индивидом своей политической значимости и возможности оказывать своим участием влияние на политику государства;

— признание обязательности участия в общественных делах;

— ощущение политической свободы, выражающееся в свободном обсуждении любых политических вопросов;

— готовность к кооперации с другими в политических акциях;

— гордость за демократическое устройство своей страны;

— доверие общественным и государственным институтам;

— интерес к политике, понимание ее содержания и целей¹¹.

Помимо этого степень демократизации ставилась в прямую зависимость от типа религии. В 1988 году в 39 из 46 демократических стран господствующей религией были католицизм и/или протестантизм, что составляло 57 процентов всех стран (68), где доминировало западное христианство. Из этого делался вывод, что западная культура создает базу для развития демократии. Как враждебные для западной демократии культурные типы рассматривались конфуцианство и ислам. Однако в дальнейшем тезис о культурной однородности демократии был разрушен японским «экономическим чудом», со свойственным ему современным типом азиатской демократии. Демократическая политическая система в таком обществе представляет собой успешную адап-

тацию западной демократии к конфуцианским ценностям.

Взгляд на традиционную структуру общества как застывшую форму, противостоящую современному обществу, был поставлен под сомнение еще в первой половине 1960-х годов. Так, американский востоковед Л. Пай показал, что процессы модернизации оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы». По его мнению, в некоторых случаях вынужденная модернизация, вместо того чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызвать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов», препятствующим «их способности к их человеческим и политическим отношениям, парализующим активность»¹². Отечественный исследователь В. Можаровский замечает по этому поводу, что уничтожение религиозно-ментальных оснований государственности приводит к тому, что политическая система может сохраняться по инерции не более одного физического поколения, что приводит к неизбежному разложению политического тела¹³.

Со второй половины 1960-х годов начинается основательная критика теории модернизации, прежде всего тезиса о статичности традиционного общества. Было замечено, что понятия «традиция» и «современность» — в сущности разнокачественны и асимметричны, а потому они не могут составлять дихотомии противоположностей: ведь на деле традиция

¹¹ См. там же. С. 48.

¹² L. W. Pye. Politics, Personality, and National Building: Burma's Search for Identity. New Haven; L., 1962. P. 37.

¹³ См. В. В. Можаровский. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. С. 16.

и современность не исключают друг друга. Любое общество представляет собой сплав традиционных черт, которые скрепляют его неповторимость и обеспечивают идентичность и синтез модернизационных основ, закладывающих ответы на вызовы современности. Так, Л. и С. Рудолф¹⁴ на примере Индии и У. Рауи¹⁵ на примере купеческих корпораций Ханькоу конца XIX века показали, что «традиционные институты (каста, расширенная форма семьи и т. д.) в действительности не только сосуществуют бок о бок с современными институтами, но и приспособляются к их требованиям, видоизменяясь, выступают в качестве проводников современности в условиях данной традиционной социальной организации»¹⁶.

Жесткое противопоставление традиции и современности, за которым критика справедливо разглядела европо- и капиталоцентризм, экономический и технический детерминизм, ведет к тому, что, когда в рамках теории модернизации современные общества исследуются сами по себе, в их рамках все чаще выделяются проявления традиции. Однако как только такие общества сравниваются с традиционными, то применительно к последним

специфические особенности либо изображаются в качестве остаточных явлений, обреченных в силу своей неэффективности и неспособности соответствовать императивам модернизации, либо исчезают вообще. Этому исключению традиционных черт из современности соответствует исключение современных — из традиции.

Методологический результат — аналитический разрыв между традицией и современностью. Кроме того, в объектив анализа теорий традиционного общества и модернизации попадали только те элементы азиатской реальности, которые непосред-

Главный тезис теории модернизации гласит: все традиционные общества развиваются и становятся современными по типу западных. Однако многие явления капиталистической эпохи по своей внешней форме напоминают докапиталистические.

ственно контактировали с Западом. Отсюда (в конечном счете) возникает парадокс: в рамках теории модернизации (и традиционного общества) поиск внутренних причин и факторов развития имплицитно, косвенно, с большей или меньшей долей осознания этого приводил к подчеркиванию факторов внешних¹⁷.

Главный тезис теории модернизации гласит: все традиционные общества развиваются и становятся современными по типу западных. Однако многие явления капиталистиче-

¹⁴ См. **L. Rudolf, S. Rudolf.** The modernity of tradition: Polit. development in India. Chicago (Ill.), 1967. P. 15.

¹⁵ См. **W. Rowe.** The guilds of Hankow: Change a growth in Chinese Econ. Organization. — «Papers from research conference on rural-urban networks in Chinese society». Macinac Island, 1979. P. 1—69, 169.

¹⁶ См. **С. Лурье.** Историческая этнология. М., 1997. С. 172—173.

¹⁷ См. **А. Фурсов.** Операция «Ориентализм». С. 22—23.

ской эпохи по своей внешней форме напоминают докапиталистические. Например, плантационное рабство в южных штатах США и на островах Карибского моря напоминает античное рабство, а латифундии испанских колоний в Америках — феодализм.

Другим достаточно банальным тезисом теории модернизации оказывается утверждение, согласно которому западная модернизация представляет собой абсолютное благо для развития любого общества. Эта трактовка подверглась критике слева вследствие появления «концепции отсталости». Латиноамериканские экономисты Р. Пребиш и А. Г. Франк, влиятельный «левый» социолог и будущий президент Бразилии Ф. Э. Кардозо указали на то, что развитие стран нельзя рассматривать изолированно. Оно в большей степени зависит от внешнего влияния, нежели от того, какое место страна занимает на «лестнице» прогресса.

В этом контексте линейно-поступательная модель модернизации не способна аналитически отразить реальные преобразования в осуществлявших переход от традиционного к современному состоянию обществах Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии и других регионов мира. Позднее эта неадекватность линейно-поступательной модели подтвердилась и опытом стран Восточной Европы и республик бывшего СССР. Многие из этих стран, пойдя по западной модели развития, оказались в ловушке политической, экономической и культурной отсталости. Слаборазвитость Латинской Америки, Африки и Азии в XIX—XX веках была обусловлена не местными («традиционными») структурами, а иностранным капиталом (мировым капитализмом), который деформировал развитие этих стран, блокировал их

нормальное капиталистическое развитие. Историческим примером такого рода девиаций выступает Аргентина, которая еще в начале XX века входила в восьмерку самых развитых стран мира.

Следующей концепцией, возглавившей наступательную волну против теории модернизации, стала «концепция зависимости». Ее основоположником стал И. Валлерстайн. Опираясь на труды французских ученых «школы Анналов», историка Ф. Броделя и антрополога-марксиста К. Меесу, Валлерстайн выработал мир-системный анализ специфики отношений между различными странами¹⁸. Исходным пунктом мир-системного подхода стали концепции зависимости. Он возник как реакция на неспособность популярных на Западе теорий модернизации решить проблемы современности, и в первую очередь — разницы в уровнях развития между «первым» и «третьим» мирами. Теории модернизации утверждали, что эти миры соотносятся как две стадии развития, то есть что «традиционные общества» третьего мира должны пойти по западному пути и превратиться в «современные общества». В противовес этому критерием мир-системы является самодостаточность ее существования¹⁹.

Однако введение в научный обиход чрезмерно обобщенного термина «полупериферия» не позволило И. Валлерстайну более разнообразно представить не-центральную зону, показать конкретное место, занимаемое тем или иным социумом в собственной системе координат.

¹⁸ См. **I. Wallerstein**. World-Systems Analysis. — «Social Theory Today». A. Giddens & J. H. Turner (ed.). Cambridge, 1987.

¹⁹ См. **И. Б. Орлов**. «Кривое зеркало» теории модернизации. — «Задавая вопросы прошлому...» М., 2006. С. 55.

Неудивительно, что для ученого нет разницы между Бразилией, СССР/Россией, Индией, Китаем и др. — все это «полупериферия».

К основным характеристикам политической модернизации относили следующие параметры: во-первых, растущее усиление и централизацию государственной власти на национальном уровне вместе с ослаблением традиционных ее источников родо-племенного типа; во-вторых, дифференциацию и специализацию политических институтов и, в-третьих, растущий уровень участия народных масс в политике²⁰. Основную же часть модернизационной теории составляла концепция политического развития — одно из направлений общей теории (или подхода) развития, связанное прежде всего с институциональными переменами.

Концепция политического развития концентрирует свое внимание на институтах политической системы и их трансформации. Так, Л. Пай определяет политическое развитие как процесс перемен, характеризующийся, во-первых, усилением дифференциации политических структур, во-вторых, возрастанием способностей системы решать социальные проблемы и управлять общественными делами и, в-третьих, развитием участия и равноправия граждан при включении в политику²¹.

Согласно концепции политического развития политические системы современного (западного) типа характеризуются высокой степенью структурной дифференциации, в рамках которой каждый отдельный институт выполняет свою специ-

фическую функцию. В этом смысле под «развитостью» в понимании западных концептологов подразумевается наличие дробных институциональных механизмов: разделение функций между законодательными, исполнительными и судебными органами, система партий и общественных объединений, артикулирующих и агрегирующих групповые и индивидуальные интересы. В примитивных же системах управленческие функции могут быть сконцентрированы в руках традиционного вождя и его окружения²². Качество развивающейся политической системы связывается главным образом с существованием внутри нее «автономных подсистем», например суда и парламента, в определенной степени независимых от исполнительной администрации.

Таким образом, в теории политической модернизации в той или иной форме выделяются три основных типа структурных предпосылок демократии: во-первых, обретение национального единства и соответствующей идентичности; во-вторых, достижение довольно высокого уровня экономического развития; и в-третьих, массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и др.

В 1970-х — начале 1980-х годов теория модернизации подверглась столь сильной критике, что была практически уничтожена. Но в конце 1980-х она буквально «возродилась» под названием «неомодернизация» и «постмодернизация»

²⁰ См. «Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change». С. Welch (ed.). Belmont, 1967. P. 7.

²¹ См. А. А. Дегтярев. Основы политической теории. М., 1998. С. 146—147.

²² См. Р. Х. Чилкот. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. С. 215.

в рамках концепции «демократического транзита».

Поражение советского лагеря в «холодной войне» предопределило телеологическую заданность такой парадигмы и определило победное шествие либеральной демократии во всем мире, преимущество ее перед другими формами политических режимов. Эта ценность рассматривалась как абсолютная и вневременная, универсальная для всех стран и континентов и определялась торжеством демократии как закономерного итога победы более «прогрессивного» социального строя над «менее прогрессивным». Таким образом, демократия становилась своеобразным мерилom цивилизованности и прогрессивности социально-политического строя, основой общественных отношений и их регулятором. Впрочем, ни одна из концепций демократического транзита не может адекватно описать процессы развития современных политических систем. Опыт развития «транзитных» стран свидетельствует о том, что не все из предпосылок демократии, отмеченных выше, имеются в странах, вступающих на путь политической трансформации.

Тем не менее С. Хантингтон характеризует процесс перехода коммунистических и авторитарных режимов к демократии как «третью волну» демократизации, главным содержанием которой становится распространение демократических принципов и институтов в значительной группе стран. При этом исследователь пытается доказать, что вся современная мировая история — это процесс становления и развития современных демократий, которые формировались неравномерно по странам и регионам. Для этого им вводится периодизация процесса мировой демократизации начиная с XIX

века и вплоть до распространения либеральных идей на Южную Европу и Латинскую Америку, а затем на ряд стран Азии, Центральной и Восточной Европы и СССР²³.

Кроме того, политической теорией и практикой были предложены альтернативные модели мирового порядка. Широкое распространение получила концепция «растворения суверенитета», частично реализованная практикой Европейского Союза. В период президентства Б. Клинтона популярность приобрела идея «глобального демократического консенсуса», предлагавшая сделать центром принятия военных и политических действий не ООН, а «сообщество демократических стран»²⁴.

Хантингтоновское понятие «демократическая волна» («волна демократизации») использовал также американский политолог Ф. Шмиттер. Согласно его представлениям, волна демократизации представляет собой переход группы стран на демократические рельсы, а также включает либерализацию и частичную демократизацию политической системы²⁵. Правда, тот же С. Хантингтон фиксировал и волны отката от демократизации, однако, по его мнению, они не препятствуют распространению общего демократического движения.

Некоторые транзитологи по отношению к странам переходного периода уточняют понятие «демократии» введением определений

²³ См. **S. Huntington**. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London, 1991.

²⁴ См. **Д. Малышева**. Развивающиеся страны в меняющемся мире. — «Свободная Мысль». 2012. №7/8. С. 180.

²⁵ См. **P. C. Shmitter**. *Democratization, Waves of*. — «Encyclopedia of Democracy». Vol. 2. N. Y., 1995. P. 346, 14.

«молодые», «подражательные», «навязанные» и т. п., снижающими уровень демократизации категориальными идентификаторами²⁶. Так, Л. Даймонд, говоря о демократической трансформации в ходе «третьей волны» демократизации, допускал существование такой категории «демократических режимов», которые, отличаясь от чисто авторитарных систем, в то же время не дотягивают даже до минимальной демократии²⁷. По утверждению Ф. Шмиттера и Т. Карла, национальные различия в демократии бывают зачастую большими, чем национальные различия в политическом транзите и т. п.²⁸

Таким образом, линейные принципы развития демократии в странах со сформировавшейся рыночной экономикой и системой западного парламентаризма показали свою несостоятельность. Сами идеологи транзитологии признавали, что варианты окончательных итогов политического транзита могут варьировать, в широком спектре — от «авторитарной реставрации» до «демократической эмансипации»²⁹.

На самом деле демократия как система современного политического порядка не может считаться универсальной и применимой для любой страны мира, так как помимо не-

состыковки исторического опыта западных стран и модернизируемых традиционных обществ на ход, характер и итоги политического транзита оказывает влияние еще и внешний фактор, выражающийся в геополитических условиях, в которых оказываются транзитные страны в период преобразований. Наиболее распространенный способ внешнего влияния получил в транзитологии наименование «связывание условиями», что, по определению Ф. Шмиттера, означает «сознательное использование принуждения путем установления особых условий распространения выгод со стороны международных институтов»³⁰.

Ряд российских исследователей переходных изменений в политическом процессе восприняли концепцию демократического транзита как научную истину в последней инстанции³¹. Эти ученые не обращают внимание на тот факт, что реальный опыт модернизационных процессов XX столетия показал: нередко внешнее влияние приводит к результатам, противоположным ожидаемым. Под вывеской демонстративных демократических институтов и либеральных их принципов функционирования может стоять механизм разрушения цивилизационных основ национальных государств в рамках процессов глобализации, которые способствуют ослаблению государственного управления, победному шествию потребительских стандартов поведе-

²⁶ См., например: **В. Васович**. Переход к демократии в посткоммунистических странах. — «Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология». 1998. № 2. С. 19.

²⁷ См. **Л. Даймонд**. Прошла ли «третья волна» демократизации? — «Политические исследования». 1999. № 1. С. 15.

²⁸ См. **P. Schmitter, T. Karl**. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? — «Slavic Review». 1999. Vol. 53. № 1. P. 176.

²⁹ См., например: **А. Пшеворский**. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 92—94.

³⁰ *Цит. по:* **А. Н. Никитченко**. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений). — «Политические исследования». 1996. № 5. С. 57.

³¹ См.: **В. Я. Гельман**. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 16; **А. Ю. Мельвиль**. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. С. 98.

ния, господству надгосударственных организаций в национальных экономиках. Тем самым западный вариант демократической трансформации для многих обществ может обернуться катастрофой.

Перед современной Россией стоят фундаментальные задачи сохранения и преумножения того потенциала развития, который был создан в советский период. Дальнейшее сле-

пое следование принципам западной модернизации, оторванной от национальной почвы, может привести к растворению российской идентичности в глобальном мире, потере национальной, культурной самобытности. Поэтому обращение к национальному (советскому) опыту государственного строительства должно стать ее приоритетной концептуальной основой. ◆

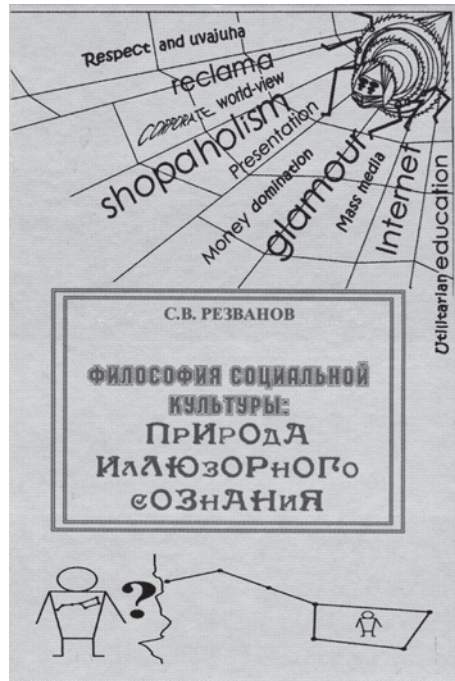
АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Иллюзии осознанного бытия

В свободное от идеологической службы время советские философы написали немало интересного. Тексты эти зачастую оставались в столе и лишь теперь, годы спустя, один за другим выходят в свет — причем «раскопки» в архивах Э. В. Ильенкова, М. К. Петрова, Мих. Лифшица затронули пока лишь верхние пласты советского философского наследия. Книга С. В. Резванова, как сообщается в авторском предисловии, представляет собой доработанную диссертацию 1970-х годов. Посвящена она «светлой памяти Эвальда Васильевича Ильенкова», оппонировавшего на защите той диссертации в Ленинграде за год с небольшим до своего ухода из жизни.

Тема книги, иллюзорное сознание, — из числа излюбленных у философов. Еще Гераклит считал большинство людей спящими наяву, требуя от мудреца «распознавать мнимое»; а на Востоке йоги пытались стягнуть с души наваждение Майи.

С. В. Резванов. Философия социальной культуры: Природа иллюзорного сознания. Ростов-на-Дону, РГСУ, 2011. 334 с.



С. В. Резванов не считал нужным вглядываться в эти философские дали. За точку отсчета принимается бэконовская теория «идолов», искривляющих образ мира в «зеркале» человеческого ума. Впрочем, то был всего лишь «нерефлексивный прообраз» историко-материалистической критики, «так как Бэкон еще не соотносит иллюзорное сознание с общественным бытием» (С. 67).

Собственное исследование Резванова протекает в плоскости, заданной «Капиталом» К. Маркса, особенно знаменитой главой о «фетишистском характере товара» («Der Fetischcharakter der Ware», в русском переводе И. И. Скворцова-Степанова — «товарный фетишизм»). В ней повествуется о том, как и почему обычные чувственно воспринимаемые вещи, попадая на рынок, «становятся на голову» и начинают жить самостоятельной жизнью, подчиняя себе своих творцов.

В книге Резванова ставится задача раскрыть механику детерминации ил-

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

люзорного сознания «извращенным» общественным бытием. Первая часть монографии посвящена поискам источников иллюзорного сознания, в части второй исследуется немецкий классический идеализм как высшая, рафинированная форма иллюзорного самосознания. Высшая потому, что в ее лоне вызревают две теоретические предпосылки истинного, реалистического взгляда на мир, каковым является материалистическое понимание истории. Эти две предпосылки — диалектическая логика и понятие труда — вскоре сделаются краеугольными камнями «науки истории» Маркса. (Заметим, что Гегель первым «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*»¹.)

На всем протяжении работы С. В. Резванов подчеркнуто хранит верность марксистской методологии. Ни тени сомнения в ее применимости ко всему и вся в общественной жизни, ни единой поправки, не говоря уже о критических замечаниях в адрес Маркса. В советской диссертации, понятно, ничего такого быть не могло — но ведь в книге обсуждаются и современные реалии, далеко не всегда вписывающиеся в нарисованную автором «Капитала» картину эволюции буржуазного общества, с перспективой «абсолютного обнищания» пролетариата и «накопления нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации»².

Кроме того, в «эвристическом ядре» марксистской методологии исследования общественного сознания имеются проблемные моменты, заслуживающие критического внимания, — даже если Маркс, как жена Цезаря, выше подозрений. Один такой момент стоит обсудить подробнее, поскольку он образует логическую ось материалистического понимания истории вообще и работы С. В. Резванова в частности.

«Жизнь определяет сознание [das Leben bestimmt das Bewußtsein]», — декларируют авторы «Немецкой идеологии»³. Можно понять это в том смысле, что жизнь и со-

знание — *две разные сферы*, первая из которых детерминирует вторую. Именно так эти слова прочитываются подавляющим большинством марксистов, в том числе и Резвановым. Но, быть может, перед нами очередная иллюзия, естественным образом складывающаяся в обществе, покоящемся на разделении труда?

Поначалу производство сознания «непосредственно вплетено» (unmittelbar verflochten) в материальную деятельность людей, «в язык реальной жизни», говорится в «Немецкой идеологии». Лишь с того момента, когда труд разделяется на материальный и духовный, «сознание *может* действительно вообразить себе, что оно есть нечто иное, чем осознание существующей практики»⁴. Если так, может ли идти речь о *детерминации* сознания бытием?

Действительно, отношение детерминации возможно лишь там, где есть *две разные* вещи или же деятельности, одна из которых является причиной другой. Как шутил Генрих Гейне, добродетельным можно быть и в одиночку, а для греха всегда нужны двое. Если сознание всего лишь воображает себя чем-то отличным от бытия, а на деле таковым не является, значит, и детерминация сознания бытием является отношением воображаемым, то есть иллюзией. На полях возле слов о воображаемой эмансипации сознания от практики Маркс оставил пометку: «С этим совпадает первая форма идеологов, попы». Таким образом, эта иллюзия — *идеологическая*, более того, она лежит в основе любой идеологии.

На самом деле сознание является формой *самодетерминации* общественного бытия (практики). Это особый *способ отражения* бытия в себе самом. Бытие может выражаться в формах сознания, то есть быть «осознанным бытием», а может и нет. Сознание может выражать бытие адекватно либо неадекватно, ухватывать самую суть дела либо поверхностные связи вещей. Так или иначе, любая активность сознания есть лишь «инобытие» практической деятельности людей, преобразующей как внешнюю природу, так и самих людей.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 159.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 660.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 25.

⁴ Там же. С. 24, 30.

«Конечно, отношение материальных и идеальных компонентов общественной жизни есть взаимодействие, взаимопревращение», — пишет С. В. Резванов (С. 156). То же самое говорилось в любом советском учебнике по марксистско-ленинской философии. А вот в «Немецкой идеологии» ни о каком взаимодействии сознания и бытия или обратном воздействии сознания на бытие нет ни слова. Мораль, религия, метафизика и другие формы сознания рассматриваются здесь как «идеологические отражения и отзвуки», а то и как всего-навсего «необходимые испарения» (*notwendige Sublimate*) практической жизни людей.

Отстаивая представление о «взаимодействии духовного и материального», С. В. Резванов апеллирует к известному письму Ф. Энгельса Й. Блоху. Как писал Энгельс, у нас с Марксом (который к тому времени уже умер) «не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное» обратному воздействию идеального на материальное (надстройки — на базис, политических, юридических, религиозных, философских и прочих теорий и догм — на экономику). Однако как только дело доходило до «практического применения» историко-материалистических принципов, «тут уже не могло быть никакой ошибки»⁵.

Объяснение это вызывает немало вопросов. Впервые формулируя принципы материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс ни разу даже не заикнулись про обратное воздействие «испарений» сознания на общественное бытие. Неужто им не хватило места и времени хоть парой строк указать на столь важную сторону дела? С. В. Резванов неоднократно и подчеркнуто прибавляет к словам о взаимодействии материального и духовного предикат «диалектическое». Какая же диалектика без взаимодействия? Ну а коль скоро в «Немецкой идеологии» нет речи о взаимодействии сознания и бытия, напрашивается вывод, что формула «бытие (жизнь) определяет сознание» сама по себе *недиалектична* — что она является метафизически односторонней.

Что же помешало авторам книги дополнить ее тезисом об «обратном воздействии» сознания на бытие? Чересчур увлеклись полемикой с немецкими идеологами или же тому виной дефицит «места и времени»? Я так не думаю. В «Немецкой идеологии» четко и жестко сформулированы основоположения материалистического понимания истории. Если в дальнейшем «практическом применении» Маркс и Энгельс заговорили про «обратные воздействия» сознания на бытие, значит, им не удалось — или, по крайней мере, не всегда удавалось — удержаться на высоте историко-материалистических принципов. (Миф о теории, «вылитой из одного куска стали», мы оставляем для легковерных. Вряд ли такие теории вообще возможны.)

Диалектическое взаимодействие всегда есть *действие на самое себя*. Типичный пример — спинозовская *causa sui*. Представление же о взаимодействии материального и духовного характерно для метафизики. У Декарта дух и тело взаимодействуют, у Спинозы — нет. Разговор о взаимодействии духа и тела возможен лишь при условии допущения, что душа и тело — вещи разные. Если же это *два выражения* (модуса или атрибута) одной вещи (субстанции), то никакого взаимодействия между ними нет и быть не может. Последнюю формулу как раз и отстаивал вслед за Спинозой Э. В. Ильенков.

Материалистическое понимание истории принимает за субстанцию *труд*, процесс практического изменения человеком природы, в том числе и своей собственной природы — ансамбля общественных отношений», образующих сущность человека, по Марксу. Сознание является «модусом», идеальной формой осуществления и самовыражения общественного труда (бытия). Никакое «обратное воздействие» модуса на субстанцию невозможно. Такое представление не дружит ни с материализмом, ни с диалектической логикой. Если «в мире нет ничего, кроме движущейся материи», то и взаимодействовать ей, материи, не с чем, кроме себя самой.

В конкретно-историческом исследовании трудно удержаться на высоте материалистической диалектики, особенно если ты занимаешься политикой. Примеры «обратного воздействия» политики на

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 37. С. 396.

экономику со всех сторон просто-таки бьют в глаза, не менее очевидные, чем вращение Солнца вокруг покоящейся Земли. И столь же *иллюзорные*.

В «практическом» же плане вполне нормально говорить о воздействии политики на экономику. Эта иллюзия объективна и полезна для жизни — так же, как иллюзия покоящейся земной тверди. Трезвенник вправе потешаться над пьяницей, у которого плавает земля под ногами. А ведь «по Копернику» пьяница чуть ближе кистине. Есть доля истины и в вине. Истина обитает не только в научных теориях, но и в иллюзиях. Другое дело, что «расшифровать» иллюзорные формы ее инобытия можно лишь с помощью научной теории. С. В. Резванов совершенно верно ставит эту задачу и предлагает несколько удачных ее решений применительно к современным реалиям общественной жизни. Немало блестящих опытов такого рода проделали и отцы-основоположники. Хотя практически-политическая работа, которую они вели, порою сильно деформировала их диалектико-материалистические принципы.

Так, поистине удивительно встречать в «Капитале» Маркса слова о некоем «царстве свободы» (*Reich der Freiheit*), что якобы «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства [jenseits der Sphäre der eigentlichen materiellen Produktion]»⁶. Если, как утверждает Маркс, в сфере материального производства человек обречен остаться навеки скованным «нуждой и внешней целесообразностью», то остается предположить, что подлинная свобода обретается *в сфере духа*, «общественного сознания». Развитие человека является тут «самоцелью», в то время как в экономике наша свобода сводится к «общему контролю» и «наименьшей затрате сил». Вот тебе и материализм⁷.

А Ленин и вовсе не постеснялся вернуть материалистическое понимание истории наизнанку, поменяв местами базис и надстройку: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку

марксизма»⁸. Ну и чем такой «азбучный» марксизм отличается от первой встречной «политологии»?

Впрочем, и сами категории базиса и надстройки трудно назвать удачной конкретизацией отношения материи и духа. Категории *отражения*, *выражения*, *идеального представления* (в ильенковском смысле) позволяют сделать это гораздо более адекватно. Утверждение, что духовное «надстраивается» над материальной первоосновой, покоится на дуалистическом допущении, что это два разных «этажа» реальности, и остается лишь выяснить, какой этаж «первичнее»...

Наиболее оригинальная и солидно аргументированная часть книги С. В. Резванова посвящена критике «иллюзорно-идеалистического» сознания, понятого как «не только искаженное отражение бытия, но и отражение искаженного бытия» (С. 64). Ни одну иллюзию общественного сознания нельзя одолеть, не изменив *практически* материальные условия жизни людей, их общественное бытие. «Рыночному обществу» автор рецензируемой книги противопоставляет будущее «гуманистическое общество», в котором будет править бал наука, освободившаяся от власти денег и сделавшаяся «планово-регулируемой». При этом автор книги весьма критически оценивает современное состояние научного сообщества, погрязшего в вещных, фетишистских мифах-иллюзиях. От диалектики «фактически ничего не осталось», за нее выдаются «примитивные пролетарско-мировоззренческие рефлексии» (С. 200—202). Не вполне ясно при этом, какие же эмпирически наблюдаемые факты или тенденции позволяют питать марксистско-ленинский оптимизм в оценке исторической перспективы *такой* науки, а значит и перспективы смены общества рыночного — «гуманистическим». Не хотелось бы, рассеяв иллюзии «вещного» мира, оказаться во власти других, сколь угодно светлых иллюзий.

В целом же, безусловно, нужно приветствовать выход в свет глубоких и остро полемических философских текстов советской эпохи, к числу которых относится и рассмотренная выше книга С. В. Резванова. ◆

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

⁷ См. подробнее об этом: А. Д. Майданский. Логика исторической теории Маркса: реформация формаций. — «Логос». 2011. № 2. С. 147—148.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 278.

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО, ОЛЕГ АУРОВ

Польская боль / Русская боль

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
 В прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах...
Булат Окуджава. «Прощание с Польшей».

Речь в нашем обзоре пойдет о такой болезненной теме, как общая история России и Польши. Взаимная неприязнь поляков и русских — факт известный. Здесь каждому есть что предъявить противоположной стороне, ибо у каждого — своя боль. В XVIII веке — «диссидентский» вопрос и разделы Речи Посполитой. В XIX — польские легионы наполеоновской «Великой армии», антирусские восстания 1830—1831 и 1863—1864 годов и их безжалостное подавление, террор польских «красных» — и ответный террор карателей Дибича и Муравьева-Вилenskого. Однако XX век оставил позади предшествующие столетия как по числу жертв, так и по накалу страстей. Боли стало еще больше, а ее восприятие — еще острее. Справедливо ли это? Можно ли говорить о взаимности и в чем она проявляется? Мы постарались ответить на эти и другие вопросы.

Разговор о новых книгах начнем с не так давно вышедшего обобщающего исследования о красноармейцах, попавших в польский плен в ходе военных действий между Советской Россией и Польшей в 1919—1921 годах. Это исследование — результат напряженной работы двух историков-славистов: Геннадия Филипповича Матвеева, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, и Викторнии Станиславовны Матвеевой, кандидата исторических наук, преподавателя Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета (Украина).

Интерес к истории польского плена 1919—1921 годов в современной России проявился относительно недавно — в начале 1990-х годов. И на то, как подчеркивают авторы исследования, были свои особые основания. До Второй мировой

войны анализ проблемы пленных не проводился в силу как политических (стабильная напряженность советско-польских отношений), так и чисто технических (недоступность для исследователей соответствующих архивных фондов) причин (см. С. 7—8). После же Второй мировой *возникло слишком много оснований* для того, чтобы не «бередить старые раны».

Авторы предпочитают не распространяться об этих причинах; они сосредоточивают основное внимание на характеристике историографической ситуации, сложившейся начиная с конца 1980-х — начала 1990-х годов (см. С. 8 и далее), и этот подход несомненно заслуживает уважения. Однако жанр рецензии в общественно-политическом журнале не позволяет проигнорировать сопоставление событий польского плена 1919—1921 годов с трагедией «катынского расстрела» 1940-го.

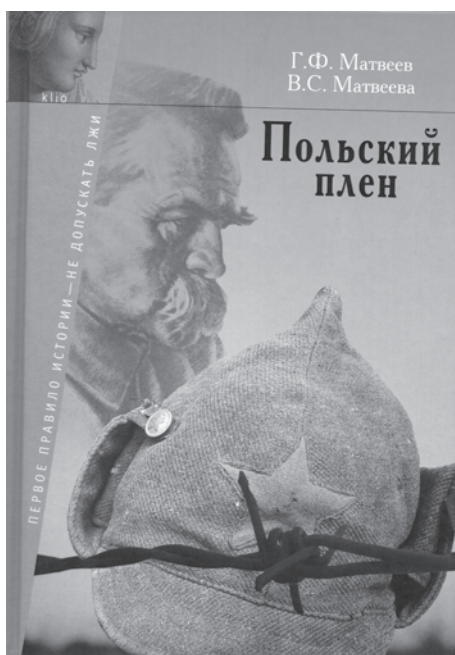
АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Международного Русского исторического общества.

АУРОВ Олег Валентинович — доцент, кандидат исторических наук.

Но не является ли такой подход данью одной лишь политической конъюнктуре по принципу «вы нам — Катюнь, мы вам — трагедию наших военнопленных»? Убежден, что нет. Для понимания сути проблемы следует учесть не только то, что оба события относятся к одной и той же эпохе войн и революций, очерченной двумя мировыми войнами (1914—1945). Важно и то, что к 1940-му — году катынской трагедии — во главе как СССР, так и Польши стояли люди, для которых военные действия 1919—1920 годов, а также связанные с ними события были частью личной биографии.

Главой польского государства в изгнании в 1940-м являлся генерал Владислав Сикорский (1881—1943), двумя десятилетиями ранее командовавший, последовательно, 9-й пехотной дивизией, Полесской группой войск и 5-й и 3-й армиями на советском фронте. В ходе военных действий руководимые им войска взяли немало пленников Красной армии. В частности, в ходе варшавского сражения только в период с 16 по 28 августа 5-й армией было пленено 20,6 тысячи красноармейцев (см. С. 20, а также: С. 26, 51, 54, 159). При этом по отношению к пленным В. Сикорский, скажем так, далеко не всегда вел себя в соответствии с законами и обычаями войны в том их виде, который сложился к 1919—1920 годам. Вплоть до того, что 24 августа 1920-го по его прямому приказу были расстреляны 199 пленников красноармейцев (см. С. 25, 51). Сказанное поясняет, почему совесть человека, решительно разорвавшего дипломатические отношения с СССР после получения известий о катынских захоронениях (1943), уже была насыщена кровью русских солдат — то есть далека от кристальной чистоты.

Г. Ф. Матвеев, В. С. Матвеева.
Польский плен. Военнослужащие
Красной армии в плену у поляков
в 1919—1921 годах.
М., ООО «Родина-медиа», 2011. 174 с.



Свой собственный взгляд на польские события имел и И. В. Сталин, в ходе советско-польской войны, в период с 26 мая по 1 сентября 1920 года, являвшийся, как известно, членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Он непосредственно участвовал в освобождении Киева и дальнейшем наступлении на Львов, и можно лишь догадываться о том, сколько следов «хозяйствования» поляков на Советской Украине ему довелось увидеть. А потому едва ли он находился в неведении и относительно ситуации с польским пленом, пусть даже и в самом общем смысле.

В целом же из четырех высокопоставленных членов Политбюро, чьи подписи на записке НКВД СССР от 5 марта 1940 года¹ решили судьбу польских офицеров, как минимум трое знали о событиях советско-польской войны, что называется, не понаслышке. Помимо Сталина ее активным участником являлся К. Е. Ворошилов: 1-я Конная армия под командованием С. М. Буденного, членом Реввоенсовета которой он являлся, находилась на польском фронте с апреля до конца сентября 1920 года. Она активно действовала в составе войск Юго-Западного фронта и принимала участие в Киевской и Львовской операциях, а также в боях в Замостье. Кроме того, осенью 1920-го — весной 1921 года на Украине, по которой только что пронесся военный шквал, работал еще один член сталинского Политбюро образца 1940 года — В. М. Молотов, также подписавший записку своей рукой (личные подписи еще двух высокопоставленных партийных деятелей, Л. М. Кагановича и М. И. Калинина, в документе отсутствуют)².

¹ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130 (подлинник).

² Факсимиле этого документа см. <http://rusarchives.ru/publication/katyn/01.shtml>

Разумеется, вне зависимости от тех субъективных оснований, которыми руководствовались высшие должностные лица СССР в 1940-м, «катынский расстрел» не подлежит оправданию: в апреле 2012 года Европейский суд по правам человека вполне закономерно квалифицировал его как военное преступление. Очевидно и то, что непосредственно в момент вынесения решения о судьбах плененных офицеров в марте 1940 года члены сталинского Политбюро менее всего думали о мести за красноармейцев, погибших в польском плену в 1919—1921 годах. Они преследовали иные цели, зафиксированные в той же подготовленной Л. П. Берией записке НКВД от 5 марта 1940 года, где обреченные на казнь характеризовались предельно четко: «...являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю»³. Тем не менее ясно и то, что очевидное предубеждение по отношению к межвоенной Польше (которую В. М. Молотов — дед нашего современника, историка и общественного деятеля В. А. Никонова — называл «уродливым детищем Версальского договора»⁴) возникло не на пустом месте.

В конечном итоге, несмотря на двадцатилетний период, разделяющий трагедию советских военнопленных 1919—1921 годов и ужас «катынского расстрела», оба эти события по своему характеру несомненно принадлежат своей эпохе, когда мир являлся бесконечно хрупким, а человеческая жизнь — запредельно дешевой. Именно поэтому человечество (и далеко не только русские и поляки) обязано извлечь надлежащие уроки из своей еще относительно недавней истории. Отсюда — особая значимость рецензируемой книги как части той уже весьма обширной литературы, начало которой положила публикация в 1991 году монографии польского историка З. Карпуса (в 1997-м появилось второе, расширенное и дополненное, издание).

Возвращаясь к разговору о содержании рецензируемой книги, следует особо подчеркнуть, что отношение к советским военнопленным, повлекшее их гибель в

польском плену в 1919—1921 годах, не было обусловлено спецификой политического строя межвоенной Польши. С самого начала своей истории (1918 год) она не являлась подлинно демократическим государством, но не была и государством фашистским. Г. Ф. Матвеев и В. С. Матвеева вовсе не склонны приписывать польскому руководству указанного периода (включая Ю. Пилсудского) планов сознательного массового истребления советских военнопленных. Они признают тот неоспоримый факт, что становление независимой Польши происходило в условиях послевоенной разрухи (тем более что земли бывшего Царства Польского (Западного края) в 1914—1916 годах являлись территорией ожесточенных боевых действий), и ситуация эта не могла не сказаться на положении военнопленных.

Более того, в книге прямо оговаривается тот факт, что некоторые польские должностные лица (как персонально, так и в качестве официальных представителей) предпринимали (а скорее — пытались предпринять) определенные шаги в интересах плененных красноармейцев: «Озабоченность судьбой плененных демонстрировали прежде всего сотрудники учреждений для плененных министерства военных дел, а также медико-санитарных служб различного подчинения. При этом они руководствовались различными соображениями: политическими (в том числе заботой об имидже Польши на международной арене), гуманитарными, санитарными (опасениями, что инфекционные заболевания распространяться за пределы заведений для плененных и вызовут эпидемии в армии и среди местного населения), заинтересованностью в плененных как в дешевой рабочей силе, способной хотя бы частично заменить мобилизованных в армию рабочих и крестьян. Наконец, живые пленные красноармейцы и интернированные нужны были полякам как залог возвращения своих плененных из России после окончания военных действий» (С. 108).

Однако (и авторы настаивают на этом особо!), вне зависимости от субъективных устремлений некоторых польских должностных лиц, их действия либо вообще не влияли на положение военнопленных, либо меняли *status quo* в минимальной степени. Ни в коей мере не ставя

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130

⁴ См. «Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет». Издание Верховного Совета СССР 1939 г. С. 7.

перед собой осознанной задачи уничтожения пленных красноармейцев, польское руководство, вместе с тем, сплошь и рядом проявляло как минимум преступную халатность. Как максимум же — оно в целом ряде случаев предпринимало вполне сознательные действия по ухудшению положения военнопленных по сравнению с теми нормами, которые предусматривались соответствующим разделом международного права по положению на 1919—1921 годы.

Прийти к такому выводу авторам исследования позволяет анализ данных широкого круга источников — как введенных в научный оборот польскими и российскими историками в 1990—2000-е годы, так и ранее не использовавшихся (или, по меньшей мере, недооцененных исследователями). Следует пояснить, что особую сложность решению проблемы придает необходимость обращения к косвенным данным, поскольку документы Центрального бюро регистрации военных и интернированных польского Министерства военных дел не сохранились. По всей видимости, они разделили судьбу той части польских архивных фондов, которые погибли либо при бомбардировках Варшавы немцами в сентябре 1939 года, либо при перемещениях в Германию или СССР, которые в военное время в своих интересах осуществляли соответствующие немецкие и советские учреждения.

Новые, доселе не известные или недооцененные сведения Г. Ф. Матвееву и В. С. Матвеевой удалось получить благодаря более активному, чем ранее, использованию документов III (Оперативного) отдела Верховного командования Войска Польского (см. С. 26 и далее), архива Международного общества Красного Креста (Женева), ряда фондов Российского государственного военного архива, а также Архива внешней политики РФ. На фоне этих данных по-новому в ряде случаев воспринимается и информация, известная ранее, в частности — содержащаяся в дневниках и воспоминаниях участников войны (см. С. 14—29).

Анализ полученных, таким образом, сведений показывает, что помимо объективных сложностей, связанных с недостатком продовольствия, медикаментов и топлива, а также ветхостью помещений,

выделенных для размещения пленных в созданных еще немцами лагерях в Стшалково, Вадовице, Ланьцут, Пкулице, Щиперно и др., в целом ряде случаев уполномоченные *польские должностные лица предпринимали осознанные действия для ухудшения положения красноармейцев, попавших в польский плен*. В частности, широко распространенной практикой являлись расстрелы бойцов Красной армии непосредственно после пленения; при этом наибольшую ненависть солдаты и офицеры Войска Польского проявляли по отношению к членам большевистской партии и евреям. Кроме того, повседневым явлением был грабеж пленных, в результате которого они лишались сколь-нибудь нормальной одежды и обуви, что в холодное время года составляло прямую угрозу для жизни людей. Тем не менее командование лишь в редких случаях стремилось предотвратить обирание военнопленных (см. С. 50—57).

Следующим испытанием (если, конечно, красноармейцам удавалось пережить тяжелейшие условия прифронтовых лагерей, где, как правило, не предусматривались меры по удовлетворению даже элементарных бытовых потребностей пленных — см. С. 58—70) оказывалась транспортировка в нетопленых, непригодных для перевозки людей вагонах, а то и просто пешком, причем в процессе перевозки пленных часто не только не обеспечивали горячей пищей, но и не кормили вообще (см. С. 71—76).

Главный круг ада, однако, наступал непосредственно в стационарном лагере. Изначальная тяжесть бытовых условий содержания усугублялась враждебным отношением к пленным со стороны польской администрации, которая сплошь и рядом не исполняла своих прямых обязанностей, установленных польскими же инструкциями. Процветало воровство продовольствия, одежды, обуви, постельных принадлежностей, медикаментов. Искусственно ужесточался режим пребывания; нормальной практикой являлись избиения пленных, изощренные издевательства над ними. Голод, холод и антисанитария порождали эпидемии, буквально косившие пленных (см. С. 77—114). При этом положение людей, взятых в рабочие команды и содержавшихся вне лаге-

ря, было немногим лучше; тем более что их уделом был тяжелый физический труд в условиях острого недостатка одежды, обуви и пищи (см. С. 115—121).

С учетом сказанного не вызывает удивления тот факт, что из не менее чем 157 тысяч красноармейцев, попавших в польский плен (см. С. 43, 157), лишь половина (несколько более 75 тысяч) вернулась домой (см. С. 155), причем значительная часть вернувшихся в период пребывания в плену серьезно подорвала здоровье (см. С. 157). Разница между двумя цифрами объясняется не только объективными причинами (сознательный отказ от возвращения в Советскую Россию, вступление в антисоветские вооруженные формирования на польской территории и т. п.), но и высоким уровнем смертности (прежде всего от голода и эпидемий). По

данным авторов, в период пребывания в плену умерло 25—28 тысяч пленных красноармейцев (см. С. 159).

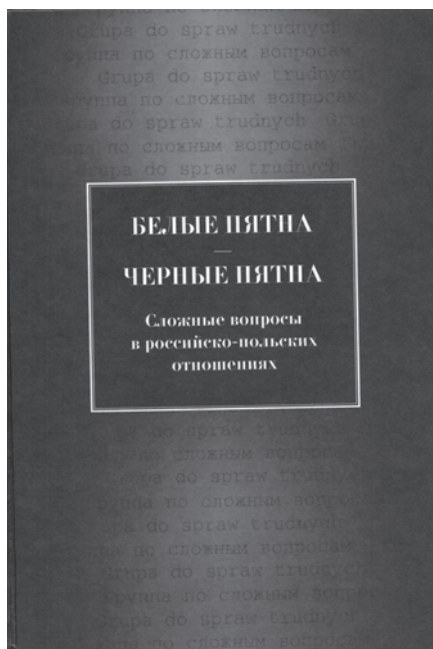
Авторы не анализируют мотивы подобного обращения с советскими военнопленными. Однако перечень основных из них прямо следует из авторского текста: агрессивный национализм (который вполне можно было бы назвать великопольским шовинизмом), примитивная русофобия, антисемитизм, и лишь в последнюю очередь — собственно антибольшевизм, неприятие коммунистической идеологии. К сожалению, немалая часть этого прискорбного багажа до сих пор отягощает российско-польские отношения. Сделать его достоянием прошлого — общая задача польского и российского народов. А для этого, как нам кажется, необходим паритет в признании случившегося.

Вторая книга, о которой пойдет речь, совершенно иная уже потому, что излагает как российскую, так и польскую точку зрения на наиболее болезненные вопросы нашей общей истории. Книга вышла два года назад, но в должной мере была замечена и оценена лишь специалистами⁵, что представляется явно недостаточным. Теперь, когда уже поздно рассуждать, что было тому виной, надо торопиться хотя бы отчасти восполнить упущенное.

Объемистый том подготовлен совместными усилиями Группы по сложным вопросам, включающей историков двух стран.

«Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях».

Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М., «Аспект Пресс», 2010. 823 с.



Решение о необходимости такого формата было принято давно — в 2002 году. Первый состав группы собрался в почти столь же далеком 2005-м, но лишь в декабре 2007-го, после ставшей необходимой тотальной смены формата, с обеих сторон ее составили настоящие профессионалы. С этого времени возглавившие группу с российской и польской сторон, соответственно, академик Анатолий Васильевич Торкунов и профессор Адам Даниэль Ротфельд смогли начать поступательное движение вперед в своих научных контактах, встретившись в Брюсселе в феврале 2008 года. Первое собрание группы в полном со-

ставе состоялось в июне того же года в Варшаве; затем последовала октябрьская встреча в Москве. В 2009-м появился первый зримый результат работы группы —

⁵ См.: www.mgimo.ru/news/university/document165017.html; «Балтийский регион». 2011. Вып. № 3(9). С. 145—149; М. Волос. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. — «История и современность». 2011. № 1. С. 210—222 и др.

написанная историками двух стран книга о наиболее остром и спорном периоде нашего общего прошлого⁶. В том же 2009-м научные контакты продолжились: стороны встретились в Кракове (май) и Москве (ноябрь). Одним из важнейших результатов московской встречи стало решение о создании центров по изучению совместной истории и о подготовке мероприятий, посвященных печальному юбилею события, которое в Польше именуется «катынским преступлением», — 70-летию массового расстрела военнопленных польских офицеров (увы, эта задача не решена до сих пор). Кроме того, в 2010 году должен был последовать еще один печальный юбилей — 90-летие окончания советско-польской войны 1919—1920 годов.

Очевидно, что именно к этим событиям был приурочен выход в свет монументального тома, который и является объектом настоящей рецензии. Однако 10 апреля последовала авиакатастрофа под Смоленском, в результате которой погибли президент Л. Качиньский, его супруга, а также ряд высших должностных лиц Польши. Российская сторона оперативно отреагировала на это событие, сделав все от нее зависевшее как в том, что касалось похорон, так и организации следствия. В этой обстановке стороны стремились максимально дистанцироваться от того широкого круга вопросов, которые разделяли наши страны.

Однако эти вопросы никуда не делись, и теперь, воздав должное погибшим весной 2010-го, мы все равно возвращаемся к «черным пятнам» нашего общего прошлого. Важнейшие из них стали предметом обсуждения группы российских и польских историков и нашли отражение в рецензируемой книге. В их числе — история восстановления независимости польского государства (1918—1919), советско-польской войны 1919—1920 годов, советско-польских отношений в межвоенный период (1921—1939), в первые годы Второй мировой войны (1939—1941) в военное (1941—1945) и послевоенное время. Кроме того, выделены сюжеты, связанные с польско-советскими отношениями в пе-

риод хрущевской «оттепели» (1956 год), ролью СССР в установлении военного положения в Польше (1981 год), а также в демонтаже коммунистического режима в 1989—1990 годах. Наконец, особое внимание уделяется проблемам соразмерности уровня экономического сотрудничества обеих стран, отношения к архивному наследию, а также новейшей историографии российско-польских отношений.

Не ставя перед собой задачу пересказа обширного текста, попытаемся порассуждать о том, что представляется главным, а именно — о месте исторической памяти в российско-польских отношениях и о перспективах двустороннего диалога на эту тему, то есть чему, собственно, и посвящена рецензируемая книга. Начнем с замечаний о самом формате совместной группы историков. Вопросы, рассматриваемые в книге (по каждому из них параллельно высказываются российский историк и его польский коллега), как известно, возникли не сегодня и едва ли будут разрешены даже завтра, а потому «буря и натиск» — плохие советчики в такого рода делах. Так что если лидеры Польши (президенты Александр Квасьневский и Лех Качиньский) и России (В. В. Путин), привлекая к работе историков, надеялись «пробить» быстрое решение проблем, накопившихся в понимании общего прошлого, то, увы, они были изначально наивны. Хотя бы потому, что в исторической науке радикальный пересмотр научных позиций возможен лишь при получении новых источников, чего в ближайшее время не предвидится. И главное: историки — не дипломаты, искать компромиссные формулировки путем переговоров не умеют и не будут.

С этой точки зрения формат совместной группы историков представляется лишненным практического смысла. Те, кого он объединил, в большинстве своем и ранее были знакомы со своими визави. Так что едва ли можно было надеяться на прорыв там, где те же самые люди, опирающиеся на тот же самый крут источников, не могли его добиться ранее. Да и необходим ли такой прорыв в принципе? Нуждаемся ли мы в единомыслии, отсутствии альтернативных оценок и концепций там, где это смерти подобно — в гуманитарных науках?

Ответы на эти вопросы были бы очевидны, если бы не одно НО — высочай-

⁶ См. «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков». Ред. М. М. Наринский, С. Дембский. М., «Аспект Пресс», 2009.

шая степень политизации национальной истории в современной Польше, значимость ее роли в массовом сознании поляков. И хотя сами по себе апелляции к прошлому в интересах настоящего — случай вовсе не беспрецедентный, тем не менее в Польше соответствующая практика отличается особой интенсивностью. В самом деле, в отличие от русских, слишком часто (пусть и не всегда) склонных лечить травмы своего прошлого анестезией забвения, поляки — не только элита, но и значительная часть «простых» людей, — ни о чем не забывают и ничего не прощают. И дело здесь, разумеется, не в каких-то особо негативных чертах польского национального характера, а в первую очередь — в структуре польского национальной идентичности, в рамках которой история приобретает особый смысл.

Для русского прошлое — это прежде всего череда побед; поражения же в нашем массовом сознании откладываются гораздо труднее. Так, например, применительно к XX веку мы помним победный 1945-й, спутник, полет Гагарина и т. п., — но практически не вспоминаем (или вспоминаем весьма отстраненно) ни поражение нашей страны в Первой мировой войне (некогда именовавшейся современниками «Великой» и «Отечественной»), ни бесславную войну финскую, ни фактический крах интервенции в Афганистане и т. п. Более того, мы умудрились без особой боли воспринять даже крах СССР — вполне доверившись официальной пропаганде, легко убедившей нас, что все произошло «мирно» и что «геополитическая катастрофа» была неизбежна. Одномоментная утрата земель, собиравшихся Москвой, а затем Петербургом начиная с XVII века, где проживало 25 миллионов русских людей, конечно, не прошла незамеченной для массового сознания, но не стала и бледной тенью той кровавой раны, каковой в исторической памяти поляков отпечаталась потеря «кресов восточных» (отошедших в 1939 году от Польши к СССР земель с преимущественно непольским (белорусским, украинским, еврейским) населением — см. С. 238 и далее).

Мы, россияне, относительно легко смирились с сотнями тысяч погибших в гражданских конфликтах на пространстве бывшего СССР — в Грузии, Таджикистане,

Молдавии, Нагорном Карабахе и др. Практически вне нашего сознания осталась и трагедия русскоязычных беженцев из «новых независимых государств» Центральной Азии в начале и середине 1990-х. Сравните это с реакцией поляков — нет, не на «катынское преступление» (оно беспрецедентно!), но на перемещение массы этнических поляков с «кресов восточных» в восточные районы СССР (см. С. 230—278 и др.).

Следует, однако, подчеркнуть, что приведенные (и еще многие *неприведенные*) примеры исторического «беспамятства» россиян сами по себе вовсе не свидетельствуют ни об их беззаботности, ни об особой душевной черствости (хотя психологический шок 1990-х и связанная с ним аномия несомненно имели место и стали изживаться лишь в последние годы). Просто мы обладаем иной структурой национальной идентичности, что объясняет, среди прочего, и особую роль государства в формировании и воспроизводстве образа нашего общего прошлого в массовом сознании. Мы помним главным образом то, в чем заинтересовано наше государство, что оно считает нужным поддерживать (а то и навязывать) посредством системы образования, СМИ, искусства и т. п.

Мы органически неспособны мыслить «вопреки», в отличие от тех же поляков, которые на протяжении десятилетий противостояли официальной пропаганде на пространстве исторической памяти (и роль костела, при всей своей значимости, вовсе не была решающей в этом процессе). Они помнили о «кресах восточных», «чуде на Висле», совершенном в августе — сентябре 1920 года армией Юзефа Пилсудского, о «катынском преступлении», об армии генерала В. Андерса, сражавшейся на стороне западных союзников, о партизанской борьбе Армии Крайовой — и о многом еще, о чем не полагалось помнить в просоветской Польской Народной Республике (ПНР) (см. С. 493—502). И когда в 1989—1991 годах Польша «выскользнула» из объятий «старшего брата», весь этот колоссальный пласт памяти не только вышел на поверхность, но стал одним из определяющих факторов польской политики.

Общество, добившееся падения коммунизма и сделавшее ранее запрещенную память официальной позицией своего государства, жаждало воздаяния. И по-

нимая это, Россия — как официальная, так и академическая, — делала серьезные шаги навстречу своему западному соседу, что отразилось и в рецензируемой книге. Именно советские историки (Н. С. Лебедева, Ю. Н. Зоря и др.) вышли сначала на отдельные документы, а затем — на целые комплексы архивных материалов, связанных с «катынским преступлением». По обнаружению в Архиве Президента РФ «особой папки» с важнейшими документами Политбюро ЦК ВКП(б) о судьбе польских военнопленных, их копии были немедленно переданы польской стороне. В начале 1990-х годов группа военных историков из Польши получила право на массовое копирование материалов о судьбах польских военнопленных (позднее они были изданы на польском языке). В 1994 году Главная военная прокуратура РФ по материалам специально заведенного уголовного дела расценила расправы над польскими военнопленными в Катыни, Медном, под Харьковом и в ряде других мест как преступление органов НКВД. Наконец, однозначную политическую оценку «катынского преступления» неоднократно давали официальные лица РФ, в том числе Б. Н. Ельцин и В. В. Путин⁷. Здесь еще остаются нерешенные вопросы; но пройденный уже путь гораздо длиннее того, который предстоит пройти.

Стремление к сближению позиций в еще большей степени отличает собственно академическую сферу. Так, основные материалы по «катынскому делу», выявленные в советских архивах, давно уже изданы и в Польше, и в России. Более того, в современной российской историографии единодушно осуждается внешняя политика сталинского СССР образца 1939 года, в том числе и в той ее части, которая касалась Польши (что, впрочем, не исключает естественного различия мнений исследователей по ряду более частных вопросов — см. С. 329—335, 714—724, 737—767 и др.). Чтобы понять, насколько современные российские историки близки к своим польским коллегам по большинству проблем общей истории, достаточно, в частности, сравнить позиции Н. Лебедевой и А. Гловацкого (С. 202—279), ее же — и А. Пшевозника

(С. 280—337), Н. И. Бухарина и А. Пачковского (С. 450—479), А. В. Шубина, А. В. Воробьева — и Е. Помяновского (С. 480—502), И. С. Яжборовской — и уже упоминавшегося А. Пачковского (С. 503—538), В. Г. Барановского, Б. А. Шмелева — и В. Марчиняка (С. 539—585), А. В. Мальгина — и К. Пелчиньской-Наленч (С. 622—670), Н. И. Бухарина — и А. Грачевского (С. 671—713) и др. При этом тексты, авторы которых не упомянуты в приведенном перечне, вовсе не отмечены антагонизмом позиций: в конце концов как уже говорилось, в гуманитарных науках идентичных позиций у полемизирующих сторон не бывает.

Тем не менее очевидно, что польскому обществу все эти изменения кажутся явно недостаточными. Причем это происходит тем больше, чем больше простые поляки знакомятся с оборотной стороной волеизъявления «возвращения в западную цивилизацию», ради которого они некогда боролись и с собственными коммунистическими властями, и с их советскими покровителями. Интеграция в западный мир принесла с собой не только новые возможности, но и новые проблемы; и в этих условиях апелляция к фантомной боли прошлого, к негативному образу восточного соседа (с которым, кстати, новая Польша даже не имеет общей границы) остается (и еще долго будет оставаться) испытанным средством консолидации польской нации.

Материалы, вошедшие в рецензируемую книгу, наглядно показывают, что именно с этой особенностью польского сознания русским приходится иметь дело сейчас и придется иметь дело в будущем. Со своей стороны нам необходимо в полной мере осознать значимость диалога и полностью отказаться от замалчивания сложных и болезненных тем. Во-первых, потому, что это бесперспективно: прошлое всегда оставляет следы, и тот, кто пытается игнорировать очевидное, всегда окажется виноватым, вне зависимости от характера своей изначальной мотивации. Во-вторых, потому, что это просто не нужно: *российской стороне всегда есть что сказать своим польским визави.*

Показательным примером на этот счет служит, например, сопоставление содержания материалов Л. Б. Вардомского (Россия) и Я. Калиньского (Польша), сни-

⁷ См., например: **О. Шкуренко.** Как признавали Катынь. — «Коммерсантъ Власть». 19.04.2010. № 15(869).

мающее проблему эксплуатации экономики ПНР советской «метрополией» (см. С. 586—621). Вот как звучат главные выводы сторон: «...СССР не мог себе позволить эксплуатировать Польшу и другие страны Восточной Европы в форме получения от торговли с ними неких дополнительных доходов. Этого не могло быть по причине как важности внутриполитической стабильности Польши для СССР в ходе холодной войны, так и большей приверженности СССР идеологическим догмам и “пролетарскому интернационализму” (Л. Б. Вандомский. С. 599) — «Предпринятый в данной работе анализ не дает однозначного ответа на вопрос, поставленный в ее начале: чем были советско-польские отношения послевоенного периода с советской стороны — помощью или получением выгоды» (Л. Калинский. С. 619). Здесь же, правда, польский исследователь оговаривается, что «искаженные экономические связи стали производной всей совокупности послевоенных польско-советских взаимоотношений, в которых решающую роль играли имперские интересы восточной державы»; однако это добавление воспринимается как исключительно эмоциональное, лишённое опоры в виде фактов).

Ведение диалога кажется тем более важным, что отказ от поверхностных и глубоко идеологизированных представлений, господствовавших в советской историографии, ни в коей мере не равнозначен принятию не менее (пусть и в ином, противоположном, духе) идеологизированных постулатов, выдвигаемых польской стороной. Эта закономерность особенно явно прослеживается применительно к наиболее драматичным сюжетам нашей общей истории, относящимся к 1920—1940-м годам. Следует хорошо понимать, что внутри- и внешнеполитическая ситуация в тот период — как в Польше, так и в СССР, — отличалась крайней сложностью и неоднозначностью, выступала как слагаемое широчайшего спектра разнородных и разнонаправленных факторов. И как раз именно в силу этой своей сложности события и процессы означенного периода ни в коей мере не укладываются ни в какие идеологические клише.

В конечном итоге ни сталинское руководство, ни режим «второй Речи Посполи-

той» не являлись ни исчадием ада, ни рыцарями без страха и упрека. Их действия в равной мере (пусть и не в равной степени) определялись как прагматическими и идеологическими соображениями, так и сигналами «снизу», со стороны, соответственно, советского и польского обществ, каждое из которых переживало стадию болезненной трансформации. В этих условиях политические лидеры обеих стран делали весьма противоречивые шаги как в своей внешней, так и во внутренней политике. А потому, чем больше фактического материала оказывается в распоряжении историков, тем более противоречивой оказывается общая картина, все менее укладывающаяся в колено априорных идеологических представлений.

Для того чтобы понять это, достаточно сопоставить, например, статьи Н. С. Лебедевой (Россия) и А. Гловацкого (Польша), посвященные одному из наиболее драматичных периодов в польской истории — времени 1939—1941 годов. После трагического сентября 1939-го западная и центральная часть «второй Речи Посполитой» превратились в гитлеровское «генерал-губернаторство», а восточная (те самые «кресы восточные», около 40 процентов территории довоенной Польши) вошли в состав СССР. Статья Н. С. Лебедевой — маститого историка, которой принадлежит заслуга первооткрывательницы документальных свидетельств «катынского преступления», относительно ограничена по объему (см. С. 202—230) и однородна по содержанию: автор концентрируется почти исключительно на известных аспектах сталинской внешней политики образца 1939—1940 годов («Раздел Речи Посполитой в результате совместных агрессивных действий Германии и СССР...» — см. С. 227).

В то же время ее польский коллега Анджей Гловацкий, профессор Института истории Философского факультета Университета города Лодзи, изначально ставил перед собой гораздо более широкие задачи. События сентябрьской кампании 1939 года стали лишь частью представленной им панорамы, основное же внимание уделяется проблемам интеграции «кресов восточных» в состав СССР и советизации этого региона в 1939—1941 годах. Использование широкого круга как опубли-

ликованных, так и архивных источников позволило представить этот болезненный процесс во всей его сложности и тем самым если и не устранить, то значительно смягчить априорные идеологические оценки.

Трагедия польского населения Западной Украины, Западной Белоруссии и отошедшего к Литве Виленского края, привыкшего чувствовать себя хозяином положения, но в одночасье низведенного до положения национального меньшинства, агония польской городской культуры там, где она утвердилась столетиями ранее (особенно — во Львове), рассказ о репрессивной политике советских властей и массовых депортациях переплетаются в авторском повествовании с явлениями совершенно иного рода. Мы видим, какую значительную поддержку советский режим получил в массах украинского, белорусского, еврейского населения, какой колоссальный стимул к своему развитию получили украинская и белорусская культуры, ранее пребывавшие в этих местах в маргинальном положении (показательно, например, что в польской части Белоруссии к 1939 году не было ни одной (!) белорусской школы), какие широкие жизненные возможности приобрели простые люди, не имевшие никаких перспектив во «второй Речи Посполитой», и т. п. И еще А. Гловацкий находит в себе силы увидеть различие между советским режимом и простыми советскими людьми, в том числе и одетыми в военную форму, часто действовавшими по зову сердца и без всяких приказов (а порой — и в противовес им) — в частности при защите польских беженцев от посягательств на их жизнь и имущество со стороны украинских и белорусских мародеров — см. С. 230—279).

Спокойный академический тон, последовательная опора на документы — вот тот путь, который может привести к окончательному примирению русских и поляков, освободив их от фантомных болей прошлого. Знакомство с материалами сборника показывает, какую долгую часть этого пути еще предстоит пройти народам обеих стран. Думается, однако, что у российской стороны есть как минимум одно важное преимущество: тот факт, что прошлое в нашем сознании гораздо чаще остается в прошлом, чем давит на насто-

ящее, оставляет россиянам гораздо большую свободу маневра. Именно поэтому позиция большинства российских историков характеризуется той необходимой степенью отстраненности от событий, которая требуется для поиска спокойных, продуманных решений.

Дело в том, что, в отличие от своих польских коллег, российские исследователи могут позволить себе критику не только отдельных мер советского руководства разных периодов, но и целых направлений внешне- и внутривосточного курса своей страны. Возможность самокритики, самоиронии — это великая роскошь, доступная только великим нациям. И пока Россия еще остается в их числе, с нее многое спросится — но и многое ей дастся.

Однако главное — даже не это: много важнее, что, при всей колоссальности взаимной неприязни, русских и поляков в то же самое время парадоксально тянет друг к другу. Отмечая этот неоспоримый факт, российские исследователи А. В. Воробьев и А. В. Шубин отмечают: «Конечно, цивилизационные различия между нами всегда были не только существенны, но и разнонаправлены. Тем не менее именно на пограничье различных этносов нередко возникали и возникают особо уникальные культурные явления и процессы» (С. 480). А польский ученый Е. Помяновский находит не менее точную фразу для отражения той же тенденции: «Пастернак, Окуджава, Высоцкий, Галич, Максимов, Сахаров, Солженицын не позволили гражданам ПНР пренебрегать Россией» (С. 501).

Здесь вместо логически полагающегося многоточия мы предпочитаем поставить слова одного из тех, о ком так емко сказал польский исследователь: «...я давно очарован Польшей. Почему так случилось — не знаю. Черты национального характера, история и великая польская культура мне близки. Хорошо знаю ее историю — прекрасную, трагичную и героическую. Близки мне поляки — мудрые, остроумные, тонкие, музыкальные...»⁸ (Б. Окуджава). Может быть, именно в таком восприятии и содержится ключ к выходу из тупиков нашей общей истории? ◆

¹ См. <http://geo.web.ru/bards/Okoudjava/part162.htm>

ГРИГОРИЙ ГРИНБАУМ

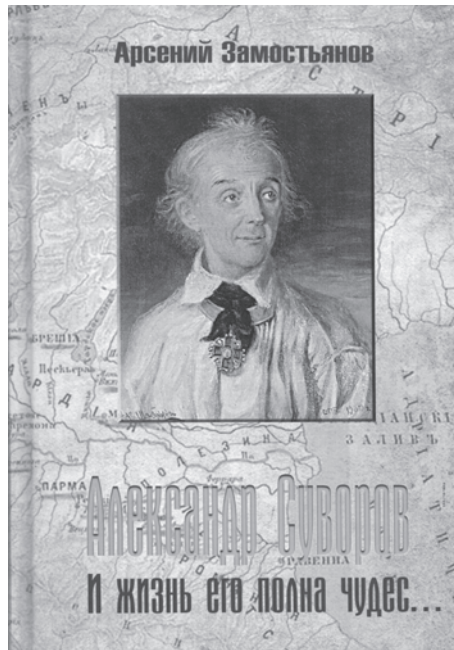
Три измерения России

В обзоре новых книг к этому номеру три совершенно разных текста. Тем не менее невозможно не заметить и того, что их объединяет: во-первых, все три книги — о России, во-вторых, их содержание задает как бы три ее измерения — Россия прошлого, Россия настоящего и, конечно, Россия будущего — такой, какой ее хотят видеть те, кто в ней родился, связал с ней свою жизнь и судьбу. Об этом и поговорим.

Первая из трех книг посвящена одной из вершин истории России прошлого — ее драматичному, но и блестящему XVIII веку, временам Александра Васильевича Суворова (1729—1800), о котором Дж. Г. Байрон (отнюдь не благоволивший к русскому полководцу) возвышенно писал в своем «Дон Жуане»: «Признаться вам — Суворова я сам / Без колебаний чудом называю». Автор книги — Арсений Александрович Замостьянов, историк литературы, страстный почитатель суворовского гения, создатель целой серии книг о великом генералиссимусе — таких, например, как «Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре» (2000), «Суворов был необъяснимым чудом» (2006), «Бог войны Александр Суворов» (2008).

Лейтмотив содержания книги Замостьянова в полной мере выражается

А. А. Замостьянов. Александр Суворов. И жизнь его полна чудес...
М., ИД «Дмитрий и Евдокия»,
2012. 192 с.: илл.



России», «молитвенный генерал» (см. С. 38, 60) называет его автор и приводит в своей книге факты, заставляющие

словами из подзабытого ныне стихотворения А. С. Пушкина «Дедушка Суворов»: «Чудотворец воевода / Не рассчитывал похода, — / Брал победу в небесах. / Правды муж творил без шуму, / В Богу думал крепку думу — / И прославлен в чудесах». Замечу, что последняя строчка — очевидный парафраз державинских слов «и жизнь его полна чудес»¹, ставших частью заглавия рецензируемой книги.

В центре внимания А. А. Замостьянова — Суворов-христианин, Суворов-молитвенник. «Солдат и богомолец», «герой православной

¹ Ср.: «Всегда непобедим остался, / и жизнь его полна чудес» (см. Г. Р. Державин. «Суворову-Рымникскому в Роченсальм из Царского Села»).

взглянуть на образ великого полководца с новой, довольно неожиданной для большинства современных читателей точки зрения. И это при том, что Суворов явно не обойден вниманием ни дореволюционной (до 1917 года), ни советской, ни постсоветской литературы — как научной, так и популярной. Традиция восприятия суворовского образа в русской культуре чрезвычайно многогранна. Чтобы понять это, достаточно обратиться хотя бы к некоторым из многих трудов, посвященных генералиссимусу. Показательно, что наиболее значимые из них, как правило, выходили в рубежные для русской истории моменты. Так, накануне войны 1812 года, когда в строю оставалось еще немало суворовских богатырей, помнивших Итальянский и Швейцарский походы, а кое-кто — и русско-турецкие войны Екатерины II, в Москве была издана книга, написанная суворовским адъютантом периода Итальянского и Швейцарского походов, а впоследствии — видным военным историком Егором Борисовичем Фуксом (1762—1829)².

В 1835-м, вскоре после польского бунта 1830—1831 годов, появилась брошюра участника событий, впоследствии — видного историка Павла Александровича Муханова, посвященная истории взятия этого варшавского предместья суворовской армией в 1794 году³.

XIX век — время продолжения жестокого противостояния Российской и Османской империй — был ознаменован тремя русско-турецкими войнами: 1828—1829 годов, Крымской (1853—1856) и наконец 1877—1878 годов. В Европе же основным противником на протяжении почти всего позапрошлого столетия неизменно оставалась Франция, с которой после войны 1812 года и Заграничных походов (1813—1814) Россия воевала еще и в Крымскую войну. Основные события всех перечисленных войн проходили на тех же театрах военных действий, где некогда успешно действовал «дедушка Суворов». Отсюда также в немалой степени проистекал интерес как к опыту военных

кампаний великого полководца, так и к его выдающейся личности.

В тот период с работами о Суворове выступили писатель, историк и публицист Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), видный военный историк, в будущем — генерал-лейтенант Модест Иванович Богданович, полковник генштаба Петр Матвеевич Сакович (1819—1861), идеолог военной реформы 1860—1870-х годов Дмитрий Алексеевич Милютин, полковник генштаба А. Н. Петров и др.⁴

Особо следует выделить, пожалуй, наиболее фундаментальное исследование истории Суворова, осуществленное видным русским военным историком, генерал-лейтенантом Александром Фомичом Петрушевским (1826—1904)⁵. Предисловие ко второму изданию этой книги, вышедшему в 1900 году, написал герой Русско-турецкой войны 1877—1878 годов генерал М. И. Драгомиров. Не случайно о нем как об одном из своих важнейших источников неоднократно упоминает и А. А. Замостьянов.

Разумеется, последний знаком со всеми перечисленными работами (или по меньшей мере — с большинством из них). Однако его собственная книга предлагает иной взгляд на личность предводителя «чудо-богатырей»: ведь, по справедливому авторскому замечанию, «о Суворове можно рассказывать по-разному» (С. 7). Впрочем, это не означает, что за ракурсом, предлагаемым Замостьяновым, не стоит никакой традиции. Просто традиция эта иная: в ее рамках предшественниками Замостьянова являются скорее А. И. Красницкий, П. Усов⁶ и другие дореволюцион-

² См. **Е. Б. Фукс**. История генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. М., 1811.

³ См. **П. А. Муханов**. Штурм Праги. СПб., 1835.

⁴ См.: **Н. А. Полевой**. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843; **М. И. Богданович**. Походы Суворова в Италию и Швейцарию. СПб., 1846; **П. М. Сакович**. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб., 1853; **Д. А. Милютин**. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857; **А. Н. Петров**. Вторая русско-турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791 г. СПб., 1880.

⁵ См. **А. Ф. Петрушевский**. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884.

⁶ См., например: **А. И. Красницкий**. Русский чудо-вождь: граф Суворов-Рымникский, князь Итальянский, его жизнь и подвиги. СПб., 1900; **П. Усов**. История Суворова. СПб., 1900.

ные авторы, которые, как и А. А. Замостьянов, видят в Суворове не просто *Воина* с большой буквы, но *Православного* воина.

Впрочем, и в современном сувороведении «православный» взгляд на личность и дела генералиссимуса представлен достаточно широко. Более того, в 2005 году Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет начал даже сбор материалов для канонизации полководца⁷.

Вне зависимости от того, чем завершится кампания по канонизации полководца, следует признать, что для подобной постановки вопроса существуют определенные основания. На них и обращает внимание А. А. Замостьянов. По его мнению, несмотря на обилие литературы, подлинный Суворов все еще остается до конца не понятым. Восполнить эту лакуну автор стремится, среди прочего, и в своей новой книге, написанной скорее в жанре эссе, чем собственно истории. Это не столько история Суворова, сколько размышления о великом полководце, его месте в русской истории, особенностях его личности, о полководческом почерке, литературном и военно-теоретическом наследии.

Особое внимание следует обратить на широко представленную в книге суворовскую иконографию. По всей видимости, хорошо знакомый с фундаментальной работой А. В. Помарнацкого⁸, Замостьянов сумел подобрать достаточно репрезентативный круг изображений генералиссимуса — от прижизненных рисунков и портретов (включая карикатуры) до картин художников XIX—XX веков и даже кадров из советского художественного кинофильма «Суворов», снятого режиссером В. И. Пудовкиным накануне Великой Отечественной войны (1940) (премьера

состоялась 23 января 1941 года). Представленные в книге репродукции не только выполняют иллюстративную функцию, но и являются значимым историческим источником, данные которого порой оказывается не менее значимыми, чем содержание авторского текста.

«Русский Марс, русский Архистратиг Михаил» предстает в книге как прямой ученик Петра Великого и продолжатель его дела (см. С. 26—37). При этом автор книги выступает решительно против взгляда на великого императора как «гонителя православия, чуть ли не антихриста» (С. 29). Он ссылается на мнение замечательного православного писателя Е. Н. Погожина (Е. Поселянина), писавшего, что хотя в царе-реформаторе «не было духа древнего великорусского благочестия», но «человек он был глубоко верующий»: «служение России, ежедневный настойчивый труд для нее представлялись Петру высокой религиозной обязанностью» (С. 29—30). Подчеркивается, что с петровских времен «армия становилась едва ли не самой набожной частью общества... Для многих рекрутов именно петровская армия становилась местом серьезного воцерковления» (С. 33—34). Неслучайно «до последних дней Суворов почитал Петра Великого как отца Отечества» (С. 37).

Одна из основных задач А. А. Замостьянова как сувороведа — дать решительный отпор тем, кто стремится очернить образ великого полководца, представить его лишь палачом пугачевского восстания или польского мятежа 1794 года. Вот лишь один из многих примеров, приводимых в книге. В период пребывания армии Суворова в Варшаве к ногам полководца бросилась польская девушка, которую обрек на насильственное сожительство некий казачий офицер: «Старый Суворов поднял ее, выслушав рассказ о позорном поступке, пришел в сильный гнев и сам заплакал». Тут же полководец позвал военного губернатора Варшавы генерала Буксгевдена («управлением которого жители Варшавы не очень были довольны») и «пригрозил ему, что если случится по вине его хотя малейший беспорядок, то он отправит его в Петербург и доложит государыне» (С. 147). О дальнейшей судьбе несчастной девушки, казачьего офице-

⁷ См., например: **Свящ. А. Гумеров**. Можно ли говорить о святости А. Суворова за его военные победы, и возможна ли его канонизация? [2005 год]. — www.pravoslavie.ru/sm/6579.htm; «Участники конференции выступили за канонизацию А. В. Суворова». — «Вестник военного и морского духовенства. Интернет-журнал». 30.11.2010 (www.kapellan.ru/uchastniki-konferencii-vystupili-za-kanonizaciju-a-v-suvorova.html); «Протоиерей Дмитрий Смирнов: “Я восхищаюсь Суворовым”». — «Победа.RU» (www.pobeda.ru/content/view/10681/314/) и др.

⁸ См. **А. В. Помарнацкий**. Портреты А. В. Суворова. Л., 1963.

ра и Буксгевдена не сообщается, но и без того ясно, сколь справедливое наказание ожидало виновных.

Достается даже великому Дж. Байрону, который вывел Суворова в своей поэме «Дон Жуан» (см. С. 150—154). Но причем здесь русский полководец? Очень даже причем: чтобы понять это, достаточно хотя бы в самом общем виде вспомнить фабулу знаменитого романа в стихах (что позволяет лучше разобраться в сути аргументов Замостьянова). Итак, будучи уроженцем Испании, главный герой (и современник автора), дон Жуан, вынужден покинуть родную Севилью и отправиться в путешествие. По пути в Италию в результате кораблекрушения он оказывается в Греции, затем — в Турции, прямо в султанском дворце. Однако переменчивая фортуна снова заставляет героя бежать. Так он оказывается у крепости Измаил, который штурмует русская армия, и становится не только свидетелем событий. Он сражается на стороне русских, получает орден за проявленную отвагу, спасает из рук озверевших казаков пятилетнюю турецкую девочку, а в дальнейшем — даже отправляется в Петербург с депешей о взятии крепости⁹.

В описании битвы на Дунае в полной мере проявляется антивоенный настрой великого поэта, бывшего страстным противником войн, затеянных, по его мнению, исключительно ради эфемерной славы, в результате чего в жерло чудовищной бойни оказываются брошены тысячи человеческих жизней: «О, кровь и гром! О, раны, гул и вой! / О, злая брань! О, раны, кровь и стоны! / Все эти звуки оскорбляют твой / Тончайший слух, читатель благосклонный; / Пойми изнанку славы боевой — / Хоть украшают именем Беллоны / И Марса эту бойню, но цена / И суть ее во все века одна»¹⁰.

Тем не менее в своем заочном споре с Байроном Замостьянов неумолим: «“мясником” Байрон окрестил Суворова, поддавшись журнальной конъюнктуре “клеветников России”... Каждый русский человек, знакомый с документальным

наследием Суворова, может возразить Байрону...» (С. 153—154). И сам автор в полной мере пользуется такой возможностью, ссылаясь на известного специалиста-сувороведа В. С. Лопатина¹¹ и на иные данные. В частности, показательна приводимая на странице 146 английская карикатура, отражающая стереотип, которому поддался и великий английский поэт. Кажется, художник должен был испытывать очевидную симпатию к русскому военачальнику страны—союзницы Англии генералу «Swarrow», который изображен ведущим в плен всю французскую Директорию. Однако держащий конец веревки, связывающей директоров, косолапый мужик в цилиндре, на котором изображены череп и кости, с огромной саблей, на португее которой мы видим орнамент, в котором чередуются те же черепа с перекрещенными костями, едва ли был способен вызывать у зрителя хоть каплю сочувствия. Очевидно, что таким образом мог выглядеть лишь потенциальный враг, оказавшийся союзником только по случайному совпадению. Во всяком случае, иного прочтения здесь, кажется, быть не может.

Впрочем, чего еще следует ожидать от русофобов — и не только английских? «Личность Александра Васильевича Суворова всегда пребывала в центре борьбы идеологий — борьбы беспощадной, жестокой», — подчеркивает А. А. Замостьянов (С. 155) и решительно включается в эту борьбу, с поистине суворовской решительностью атакуя своих идеологических противников. В результате еще больше, чем Байрону, достается некоему неназванному поэту, стихи которого были опубликованы в «Независимой газете». Этот остающийся неизвестным (в силу присущей А. А. Замостьянову деликатности) рифмоплет посмел уподобить полководца... Нестору Махно: «Резал в Турции, вешал в Польше, / Пугачева на казнь повез», а его армию представить как жадный, голодный сброд: «Войско грабило, что татары, / Хоть порядок был — барабан, / Сзади — рать, впереди — штандарты / И фельдмаршалов шарабан» (С. 156). И уж, конечно, досталось от неназванного гения и «им-

⁹ См. Дж. Г. Байрон. Дон Жуан. VII 9 — VIII. 141. — Он же. Собрание сочинений. В 4 т. Пер. Т. Г. Гнедич. Т. 1. М., 1981.

¹⁰ Там же. VIII. 1.

¹¹ См. В. С. Лопатин. Потемкин и Суворов. М., 1992.

перским амбициям» России: «И не ведали непоседы / На швейцарском ветру-снегу, / Что придется за тем победы / Отдавать и сжигать Москву» (С. 157).

В ответ на это А. А. Замостьянов не только указывает на противоречия подобных оценок данным самого разного происхождения, но и весомо подытоживает: «Суворовские традиции в Отечественной войне 1812 года и кампаниях 1813—1814 гг. проявились в уничтожении Великой Армии,

освобождении России и Европы. Месяцы отступления и трагедию Москвы можно объяснить чем угодно, но только не влиянием Суворова — этого князя побед, солдатского любимца, первой шпаги Российской империи» (Там же).

В год 200-летнего юбилея первой Отечественной войны, с которым вполне органично совпало время выхода книги А. А. Замостьянова, пожалуй, лучше и не скажешь.

От грома победных фанфар прошлого обратимся к нашему непростому сегодня — к русскому переводу новой книги Александра Рара. Имя этого видного немецкого политолога, члена Германского Совета по внешней политике (DGAP) не нуждается в представлении российскому читателю. Потомок белоэмигрантов (из-за чего редактор книги фамильярно называет его в аннотации «Александром Глебовичем»), г-н Рар хорошо знает русский язык и культуру и немало проработал в России. Впрочем, даже это — не повод для панибратства, ибо при ближайшем рассмотрении никаким

«Александром Глебовичем» в тексте (подчеркну: именно в тексте; лично с А. Раром я не знаком) и не пахнет. Перед нами жесткий и трезвый подход человека, хорошо знающего, но не особенно любящего нашу страну. И уж точно не ощущающего себя русским по происхождению, что — конечно не диагноз (ведь кто и когда сказал, что русским быть непременно хорошо?), но все же значимый факт, отмахнуться от которого невозможно.

«Учить Россию демократии — безнадежная затея. Эта страна слишком горда, чтобы сидеть за партией», — значит уже

А. Рар. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М., «Олма медиа групп», 2012. 352 с.



в самом начале книги (С. 3). И чем дальше ты продвигаешься по раровскому тексту, тем больше понимаешь, что упомянутая в начале книги «гордость» нашей страны в устах г-на Рара звучит, как в эпитет, в лучшем случае подразумевающий библейскую «гордыню», а в худшем — тупое ослиное упорство, свойство национального характера, делающее Россию невосприимчивой к позитивным импульсам, исходящим от Запада: «благоволящие России немцы хотели бы обучить русских тому же виду демократии, который им привили союзники после 1945 года. Но возникла проблема: гордые русские не принимают нравочений» (С. 63).

Для того чтобы поставить точки над *i*, позволю себе пространную цитату: «После тяжелых 90-х в массовом сознании снова возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что, кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос, Россия вряд ли может записать в актив достижений страны в XX столетии что-либо еще. Почему Россия не просит прощения за

45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в холодной войне точно так же, как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требование компенсации и, в конце концов, привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умаляет значение победы России во Второй мировой войне. Между тем, Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества. С другой стороны — и это не может не беспокоить — Россия не покончила со сталинизмом» (С. 51) и т. п.

Итак, от «Александра Глебовича» окончательно не осталось камня на камне, а вместо него возник именно тот, кто есть на самом деле — Herr Alexander Rahr, среднестатистический немец со всеми его немецкими комплексами. Ему, представителю страны, «подарившей» миру в XX веке две мировые войны, национал-социализм и Холокост, а также еще не получившее собственного наименования массовое истребление не-евреев (цыган, славян, советских военнопленных и прочих унтерменшей), конечно, крайне обидно за то, что его родную цивилизованную Германию так «нагнули» ее нынешние союзники, тогда как «потерпевшая поражение в холодной войне» Россия дерзко сохраняет «жестоковость».

В ответ на эти слова так и тянет сказать много «ласкового»; но решение этой задачи выходит явно за пределы формата небольшой рецензии, а потому коснусь лишь главного — самой постановки вопроса, принадлежащей отнюдь не г-ну Рару. Следует оговорить раз и навсегда: для утверждения о поражении России в «холодной войне» нет никаких оснований — ни юридических, ни фактических. Ибо невозможно доказать прямую связь между политикой Запада, проводившейся в ходе этой «войны», с одной стороны, и ее геополитическим результатом, то есть распадом ОВД и СССР, с другой. Торжество НАТО и союзников было обеспечено

не столько правильностью ее курса (и уж тем более не жертвами, принесенными на несуществующий «алтарь победы»), сколько трагическими ошибками самого руководства СССР во главе с Горбачевым, которые в массе своей вовсе не были мотивированы извне.

Геополитический успех свалился в руки Запада буквально с неба: в противном случае он добился бы гораздо большего как в юридическом, так и в фактическом плане. А именно: продиктовал бы «побежденному» условия точно так же, как это было сделано в отношении Германии и ее союзников сначала в 1918, а затем в 1945 годах. Более того, торжествующий Запад не только не оккупировал (полностью или частично) территорию «побежденной» страны — как это было сделано применительно к той же Германии и в 1918-м, и в 1945-м, — но и не проявлял готовности сделать это в 1991-м, ибо даже тогда сильно ослабленный и дезорганизованный Советский Союз был все еще способен нанести невосполнимый урон недавнему противнику. Сегодня мы хорошо понимаем, что СССР и его союзники, в совокупности производившие чуть более десятой части мирового ВВП, настолько долго и упорно сопротивлялись своему западному визави, что, когда для этого представилась возможность, тот счел за лучшее довольствоваться тем, что само упало ему в руки, и, не искушая переменчивую судьбу, заявить об окончании конфликта.

«Новая Россия», самый большой осколок ушедшего в прошлое СССР, сохранила не только ракетно-ядерную мощь сверхдержавы и значительную территорию, но и контроль над колоссальными природными ресурсами, имеющими глобальное, общемировое значение. Если бы Запад действительно победил в «холодной войне», то не оставил бы ей ни первого, ни второго, ни третьего — поскольку лишь при выполнении всех трех условий его победа была бы действительно гарантирована. Очевидно, однако, что на принятие таких условий никогда не пошло бы ни горбачевское, ни ельцинское, ни какое иное — пусть даже самое прозападное — российское руководство; а о том, чтобы добиться этого силой, речи не было вообще. Потому все претензии г-на Рара (а

также его многочисленных единомышленников), пытающегося рассуждать о постсоветской России как о некоем аналоге побежденной гитлеровской Германии, выглядят просто смехотворно.

Однако, когда немецкий политолог переходит от общих рассуждений к конкретике, от его морализаторства не остается и следа. Россия с ее неисчерпаемыми ресурсами оказывается совсем не такой ужасной, как это может показаться по прочтении первых страниц книги: «В бедной сырьем Германии осознают значение России как сырьевого гиганта. В принципе, в будущем Германия может удержать свое индустриальное положение только путем стратегического партнерства с такими поставщиками сырья, как Россия» (С. 199). В общем, что и требовалось доказать: от возжеленных европейских внешнеполитических «ценностей» не остается и следа. Более того, г-н Рар идет даже дальше: он готов признать что и Запад не без греха, что и там имеет место политика «двойных стандартов» (см. С. 48–49). Увлечшись рассуждениями в духе им же изначально порицаемой *Realpolitik* («желание Запада принудить таких экспортеров сырья, как Россия, к “хорошему государственному управлению” и “экологической добыче сырья” понятно, но едва ли реализуемо» — С. 123), автор чем дальше, тем больше находит привлекательные черты в облике России.

Сначала он показывает, что, с учетом европейских (в особенности — немецких) проблем с источниками сырья, впечатляющие перспективы открываются в развитии торговых связей с Россией и Казахстаном, которые ни в коем случае не должны быть отданы на откуп агрессивному Китаю, который (кстати, и без того обладающий третью запасов редкоземельных металлов) спит и видит как прибрать к рукам колоссальные ресурсы обеих стран (см. С. 108–189). Затем Рар переходит к характеристике экономической политики России, и тут оказывается, что «Россия лучше, чем ее репутация», что «Россия способна на большее», а коррупция и прочие российские «прелести» — еще не повод для того, чтобы отказываться от перспективного российского рынка (см. С. 189–215). Наконец, при ближайшем рассмотрении совсем неплохой ока-

зывается и внутривнутриполитическая ситуация (см. С. 82–107, 216–242 и др.). В конце концов спектр мнений по поводу будущего страны в самой России столь велик, что опасаться торжества твердолобых националистов не стоит: они — лишь малая часть этого спектра (см. С. 243–268). В общем, сочувствия «прогрессивного Запада» российской оппозиции ждать не следует: «основанная на ценностях» внешняя политика Евросоюза буксует именно там, где начинаются проблемы европейской экономики (см. С. 121 и далее).

Таким образом, если российский читатель осилит первую сотню страниц и продерется через откровенную русофобию, дальше читать будет довольно интересно. Там, где можно оперировать цифрами, немецкий политолог рассуждает не только красноречиво, но и доказательно. В частности, это касается возможных сценариев политики России на постсоветском пространстве, каковых г-н Рар насчитывает пять. Первый (с вероятностью 35 процентов) — все останется как есть, и влияние нашей страны постепенно ослабевает; второй (вероятность — 25 процентов) — Россия активно вытесняется из своей бывшей сферы влияния — Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия и Азербайджан попадают под влияние Запада, а Средняя Азия частично оказывается в сфере доминирования Китая, а частично — исламских государств Среднего Востока. Третий вариант (вероятность — 25 процентов) предполагает возможность частичной реинтеграции постсоветского пространства, в результате которой в рамках «славянского» или «евразийского» союзов Россия воссоединится с Украиной и Белоруссией или же с Казахстаном. Четвертый сценарий (на сегодняшний день — весьма мало реальный, 10 процентов) предполагает присоединение России вместе с западными республиками бывшего СССР к НАТО и Евросоюзу. Наконец пятый, экстремальный, сценарий предполагает развал страны на 20 мини-государств (вероятность — 5 процентов), однако этот вариант кажется Рару наименее правдоподобным (см. С. 269–271).

Позволю себе опустить детали и не пересказывать выводы автора. В данном случае для меня интереснее сама тональность

рассуждений г-на Рара: показательно, с какой искренней серьезностью информированный западный политолог рассматривает возможность того, чего боится как страшного сна — возрождения единой государственности на постсоветском пространстве или на значительной его части. Тем с большим облегчением в конце своего рассуждения он констатирует: «больше не империя» (см. С. 271 и далее). И в этом вздохе ощущается такая немецкая по происхождению зависть к стране, все еще грезящей о государственном величии.

То же самое чувство ощущается и в оценках перспектив миграционной политики. «Российское общество все еще закрыто, менталитет людей до сих пор пропитан не переработанным окончательным советским прошлым. Русские требуют для себя *сильного национального государства* (курсив мой. — П. И.), не замечая, что собственное население катастрофически сокращается», в частности пишет Рар (С. 317) и призывает к «контролируемой миграции китайцев, корейцев и рабочих из мусульманских стран. Они в любом случае будут искать возможности попасть в Россию. Потепление климата на Земле превратит экваториальную зону в необитаемую, демографы ожидают массовой миграции африканцев и азиатов на север» (С. 318) и т. п.

Наконец, все та же немецкая зависть ощущается в последней части книги, посвященной перспективам России, где автор скрывается от обязывающих выводов за рамками жанра антиутопии и рассуждает о возможных сценариях будущего страны «в контексте последующих, в высшей степени преувеличенных событий» (С. 320). Вот как, например, представляются г-н Рару выдержки из «Апрельских тезисов», отражающих принципы будто бы выдвинутой в 2017 году политической программы наиболее радикально настроенного из демократических кандидатов на высшую власть в стране: «Социализм, державший страну почти 75 лет в рабстве, должен быть так же запрещен, как и немецкий национал-социализм после окончания Второй мировой войны. До сих пор живущие среди нас убийцы и палачи сталинского режима должны быть выявлены и преданы суду. Служба госбезопасности, организация—преемница печально известного КГБ, должна быть распущена...

Россия должна возместить ущерб всем жертвам сталинских репрессий в своей стране и за рубежом. Только тогда совесть России будет чиста. Она должна интегрироваться в будущую Европу по примеру послевоенной Германии... Россия должна дать положительный пример полного разоружения. Место России — в НАТО и ЕС, но она должна заслужить вступление в эти организации. В территориальных вопросах России надлежит проявить великодушные, только тогда она может ожидать снисхождения от своих партнеров. Надо вернуть Курильские острова Японии. Российскую часть Северного полюса можно спокойно продать США, как когда-то Аляску, по соответствующей цене. Порт Владивостока — отдать в аренду Китаю. Россия должна покончить со своими имперскими амбициями на постсоветском пространстве...» (С. 325—326) и т. п.

Из дальнейшего повествования явствует, что вскоре водоворот событий смел «известного олигарха из сибирского исправительно-трудового лагеря», и его программе не суждено было сбыться. Все содержание рецензируемой книги, однако, оставляет ощущение, что именно в уста означенного персонажа и вложен тот сценарий, который видится наиболее благоприятным для Запада вообще и Германии, как его неотъемлемой составляющей, в частности. Во всяком случае, именно так кажется г-ну Рару. И это — пожалуй, главное, что можно вычитать из его новой книги.

В заключение разговора о книге известного политолога позволю себе добавить еще каплю немецкой ностальгии. Вот как, по мнению г-на Рара, должна закончиться «Октябрьская революция 2017 года», буде она случится. У московского Белого дома вновь, как и в 1991-м, соберутся толпы людей и остановят националистов и реваншистов. И вот в решающий момент перед Домом правительства остановится черный лимузин, из которого выйдет старый человек. Далее: «Внезапно сотни тысяч людей начинают кричать: “Гор-ба-чев!” Герою российской демократии, годами презираемому на собственной родине, здесь и не нужно ничего говорить. Люди и так понимают, почему он к ним пришел» (С. 344).

Боже мой, неужто я поторопился, оценив «Глебовича» как высокого профессионала?

Но уныние — один из самых тяжких грехов. А потому, сколь бы безрадостным ни было наше настоящее, оно не освобождает нас от поисков лучшего будущего — если не для нас, то хотя бы для наших детей и внуков. Обратимся к третьей из рассматриваемых в этом обзоре книг, содержание которой обращено в завтрашний день. Эта книга — вовсе не история советской/российской космонавтики и еще менее история космической «гонки» между СССР и США в период «холодной войны», хотя исторический материал привлекается авторами довольно часто и активно. Вместе с тем

это и не политико-футурологическое исследование в чистом виде. Видный российский экономист Михаил Геннадьевич Делягин и топ-менеджер космической отрасли Вячеслав Владимирович Шеянов написали книгу, для жанровой характеристики которой более всего подходит определение «эссе». Читателю предлагается свободное размышление, в котором анализ прошлого выступает как средство понимания настоящего, а последнее в свою очередь используется как инструмент для создания образа оптимального будущего.

Однако — все по порядку. Уже на уровне вводного раздела («Глобальный выбор человечества между прогрессом и варварством» — см. С. 10—34) авторы справедливо указывают, что с распадом СССР и окончанием «холодной войны» исчез важнейший стимул для развития технического прогресса. Причем проблема состоит не только в резком ослаблении темпов развития как фундаментальных, так и действительно масштабных прикладных исследований, но и в общей архаизации социальной и культурной жизни.

М. Г. Делягин, В. В. Шеянов.
Русский космос: победы
и поражения.
М., «Эксмо», 2011. 272 с.
(Люди в космосе).



На первый план всюду выступает идея извлечения сиюминутной коммерческой выгоды; отсюда — участвовавшие крупномасштабные техногенные катастрофы, в числе которых — относительно недавние аварии на буровой платформе BP «Deepwater Horizon» в Мексиканском заливе и на Саяно-Шушенской ГЭС, а также катастрофические последствия наводнения в Новом Орлеане.

Еще более опасным, однако, авторам представляется тот факт, что в эпоху замедления технического прогресса корпоративное управление слишком часто попадает в руки людей некомпетент-

ных, которые оказываются сплошь и рядом неспособными предвидеть опасные последствия собственных решений. Причем эта опасная тенденция носит глобальный характер и наблюдается едва ли не везде — от Америки до России. «Разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов не только для развития, но и просто для поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде» (С. 25).

С этим замечанием М. Г. Делягина и В. В. Шеянова сложно не согласиться. Один из примеров, подтверждающих справедливость их слов, — ситуация в российском, а шире — европейском, образовании и в первую очередь — высшем. Как в «дикий» России, так и в «цивилизованном» Евросоюзе, оно всерьез рассматривается как ресурс, на котором можно сэкономить. Об этом говорит вся история так называемого болонского процесса, грубо и жестоко, вопреки массовым протестам как студентов, так и профессорско-преподавательского состава, внедренного в систему высшего образования

сначала ЕС, а затем и РФ. О том, какие специалисты займут лидирующие позиции в европейской и российской экономике через 10—20 лет (в том числе в областях, чреватых техногенными катастрофами), остается только догадываться.

Позволю себе, однако, заметить, что Россия в этом контексте все же занимает особое место. В условиях глобального разделения труда наша страна, для которой уготована роль «всемирной кочегарки», априори не имеет шансов на мировом «рынке образовательных услуг»: роль «мирового университета» заранее зарезервирована за другими странами. И боюсь, что если все пойдет так, как идет, то даже странам Старой Европы достанутся лишь крошки с барского стола. Что же касается остатков советской системы образования, чудом выживших в России образца «лихих девяностых», то в начале XXI века они в первую очередь идут под нож «экономической целесообразности». Во всяком случае, иным образом объяснить деятельность отраслевых министерств в последние полтора десятилетия невозможно.

Оборотная сторона сокращения спроса на профессионалов (и в этом следует вновь согласиться с авторами книги) — снижение потребности в среднем классе, которому уготована роль жертвы на алтаре процветания глобального капитализма (см. С. 22 и далее). Тем не менее победа последнего неизбежно окажется пирровой, ибо «с точки зрения экономики, а не политики, средний класс, пусть даже мало- или вовсе непроизводительный, генерирует ключевую часть спроса развитых обществ, необходимую для нормального развития их экономик. Его обеднение резко сократит спрос развитых стран и, соответственно, сделает ненужными многие производства, столкнув не только развитые страны, но и весь мир в депрессионный штопор наподобие случившегося на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века» (С. 23).

Эти и другие наблюдения авторов в конечном итоге подтверждают известную тенденцию: глобальный капитализм, порученный самому себе, неизбежно уничтожит как самого себя, так и весь мир, который в эпоху глобализации превратился в заложника алчности «нового

управляющего класса» (так называемых новых кочевников). Именно поэтому общества должны найти в себе силы и поставить глобальное развитие в приемлемые рамки. Переломить тенденции мирового развития будет крайне сложно — позволю себе предположить, что даже более сложно, чем это видится М. Г. Делягину и В. В. Шеянову, приводящим примеры уже сегодня принимаемых «стратегических решений», представляющихся им «антирыночными» (см. С. 31—32). В любом случае очевидно: единого и универсального ответа на поставленный вопрос не существует. Для каждого региона, для каждой сферы жизни человечества следует искать свои собственные решения.

Что касается России, ответ на вызов времени видится авторам в возрождении и дальнейшем развитии космической отрасли. И прежде всего потому, что все основные победы СССР в космосе были достигнуты вопреки примитивно понимаемой «экономической целесообразности»: «...наш путь в космос начинался поразительно наивно и даже трогательно в своей наивности» (С. 34). И действительно, становление ракетно-космической отрасли в России/СССР было изначально возможно лишь в рамках антирыночной парадигмы; причем чистая романтика сыграла не меньшую роль, чем трезвый государственный расчет. Утверждая это, авторы едва ли не первыми выстраивают прямую связь между «русским космизмом» Н. Ф. Федорова и его последователей — с одной стороны, и постановкой задачи освоения космического пространства — с другой. Между тем именно идея Н. Ф. Федорова о неизбежности выхода человека в космос стала отправной точкой для развития идей К. Э. Циолковского (см. С. 44).

Последнего авторы именуют «чистейшим материалистом» и прагматиком. Возможно, на то существуют определенные основания. И все же позволю себе заметить, что для боровских и калужских обывателей 1910—1920-х годов их сосед — увлеченный космосом скромный учитель гимназии, обремененный многодетной семьей и существовавший едва ли не впроголодь (именно таким запомнила его моя бабушка, учившаяся во Второй калужской женской гимназии, где он пре-

подавал), меньше всего был человеком прагматических устремлений. Четко уверенный в том, что «даром только птички поют», этот провинциальный обыватель, строго говоря, и олицетворял ту самую коммерческую парадигму, отрицанием которой являлся весь образ жизни выдающегося ученого, чье величие было признано только Советской властью, да и то лишь в самые последние годы его жизни.

Не буду пересказывать дальнейшей истории развития космонавтики — авторы делают это блестяще (см. С. 44 и далее). Позволю себе обратить внимание лишь на одно наблюдение М. Г. Делягина и В. В. Шеянова. Оказывается, что в 1910—1920-х годах опыты по развитию ракетной техники осуществлялись отнюдь не только в России. Начиная с 1903 года в том же направлении работали, в частности, американский изобретатель Р. Годдард и достиг весьма ощутимых успехов (см. С. 50—51). Однако в подлинно прагматичной Америке его идеи, не сулившие непосредственной коммерческой выгоды, в свое время не получили развития, и становление космической отрасли в США пришлось уже на послевоенный период и было связано с деятельностью В. фон Брауна и его команды. Но дело, перспективы которого просмотрели прагматичные американцы, сделали смыслом своей жизни русские мечтатели — Ф. А. Цандер, С. П. Королев, В. П. Глушко и др. Их ГИРД (группа исследования реактивного движения) — краткое название которого они сами иронично расшифровывали как «группа инженеров, работающих даром», — заложила основы развития ракетной техники в СССР.

Сегодня нередко приходится слышать, что «новой России» не по плечу нести бремя расходов, связанных с одновременным развитием научных исследований по всем направлениям, что следует сконцентрировать силы и ресурсы на отдельных, «наиболее перспективных» проектах; за ситуацией же в остальных сегментах научного знания целесообразно лишь наблюдать — и не более. Подобный ход мыслей понятен, но обоснованным он кажется лишь сугубо внешне: нельзя забывать о том, что наука едина и изучать одно, не разбираясь в другом, в ней получается лишь до определенного предела. Более

того, развивать самостоятельные исследования следует уже для того, чтобы понять идеи зарубежных коллег, идущих впереди. Не будь в СССР скромной ГИРД и созданного на ее основе РНИИ, кто бы тогда разобрался с ограниченным кругом данных по проектам В. фон Брауна? Тем более что все сливки проекта «Фау» — от полного комплекта чертежей до основных исполнителей — достались американцам (см. С. 63—70 и далее).

При всех проблемах и поражениях, история русского космоса — это история русского гения. *Ipso facto* она опровергает обывательские представления как о «русской лени», так и о русской же «неспособности к инновациям». Оказывается, все относительно: и «лень», и «неспособность», и победы, и поражения. Авторы в полной мере воздают должное славному прошлому отечественной космонавтики (см. С. 70—140 и др.); однако почить на лаврах — не их задача. Как не их задача — проливать слезы над той катастрофой, которую отрасль пережила в 1990-е годы, сколь бы ужасными ни были ее последствия (см. С. 141—188). Разговор и о победах, и о поражениях оказывается для М. Г. Делягина и В. В. Шеянова не более, чем отправным пунктом для построения оптимальной модели будущего, учитывающей опыт как триумфов, так и провалов.

Поэтому и я позволю себе в завершающей части рецензии обратиться именно к этому кругу вопросов: ведь в конечном итоге все сказанное в книге обретает смысл именно в контексте разговора о будущем. И здесь я должен твердо высказаться в поддержку одного из важнейших тезисов авторов рецензируемой книги, утверждающих, что страна не имеет перспектив в амплуа «энергетической сверхдержавы» — сколь бы красивые выражения ни подыскивались для обозначения статуса сырьевого придатка не только развитых, но уже и развивающихся стран. Они объясняют это предельно просто, выдвигая ряд вытекающих друг из друга положений.

Во-первых, сырьевые отрасли менее чутки к техническому прогрессу: «главное в космической отрасли — ее высокотехнологичность. Одна и та же сумма денег, заработанная относительно простой

в техническом отношении (например, сырьевой) и высокотехнологичной отрасли, оказывает на экономику принципиально различное воздействие» (С. 213).

Во-вторых, сырьевые отрасли дают много менее выраженный мультипликационный эффект, да еще и способствуют развитию коррупции: «высокотехнологичная отрасль просто в силу своей природы обладает существенно большим количеством смежников; соответственно, заработанные ею деньги значительно менее концентрированы и не только расходятся по гораздо большему числу субъектов экономики, но и в силу этого в большей степени остаются в ней и не выводятся за ее пределы. Сырьевая же отрасль, оплачивая работу сравнительно небольшого количества смежников, концентрирует значительные финансовые потоки, что создает предпосылки для консолидированного вывода их из страны» (Там же).

В-третьих, «сам факт количественно меньшего количества и (что не менее важно) разнообразия участников хозяйственной деятельности создает в сырьевой отрасли объективные предпосылки для разного рода сговоров — от монополистических до коррупционных. В высокотехнологичных же отраслях такие сговоры затруднены объективно, просто в силу качественно большей диверсификации хозяйственной деятельности» (Там же).

И наконец в-четвертых, — что называется, «последнее, но не последнее по значению»: «существенным фактором, различающим две группы отраслей, является и тип культуры, генерируемый ими и неминуемо транслируемый на все общество» (Там же).

Прошу прощения за обширность цитаты, но, кажется, более точно, чем авторы, сказать попросту невозможно. Добавить к сказанному можно немного — пожалуй, лишь то, что «энергетическая сверхдержава» (или как ее там) обречена на утрату технологических преимуществ и в производстве оружия и военной техники;

следовательно, рано или поздно ее ВПК устареет и возрастает зависимость от закупок оружия за рубежом. А там уже недалеко и до постановки «международным сообществом» вопроса о необходимости преодоления «национального эгоизма», «интернационализации» доступа к источникам сырья и т. п. Боюсь, что Россия уже вплотную подошла к этому рубежу.

Ясно, однако, что российская элита упорно предпочитает журавля в небе энергетической синице в руках. Она не желает рисковать своим обеспеченным настоящим ради весьма призрачного высокотехнологического будущего. Тем более что доходов от экспорта углеводородов все еще вполне достаточно, чтобы гасить социальное недовольство, а «после нас — хоть потоп». Это отлично понимают и авторы рецензируемой книги. Поэтому они идут существенно дальше планов одной лишь реабилитации космической отрасли в России, ставя проблему глубокой экономической и даже политической интеграции на постсоветском пространстве.

Очертания нового Союза намечены весьма бегло: авторы осторожно говорят о новой «Киевской Руси» (см. С. 226 и далее), истоки которой они видят в возрождении интеграционных связей, способных воссоединить некогда единый ракетно-космический комплекс СССР, а вслед затем — и стать стимулом для начала новой, на этот раз — политической, интеграции. Насколько можно понять, членами такого интеграционного образования могли бы стать Россия, Украина и Белоруссия, а также (учитывая его роль в космической отрасли) Казахстан.

Осознавая колоссальность препятствий, которые неизбежно возникнут на пути новых интеграционных процессов, хочется, тем не менее, разделить уверенность авторов в том, что политическая воля и исторический оптимизм — сила колоссальных масштабов. «Хватит быть побежденными!» — энергично восклицают авторы. Что ж, а может быть, и действительно — хватит?! ◆

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2012 году

STATUS RERUM ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Всепроникающая клиентела. <i>О некоторых особенностях региональных политических режимов в современной России.</i> Бирюков С. 7/8	30
«Где чего в приходе и расходе...» <i>Российская система государственного финансового контроля на путях становления и развития.</i> Мисанова И. 7/8	42
Глобальный управляющий класс. <i>Новая мировая элита на авансцене истории.</i> Делягин М. 1/2	74
Год русской государственности. <i>От Рюрика до современных президентов и далее.</i> Смирнов М. 1/2	99
Есть ли будущее у евро? Кондратов Д. 11/12	75
Консерватизм и современность. Ремизов М. 9/10	65
Консерватизм и экономическая политика. <i>Политико-экономические вопросы теории консервативной модернизации.</i> Кротов М. 9/10	51
Новый мировой класс — вызов для человечества. Якунин В. 5/6	26
Размышления о консерватизме. Репников А. 11/12	103
Секреты «цветных революций». <i>Современные технологии смены политических режимов.</i> Пономарева Е. 1/2	87
	3/4 43
	5/6 38
Эволюционные модели государства постмодерна. Харин А. 11/12	91

RES PUBLICA ОБЩЕЕ ДЕЛО, ГОСУДАРСТВО, РЕСПУБЛИКА

Где проспект Ивана Калиты? Поляков Ю. 7/8	19
Инновации в условиях архаизации. <i>Местное самоуправление в сельской местности в Южном федеральном округе.</i> Котеленко Д. 5/6	49
Модель общественного развития для России. Дашичев В. 5/6	57
Начало истории. <i>Возможен ли прогресс без социальных революций?</i> Лоскутов В. 1/2	57
О направлениях инновационного развития электроэнергетики России. Ковалев Г. 3/4	74
О Сколково и не только о нем. Водопьянова Е. 3/4	60
Религиозное просвещение? Смолин О. 11/12	7
Смена ментальности. <i>Модернизация России, инновации, образование и наука.</i> Ракитов А. 1/2	40
Факторы пространственного развития юга России. <i>Транспортная инфраструктура, численность населения и административно-территориальные статусы (на примере Ростовской и Волгоградской областей).</i> Котеленко Д., Патракеева О. 9/10	77

VARIA

Формирование российской нации. <i>Об одном неосуществленном проекте.</i> Гранин Ю. 7/8	5
Четвертая демографическая катастрофа. Максудов С. 1/2	24

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Аргентина: зигзаги политического развития. Дабагян Э. 11/12	37
Бразилия в формате БРИКС. Мартынов Б. 11/12	19
Военная стратегия в международных отношениях. Младенович М. 3/4	5
Вторжение США в Ирак. <i>Принятие решения и непредвиденные последствия.</i> Самуйлов С. 3/4	26
Иран и экономический кризис. <i>Социально-экономическая ситуация.</i> Мамедова Н. 9/10	14
К Югу от Сахары. <i>Страны АЮС в меняющемся мире.</i> Лебедева Э. 7/8	68
Камо грядеши, Украина? <i>Курс на построение этнократического, моноязычного государства.</i> Фомин А. 5/6	71
Корсиканский сепаратизм. <i>Национал-регионализм против «государственной унификации».</i> Пузырев К. 1/2	115
Коста-Рика: история политического процесса. Дабагян Э. 3/4	15
Межэлитный конфликт в Иране (1989—2010 годы). Филин Н. 9/10	5
Саудовская Аравия и «арабская весна». <i>Внутренняя ситуация и региональная политика.</i> Косач Г. 5/6	91
Словакия в условиях глобальных потрясений. Копытина М. 9/10	37
СНГ и современная политика Китая. Ван Шуцунь, Вань Чунсун 5/6	80
США: балансирование на грани чрезвычайного положения. Роговский Е., Васильев В. 7/8	81
	9/10 25
Стратегия информационного давления на Иран. Карбасова О. 11/12	29
Стратегия экономического развития Хорватии в 2008—2012 годах. Милованов В. 7/8	55
Эволюционное моделирование геополитической обстановки. Карякин В. 5/6	102

TERRA INCOGNITA

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Северная Русь. К 1150-летию российской государственности. Молчанов А., Морозов Г. 11/12	51
--	----

PERSONA GRATA

ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Образование — фундамент культуры. Смолин О. 1/2	7
--	---

DICTUM ET FACTUM

СЛОВО И ДЕЛО

Модернизация в социологическом дискурсе Н. Г. Чернышевского. Никифоров Я. 11/12	117
Опасный прецедент. <i>О роли адвокатов в исходе одного историко-архивного дела.</i> Рамазашвили Г. 3/4	81
Россия перед инновационным вызовом. Вебер А. 5/6	12
«Управляемый хаос». Социальные технологии в массовых беспорядках. Сундиев И. 7/8	93
Частная инициатива и аэрокосмическая промышленность. <i>Проблемы развития флагамена российского машиностроения глазами экономиста.</i> Шеянов В. 5/6	5

**QUO VADIS?
КАМО ГРЯДЕШИ?**

Власть в исламской традиции. Кожокин Е.	3/4	94
Католическая глобалистика. Круглова Г.	3/4	106
Священство выше Царства? <i>О филологической стороне проблемы</i> (Россия, XX—XXI века). Бабкин М.	1/2	125

**PRO ET CONTRA
ЗА И ПРОТИВ**

В окрестностях нового Константинополя. <i>Восточнохристианская цивилизация</i> <i>перед лицом новейшего мирового хаосопорядка.</i> Окара А.	1/2	157
Внимание! Танки! <i>Об одной реплике Резуна по поводу дискуссии на радиостанции</i> «Эхо Москвы». Левин Л.	5/6	211
Капитализм без среднего класса. Сафронов А.	3/4	113
Эксплуатация XXI века. <i>От наемного рабочего и прибавочной стоимости</i> <i>к «креативному классу» и интеллектуальной ренте?</i> Бузгалин А., Колганов А.	7/8 9/10	125 139

**MODUS VIVENDI
ОБРАЗ ЖИЗНИ**

Бухарин и Грамши: два взгляда на историю. Славин Б.	1/2	129
Мартин Лютер о свободе и рабстве воли. <i>К интеллектуальной истории Реформации.</i> Бачинин В.	3/4	130
Михаил Лифшиц и его «Разговор с чертом»	3/4	140
Разговор с чертом. Лифшиц М. К истории создания памфлета. Столочич Л. «Достоевского на вас нет!» <i>Спор Мих. Лифшица с советской интеллигенцией</i> <i>в свете митингов «За честные выборы!».</i> Арсланов В.	9/10	129
О вооруженной борьбе. Павловский Ю.	7/8	105
«Плоды злонравия». Мареева Н.	11/12	61
Разум и совесть. <i>Как бытие определяет сознание.</i> Арин О.	3/4	157
Рождественские встречи Николая Качалова. Малнач А.	5/6	111
Свобода и выбор в истории. Разумов Е.	5/6	124
Советский Спиноза: вера в поиск разума. Майданский А.	5/6	124

**PRO MEMORIA
ДЛЯ ПАМЯТИ**

Дискуссия о «красной интервенции». <i>К истории взаимоотношений Л. Д. Троцкого</i> <i>и «военных марксистов».</i> Мошкин С.	9/10	117
Закарпатье — «случайное» приобретение Сталина. Мошкин С.	1/2	145
Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и «холодная война». Галенович Ю.	11/12	129
Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации. Капица С. («Свободная мысль-XXI», 2002, № 8)	7/8	141
«Систематическое убийство людей!» <i>О причинах гибели красноармейцев</i> <i>в польском плену.</i> Назаров О.	9/10	103

**ARS LONGA
ИСКУССТВО ВЕЧНО**

Об экзистенциальном пространстве русской литературы. Бачинин В.	9/10	89
Он подарил нам слово «Родина». <i>Г. Р. Державин — поэт и администратор.</i> Замостьянов А.	11/12	125
Ф. М. Достоевский, император Александр III и русская идея. Кудрина Ю.	7/8	113

AD LITTERAM
БУКВАЛЬНО

Ab imperio? (<i>От редакции</i>)	11/12	139
Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом (13 декабря 1931 года).		
Сталин И. (<i>«Большевик»</i> , 1932. № 8)	3/4	169
В поисках рая (<i>От редакции</i>)	1/2	173
Враги культуры у нашего порога. Олдридж Дж. (<i>«Коммунист»</i> , 1982. № 3)	1/2	175
Горькие итоги (<i>От редакции</i>)	7/8	153
Задачи компартии в борьбе с социал-демократией. Кун Б. (<i>«Большевик»</i> , 1932. № 17–18)		
	9/10	161
Колыбель отечественной государственности. Рыбаков Б. (<i>«Коммунист»</i> , 1982. № 7)	5/6	178
Конец России? Мигранян А. (<i>«Свободная Мысль-XXI»</i> , 2002. № 7)	7/8	155
Очевидная неочевидность (<i>От редакции</i>)	9/10	159
Русские против империи. Соловей В. (<i>«Свободная Мысль-XXI»</i> , 2002. № 12)	11/12	141
Скромное обаяние вождя (<i>От редакции</i>)	3/4	167
Юбилей (<i>От редакции</i>)	5/6	176

MARGINALIA
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Анализ развития России. <i>Динамика демографических и технологических параметров.</i>		
Тарко А.	5/6	157
«Бабский бунт» и неприкосновенность собственности. <i>Суждение по случаю вынесения судебного приговора участницам одной печально известной панк-группы.</i> Смирнов М.		
	11/12	157
В плену у этнократии. <i>О политической ангажированности латвийской официальной историографии.</i> Дюков А., Симиндей В.		
	1/2	188
Власовцы: миф о благородных рыцарях. Левин Л.		
	3/4	195
Возвращение научного социализма? <i>Размышления в связи с выходом в свет учебника А. И. Колганова (А. И. Колганов. Что такое социализм? Марксистская версия. М., 2011).</i> Славин Б.		
	5/6	152
Заметки китаеведа. Галенович Ю.		
	7/8	193
Концептуальный смысл теории модернизации. Сулимин А.		
	11/12	179
Левый не-уклонизм. Казаков Е.		
	5/6	145
Непрошенный советник. Ханин Г.		
	9/10	178
О патриотизме в американском и российском кино. Лигостаев А.		
	11/12	161
Развивающиеся страны в меняющемся мире. <i>Этапы большого пути.</i> Мальшева Д.		
	7/8	180
Россия и Польша в начале XXI века. <i>Преодолевая наследие прошлого.</i> Бухарин Н.		
	5/6	137
Россия и Турция: противостояние идеологий. Аватков В., Иванова Н.		
	9/10	187
Советы по культуре. Смирнов М.		
	9/10	175
Социальные технологии и исторический процесс. Осипов Н.		
	3/4	179
Сфера праздничного — зона идеологического. Лаврикова И.		
	3/4	187
Транспортное кольцо России. <i>Русский Север в концепции Н. Ф. Федорова.</i>		
Задорожник И.	11/12	165
Экономический кризис и парадигма нового времени. Мясникова Л.		
	7/8	166

EX LIBRIS
ИЗ КНИГ

В битве за историю (<i>Е. А. Бондарева. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., 2012; С. М. Назария. Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012.</i>) Ауров О.		
	9/10	216

VARIA

Венесуэла: от представительной демократии к «социализму XXI века» (Э. С. Дабагян. Венесуэла: траектория политического процесса. М., 2011). Ивановский Зб.	7/8 207
Вокруг Европы... (И. Максимычев. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2011; «Европейская интеграция. Учебник». М., 2011; А. В. Шубин. Великая испанская революция. М., 2012). Ауров О.	3/4 211
Два возраста Льва Тихомирова (А. В. Ретников, О. А. Милевский. Два жизни Льва Тихомирова. М., 2011). Акульшин П.	9/10 212
Заместителю главного редактора журнала «Свободная Мысль», председателю Международного Русского исторического общества П. П. Александрову-Деркаченко	5/6 195
Иллюзии осознанного бытия (С. В. Резванов. Философия социальной культуры: Природа иллюзорного сознания. Ростов-на-Дону, 2011). Майданский А.	11/12 191
«Импрессум»: двуликий и двуужасный (О. Самородный. Двуликий «Импрессум». Анатомия маленькой информационной войны. Таллин, 2011). Александров-Деркаченко П.	3/4 207
Историческая мозаика («Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов». М., 2011; «65 лет Великой Победы». В 6 т. М., 2010; Г. А. Острогорский. История Византийского государства. М., 2011). Ауров О.	5/6 196
«Моя страна должна быть, и должна быть всегда!» («Национальная идея России: “Моя страна должна быть, и должна быть всегда!”; или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». В 6 т. М., 2012). Пономарева Е.	9/10 205
«Народное государство» Гитлера (G. Aly. Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, 2005). Мадиевский С.	7/8 213
Новые книги о Великой Отечественной войне («Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации, 1939–1941». М., 2011; В. Р. Мединский. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011; А. Р. Дюков. «Русский должен умереть!» От чего спасла нас Красная Армия. М., 2011). Ауров О.	1/2 211
Об одном неожиданном результате борьбы с фальсификациями истории («К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии». М., 2009). Александров-Деркаченко П.	1/2 205
Особенности национальной идеи (в шести сериях) («Национальная идея России: “Моя страна должна быть, и должна быть всегда!”; или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». В 6 т. М., 2012). Александров-Деркаченко П.	9/10 197
Польская боль / Русская боль (Г. Ф. Матвеев, В. С. Матвеева. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1920 годах. М., 2011; «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях». М., 2010). Александров-Деркаченко П., Ауров О.	11/12 195
С чего начинается Родина? («Расскажу вам о войне...» Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран». М., 2012). Александров-Деркаченко П.	5/6 190
Самоликвидация Европы: последнее предупреждение (Т. Сафранин. Германия. Самоликвидация. Смертельный приговор Германии уже вынесен. М., 2012). Сытин А.	7/8 203
Три измерения России (А. А. Замостьянов. Александр Суворов. И жизнь его полна чудес. М., 2012; А. Рар. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М., 2012; М. Г. Делягин, В. В. Шеянов. Русский космос: победы и поражения. М., 2011). Гринбаум Г.	11/12 205

VARIA РАЗНОЕ

К сведению подписчиков.	1/2 — 11/12 224
Обращение главного редактора. Делягин М.	11/12 5
Обращение к читателям. Делягин М.	1/2 5

Авторский указатель

Аватков В.	9/10	187	Дашичев В.	5/6	57
Акульшин П.	9/10	212	Деягин М.	1/2	5
Александров-Деркаченко П.	1/2	205			74
	3/4	207		5/6	195
	5/6	190		7/8	141
	9/10	197		11/12	5
	11/12	195	Дюков А.	1/2	188
Арин О.	11/12	61	Задорожнюк И.	11/12	165
Арсланов В.	3/4	140	Замостьянов А.	11/12	123
Ауров О.	1/2	211	Иванова Н.	9/10	187
	3/4	211	Ивановский Зб.	7/8	207
	5/6	196			
	9/10	216	Казаков Е.	5/6	145
	11/12	195	Капица С.	7/8	141
Бабкин М.	1/2	125	Карбасова О.	11/12	29
Бачинин В.	3/4	130	Карякин В.	5/6	102
	9/10	89	Ковалев Г.	3/4	74
Бирюков С.	7/8	30	Кожокин Е.	3/4	94
Бузгалин А.	7/8	125	Колганов А.	7/8	125
	9/10	139		9/10	139
Бухарин Н.	5/6	137	Кондратов Д.	11/12	75
Ван Шуцунь	5/6	80	Копытина М.	9/10	37
Вань Чинсун	5/6	80	Косач Г.	5/6	91
Васильев В.	7/8	81	Котеленко Д.	5/6	49
	9/10	25		9/10	77
Вебер А.	5/6	12	Кротов М.	9/10	51
Водопьянова Е.	3/4	60	Круглова Г.	3/4	106
Галенович Ю.	7/8	193	Кудрина Ю.	7/8	113
	11/12	129	Кун Б.	9/10	161
Гранин Ю.	7/8	5	Лаврикова И.	3/4	187
Гринбаум Г.	11/12	205	Лебедева Э.	7/8	68
Дабагян Э.	3/4	15	Левин Л.	3/4	195
	11/12	37		5/6	211
			Лигостаев А.	11/12	161

VARIA

Лифшиц М. 3/4	140	Разумов А. 5/6	111
Лоскутов В. 1/2	57	Ракитов А. 1/2	40
Людвиг Э. 3/4	169	Рамазашвили Г. 3/4	81
		Ремизов М. 9/10	65
Мадиевский С. 7/8	213	Репников А. 11/12	103
Майданский А. 5/6	124	Роговский Е. 7/8	81
	11/12	9/10	25
Максудов С. 1/2	24	Рыбаков Б. 5/6	178
Малнач А. 3/4	157		
Мальшева Д. 7/8	180	Самуйлов С. 3/4	26
Мамедова Н. 9/10	14	Сафронов А. 3/4	113
Мареева Н. 7/8	105	Симиндей В. 1/2	188
Мартынов Б. 11/12	19	Славин Б. 1/2	129
Мигранян А. 7/8	155	5/6	152
Милованов В. 7/8	55	Смирнов М. 1/2	99
Мисанова И. 7/8	42	9/10	175
Младенович М. 3/4	5	11/12	157
Молчанов А. 11/12	51	Смолин О. 1/2	7
Морозов Г. 11/12	51	11/12	7
Мошкин С. 1/2	145	Соловей В. 11/12	141
9/10	117	Сталин И. 3/4	169
Мясникова Л. 7/8	166	Столович Л. 3/4	140
		Сулимин А. 11/12	179
Назаров О. 9/10	103	Сундиев И. 7/8	93
Никифоров Я. 11/12	117	Сытин А. 7/8	203
Окара А. 1/2	157	Тарко А. 5/6	157
Олдридж Дж. 1/2	175		
Осипов Н. 3/4	179	Филин Н. 9/10	5
		Фомин А. 5/6	71
Павловский Ю. 9/10	129		
Патракеева О. 9/10	77	Ханин Г. 9/10	178
Поляков Ю. 7/8	19	Харин А. 11/12	91
Пономарева Е. 1/2	87		
	3/4	3/4	43
		5/6	38
		9/10	205
Пузырев К. 1/2	115	Шеянов В. 5/6	5
		Якунин В. 5/6	26



	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2013 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2013 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								



	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2013 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2013 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								

*Поздравляем читателей
с Новым 2013 годом!*



Подписной индекс 79255